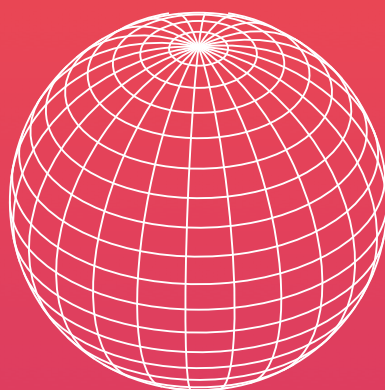

Министерство образования и науки РФ
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МАТЕРИАЛЫ

XI Межвузовской научно-практической
конференции с международным участием

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

18-19 апреля 2022 года

Санкт-Петербург
2022

Министерство образования и науки Российской Федерации
*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования*
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)

Гуманитарный Факультет

МАТЕРИАЛЫ

XI Межвузовской научно-практической
конференции с международным участием

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

18–19 апреля 2022 года

Санкт-Петербург
2022

УДК 81
ББК Ш10я43

Материалы Одиннадцатой межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 18 – 19 апреля 2022 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2022. 320 с.

ISBN 978-5-7629-3009-3

Организатор конференции

Кафедра иностранных языков
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Состав оргкомитета

Председатель оргкомитета:

Шелудько Виктор Николаевич, д-р техн. наук, доцент, ректор СПбГЭТУ «ЛЭТИ».

Заместители председателя оргкомитета:

Гигаури Нина Константиновна, канд. техн. наук, декан Гуманитарного факультета;

Шумков Андрей Арнольдович, д-р филол. наук, заведующий каф. ИНЯЗ;

Шульженко Татьяна Владимировна, доцент каф. ИНЯЗ., заместитель зав. каф. ИНЯЗ по учебной работе, руководитель направления «Лингвистика»;

Преображенская Ольга Алексеевна, канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ;

Журавлёва Ольга Михайловна, доцент каф. ИНЯЗ, заместитель зав. каф. ИНЯЗ по научной работе;

Степанова Наталия Валентиновна, канд. филол. наук, профессор каф. ИНЯЗ.

Члены оргкомитета:

Флакман Мария Алексеевна, канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ;

Тихонова Елена Сергеевна, канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ;

Ульяницкая Любовь Александровна, канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ;

Беседина Елена Ивановна, канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ;

Кузьмич Ирина Васильевна, канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ;

Рамантова Ольга Вячеславовна, канд. филол. наук, доцент каф. ИНЯЗ;

Алексеевко Евгения Сергеевна, ст. преподаватель каф. ИНЯЗ;

Кабанова Наталья Александровна, ст. преподаватель каф. ИНЯЗ;

Малышева Валерия Николаевна, ассистент каф. ИНЯЗ;

Курганская Екатерина Владимировна, ассистент каф. ИНЯЗ.

Ministry for Education and Science
Of the Russian Federation

St. Petersburg Electrotechnical University

Faculty of Humanities

Proceedings of the XI National University Conference with International Guests

Current Issues in Linguistics

April 18–19, 2022

Saint Petersburg
2022

УДК 81
ББК III10я43

Proceedings of the XI National University Conference with International Guests ‘Current Issues in Linguistics’, Saint Petersburg, April 18 –19, 2022. ETU Publishing house, Saint Petersburg, 2022. 320 p.

ISBN 978-5-7629-3009-3

Conference Organizers:

Foreign Languages Department,
Saint Petersburg Electrotechnical University

Organizing Committee

Chair of the Organizing Committee:

Victor Sheludko

Rector of St. Petersburg Electrotechnical University, Doctor of Engineering Science,
Associate Prof.

Vice-chairs of the Organizing Committee:

Nina Gigauri, PhD, Dean of the Faculty of Humanities;

Andrey Shumkov, Doctor of Linguistics, Head of Foreign Languages Department;

Tatiana Shulzhenko, Deputy Head of Foreign Languages Department;

Olga Preobrazhenskaya, PhD, Associate Professor;

Olga Zhuravleva, PhD, Deputy Head of Foreign Languages Department,

Nataliia Stepanova, PhD, Professor of Foreign Languages Department.

Members of the Organizing Committee:

Maria Flaxman, PhD, Associate Professor;

Elena Tikhonova, PhD, Associate Professor;

Lyubov Ulyanitskaya, PhD, Associate Professor;

Elena Besedina, PhD, Associate Professor;

Irina Kuzmich, PhD, Associate Professor;

Olga Ramantova, PhD, Associate Professor;

Evgeniia Alekseenko, Senior Lecturer;

Nataliia Kabanova, Senior Lecturer;

Valeria Malysheva, Teaching Assistant;

Ekaterina Kurganskaya, Teaching Assistant.

Оглавление

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА	9
С. Н. Безус Особенности употребления личных местоимений в функции подлежащего в языке староиспанских деловых писем.....	9
Ю. С. Зайцева Структурно-семантические особенности лексико-тематической группы «профессии» в английском языке	17
Н. А. Соломка Ассоциативный потенциал отсубстантивных глаголов как основа полисемии	25
Е. С. Тихонова Украшающие эпитеты как признак стиля «Старшей Ливонской рифмованной хроники» ..	31
ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА; ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА	40
Н. В. Аксенова, Н. В. Денисова, Н. О. Магнес Языковое конструирование образа советской женщины-фотографа как «другого» в англоязычном искусствоведческом дискурсе	40
Н. И. Антипина Лексические средства репрезентации фемининности в романе Джорджо Мойес «The Giver of Stars»	47
А. А. Бурчанова Лингвоперсонологический анализ публичных выступлений британских и французских политиков	54
Е. Д. Васьков Речевая агрессия в политической коммуникации: Дональд Трамп и Джозеф Байден	62
О. С. Волкова, Т. Н. Цинкерман Прагмалингвистические доминанты речевого взаимодействия родителей в ситуации конфликта с ребенком	67
Я. Ю. Демкина Модели метафорической концептуализации в жанре предвыборных дебатов кандидатов в президенты США	74
Е. В. Зарипова Лингвистические средства актуализации стратегии самопрезентации в Интернет-блогах.....	81
Е. Ю. Ильинова, Л. А. Кочетова Дискурсивная гибридность контактного разговора в англоязычной фатической лингвокультуре	90
А. В. Лисневская Когнитивный и стилистический аспекты метафоризации в англоязычном научно-популярном дискурсе	98

А. В. Львова Использование стилистических языковых средств в Интернет-коммуникации.....	106
В. Н. Матвеева, Н. В. Степанова Семантико-когнитивный анализ концепта WOMAN (на материале сериала «The Handmaid’s Tale»)	113
В. В. Фоменко Механизмы вербализации концепта ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ / COMMON SENSE в британской и русской лингвокультурах	122
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РФ	129
А. С. Антонян Специфика адаптации европейских заимствований в речи арабоязычных марокканцев.....	129
Е. В. Бакалова Переключения кодов в дискурсе глянцевого журнала: прагматический аспект.....	136
Н. В. Денисова, Е. А. Кованова Неология эпохи коронавируса: сравнительно-сопоставительное исследование русских и английских неологизмов шутливо-иронического характера.....	143
О. М. Журавлева Межкультурная коммуникация на фоне войны в американских мюзиклах: рассуждать, не осуждая	150
И. Г. Иванова, Ф. Я. Хабибуллина Фонетическая адаптация отантропонимных ойконимов с тюрко-татарским компонентом в марийском языке	158
Ю. С. Костецкая Подходы к изучению взаимодействия хинди и английского языка	168
А. Н. Мирзоева Фонетическая, лексическая и грамматическая интерференция в русской речи табасаран.....	174
О. А. Преображенская Лингвосемиотическая трактовка языковых знаков с семантическим компонентом «осознание»	179
Н. Ф. Щербак Теория знака и концепт «нечитабельности» (на примере англоязычной художественной литературы)	184
ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ.....	190
А. Д. Бубнова Сленг как объект перевода в подростковой литературе (на примере перевода романа С. Э. Хинтон «Изгой»)	190
М. В. Кругликова, О. В. Рамантова Особенности перевода докладов ООН о развитии человечества	198
А. А. Литвинова, Н. В. Степанова Сопоставительный анализ текстов перевода при локализации английской сказки (на материале “The Lion, the Witch and the Wardrobe”).....	205

А. Ю. Соколова Особенности перевода американского сленга на материале мультсериала «Симпсоны»	215
И. М. Теплыгина К вопросу о машинном переводе академической терминологии	220
К. Д. Хлопонина Особенности перевода криминальной комедии Гая Ричи «Джентльмены».....	227
T. Triberio A Corpus-Integrated Approach to Translation: the Example of the Italian Parallel Corpus within the NKRJa	234
ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	240
Н. В. Бартко Об этимологии английских звукоизобразительных RL глаголов	240
М. Г. Вершинина Экспликация музыкафоносферы в русской звуковой картине мира: семантический и психолингвистический аспекты	246
А. Н. Ливанова Замена начального /p/ на /t/ в одном норвежском слове	250
В. Н. Малышева Сема «сломанное» как центр фоносемантического поля фонестемной группы BR- английского языка	255
А. А. Пруцких, Т. А. Пруцких Фоносемантический анализ молодежного китайского сленга	261
А. С. Романько Звукообозначения городской среды в норвежском языке	269
Ю. Г. Седёлкина, В. Л. Матинова К вопросу о деиконизации: немотивированная визуальная перцепция иноязычной ономотопеи в художественном тексте	274
М. А. Флакман Деиконизация и (ре)иконизация – две стороны одной медали?	280
С. В. Чиронов Японские идеофоны, выражающие психологическое состояние: особенности семантического развития	288
ТЕРМИНОЛОГИЯ ПАНДЕМИЙНОЙ ЭПОХИ: МЕДИЦИНА, ФАРМАКОЛОГИЯ, ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО.....	297
К. А. Давыдова Лингвостилистическое исследование социальной рекламы (на материале англоязычного и русскоязычного дискурса периода пандемии)	297
В. И. Торгашов Употребление сокращенных слов в текстах о новой коронавирусной инфекции в американских печатных сми	305
А. О. Фатуллаева Французский язык эпохи пандемии COVID-19: неологизмы, новые значения и смыслы	312

Уважаемые коллеги!

В 2022 году в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина) по традиции проводится Одиннадцатая межвузовская научно-практическая конференция с международным участием «Актуальные проблемы языкознания». К участию в конференции приглашены преподаватели, студенты и аспиранты российских и зарубежных вузов, желающие представить свои научно-исследовательские работы в области лингвистики и межкультурной коммуникации.

Мы рады предоставить участникам нашей конференции возможность объявить о своих научно-исследовательских изысканиях и разработках, раскрыть свои взгляды на актуальные вопросы теоретической и прикладной лингвистики, поделиться информацией о последних достижениях научной мысли в сфере языкознания.

Мы надеемся, что проводимая нами конференция станет еще одним шагом на пути к развитию межвузовского научно-исследовательского сотрудничества, позволяющего углубить знания о языке и культуре.

Добро пожаловать в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»!

Оргкомитет XI Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, КОМПАРАТИВИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ; ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ И СТРУКТУРНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.134.2'36

С. Н. Безус

Академия социального управления

ORCID 0000-0001-7051-1533

luzazul@list.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ФУНКЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В ЯЗЫКЕ СТАРОИСПАНСКИХ ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ

В статье выявляются некоторые морфосинтаксические особенности староиспанских личных местоимений, употребляемых в функции подлежащего. Примеры, найденные в староиспанских деловых письмах кон. XII в. – XIII в., демонстрируют функционирование собственно местоименного подлежащего и местоименного подлежащего, осложненного именным приложением. Автор описывает типы именных приложений при местоименном подлежащем, особенности их положения в тексте документа, а также случаи согласования и рассогласования местоименного подлежащего и глагола-сказуемого.

Деловое письмо, староиспанский язык, личное местоимение, согласование

Личное окончание испанского глагола всегда указывает на лицо и число подлежащего, по этой причине опущение личного местоимения в функции подлежащего (*yo, Usted, nosotros* и т.п.) считается языковой нормой для современного испанского языка. В деловых письмах особенно часто регистрируется опущение местоимения 1 л. мн. ч. [Verba, 2005, с. 27]. Кроме того, отсутствие местоимения, например, 1 л. ед. ч. придает тексту торжественный тон: *Que debo declarar y declaro...* – «Что [я] должен заявить и [я] заявляю ...»; *Don Juan Carlos I, Rey de España, ... lo apruebo y ratifico ...* – «[Я] Дон Хуан Карлос I, Король Испании, ... [его] одобряю и ратифицирую ...». Тем не менее, как утверждают Г. Вэрба и Р. Гузман Тирадо [G. Verba, R. Guzmán Tirado, 2005], в некоторых обращениях граждан, адресованных администрации, местоимения 1 л. ед. ч. употребляются.

Цель настоящей статьи – на примере деловых писем, датированных концом XII в. – XIII в., выявить некоторые морфосинтаксические особенности

староиспанских личных местоимений, употребляемых в функции подлежащего. В задачи работы входит описание структуры местоименного подлежащего; классифицирование местоименного подлежащего; определение особенностей согласования подлежащего с глаголом-сказуемым.

В староиспанских деловых письмах опущение личного местоимения в функции подлежащего (S_{pr} – *pronombre* «местоимение» – местоименное подлежащее) имеет место, однако нормой скорее является его наличие (даже в королевских письмах), чем отсутствие. Как правило, единичными личными местоимениями в функции подлежащего выступают *yo* «я», *nos* «мы», *él* «он». Однако такие предложения относятся к основной части документа и никогда к его интродуктивному или заключительному блокам. Предложениям с местоименным подлежащим всегда предшествует именная форма выражения субъекта в предыдущем контексте. Так, в примерах 1 и 3, приведенных ниже, подлежащее, выраженное только местоимением *yo* «я», встречается в предложении основной части письма, но после первичного полного именованья королевской особы в протоколе; в примере 2 – после расширенного упоминания о субъекте в предшествующем предложении; пример 4 демонстрирует анафорическое употребление подлежащего *yo* в подчиненных предложениях (в 1|| и 2||; в 3|| и 4|| – местоимение опущено), которые формально являются продолжением интродуктивного блока, однако уже несут основную, значимую информацию документа. Ср.:

(1) *Ferrandus, Dei gratia rex Castelle e Toleti, omnibus hominibus regni sui hanc cartam videntibus, salutem et gratiam* [← первичное упоминание о субъекте]. *Sepades que yo (S_{pr}) fallé por pesquisa que mio avuelo mandó que nengún ganado ni otra cosa nenguna pora vender en razón de mercadura non passe Tajo en puente ni en barco, fuera por la puente de Toledo, e de Alfariella e de Zorita. E pues que esta pesquisa fallo, yo (S_{pr}) mando que ni ganado ni otra cosa nenguna que pora vender sea fuera conducho cadaúno pora sus casas e a sos ganados e non pora vender no passe Tajo fuera por estos tres logares...* [CODEA+: 0650]. – Письмо короля Кастилии Фернандо III от 11 июля 1223 г. (П. Остос Сальседо называет данное королевское письмо-приказ самым древним из почти 852 документов Фернандо III [Ostos Salcedo, 2004, p. 477].) – «Я, Фернандо, милостью Божьей, король Кастилии и Толедо, всем подданным королевства, кто это письмо увидит, желаю здоровья и благополучия. Да будет вам известно, что я нашёл распоряжение, в котором мой дед приказал, чтобы никакой скот, никакое другое имущество, которое намереваются продать с коммерческими целями, не пересекало Тахо ни по какому другому мосту, ни на лодке, кроме как по мосту Толедо, Альфариелла и Зорита. И в силу этого

документа, я приказываю, чтобы и скот, и всё что привезено для продажи, было направлено в свои дома и для своего скота, а не для продажи. И чтобы не пересекали Тахо нигде, кроме, как только в этих трех местах...».

(2) *Sabuda cosa sea a todos los que esta carta vieren e oyeren que sobre la contienda que avía el abad de Oña con Garci López de Tamayo, e con don Tello e con Lope García sobre los solares, e los exidos e las heredades de Tamayo que entravan los cavalleros e compravan las heredades de los solares del monesterio, el abad de Oña querellólo a mí, el rey don Ferrando* [← расширенное упоминание о субъекте]; *e sobr'esto yo* (S_{pr}) *mandé fazer la pesquisa a don Lop Díaz de Faro* [CODEA+: 0159]. – Письмо короля Кастилии Фернандо III 1229 г. – «Да будет известно всем, кто это письмо увидит или услышит, что по поводу спора, который возник (букв. «имел») у аббата из [монастыря] Онья с Гарсиа Лопесом Тамайо, доном Тельо и доном Лопе Гарсиа в отношении родовых имений и общинных полей и имущества (поместий?) Тамайо, куда являлись указанные сеньоры и покупали имущество родовых имений (земляных угодий?), принадлежащих монастырю, аббат из Оньи пожаловался мне, королю дону Фернандо. И по поводу этого я приказал провести расследование дону Лопу Диасу де Фаро».

(3) *Don Alffonso, por la gracia de Dios, Rey de Castilla, de Toledo, de Leon, de Gallizia, de Sevilla, de Cordova, de Murçia, de Iahen e del Algarbe ...* [← первичное упоминание о субъекте] *e que yo* (S_{pr}) *confirme en que dize que el monesterio de Onna e sus casas ...*” [Galende Díaz, 2002, p. 63]. – Письмо короля Кастилии Альфонсо X от 8 февраля 1278 г. – Дон Альфонсо, милостью Божьей, король Кастилии, Толедо, Леона ... и что я подтверждаю, что в нём говорится, что монастырь Онья и его дома...».

(4) *Sepan cuantos esta carta vieren cómo yo Cebrián Domingo, de Serranos de Avianos, otorgo e coñosco que vendo a vós Blasco Blásquez, juez del rey, una casa con su corral 1|| que yo* (S_{pr}) *hé en Serranos de Avianos, e una ferrén 2|| que yo* (S_{pr}) *hé cerca d'esta casa, e un prado con su tierra 3|| que hé en fondón de la defesa d'esta aldea dicha e una tierra 4|| que hé a Navalestellar* [CODEA+: 0050]. – Частно-деловое письмо от 14 мая 1284 г., г. Авила. – «Да будет известно всем, кто это письмо увидит, что я, Себриан Доминго де Серранов де Авианос, данным письмом удостоверяю, что продаю Вам, Бласко Бласкесу, королевскому судье, дом с загонем для скота, который я имею в Серранос де Авианос, и кузницу, которую я имею около этого дома, и луг, который [я] имею в долине этой указанной деревни, и землю, которую [я] имею в Навалестельяр».

Чаще в староиспанских деловых письмах подлежащее, ядром актуализации которого выступает личное местоимение, расширяется за счет именного приложения (см. также пример 4). В королевских письмах

предложения с подлежащим подобного типа, как правило, относятся к интродуктивной (протоколу) либо завершающей (эсхатоколу) части письма. В церковных и частно-деловых (Ч-д) письмах местоименное подлежащее, осложненное именованным приложением, может несколько раз повторяться на протяжении всего текста письма. Ср. пример церковного письма:

(5) *Manifiesta cosa sía a todos presentes e por venir cómo yo (S_{pr}) don Pero Ximéneç de Pueyo, prebost de la glesia de Montaragón [приложение], en presencia de bonos omnes de bon coraçón e de bona voluntat, dó e atorgo e de present livro a trevudo con esta present carta firme e valedera a vós don Guillem de Nabal, vicario de la glesia de Junçano, todos los frutos, las tendidas e las exidas que yo (S_{pr}) é E yo (S_{pr}), aván dito don Guillem de Nabal, vicario de Junçano, recebo de vós avant dito don Pero Ximéneç, prebost de Montaragón, todos los ditos frutos, tendidas e exidas de la dita glesia de Junçano ... [CODEA+: 0807]. – Церковное письмо от 19 июля 1279 г. – «Да будет известно всем присутствующим и тем, кто прибудет потом, что я, дон Педро Хименес де Пуэйо, пресвитер церкви Монтеарагон, в присутствии двух благородных мужей с благородным сердцем и волей, передаю настоящим письмом Вам, дону Гильему де Набаль, викарию церкви Хунсано, все фруктовые сады с входами и выходами, которые я имею ... И я, вышеуказанный дон Гильем де Набаль, викарий Хунсано, получаю от Вас, вышеуказанный дон Педро Хименес, пресвитер Монтеарагона, все указанные фруктовые сады с входами и выходами указанной церкви Хунсано...».*

При местоименном подлежащем можно различить *простое, составное* или *усложненное* приложение.

Простое приложение выражено одним семантическим компонентом: именем собственным / именной группой (с ядром – именем собственным).

Составное приложение объединяет два семантических компонента: имя собственное и имя нарицательное (должность, родственные связи, принадлежность месту и т.п.).

Усложнённое приложение, определяющее местоименное подлежащее, представляет собой многокомпонентную структуру, состоящую из всего вышеперечисленного и так называемого *теокомпонента* (термин наш).

Под *теокомпонентом* понимается выполняющая этикетно-прагматическую функцию относительно независимая лексико-семантическая структура, которая связывает субъект (или любой др. элемент предложения) с божественным началом. Устранение этого компонента из предложения не повлияет на его общую информативную структуру.

Обратимся к примерам:

а) местоимённое подлежащее с простым приложением

- приложение – имя собственное:

(6) *Connoscuda cosa sea á todos quantos esta carta uieron como yo (S_{pr}) Lop Lopez de Torres (приложение), *de mi buena uoluntad, en remission de mios peccados, do al monesterio de Onna ... una tierra...* [Muñoz y Rivero, 1889, с. 388]. – Ч-д письмо от 4 (?) апреля 1241 г. – «Да будет известно всем, кто это письмо увидел, что я Лоп Лопес де Торрес, по моей доброй воле, во искупление моих грехов, передаю монастырю Онья ... землю...».*

б) местоименное подлежащее с составным приложением

- приложение – имя собственное + имя нарицательное:

(7) *Yo* (S_{pr}) Sancho Perez escribano mayor de la Camara del Rey, tesorero de Iahen *la fiz escrevir por mandado del Rey* [Galende Díaz, 2002, с. 62]. – Письмо короля Кастилии Альфонсо X от 8 ноября 1269 г. – «Я, Санчо Перес, главный королевский нотариус, казначей Хаэна его написал по приказу короля».

(8) *E porque esto sea firme nós (S_{pr}) Sancho Díaz e Blasco Gómez, alcalles dichos, por ruego de amas las partes pusiemos en esta carta nuestros seellos pendientes en testimonio* [CODEA+: 0057]. – Ч-д письмо от 25 ноября 1284 г., Авила. – «И чтобы заверить это мы, Санчо Диас и Власко Гомес, вышеуказанные алькальды, по просьбе обеих сторон, поставили на этом письме наши подвесные печати в качестве заверения [сделки]».

в) местоименное подлежащее с усложненным приложением

В королевских письмах указанного периода группа подлежащего в предложениях, относящихся к интродуктивной части, всегда выражается приложением, которое представляет собой следующую структуру:

МЕСТОИМЁННЫЙ КОМПОНЕНТ + ИМЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

(**титул + антропоним + теокомпонент + топокомпонент**)

(*Топокомпонент* – перечень земель / территорий, находящихся под юрисдикцией королевской особы.)

Как правило, такая расширенная усложненная структура относится либо к протоколу письма (9, 10), т.е. его начальной части, либо к эсхатоколу (11) – завершающей части. Местоименный компонент королевских писем может быть выражен как личным местоимением 1 л. мн. ч. – *nos* «мы» (9), так и личным местоимением 1 л. ед. ч. – *yo* «я» (10, 11). Ср.:

(9) ...nos (S_{pr}) don (титул) ALFONSO (антропоним), por la gracia de Dios (теокомпонент) rey de Castiella, de Toledo, de León, de Gallizia, de Seuilla, de Córdoua, de Murcia, de Jahén e del Algarue (топокомпонент), damos e otorgamos a maestre Pedro, catalán, físico e especiero, dos tiendas en que él está

... [Ostos Salcedo, Sanz Fuentes, 1996, p. 252]. – Письмо короля Кастилии Альфонсо X от 15 июля 1264 г. – «... **мы, дон Альфонсо, милостью Божьей король Кастилии, Толедо, Леона** ..., отчуждаем наставнику Педро, каталонцу, врачу и аптекарю, две лавки, в которых он пребывает...».

(10) *Sepan quantos esta carta vieren como yo (S_{pr}) **don Alfonso por la gracia de Dios Rey de Castiella, de Toledo, de Leon, de Gallizia, de Sevilla, de Cordova, de Murcia, de Iahen e del Algarbe** Por fazer merced al convento de las Duennas de Sancto Domingo de Maydrit, doles que tengan cada anno de mi ocho kahizes de sal e pongogelos en las mis salinas de Atiença [Galende Díaz, 2002, с. 62]. – Письмо короля Кастилии Альфонсо X от 8 ноября 1269 г. – «Да будет известно всем, кто это письмо увидит, что **я, дон Альфонсо, милостью Божьей король Кастилии, Толедо** ..., делая милость монастырю Дуэньяс дэ Санто Доминго де Мадрид, повелеваю им, чтобы они имели каждый год 8 ... соли и помещаю их в моих соляных копиях Атиенсы».*

(10) *E yo (S_{pr}) **don Ferrando, por la gracia de Dios rey de Castiella e de Toledo**, por ruego del abad e de Garci López, e de don Tello e de Lope García, que abenidos vinieron ante mí que yo que esta abenencia otorgase e que confirmase, e yo otórgola e confirmola e con mi carta robróla e fiz la sellar con mio siello pendiente [CODEA+: 0159]. – Письмо короля Кастилии Фернандо III 1229 г. – «И я дон Фернандо, милостью Божьей король Кастилии и Толедо, по просьбе аббата [монастыря Оньи] и Гарсии Лопеса, а также дона Тельо и Лопе Гарсии, которые явились ко мне, чтобы я это соглашение вручил и чтобы заверил, и я вручаю его и подтверждаю его и моим письмом заверяю его и ставлю на нем свою подвесную печать».*

Местоимение 1 л. мн. ч. *nos*, так называемое *plural mayestático* (королевское мн. ч.) [Alarcos Llorach, 2008, p. 338.], в функции подлежащего типично для королевских писем раннего Средневековья. Основная доля предложений с *nos mayestático* указанного периода приходится на письма короля Кастилии Санчо IV. Примечательно, что в письмах Санчо как инфанта (12) используется только местоимение *yo*. В королевских эпистолиях Санчо (13) сразу вводится местоимение *nos*, что не исключает свидетельства таких личных качеств, как честолюбие, тщеславие или даже высокомерие и надменность. Ср.:

(12) *Sepan quantos esta carta vieren cómo yo infante don Sancho, fijo mayor e heredero del muy noble don Alfonso, por la gracia de Dios rey de Castiella, de Toledo, de León, de Gallizia, de Sevilla, de Córdoba, de Murcia, de Jaén e del Algarbe...* [CODEA+: 0047]. – Письмо инфанта дона Санчо от 14 мая 1282 г. – «Да будет известно всем, кто это письмо увидит, что я, принц дон Санчо, старший сын и наследник благородного дона Альфонсо, милостью Божьей короля Кастилии,

Толедо, Леона, Галисии, Севильи, Кордобы, Мурсии, Хаэна и Альгарбы...».

(13) *Sepan quantos esta carta vieren e oyeren cómo **nós don Sancho**, por la gracia de Dios **rey de Castiella**, de Toledo, de León, de Gallizia, de Sevilla, de Córdoba, de Murcia, de Jaén e del Algarbe...* [CODEA+: 1110]. – Письмо короля Санчо IV от 17 декабря 1284 г. – «Да будет известно всем, кто это письмо увидит и услышит, что мы, дон Санчо, милостью Божьей король Кастилии».

Употребление *nos mayestático* в гражданских письмах (14) можно считать эпизодическим. Ср.:

(14) *Sepan todos aquellos que verán e odrán esta carta que **nós don Joán Garceiç d’Oriç**, por la gracia de Dios abat de Montaragón, con voluntad e otorgamiento de todos los racioneros de la iglesia de Funes, feximos tal composición e tal ordenación entre nós e ellos ...* [CODEA: 0974]. – «Да будет известно всем, кто увидит это письмо или услышит о нем, что мы, дон Хоан Гарсейс д’Орик, милостью Божьей аббат Монтарагона, по велению и с разрешения всех духовных лиц церкви Фунес, составляем этот документ и это соглашение между нами и ими».

Употребление местоимения «мы» в данном случае объясняется тем, что адресант делового письма – дон Хоан Гарсейс д’Орик – является выразителем воли священнослужителей, т.е. всех духовных лиц церкви Фунес, поэтому речь здесь идет о собирательном субъекте.

Как показывают примеры, в староиспанских деловых письмах подлежащее, выраженное местоимением, согласуется с глаголом в лице и числе. Однако можно встретить структуры, в которых имеет место рассогласование между глаголом-сказуемым и подлежащим. Как правило, это касается подлежащего, выраженного местоимением 1 л. ед. ч., которое согласуется со сказуемым в форме 1 л. мн. ч., если референтом субъекта является объединенный коллективный субъект, т. е. «я с кем-то» (зд.: духовное лицо + собирательный субъект – монастырь). Ср.:

(15) *Coñozuda cosa sea a los qui son y a los qui serán cómo yo (1 л. ед. ч.) **fra Diag Ostioz** por mandamiento del abad don García de Santa María de Aguilar **con el conventu** d’es mismu logar feximos (1 л. мн. ч.) *camio con Pedro Díaz, filio de Día Pélaz de Orzales* [CODEA+: 0255]. – Церковное письмо от 15 мая 1242 г. – «Да будет известно всем, настоящим и будущим, что я, брат Диаг Остиоз, по приказу дона Гарсии, настоятеля обители Святой Марии де Агилар, **совместно с общиной монастыря указанного места**, совершили обмен с Педро Диасом, сыном Диа Пелас де Орзалеса».*

Случаев рассогласования местоименного подлежащего в других лицах не обнаружено. Все это свидетельствует в пользу вполне сложившейся

морфологической системы староиспанского языка. Некоторые утверждения о неустойчивости форм, таким образом, оказываются несостоятельными.

Итак, в староиспанских деловых письмах личное местоимение в функции подлежащего, как правило, не опускалось. Наличие или отсутствие местоименного подлежащего зависело от местонахождения предложения в тексте письма: начальный и завершающий блоки требовали наличие местоименного подлежащего, в основном тексте местоимение могло быть опущено (чаще в придаточных предложениях). Местоименное подлежащее в староиспанских деловых письмах часто осложнялось именным приложением.

ЛИТЕРАТУРА

- Alarcos Llorach E. Gramática de la Lengua Española. – Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2008.
- Corpus de documentos españoles anteriores a 1800 [CODEA+]. URL: <http://corpustodea.es/#presentation-hidden-documentos> (дата обращения: 20.03.2022).
- Galende Díaz J.C. Diplomática real medieval castellano-leonesa: cartas abiertas – 2002. – pp. 51 – 69. URL: <http://www.ucm.es/centros/cont/descargas/documento11725.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
- Muñoz y Rivero J. Manual de paleografía diplomática española de los siglos XII al XVII. – Madrid: LIBRERIA DE LA SRA. VIUDA DE HERNANDO Y COMPAÑÍA, 1889.
- Ostos Salcedo P., Sanz Fuentes M.J. Corona de Castilla. Documentación real. Tipología (1250 – 1400) [Электронный ресурс]. – 1994. – pp. 239 – 260. URL: <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/3829.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).
- Ostos Salcedo P. Cancillería castellana y lengua vernácula. Su proceso de consolidación // Espacio. Tiempo y Forma, Serie III. H.^a Medieval. – 2004. – t. 17. – pp. 471 – 483.
- Verba G., Guzmán Tirado R. Curso de traducción jurídico-administrativa (ruso/español y español/ruso). – Madrid: Centro de Lingüística Aplicada Atenea, 2005.

S. Bezus

Academy of public administration

FEATURES OF THE USE OF PERSONAL PRONOUNS IN THE FUNCTION OF THE GRAMMATICAL SUBJECT IN THE OLD SPANISH FORMAL LETTERS

The paper reveals some morphological and syntactic features of Old Spanish personal pronouns used in the function of the grammatical subject. The examples found in the Old Spanish formal letters dated by the XII – XIII centuries demonstrate the functioning of pronominal subjects and pronominal subjects complicated by nominal supplements. The author describes several types of nominal supplements with a pronominal subject, the features of their position in the text of a document, as well as cases of concord and non-concord between the pronominal subject and the verb-predicate.

Formal letter, Old Spanish, personal pronoun, concord

УДК 81.811.112

Зайцева Ю. С.

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
yu.s.zayceva@strbsu.ru

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРОФЕССИИ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена изучению лексико-тематической группы «Профессии» на материале английского языка. Анализу подвергаются структурные модели слов, относящихся к данной группе. Изучены семантические особенности компонентов сложных слов и производящие основы производных номинаций, представленные глаголами и существительными, рассмотрены особенности образования слов-аббревиатур и их компонентное наполнение. В качестве продуктивных моделей были выделены двухкомпонентные сложные слова со структурой атрибутивного словосочетания и аббревиатуры, которые являются ведущими в современном английском языке и отражают тенденции словообразовательного процесса в нем.

Лексико-семантическая группа, структура, сложное слово, компонент, производное слово

Лексика, как самый подвижный пласт языка, наиболее чутко реагирует на все изменения во всех сферах жизни говорящего коллектива. Особенности образования новых слов, закономерности их появления, характеризующиеся определенными структурными моделями, являются показателем изменчивости или стабильности типологических характеристик языка. Этим объясняется актуальность данного исследования. (не очень убедительно)

Объектом исследования являются лексико-тематическая группа «Профессии». Предметом исследования выступает словообразовательная структура сложных и производных профессий. Цель исследования – анализ структуры наименований профессий и определение значения компонентов в составе сложных и сложнопроизводных слов данной группы.

Каждому слову языка свойственна своя структура, отличающаяся 2 основными свойствами: «свободным употреблением основы и аффиксов (морфемной членимостью) и включением слова в определенную категорию, парадигму, словообразовательный ряд» [Жеребило, 2016, с. 205]. В зависимости от структурных особенностей выделяют корневые, производные, сложные и сложнопроизводные слова. К основным типам словообразования относятся

аффиксация или деривация, словосложение, сокращение или аббревиатура, удвоение с повторением основы, стяжение, конверсия.

Лексико-семантические группы (ЛСГ) представляют собой класс слов одной части речи, для которых характерно наличие как общей грамматической семы, так и минимум одной общей категориально-лексической семы, которая уточняется с помощью дифференциальных сем каждого отдельного слова группы [Кузнецов, 1987, с. 103].

Для исследования было отобрано 65 слов. В рамках данного исследования наиболее многочисленной оказалась группа слов со структурой словосочетания (36 слов). Вторыми по частотности являются производные слова (11 номинаций). Встретилось 10 аббревиатур и 8 корневых слов. Структурные группы слов приведены в таблице № 1.

Таблица №1.

**Словообразовательная структура
лексико-тематической группы «Профессии»**

Производные слова	Корневые слова	Аббревиатуры	Слова со структурой словосочетания
Receptionist	Secretary	CEO	Marketing Manager
Director	Head	COO	Graphic Designer
Controller	Chief	CFO	Marketing Research Analyst
Coordinator	Principal	CIO	Product Manager
Organizer	President	CTO	Social Media Assistant
Supervisor	Lead	CMO	Brand Manager
Overseer	Nurse	CHRO	Office Manager
Beautician	Doctor	CDO	Branch Manager
Cosmetologist		CPO	Business Manager
Pharmacist		CCO	Business Analyst
Phlebotomist			Risk Manager
			Office Assistant
			Office Clerk
			File Clerk

			Data Entry
			Assistant Manager
			Team Leader
			Hair Stylist
			Nail Technician
			Makeup Artist
			Skin Care Specialist
			Telephone Operator
			Phone Sales Specialist
			Call Center Representative
			Customer Service Representative
			Pharmacy Assistant
			Medical Laboratory Tech
			Physical Therapy Assistant
			Dental Hygienist
			Personal Trainer
			Massage Therapist
			Physical Therapist
			Medical Transcriptionist
			Telework Doctor
			Reiki Practitioner
			Travel Nurse

В группу производных слов вошли 10 номинаций. Стоит отметить, что производящей основой производных слов может служить как глагол (*to control – a controller, to direct – a director, to coordinate – a coordinator, to organize – an organizer, to oversee – an overseer, to supervise – a supervisor*), так и существительное (*a reception – a receptionist, a pharmacy – a pharmacist, cosmetology – a cosmetologist, beauty – a beautician, phlebotomy –*

a phlebotomist). Существительное, выступающее производящей основой для слова-обозначения профессии может указывать на:

1. Место работы: *a reception* (приемная, конторка портье) – *a receptionist* (портье, секретарь), *a pharmacy* (аптека) – *a pharmacist* (фармацевт);
2. Сферу деятельности: *cosmetology* (косметология) – *a cosmetologist* (косметолог), *beauty* (красота) – *a beautician* (косметолог);
3. Процедуру, лежащую в основе профессии: *phlebotomy* (флеботомия) – *a phlebotomist* (флеботомист).

Для двух номинаций (*cosmetologist, beautician*), входящих в данную структурную группу, существует один и тот же эквивалент в русском языке, однако необходимо обратить внимание на их семантические наполнения для выявления дифференцирующих сем. Так, профессия *cosmetologist* предполагает улучшение внешности клиента (лица, волос, кож) путем использования макияжа или проведения косметических процедур ('a trained person whose job is to improve the appearance of a customer's face, hair, or skin using make-up and beauty treatments') [Cambridge Dictionary]. Специальность *beautician* исключает использование макияжа, работа человека в рамках данной профессии заключается в улучшении внешности людей посредством проведения процедур, направленных на улучшение состояния волосы, кожу и т. д. ('someone whose job is to improve people's appearance by treatments to their hair, skin, etc.') [Cambridge Dictionary].

Наиболее частотным суффиксом для образований слов-профессий является аффикс *-er / -or* (6 номинаций).

Аббревиатуры в лексико-семантической группе «Профессии» преимущественно используется для обозначения руководящих должностей, в котором первым компонент «С» расшифровывается как *Chief* («главный»). На высокий статус занимаемой должности указывается последний компонент структуры «О» – *Officer* с семантикой «управляющее положение в организации» ('someone with a position of authority in an organization') [Macmillan]. Второй компонент указывает на область осуществления своих полномочий (*CEO* – *Chief Executive Officer* (главный исполнительный директор), *COO* – *Chief Operating Officer* (главный операционный директор), *CFO* – *Chief Financial Officer* (главный финансовый директор), *CIO* – *Chief Information Officer* (руководитель информационной службы), *CTO* – *Chief Technology Officer* (главный технический директор), *CMO* – *Chief Marketing Officer* (директор по маркетингу), *CHRO* – *Chief Human Resources Officer* (директор по персоналу), *CDO* – *Chief Data Officer* (главный директор

по данным), *CPO* – *Chief Product Officer* (директор по производству), *CCO* – *Chief Customer Officer* (главный специалист по работе с клиентами)).

Группа слов со структурой словосочетания представлена двухкомпонентными и трехкомпонентными номинациями. Двухкомпонентные слова могут быть образованы моделями «существительное + существительное» или «существительное + прилагательное». Номинации данной группы приведены в таблице № 2.

В следующей таблице приведены примеры сложнопроизводных слов.

Таблица №2.

Структурный состав номинаций со структурой словосочетания

Сущ. + сущ.	Прил. + сущ.	Трехсложные слова
Marketing Manager	Physical Therapist	Marketing Research Analyst
Graphic Designer	Medical Transcriptionist	Social Media Assistant
Product Manager	Personal Trainer	Skin Care Specialist
Brand Manager	Dental Hygienist	Phone Sales Specialist
Office Manager	Graphic Designer	Physical Therapy Assistant
Branch Manager		Medical Laboratory Tech
Business Manager		Call Center Representative
Business Analyst		Customer Service Representative
Risk Manager		
Office Assistant		
Office Clerk		
File Clerk		
Data Entry		
Assistant Manager		
Team Leader		
Hair Stylist		
Nail Technician		
Makeup Artist		

Telephone Operator		
Pharmacy Assistant		
Massage Therapist		
Telework Doctor		
Reiki Practitioner		
Travel Nurse		

Прилагательное, выступающее первым компонентом в сложных словах с приведенной выше структурой, указывает на сферу, область труда (*Dental Hygienist* – стоматолог-гигиенист, *Medical Transcriptionist* – медицинский расшифровщик, который занимается переводом голосовых отчетов врачей в письменную форму («... transcribes doctor's reports from voice recordings, converting them into written reports») [Career Explorer], *Physical Therapist* – физиотерапевт, *Graphic Designer* – графический дизайнер) или характер работы (*Personal Trainer* – личный тренер).

Первый компонент, выраженный существительным, может являться показателем:

1. Объекта, на который направлена деятельность: *Hair Stylist* – стилист по волосам, *Nail Technician* – мастер ногтевого сервиса, *File Clerk* – делопроизводитель, *Data Entry* – работники по вводу данных и обработке информации, *Risk Manager* – риск-менеджер, *Team Leader* – руководитель группы;

2. Результата профессионального труда / услуги: *Makeup Artist* – визажист, *Massage Therapist* – массажист, *Product Manager* – менеджер по продукту;

3. Места работы: *Office Assistant* – конторский / офисный помощник, *Office Clerk* – офисный клерк, *Pharmacy Assistant* – помощник фармацевта, *Office Manager* – офис-менеджер, *Branch Manager* – менеджер филиала;

4. Способа осуществления деятельности: *Telephone Operator* – диспетчер / телефонный оператор, *Telework Doctor* – врач, находящийся на дистанционной / удаленной работе. Компонент *telework* – существительное, образованное от глагола *to telework* со значением «работать из дома, осуществляя связь с организацией по телефону, электронной почте или через интернет» ('to work at home, while communicating with your office by phone or email, or using the internet') [Cambridge Dictionary]. Особенность профессии *Travel Nurse* так же детерминирована семантикой первого компонента со значением «передвигаться с одного места на другое преимущественно

на транспорте» ('to go from one place to another, especially in a vehicle') [Macmillan Dictionary]. Медсестра данной категории представляет собой лицензированную медсестру, которая выполняет временные задания на контрактной основе, сама контролирует свой график, выбирают место работы и получают различные медицинские услуги ('a travel nurse is a licensed, registered nurse (RN) who accepts temporary assignments on a contract basis. Travel nurses control their own schedule, choose their job locations') [LeaderStat]. Профессия *Reiki Practitioner* (врач по рейки) осуществляет свою деятельность путем проведения рейки – лечения, заключающееся в направлении энергии, исходящей из рук, на чье-либо тело с целью улучшения состояния человека ('a treatment that involves directing energy from your hands into someone's body to make them feel better') [Cambridge];

5. Сферы профессиональной деятельности: *Marketing Manager* – менеджер по маркетингу, *Business Manager* – бизнес-менеджер, *Business Analyst* – бизнес-аналитик, *Brand Manager* – бренд-менеджер;

6. Характера работы: *Assistant Manager* – помощник управляющего (компонент *assistant* указывает на вспомогательный характер профессии, выполнения самых легких поручений ('someone whose job is to help another person in their work for example by doing the easier parts of it') [Macmillan].

Трехкомпонентные номинации представляют собой атрибутивные словосочетания, в которых первый и второй компоненты образуют словосочетание, определяющее сферу (*Marketing Research Analyst* – специалист по анализу рынка, *Social Media Assistant* – помощник по связи со средствами массовой информации, *Skin Care Specialist* – специалист по уходу за кожей, *Phone Sales Specialist* – специалист по продажам по телефону, *Physical Therapy Assistant* – помощник физиотерапевта, *Customer Service Representative* – представитель службы по работе с клиентами) и место работы (*Call Center Representative* – представитель колл-центра, *Medical Laboratory Tech* – лаборант медицинского учреждения) представителя профессии.

Для сложных слов данной лексико-тематической группы характерно наличие частотных компонентов, используемых в номинациях многих профессий. Так компонент *Manager* встретился 8 раз, компонент *Assistant* присутствует в 4 номинациях, по 2 раза были употреблены компоненты *Designer, Analyst, Clerk, Specialist, Representative*.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Словообразовательные модели номинаций профессий отражают тенденции современного английского языка: преобладают сложные слова, в основе которых лежат атрибутивные словосочетания;

2. Производящей основной для производных слов-обозначений профессий в большинстве случаев служит глагол (6 номинаций), тем не менее основой для образования новых слов нередко служит существительное (4 номинации);

3. Аббревиатуры выступают в качестве продуктивного способа образования слов, обозначающих высокопоставленные должности, структурными компонентами которых являются «С» (chief) и «О» (Officer);

4. Преобладающей структурной моделью данной лексико-семантической группы являются двухкомпонентные словосочетания «существительное + существительное», первые компоненты в которых могут указывать на объект детальности, результат работы или услугу, место, способ или характер работы, сферу профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016.

Кузнецова Э.В. Лексико-семантические группы русских глаголов как объект системно-семасиологических исследований // Русское языкознание. Киев, 1987. Вып.15. С. 102 – 109.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (Дата обращения: 15.01.2022).

Career Explorer. URL: <https://www.careerexplorer.com/careers/medical-transcriptionist/> (Дата обращения: 15.01.2022).

LeaderStat. URL: <https://www.leaderstat.com/travel-nursing-faq#>: (Дата обращения: 15.01.2022).

Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/> (Дата обращения: 15.01.2022).

Zaytseva Yu. S.

Sterlitamak branch of Bashkir State University

STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP "PROFESSIONS" IN THE ENGLISH LANGUAGE

This article is devoted to the study of the lexical-thematic group "Professions" on the material of the English language. Structural models of words belonging to this group are analyzed. The semantic features of the components of compound words and the stems of derivative nominations, represented by verbs and nouns, are studied, the features of the formation of abbreviations and their components are considered. As productive models, two-component compound words with the structure of an attributive phrase and abbreviation were identified, which are leading in modern English and reflect the tendencies of the word-formation process in it.

Lexical-semantic group, structure, compound word, component, derivative

УДК 811.161.1'37

Н. А. Соломка

Волгоградский государственный университет «ВолГУ»,

ORCID 0000-0002-7677-5051

na_solomka@volsu.ru

АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК ОСНОВА ПОЛИСЕМИИ

В статье рассматриваются ассоциативные возможности глагольной единицы. Определены признаки, лежащие в основе значения глагольной единицы, и изменения семантической структуры слова. Посредством лингвистического эксперимента установлено, что ассоциирование как индивидуальный мыслительный процесс способствует переосмыслению известной семантики слова, что приводит к формированию многозначной лексики.

Семантическая структура, сема, отсубстантивный глагол, ассоциативный потенциал, лингвистический эксперимент, полисемия

В современной науке особый интерес представляет изучение семантики слова, которая создается на базе ментально-ассоциативных представлений носителя языка. Ассоциативное значение слова изучалось многими лингвистами, которые рассматривали названный феномен с разных точек зрения. Так, С. Л. Рубинштейн писал, что «образование ассоциации – это, по существу, процесс, в котором одно явление приобретает значение сигнала другого явления» [Рубинштейн, 1997, с. 136]. А. А. Потебня выделял ближайшее значение, в котором заключена информация известная любому носителю языка, и дальнейшее значение, базирующееся на индивидуальных ассоциациях и экстралингвистических факторах [Потебня, 1958, с. 19 – 20]. Аналогичная точка зрения представлена в работах С. Д. Кацнельсона, который говорил о формальном и содержательном понятии [Кацнельсон, 1986, с. 20]. Значение, понимаемое А. А. Потебней как ближайшее, в трактовке С. Д. Кацнельсона представляется формальным и включает в себе информацию, необходимую для понимания носителями языка друг друга. Содержательное значение (дальнейшее по А. А. Потебне) базируется на индивидуальном восприятии реципиента, его субъективных ассоциациях. Некоторые исследователи полагают, что ассоциативное значение связано с коммуникативным потенциалом слова, который определяется интенциями

носителя языка, его концептуальной и языковой картины мира. [Болотнова, 1992].

Цель нашего исследования – проанализировать ассоциативный потенциал языковой единицы на примере отсубстантивных глаголов. В качестве языкового материала выбраны неузальные глаголы, мотивированные существительным, поскольку, с одной стороны, названные языковые единицы не зафиксированы в словарях, с другой – семантика производящих существительных вызывает в сознании носителя языка различные ассоциации.

Гипотеза исследования: ассоциирование – процесс, основанный на личностном восприятии действительности, что способствует переосмыслению известной семантики языковой единицы; признаки, на которых базируется значение, под влиянием различных ассоциаций подвергаются изменениям, что приводит к модификации семантической структуры слова и, как следствие, к формированию многозначной лексики.

Проверка нашей гипотезы выполнена посредством лингвистического эксперимента. Испытуемые – студенты 1 курса института математики и информационных технологий (71 чел.), которым было предложено выполнить задания, изложенные в подготовленных анкетах:

– употребите глагол *карусельничать* (можно использовать однокоренное слово, образованное с помощью префикса) в предложении / предложениях (не составляйте предложение, в котором глагол *карусельничать* будет иметь значение «кататься на карусели»);

– поясните значение / значения, в котором был употреблен глагол *карусельничать*;

Аналогичные задания были даны для глаголов *крапивить* и *хамелеоничать*.

На основании значений мотивирующих существительных, зафиксированных в словарях, а также признаков реалий, которые обозначаются названными лексемами, и связанных с ними ассоциаций представим ряды семантических элементов для каждого отсубстантивного глагола: *карусельничать* – «процесс», «движение», «по кругу», «вращение», «кручение», «по часовой стрелке», «против часовой стрелки», «развлечение», «веселье», «однообразие», «скорость», «быстрота»; *крапивить* – «воздействие», «листья», «стебли», «жжение», «боль», «ожог»; *хамелеоничать* – «приспособление», «к внешним условиям», «изменение», «цвет», «поведение».

Рассмотрим формирование ассоциативного значения глагольных единиц, функционирующих в высказываниях, составленных участниками эксперимента.

Глагол *карусельничать* был употреблен в 4 значениях (общее число предложений – 105):

- (1) «веселиться, развлекаться» (43 реакций, 40,9%);
- (2) «менять свое мнение» (29 реакций, 27,6%).
- (3) «менять вид деятельности» (26 реакций, 24,7%);
- (4) «быстро перемещаться (бежать, ехать)» (7 реакций, что составляет 6,7%);

Значение (1) формируется на основе ассоциации «действие – результат», при этом центральными оказываются семы «процесс», «развлечение», «веселье»; остальные семы нейтрализуются, поскольку глагол употребляется испытуемыми в предложениях, передающих информацию о действиях развлекательного характера без конкретизации способа действия. Например: *Компания друзей карусельничала весь день; Ребята любят покарусельничать; Мы куралесничали всю новогоднюю ночь* и т.п. В основе значения (2) и (3) ассоциация «действие – направление – результат». Центральные семы – «процесс», «скорость», «быстрота»; признаки, передающиеся семами «по кругу», «вращение», «кручение», «по часовой стрелке», «против часовой стрелки», под влиянием индивидуальных ассоциаций изменяются, и их модификации передаются структурными элементами «разнонаправленность», «из точки в точку»; семы «веселье» и «развлечение» нейтрализуются, тогда как семы «взгляд», «мнение», «деятельность» проявляются, указывая на признак «объект, на который направлено действие». Например: *Настроение Саши менялось, не в силах заниматься одним делом, он карусельничал весь день* (пояснение испытуемого – занимался то одним делом, то другим); *Она карусельничает, когда понимает, что другая позиция выгоднее* (пояснение испытуемого – меняла свое мнение) и т. п. В значении (4) центральными становятся семы «движение», «скорость», «быстрота», семы «веселье» и «развлечение», а также «по кругу», «вращение», «кручение» занимают периферийное положение в семантической структуре, поскольку признаки, передающиеся ими, могут как актуализироваться, так и не актуализироваться в высказывании. Например: *Мы находились в саду и карусельничали туда-сюда* (пояснение испытуемого – бегали, однако признак «веселье» может определяться носителем языка); *Нам было весело, когда мы карусельничали на приоре* (пояснение испытуемого – весело и быстро ехали; если в предложение включить конкретизатор *по Садовому кольцу*, то проявится

признак «круговое движение»); *Мой брат попал в аварию, потому что карусельничал на дороге* (пояснение испытуемого – быстро ехал). Основу значения составляет ассоциация «действие – скорость – результат».

Как видим, ассоциативное значение отсубстантивных неуззуальных глаголов мотивируется признаками, свойственными предмету (функция, направление, скорость), который обозначается производящим существительным, кроме того, на основе метафорических переносов признаки в сознании носителя языка могут модифицироваться, в результате чего формируется семантика, понимание которой требует широкого контекста. Глагол в значении (1) употребляется чаще и, как правило, с минимальным набором контекстных уточнителей, тогда как глаголы в значениях (2), (3), (4) используются в развернутых предложениях, что, по нашему мнению, говорит о том, что ассоциация «действие – результат» является устойчивой, а «действие – скорость – результат» – индивидуальной.

Глагол *крапивить* был употреблен в 4 значениях (общее число предложений – 75; 7 человек не смогли составить высказываний):

- (1) «причинять боль» (43 реакций, 57,3%);
- (2) «произносить неприятные или обидные слова» (21 реакций, 28%);
- (3) «повреждать кожу каким-либо способом» (10 реакций, 13,3%);
- (4) «защищаться» (1 реакция, 1,3%).

Значение (1) формируется на основе ассоциации «воздействие – результат», в семантической структуре центральными становятся семы «воздействие», «боль», семы «жжение», «ожог» являются потенциальными, тогда как элементы «листья», «стебли» нейтрализуются: *Мой сосед крапивил друга; Артем часто дерется и крапивит однокурсников* (пояснения испытуемых – причинять боль). Семы «душа», «тело» оказываются в зоне ближней периферии, поскольку передают признаки, которые могут проявляться под влиянием контекстных уточнителей.

Похожую семантическую структуру имеет значение (2). Центральное положение занимает сема «слово», вокруг которой располагаются семы «воздействие», «обида», «боль». В основе формирования семантики – ассоциация «воздействие – средство – результат». Значение (3) формируется под влиянием ассоциаций «воздействие – средство – объект – результат»; семантическая структура выглядит следующим образом: «воздействие», «кожный покров», «повреждение», «боль», «жжение». Например: *Мою ногу открапивил любимый кот* (пояснения испытуемого – поцарапал); *Я случайно открапивил себе руку* (пояснения испытуемого – обжег). Значение (4), представленное в высказывании испытуемого *Петя крапивил*

на *окружающих*, создается на основе ассоциации «воздействие – результат – ответное воздействие – результат», поскольку студент дает следующее пояснение: отрицательное воздействие на *окружающих* как защита (ответная реакция) на реальное или возможное причинение боли. В центральную зону семантической структуры входят семы «воздействие», «ответ», «слова», «мимика», «жесты», к которым примыкают «боль», «обида», «злость».

Признак «боль» как результат воздействия мотивирует все значения глагола *крапивить*, при этом модификациям подвергаются признаки «средство воздействия», «способ воздействия», «объект воздействия», в результате чего возникают варианты семантики языковой единицы.

Глагол *крапивить* в значении (1) окружен минимальным словесным окружением, тогда как в значениях (2) и (3) языковая единица, как правило, сочетается с контекстными конкретизаторами, уточняющими его семантику. Глагол в значении (4) функционирует в минимальном контекстном окружении, и носитель языка вряд ли сможет «расшифровать» это слово, однако форма конкретизатора *на окружающих* указывает на то, что действие направлено на объект, а не воспринимается субъектом, что позволяет сформулировать значение «причинять боль окружающим». Семантика «защищаться» мотивирована более сложными ассоциациями индивида, поэтому требует расширенного контекста. Таким образом, для глагола *крапивить* устойчивой является ассоциация «воздействие – результат», а индивидуальной «воздействие – результат – ответное воздействие – результат».

Глагол *хамелеоничать* участники эксперимента употребили в 3 значениях (общее число предложений – 121):

- (1) «подстраиваться» (79 реакций, 65,3%);
- (2) «лицемерить, врать» (23 реакции, 19%);
- (3) «скрываться» (19 реакция, 15,7%).

Значения (1) и (3) создаются на основе ассоциации «изменение – способ – результат», а значение (2) – «изменение – средство – результат». Сема «цвет» нейтрализуется во всех значениях. Центральное положение в семантической структуре значения (1) занимают семы «приспособление», «к внешним условиям», «изменение», «поведение»; в значении (2) центральные семы «слова», «обман», «неискренность», к которым примыкают «приспособление», «к внешним условиям»; семантическая структура значения (3): «перемещение», «изменение», «место», «внешние условия», «приспособление». Приведем высказывания испытуемых: *Мой кот*

хамелеоничал в саду (пояснение испытуемого – скрывался); *Он хамелеоничал со всеми, кроме меня. Мне это льстило* (пояснение испытуемого – лицемерил); *Он решил схамелеоничать в толпе* (пояснение испытуемого – скрыться); *Он всегда хамелеоничает с теми, у кого больше власти* (пояснение испытуемого – подстраивается).

Значения глагола *хамелеоничать* мотивируется признаком «изменение, приспособление», а варианты семантики формируются за счет ассоциаций, связанных со способом или средством изменения. Языковая единица употреблялась испытуемыми как в развернутых синтаксических конструкциях, так и в предложениях с 1-2 второстепенными членами, при этом развернутые синтаксические конструкции не всегда позволяли верно понять значение глагола. Для глагола *хамелеоничать* устойчивой оказалась ассоциацией «действие – способ – результат», при этом признак «способ изменения» по-разному отражается в сознании носителя языка, в результате чего на основе одной ассоциации формируется два значения.

Итак, эксперимент показал, что ассоциативное значение отсубстантивных неузвальных глаголов мотивируется признаками реалии, которую называет производящее существительное; признаки подвергаются различным изменениям, что приводит к актуализации, нейтрализации элементов семантической структуры или к их перераспределению; семантика глагольной единицы мотивируется не только устойчивыми ассоциациями, но и индивидуальными, при этом значения, сформированные на базе устойчивых ассоциаций, как правило, окружены минимальным набором контекстных уточнителей, что позволяет нам сделать вывод о том, что семантика, образованная на основе таких ассоциаций, мыслится носителями языка как известная. Таким образом, отыменные неузвальные глаголы обладают неограниченным ассоциативным потенциалом, так как носители языка формируют значения как на основе устойчивых ассоциаций, так и индивидуальных, что способствует развитию многозначности языковой единицы в современном русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
- Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2 [Электронный ресурс]. М., 1958. URL: <http://elib.gnpbu.ru> (дата обращения: 25.02.2022).
- Рубинштейн С. Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.

Solomka, N. A.

Volgograd State University «VOLGU»

ASSOCIATIVE POSSIBILITY OF A DENOMINAL VERBS AS THE BASIS OF POLYSEMY

The article considers the associative possibilities of the verb unit. The features underlying the meaning of the verb unit and changes in the semantic structure of the word are determined. Through a linguistic experiment, it was found that association as an individual thought process contributes to the rethinking of the known semantics of the word, which leads to the formation of a polysemantic lexeme

Semantic structure, seme, denominal verb, associative possibility, linguistic experiment, polysemy

УДК 811.112.2'04:929.713

Е. С. Тихонова

С.-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

ORCID 0000-0001-8301-1028

middjungards@gmail.com

УКРАШАЮЩИЕ ЭПИТЕТЫ КАК ПРИЗНАК СТИЛЯ «СТАРШЕЙ ЛИВОНСКОЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКИ»

*Статья посвящена употреблению в «Старшей Ливонской рифмованной хронике» наименований *heilt*, *degen* и *ritter* с украшающими эпитетами. Данные лексемы и их эпитеты рассматриваются с точки зрения их частотности, сочетаемости, участия в рифме и роли в предложении. Отдельное внимание уделяется их стилистическим коннотациям и дистрибуции.*

Средневерхненемецкий, «Старшая Ливонская рифмованная хроника», Немецкий орден, украшающие эпитеты, вариативность

«Старшая Ливонская рифмованная хроника» (далее – СРХ) была составлена в конце XIII в. анонимным автором, и описывает деятельность Немецкого ордена в Прибалтике. Будучи по форме подражанием куртуазному, или книжному, эпосу, она изобилует устойчивыми словосочетаниями (далее – УС). Среди них важное место занимают лексемы, обозначающие воина – *heilt* «герой», *ritter* «рыцарь» и *degen* «витязь» – которые регулярно употребляются

с украшающими эпитетами как в препозиции в склоняемой форме, так и в постпозиции в несклоняемой форме.

М. Фишер подчёркивает, что влияние эпоса наиболее очевидно в изображении боевых действий и описаниях армий и вооружения за счёт постоянно повторяющихся формул [Fischer, 1991, с. 179]. В. Браунс указывал, что эпитеты *balt* «храбрый», *gût* «добрый», *stoltz* «гордый» и др. в сочетании с существительными *helt* и *degen* свидетельствуют о связи с книжным эпосом [Brauns, 1955, с. 963].

В общей сложности в СРХ можно выделить 116 примеров сочетаний существительных *helt* «герой», *ritter* «рыцарь» и *degen* «витязь» с украшающими эпитетами. Со значительным отрывом лидирует лексема *helt* «герой» (76 примеров), эпитеты при котором обладают наибольшей степенью вариативности.

Чаще всего существительное *helt* «герой» имеет при себе определение *vrom* «храбрый, благородный, благочестивый» (18 примеров), причём исключительно в склоняемой форме в препозиции. Также с данной лексемой регулярно употребляются эпитеты *balt* «храбрый» (9 примеров), *unverzaget* «бесстрашный» (9 примеров, из них 7 в постпозиции), *rasch* «быстрый» (7 примеров), *gût* «добрый» (5 примеров, только в постпозиции). Прочие эпитеты представлены тремя и менее примерами:

(1) *der was ein vil vromer **helt** // von Sameiten ûz erwelt.* (4087 – 88) «Он был весьма благородный герой, избранный из Жемайтии».

(2) *zehen brûdere wurden dâ geslagen, // sie verluren manchen **helt balt**, // sie müsten wîchen in den **walt**.* (7500 – 02) «Там были убиты десять братьев, они потеряли нескольких храбрых героев, им пришлось бежать в лес».

(3) *dâ was ein **helt unverzaget** // von Schowenburc brûder Bertolt, // im waren alle die brûdere **holt*** (10422 – 24) «Там был бесстрашный герой, брат Бертольд фон Шовенбург, ему были любезны все братья».

Следующим по частотности существительным – обозначением воина является *ritter* «рыцарь» (25 примеров). В 9 реализациях данная лексема используется в сочетании *gotes ritter* «Божий рыцарь» (в значении «брат Немецкого ордена»). Х. Куглер утверждал, что во всех прочих примерах, кроме этого сочетания, *ritter* употребляется просто в значении «всадник», что является спорным утверждением [Kugler, 1993]:

(4) *wan ez was der Kûren **mût**, // daz sie die **gotes rittere gût** // ûz deme lande wolden haben.* (5753 – 55) «Потому что куронам хотелось изгнать добрых Божьих рыцарей из той страны».

(5) *den besten ritter den er vant // in aller sîner rotte gar // deme tet er in dô dar. // er sprach: "lât ûch in bevoln sîn // bie gotes hulden und mîn! // ich wil selbe bie ûch wesen". // der besten rittere ûz gelesen // viere er im zû helfe gab.* (1016 – 23) «Лучшему рыцарю, которого он нашёл во всём своём отряде, он тогда отдал его [знамя]. Он сказал: «Слушайтесь его ради Божьей милости и моей! Я сам буду с вами». Из лучших избранных рыцарей он дал четырёх им в помощь».

В остальном о регулярной сочетаемости данной лексемы с эпитетом можно говорить лишь для прилагательного *gût* «добрый», представленного в 8 примерах в постпозиции в несклоняемой форме. Также *ritter* «рыцарь» в единичных случаях сочетается с эпитетами *vrom* «благородный», *êrlîch* «честный», *hovelîch* «куртуазный», *ûz gelesen* «избранный». Как видно из примера (4), эти эпитеты могут употребляться вместе с определением *gotes* «Божьи»:

(6) *von Frangen er Heinrîch // war ein ritter hovelîch* (8313 – 14) «Господин Генрих из Франконии был куртуазным рыцарем».

На третьем месте по употребительности находится лексема *degen* «воин, герой» (14 примеров). В 5 примерах она сочетается с эпитетом *balt* «отважный» в постпозиции, а в 9 – с неопределённым местоимением *man(i)ch* «несколько, много» (примеры 7 и 8), которое, как правило, выступает в сочетании с каким-либо другим эпитетом. Прочими определениями при существительном *degen* являются *stoltz* «гордый», *gût* «добрый», *vrom* «благородный», *vrô* «радостный», *zwâre* «настоящий, истинный», *ûz erkorn* «избранный», представленные единичными примерами:

(7) *dâ was vil manich degen balt. // die burg sie gewunnen mit gewalt.* (1663 – 64) «Там было очень много храбрых воинов. Они силой захватили крепость».

(8) *die brûdere nicht enliezen // ir menje sie hiezen // den brûdern geselleschefte pflegen. // dô man sach manchen stoltzen degen // rîten kein im ûf den strant* (3701 – 05) «Братья это так не оставили, они отправили многих встретить братьев. Тут было видно, как к нему по берегу едут много гордых витязей».

Х. Куглер приводил преобладание лексемы *helt* над *ritter* как доказательство большей близости СРХ не к куртуазному, а к героическому эпосу [Kugler, 1993]. А. Мюррей, также указывая на относительную редкость лексемы *ritter* по сравнению с *helt*, подчёркивал, что в своём лексиконе СРХ близка к наиболее консервативному жанру свн. эпической поэзии, происходящему из героического эпоса и, т. о., языческой эпохи и представленному «Песней о Нибелунгах» и «Кудруной», где лексема *degen* была весьма распространена, в то время как в эпосе куртуазном она

существенно уступает в употреблении лексемам *helt* и *ritter* [Murray, 2001, с. 246 – 247]. М. Нееке, в свою очередь, критикуя А. Мюррея, подчёркивает, что *helt* в свн. придворном эпосе встречается очень часто, и это не поэтизм [Neeke, 2007, с. 97 – 98]. Он также возражает, что ничто не придаёт тексту СРХ архаичного характера, это не повествование по мотивам германской мифологии [Нееке, 2015, с. 10].

В СРХ прослеживается тенденция рифмовать наиболее частотные определения и существительные с одними и теми же лексемами (причём это характерно и для других групп лексики). Так, находясь в конце строки, существительное *helt* «герой» регулярно рифмуется с определением *ûz erwelt* «избранный» (13 реализаций; пример 1) либо *erwelt* «избранный» (5 реализаций). Рифма *balt : walt* представлена 10 примерами (пример 2), а *balt : gewalt* – тремя (пример 7); рифма *gût : mût* встречается 11 раз (пример 4). В примерах конечная рифма выделена полужирным начертанием.

В отличие от *helt*, сами существительные *ritter* и *degen* регулярно находятся в середине строки и ни с чем не рифмуются (37 реализаций; примеры 2 – 7). Для лексемы *degen* исключение составляют три примера, в которых она рифмуется с *pflügen* «ухаживать, присматривать» (пример 8) и *wegen* «пути».

Если же рассматривать эпитеты данных трёх существительных в СРХ в целом, то наиболее частотным оказывается прилагательное *vrom* «благородный» (20 примеров), за ним следует *gût* «добрый» в постпозиции (15 примеров), *balt* «отважный» (14 примеров – только в сочетании с *helt* и *degen*), а также сочетающиеся только с лексемой *helt* определения *unverzaget* «бесстрашный» (9 примеров) и *rasch* «быстрый» (7 примеров). С точки зрения семантики все эти эпитеты обозначают исключительно положительные качества, отражая воинские (т. е. мирские) доблести:

(9) *von brûderen manchen raschen helt, // zwelf hundred Kûren ûz irwelt // sach man zû dem meistere komen.* (11131-33) «Было видно, что к магистру прибыли много быстрых героев от братьев и двенадцать сотен избранных курунов».

Своего рода исключением является преобладающий в СРХ постоянный эпитет воина *vrom*, для которого словарь М. Лексера приводит следующие значения: «дельный, храбрый, почтенный, хороший, превосходный, знатный, благородный, бравый, отважный, полезный, благочестивый» [Lexner, 1992]. Т. о., *vrom* является единственным эпитетом, обладающим в т. ч. «духовным» значением «благочестивый». Можно предположить, что именно благочестие оказывается той доблестью, которая подчёркивается наиболее часто, благодаря

специфике текста (Крестовый поход в Прибалтике) и его целевой аудитории (рыцари и гости Ордена).

Этому, однако, несколько противоречит тот факт, что такие исследователи, как М. Фишер [Fischer, 1991], Х. Куглер [Kugler, 1993], Ш. Гош [Ghosh, 2012] и К. Клявинш [Kļaviņš, 2006] отмечали, что балтийский Крестовый поход был сугубо мирским, а не религиозным мероприятием, а также что СРХ – абсолютно светский по своему духу памятник, и что её автора мало занимало обращение язычников и прочие духовные вопросы – его в гораздо большей мере интересовало воспевание военных подвигов, побед над местным населением и захват добычи. Более того, Х. Куглер [Kugler, 1993] и К. Клявинш [Kļaviņš, 2006, с. 267 и сл.] подчёркивают, что рыцарская этика, описанная в СРХ, напрямую вырастает из этики героической. Т. о., вопрос о том, насколько в СРХ реализовано значение «благочестивый», представляет собой поле для дальнейшего изучения.

26 раз рассматриваемые лексемы с постоянными эпитетами являются характеристикой какого-либо лица, т. е. приводится имя собственное (примеры 3, 6, 10). Интересно, что в 5 случаях речь идёт о жителях Ливонии – ливах, земгалах и куролах:

(10) *Milgerin der helt unverzaget // sprach* (2779-80) «Мильгерин бесстрашный герой сказал...»

Всего постоянные эпитеты характеризуют местных жителей 10 раз, причём это могут быть как союзники Немецкого ордена, так и его враги. Единственное определение, не встречающееся для описания враждебно настроенных язычников – это *vrom*, вероятно, именно из-за наличия значения «благочестивый»:

(11) *die Liven wâren helde wîs, // die wol zû strîte tochten.* (1830 – 31) «Ливы были мудрыми героями, которые, пожалуй, годились к бою».

Неопределённое местоимение *man(i)ch* «некоторый, несколько» (31 пример), обозначающее некое множество характеризуемых лиц, чаще всего используется в аккумулятивной конструкции «*manich/manchen* + существительное + несклоняемый эпитет в постпозиции», причём в трети случаев этим эпитетом является *balt*. Для данного местоимения наиболее характерно сочетание с существительным *helt* (примеры 2, 9), что неудивительно, учитывая абсолютное преобладание последнего среди анализируемых лексем (19 реализаций). *Man(i)ch* в сочетании с существительным *degen* встречается 9 раз, в половине из них – с эпитетом *balt* (пример 7). Наименьшим количеством примеров представлено сочетание с лексемой *ritter* (всего 3 случая):

(12) *er sagete in sînen willen dô: // des was vil manich ritter vrô. (875 – 876)*
«Он сообщил им тогда свою волю: этому были рады очень многие рыцари».

Примечательно, что рассмотренные эпитеты в аналогичных конструкциях могут использоваться и с существительным *knecht* «оруженосец, юноша» (10 примеров), которое здесь не рассматривается. Это говорит о формульности данных УС и об определённой степени взаимозаменяемости их элементов:

(13) *dâ was vil manich vromer knecht, // sie hielden wol der tugende recht, // man sach sie bie irn hêrren stân. (10587 – 89)* «Там было очень много благородных оруженосцев, они были добродетельны, они стояли рядом со своими господами».

Наиболее частотным глаголом-сказуемым, встречающимся в предложениях с рассматриваемыми существительными с эпитетом, является глагол *sîn* в претерите в единственном или множественном числе. Речь идёт о структурах типа ‘*X was ein Y helt/deggen/ritter*’ или ‘*X was ein helt/deggen/ritter Y*’ (23 примера; примеры 1, 6, 11), где лексема *helt*, *deggen* или *ritter* является предикативом. Т. о., почти треть примеров приходится на манифестацию самого факта, что некто был исполнен рыцарских добродетелей.

Данные существительные также регулярно выступают в качестве подлежащего (пример 10). Частотными сказуемыми являются глаголы *bringen* «приводить» (8 реализаций; пример 14), *sehen* «видеть» (8 реализаций, из них 2 раза в конструкции *accusativus cum infinitivo* с глаголом перемещения; примеры 8 – 9) и *komen* «прибывать» (5 реализаций; пример 9) в претерите:

(14) *sie brâchten manchen helt balt // zwischen den meister und sîn her. (7466 – 67)* «Они [земгалы] привели многих храбрых героев между магистром и его войском».

С точки зрения роли в предложении наиболее частотная из рассматриваемых лексем *helt* с эпитетом в большинстве случаев является подлежащим (31 пример; примеры 3, 10). Также она регулярно выступает в качестве объекта в аккумулятиве (19 примеров; примеры 2, 9) и предикатива (10 примеров; примеры 1, 6).

Единичными примерами данная лексема представлена в функции объекта в генитиве (5 примеров) и дативе (1 пример; пример 16), но также обращения (4 примера; пример 15) и сравнения (3 примера; пример 16):

(15) *stolzen helde, tretet nû // vrîlichen ûf der brûdere schar. (8736 – 37)*
«Гордые герои, теперь спокойно наступайте на войско братьев».

(16) *von der Mitowe quam ouch dar // der kummentûr als ein helt // mit manchem helde ûz irwelt.* (11144-46) «Из Митавы туда также, подобно герою, приехал комтур со многими избранными героями».

Лексема *ritter* в одинаковом числе случаев выступает в роли подлежащего и объекта в генитиве (по 8 примеров; примеры 12 и 5 соответственно). Кроме того, она также может входить в состав предикатива (пример 6), быть объектом в аккумулятиве (4 примера; пример 5) и в дативе (1 пример).

Лексема *degen* чаще всего выступает в качестве объекта в аккумулятиве (7 примеров; пример 8), но также может быть подлежащим (примеры 7, 14) и выступать в сравнении (3 примера).

Подводя итог, можно утверждать, что наиболее частотной из трёх проанализированных лексем является *helt*, она же обладает наибольшей вариативностью в сочетаемости с эпитетами. Существительное *ritter* чуть менее, чем в трети случаев встречается в УС *gotes rittere* «Божьи рыцари», и вопрос о том, можно ли рассматривать данный эпитет как украшающий, является спорным. Для лексемы *degen*, предположительно представляющей собой пришедший из героического эпоса архаизм, характерно сочетание с определением *balt*.

В предложении для рассматриваемых существительных наиболее характерно выполнять роль подлежащего и дополнения в аккумулятиве, но также входить в состав предикатива. Лишь лексема *helt* с эпитетом в СРХ встречается в обращении, а лексеме *ritter* употребление в сравнении не свойственно.

В трети всех реализаций рассматриваемые существительные с эпитетом используются для констатации самого факта, что персонаж обладает исключительно положительными качествами. Качества эти, за одним исключением, мирского и героического свойства, что можно объяснить общей мирской идеологией СРХ, а также её близостью в стилистике и лексиконе к свн. эпосу, происходящему из героического эпоса.

Большинство рассмотренных эпитетов взаимозаменяемы и могут также использоваться для определения других существительных с аналогичной семантикой. Лишь несколько определений (*balt*, *unverzaget*, *rasch*) имеют в тексте СРХ ограничения в сочетаемости. Кроме того, самое частотное в данном тексте прилагательное *vrom* имеет «духовное» значение «благочестивый» и, вероятно, поэтому не используется для характеристики язычников. Всем этим эпитетам и самим определяемым существительным также свойственно рифмоваться с одними и теми же лексемами как во всей

СРХ, так и на протяжении небольших фрагментов текста, что типично для данного памятника.

Учитывая, что при употреблении рассматриваемых УС можно говорить об определённом синтаксическом паттерне, можно предположить, что и в случае с такими важными для текста СРХ элементами, как обозначения война с эпитетом, речь в очередной раз идёт о формульных словосочетаниях, обладающих, впрочем, довольно большой степенью гибкости и вариативности. Можно утверждать, что существительные *helt* и *degen* в принципе взаимозаменяемы, в отличие от *ritter*, которое в части примеров обладает более узким значением. Фактором, влияющим на выбор тех или иных элементов данных УС, является в первую очередь непосредственное контекстуальное окружение, но также и – в меньшей степени – семантика постоянных эпитетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Нееке М. О начале и истоках. Ливонская рифмованная хроника как точка отсчета для литературы в Тевтонском ордене // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 12. С. 5 – 12.
- Brauns W. Die Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. v. Wolfgang Stammer et al. Band 5: Nachträge. Berlin/Leipzig: De Gruyter, 1955. Sp. 956 – 967.
- Fischer M. “Di Himels Rote”: The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order (Göppinger Arbeiten zur Germanistik 525). Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991.
- Ghosh Sh. Conquest, Conversion, and Heathen Customs in Henry of Livonia’s *Chronicon Livoniae* and the *Livländische Reimchronik* // *Crusades: Vol. 11* / Benjamin Z. Kedar, Jonathan Phillips, Jonathan Riley-Smith (Eds.). London: Routledge, 2012. Pp. 87 – 108.
- Kļaviņš K. The Ideology of Christianity and Pagan Practice among the Teutonic Knights: The Case of the Baltic Region // *Journal of Baltic Studies*, 37:3, pp. 260 – 276.
- Kugler H. Die “Livländische Reimchronik” des 13. Jahrhunderts // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*, 9 (1993), pp. 22 – 30. URL: <http://www.periodika.lv/periodika2-viewer/?lang=de#panel:palissue:654758|article:DIVL120> (дата обращения: 19.03.2022).
- Lexer M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. URL: <http://www.woerterbuchnetz.de/Lexer/vrum> (дата обращения: 19.03.2022).
- Murray A. V. The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle // *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier, 1150-1500*. Ed. Alan V. Murray. Aldershot: Ashgate, 2001. Pp. 235 – 251.
- Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Feistner E., Neecke M., Vollmann-Profe G. *Krieg im Visier. Biblepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung*. Tübingen: Max Niemeyer, 2007.

E. S. Tikhonova

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

EPITHETA ORNANTIA AS A STYLISTIC FEATURE OF THE LIVONIAN RHYMED CHRONICLE

*The article considers the usage of nouns *helt*, *degen* and *ritter*, all of them denoting “warrior”, with epitheta ornantia in the Livonian Rhymed Chronicle. Frequency, variability, role in sentence and in rhyme of these lexemes and their epitheta are analyzed. Special attention is drawn to their stylistic connotations and distribution.*

Middle High German, Livonian Rhymed Chronicle, Teutonic Order, epitheta ornantia, variation

ТЕОРИЯ ДИСКУРСА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА; ПРАГМАТИКА И КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.111

Н. В. Аксенова

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0000-0002-2054-9995

n.aksenova@spbu.ru

Н. В. Денисова

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0000-0001-5749-2446

n.denisova@spbu.ru

Н. О. Магнес

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0000-0002-4209-9577

n.magnes@spbu.ru

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ-ФОТОГРАФА КАК «ДРУГОГО» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена языковым средствам характеристики художественного наследия советских женщин-фотографов в англоязычном искусствоведческом дискурсе (ИД). Группа «Soviet women artists» репрезентируется как маргинальная («другая») по признакам гендерной идентичности, творческой позиции и отношения к официальному фотоискусству. Рассматриваются языковые средства, используемые в рамках предметно-тематических блоков «Социокультурный контекст», «Предметы изображения», «Творческий метод»; выделяются основные когнитивные признаки, присваиваемые группе «Soviet women artists» в пространстве ИД.

Искусствоведческий дискурс, фотография, гендер, гендерная идентичность, дискурсивное конструирование гендера

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-012-00276.

Представление о женщине как «Другом» является одним из самых устойчивых в мировой культуре. Настоящее исследование посвящено анализу языковых средств конструирования группы «Soviet women photographers» в англоязычном искусствоведческом дискурсе (далее ИД), посвященном

советскому фотоискусству. Механизмы репрезентации группы «Soviet women photographers» как «Другого» рассматриваются на примере выставки «Communism Through the Lens: Everyday Life Captured by Women Photographers in the Dodge Collection» (далее СТЛ), проходившей осенью 2021 г. в Художественном музее Зиммерли (Нью-Брансуик), одном из крупнейших университетских музеев США. На выставке были представлены работы 15 женщин-фотографов, в том числе Валентины Кулагиной, Людмилы Федоренко, Зенты Дзивидзинска, Мары Брашмане, Анн Тенно, Натальи Цехомской, Виолеты Бубелите, Ины Стуре, Марии Снигиревской, Людмилы Федоренко и Вероники Лаперье. Место проведения выставки определило состав экспонатов и содержание сопроводительных искусствоведческих материалов: музей Зиммерли владеет обширной коллекцией советского нонконформистского искусства, а также документальным архивом, отражающим развитие послевоенного искусства и культуры андеграунда в СССР (архив Доджей). Материалом для исследования послужили сопровождающие тексты к выставке СТЛ, которые включают в себя каталог выставки и материалы сайта музея Зиммерли, а также некоторые рецензии на выставку.

Выделение когнитивных признаков изучаемой группы осуществляется в рамках трех предметно-тематических блоков, представленных в текстах ИД и отражающих взаимодействие женщин-фотохудожников с культурно-исторической средой (блок «Социокультурный контекст»), основные темы и лейтмотивы женского фотографического творчества (блок «Предмет съемки») и особенности творческого метода фотохудожниц советского периода (блок «Творческий метод»).

1. Блок «Социокультурный контекст»

Маркированный статус женщин-фотографов в сфере фотографического искусства находит эксплицитное отражение в дискурсивных практиках, характеризующих развитие фотоиндустрии на фоне социальных процессов в постреволюционной России. Женское присутствие в сфере советской профессиональной фотографии и фотожурналистики репрезентируется как вхождение в уже существующую, хотя и новую, область деятельности (*women photographers became part of the burgeoning photojournalism profession... women entered the photojournalism profession [WFDC]*), которое становится возможным благодаря женской эмансипации и освоению женщинами новых областей искусства и техники в советской России. Указания на численное меньшинство женщин-фотографов образуют резкий контраст с характеристиками фотоискусства как перспективной и динамичной

профессиональной области: *Within Soviet art, photography rose to prominence with its increased use in illustrated journals of the 1920s. From the beginning, women entered the photojournalism profession, although they remained a minority in the field* [WFDC]. Профессиональная миноритарность группы Soviet women artists связывается с необходимостью преодоления членами данной группы специфических гендерно обусловленных препятствий к на пути творческой самореализации, несмотря на официально провозглашенное в СССР равенство полов: *Despite the Soviet Union's official rhetoric of gender equality, women of both generations shared a range of personal and professional challenges in advancing their careers as photographers* [WFDC].

Творческое наследие женщин-фотографов советского периода репрезентируется в пространстве ИД как малоизвестное зрителю или недооцененное арт-сообществом, несмотря на свою высокую художественную ценность и определяющее влияние на развитие фотографии в XX веке: *a new exhibition spotlighting the underrepresented works of women photographers in the Soviet Union* [VECO]; *unique – and often overlooked – photographic innovations by women who shaped the history of photography during the 20th century* [WFDC]. Информирование зрительской аудитории о данном пласте художественных работ и формирование целостного представления о советском фотоискусстве как части глобального художественного процесса эпохи модернизма рассматривается искусствоведами и кураторами в качестве одной из центральных задач выставки: *[The exhibition] also presents a survey of approaches to photography to highlight for the first time the central role played by women in redefining photography's social reach and expressivity, as perhaps the quintessential modernist medium* [CCTL].

2. Блок «Предмет съемки»

Советские фотохудожницы работали в самых разных жанрах: документальная фотография, уличная фотография, (авто)портрет, пейзаж, натюрморт, обнаженная натура, абстрактная фотография и др. Независимо от жанровых предпочтений женщин-фотографов, искусствоведа фиксируют внимание читателей на важной роли повседневности в предметном содержании женской фотографии (*the everyday interests and preoccupations of Soviet citizens*). Интерес к изображению человека в обыденной среде, к индивидуальному опыту личности, нашедший отражение в названии выставки (*Everyday Life Captured by Women Photographers*), отграничивает исследуемую группу от сторонников художественного принципа коллективизма, характерного для «мужского» искусства советского периода (*cult of the male body, reducing individuals to collective discipline* [Haber]). Даже

когда объектом съемки оказываются бойцы на фронте или рабочие завода, в фокусе внимания фотохудожниц оказывается человек в обыденных, неприукрашенных обстоятельствах. В тексте каталога это подчеркивается с помощью противопоставления привычному для советского искусства героическому или идеализированному изображению людей:

*Many of her wartime images focus on the **routine and ordinary moments of soldiers' lives** rather than epic scenes of battles [VPE].*

*While official Soviet photography typically depicted workers in an idealized and heroic way, Tsekhomskaya's series portraits them **unadorned and in stark detail** – as they really were [VPE].*

Официальное советское искусство было призвано транслировать коммунистическую идеологию, а советское государство часто выступало заказчиком фотопродукции в том числе и по отношению к женщинам-фотографам: *Journals such as Sovetskoye Foto, SSSR Na Stroike, and Pioneer, were just a few of the publications that **paid for photographs and hired women for assignments** [VPE].* Тем не менее, даже оставаясь в рамках политической повестки и пропаганды, фотохудожницы не только оставались верны себе, но и содействовали утверждению истинного гендерного равенства, смещая акцент с внешней привлекательности своих моделей на их социальную значимость: *Kulagina chose a photograph of **a woman who was not attractive for her central image**. We know that she wanted to stress the seriousness of new Soviet women and their accomplishments, as a counterweight to their objectification, which persisted in the USSR in spite of the rhetoric of equality [Kiaer].*

Этическая цельность и стремление женщин-фотохудожниц к объективности даже при необходимости транслировать коммунистические ценности, находит отражение на лексическом уровне ИД в виде высокой концентрации лексем с семантикой истинности/достоверности: *honest values of social documentary photography; authentic expression; candid approach; reflected real aspects of life; naturalistic photography; documented life 'as it was'*. Не вполне правдоподобные фотографии В. Кулагиной описываются искусствоведом с помощью мейозиса: *Photography of the 1930s was not entirely without a fantastical dimension [VPE].*

Особое место в женской фотографии занимает тема гендера, женского тела, самопознания и самоидентификации. В каталоге выставки отмечается экспериментальный характер и чувственность подобных фотографий (*abstract experimentation; full of color and feeling*). Обращение к теме обнаженного женского тела подвергалось в Советском Союзе строгой цензуре (*strict censorship*), поэтому заведомо обрекало фотоработы на запрет к показу на

официальных выставках: *In the 1960s and 1970s, women artists working in amateur photography groups used their unofficial status to pioneer artistic practices that challenged sexist depictions of nude bodies. <...> As a result, women artists like Zenta Dzividzinska could not include their photography in public exhibitions* [VPE].

При изображении женского тела фотохудожницы часто сами становились моделями. В фокусе внимания оказывается «геометрия» тела и его взаимодействие с окружающими предметами: *she emphasizes the body's position as an object in space (focusing on its formal qualities)* [VPE]. Изображение тела в этом случае утрачивает самоценность и репрезентируется искусствоведом, с одной стороны, как инструмент самопознания фотохудожницы (*she challenges viewers to see it as an authentic expression of the self* [VPE]), а с другой – как вызов цензурным ограничениям на изображение обнаженного тела в официальном искусстве: *by placing her unadorned body in decontextualized spaces, she aims to prompt critical reflection on the commonplace censorship of nudity in art* [VPE].

Особое место в творчестве таких фотохудожниц, как Л. Федоренко и В. Лаперье, занимает тема памяти, которая позднее станет центральной в творчестве русских концептуальных художников (И. Кабаков, Г. Брускин, В. Захаров). Исследуя тему памяти, ностальгии по прошлому (*themes of memory and nostalgia*), фотохудожницы и здесь идут от частного к общему, проецируя опыт переживания отдельной семьи на коллективный опыт. При этом память репрезентируется искусствоведом через сферу чувственного: *In her retrospective reworking of these personal images, Fedorenko examines the feelings of collective memory and family history by recalling Russia's history* [VPE].

3. Блок «Творческий метод»

По замыслу организаторов выставки, ее тематическим акцентом выступает интерпретация, индивидуальное восприятие действительности фотохудожницами, уникальное творческое видение в противовес коллективному и официальному: *It (the exhibition) offers a historical examination of how women photographers interpreted life in the communist state* [VPE].

В ИД эксплицируется противостояние ряда женщин-фотографов официальной позиции государства о предназначении и приоритетных жанрах искусства: *Some resisted the very idea that all art should be political, and focused on landscapes and still lifes* [VPE].

Идея протеста и нонконформизма также находит отражение в приемах и средствах художественного выражения:

Along with photographers such as Violeta Bubelyte <...>, Sture created images that were a reaction against efforts to revive the Pictorialist movement

<...> *at a time when Socialist Realism was increasingly losing relevance for contemporary artists* [VPE].

Искусствоведы фиксируют широкое применение фотохудожницами экспериментальных техник и фотоэффектов; при этом используются термины со значением способов съемки и обработки фотоизображений: *different photographic effects, photo montage, double exposure, long exposure, hand-tinting with paint, light painting, toning* и др. Данный прием позволяет дополнительно выделить группу «Soviet women photographers», отграничить ее от приверженцев более традиционных творческих подходов.

При описании экспонатов и задействованных женщинами-фотографами художественных средств эксплицитное выражение получают традиционные представления о связи женщины с эмоциональной сферой и областью чувств, а также с природой:

Ina Sture began to experiment with a variety of techniques—such as double-exposure and toning—to create photographs that were full of color and feeling [VPE].

(Valentina Kulagina) used the technique of photomontage to generate idealized scenes of agrarian life and material abundance [VPE].

Благодаря применению необычных, инновационных художественных средств, работы советских женщин-фотографов приобретают поистине современное звучание.

Although it prefigures the rise of the Instagram aesthetic by nearly a half-century, the square framing of this photograph looks strikingly contemporary. It wouldn't be a stretch to imagine scrolling past it in a grid display on the screen of an iPhone [VPE].

Результаты исследования демонстрируют, что группа «Soviet women artists» в пространстве англоязычного ИД репрезентируется как «Другой» по отношению к официальному советскому (фото)искусству. Дискурсивное конструирование особого (маркированного) статуса данной группы средствами искусствоведческого текста осуществляется в рамках всех трех выделенных предметно-тематических блоков («Социокультурный контекст», «Предметы изображения» и «Творческий метод»). При этом в социальном плане группе присваиваются следующие отличительные когнитивные признаки: миноритарность; более позднее вхождение в профессиональную область; гендерно обусловленные социальные препятствия к творческой самореализации. В плане творческого своеобразия среди когнитивных признаков группы можно отметить нонконформизм; приоритет индивидуализированного принципа работы с натурой перед коллективным;

ориентированность на повседневность и телесность; поиск творческих форм за пределами общепринятых жанров и методов официального искусства; созвучность формам современного фотоискусства. Репрезентация группы «Soviet women artists» как «Другого» участвует в формировании бинарной оппозиции «искусство социалистического реализма – реалистическое искусство», являющейся основной для исследуемой группы текстов.

ЛИТЕРАТУРА

- CCTL – Communism Through the Lens. Women Photographers in Dodge Collection at the Zimmerli. Catalogue of the exhibition. URL: <https://zimmerli.rutgers.edu/node/229> (дата обращения: 15.03.2022).
- Haber J. The Power of Pictures: Early Soviet Photography. 2016. URL: <https://www.haberarts.com/soviets.htm> (дата обращения: 15.03.2022).
- Kiaer Ch. The Short Life of the Equal Woman. URL: <https://www.tate.org.uk/tate-etc/issue-15-spring-2009/short-life-equal-women> (дата обращения: 15.03.2022)
- VECO – Torre L. de. A virtual exhibition celebrates the overlooked legacy of Soviet women photographers. URL: <https://www.calvertjournal.com/articles/show/12716/soviet-female-photographers-virtual-exhibition-> (дата обращения: 15.03.2022).
- VPE – Virtual presentation of the exhibition “Communism Through the Lens: Everyday Life Captured by Women Photographers in the Dodge Collection”. URL: <https://zimmerli.rutgers.edu/node/128> (дата обращения: 15.03.2022).
- WFDC – Women Photographers in Dodge Collection at the Zimmerli. URL: <https://www.russianartandculture.com/women-photographers-in-dodge-collection-at-the-zimmerli/> (дата обращения: 15.03.2022).

Aksenova, N. V.; Denisova, N. V., Magnes, N. O.

Saint Petersburg State University

LINGUISTIC CONSTRUCTION OF SOVIET WOMEN PHOTOGRAPHERS AS THE OTHER: EVIDENCE FROM ANGLOPHONE ART DISCOURSE

The study reviews discursive strategies used in Anglophone art discourse addressing women’s contribution to Soviet photographic legacy. The group “Soviet women photographers” is shown to be linguistically “othered” (represented as different and marginal) on grounds of both its gender and its relationship to mainstream photographic art. The othering strategies are analysed by theme (“Historical Context”, “Subject” and “Method”).

Art discourse, photography, gender, gender identity, discursive construction of gender

Acknowledgements: The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No.20-012-00276.

УДК 811.111

Н. И. Антипина

Кемеровский государственный университет

nadya_drug@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕМИНИННОСТИ В РОМАНЕ ДЖОДЖО МОЙЕС «THE GIVER OF STARS»

В статье рассматриваются лексические средства репрезентации категории фемининности в романе английской писательницы Джоджо Мойес «The Giver of Stars». Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению гендерно обусловленного поведения. Выявлены такие средства, как номинализация фемининности, языковые клише вежливости, эвфемизация, наречия-интенсификаторы, оценочная лексика. Результаты исследования доказывают важность следования нормам фемининного стиля для создания реалистичного и современного женского образа.

Фемининность, гендер, лексический уровень, репрезентация, Джоджо Мойес, эвфемизация

Развитие лингвистики привело к появлению различных научных подходов. В частности, все более актуальными становятся гендерные исследования, являющиеся следствием антропоцентрического подхода. Влияние данных исследований на изучение и интерпретацию художественной литературы сказалось на укреплении бинарной оппозиции – фемининного и маскулинного дискурса. В результате они стали отражением социально принятых установок, правил, управляющих и регулирующих общественные нормы поведения, связанные с полом.

Дифференциация «мужского» и «женского» стилей речи не ограничивается стереотипными представлениями, учитываются также индивидуальные особенности речевого поведения мужчин и женщин. В данном случае необходимо разграничить термины «гендер» и «пол». Пол является биологической характеристикой человека, в то время как гендер – явление социальное. Е. А. Картушина полагает, что «понятие “гендер” соотносится с конструируемыми в языке и закреплёнными в сознании его носителей образами, качествами и характеристиками поведения, а также с совокупностью атрибутов, которые приписываются мужчинам и женщинам в определенном социокультурном сообществе» [2003, с. 8]. Так, гендер является результатом культурного и социального взаимодействия,

в некоторой степени когнитивной категорией, то есть показывает, как мы идентифицируем себя и окружающих людей.

Гендерные различия, в отличие от половых, достаточно условны. Преимущественно они строятся на индивидуальном восприятии женственности и мужественности и заметны именно в противопоставлении друг другу. Согласно мнению С. Г. Воркачева, «наиболее гендерным, отражающим социально-биологическую специфику пола концептом является, бесспорно, любовь, которая собственно и пробуждается половой дифференциацией людей» [2004, с. 189]. Поэтому любовные романы являются наиболее ярким примером гендерных проявлений, в особенности фемининных, так как данный жанр принято считать женским.

Исследование фемининных проявлений в художественной литературе тесно связано с анализом сложившихся в обществе стереотипов о женщине, а также с рассмотрением картины мира через призму восприятия разных полов. В связи с этим гендер изучается на разных уровнях: личность писателя, сюжет произведения, литературные традиции, языковая форма текста [Cornejo, Wozonig, 2008, pp. 155 – 164]. Последний уровень позволяет создавать героинь наиболее реалистичными и приближенными по характеру к читательницам. Языковая форма включает в себя различные подуровни, в том числе лексический.

Именно на лексическом уровне репрезентация категории фемининности прослеживается наиболее отчетливо, так как данный языковой уровень систематизирован и дифференцирован. Гендерно маркированная лексика часто встречается в любовных романах, поэтому фемининность наблюдается не только при характеристике и обозначении женщины, но и в речи самой героини.

Роман Джорджо Мойес «The Giver of Stars» рассказывает историю англичанки Элис, которая в результате замужества переехала в небольшой городок в Америке. События происходят в первой половине прошлого века, когда стереотипы о месте и роли женщины очень устойчивы. Дж. Мойес создает яркий женский образ, соотносимый с фемининным гендером. Использование методов лингвостилистического и контекстуально-интерпретационного анализа, а также дистрибутивного и описательного методов позволили выявить гендерно маркированные лексические единицы, репрезентирующие фемининность.

Женщина в данном произведении описывается различными номинациями, но ведущей лексемой является *mother* («мать»). Это единственно значимая роль женщины в данном обществе и описываемом

временном периоде. Материнство является сущностью женской природы, поэтому каждая обязана выносить, родить и воспитать ребенка. Таким образом, мать является для героев главным человеком, чье мнение крайне важно, а статус матери становится неотъемлемой частью порядочной, правильной женщины:

Mother wouldn't have liked the bolsters positioned like that, would she, Bennett? [Moyes, 2019, с. 17].

«Маме не понравилось бы такое расположение подушек, не так ли, Беннетт?» (здесь и далее перевод автора Н. И. Антипиной).

And now I have to be mother. Make all these decisions [Moyes, 2019, с. 126].

«А теперь я сама должна стать матерью. И принимать все эти решения».

Кроме того, в романе встречаются номинации, которые классифицируют женщину, учитывая половозрастные характеристики, социальное положение, степень родства. Например, *girl* («девочка»), *old woman* («пожилая женщина»), *daughter* («дочь»), *wife* («жена»), *lady* («леди»), *maid* («служанка») и др. Так, женщина и ее положение оценивается по отношению к окружающим, в особенности мужчинам. Если героиня замужем, то ее воспринимают только как жену какого-либо мужчины:

Or maybe this nice English lady? Van Cleve Junior's wife, yes? [Moyes, 2019, с. 325].

«Или, может быть, эта милая англичанка? Жена Ван Клива Младшего, верно?»

Сочетания вышеупомянутых лексем с качественными прилагательными демонстрируют отношение общества к женщинам. Наиболее часто используется прилагательное *young* («молодая»), которое контекстуально может приобретать негативную коннотацию. Данное обращение используют мужчины, что подчеркивает их господствующее социальное положение:

'That's most kind of you,' said Mr Van Cleve. 'Sometimes a young lady doesn't always know what's in her own interests' [Moyes, 2019, с. 106].

«Вы очень любезны, – сказал мистер Ван Клив. – Иногда барышня не знает, что в ее собственных интересах».

Однако если диалог происходит в профессиональной обстановке или между женщинами, то данная лексема обладает положительной коннотацией со значением выражения заботы, сочувствия, совета:

Young lady, you need to spend at least six weeks resting it [Moyes, 2019, с. 233].

«Юная леди, вам нужно отдохнуть минимум шесть недель».

Главная героиня романа «The Giver of Stars», Элис, характеризуется автором следующим образом: *elegant young Englishwoman with huge eyes and waved, bobbed blonde hair*, («элегантная молодая англичанка с огромными глазами и волнистыми, стриженными под каре светлыми волосами») [Moyes, 2019, с. 13]. Используемая лексика помогает создать образ благородной, воспитанной, культурной девушки с приятными чертами лица. Внимание читателя привлекается к аристократическому происхождению Элис, благодаря чему героиня предстает статной, владеющей этикетом и обладающей хорошими манерами. Словосочетание *a British princess* («британская принцесса») поддерживает этот образ. В результате главное место в описании девушки отводится ее внешним данным и поведению, в то время как внутренний мир и интеллект не упоминается совсем.

Изучение речи главной героини романа позволяет говорить о ее принадлежности к фемининному гендеру. М. А. Китайгородская, Е. А. Земская и Н. Н. Розанова в результате проведенных исследований пришли к выводу, что лексический состав женской речи достаточно «обобщенный и гуманистический» [1993, с. 96 – 100]. Так, женщины часто говорят о быте, повседневных делах, семье, природе, в то время как, например, работа упоминается крайне редко. В речевом поведении Элис преобладают следующие семантические поля: природа, животные, чувства, отношения, семья. Так, героиня часто говорит о своих эмоциях и переживаниях, что позволяет понять ее внутренний мир, который не интересует окружающих:

To tell him of the nights that she felt something was being hollowed out at the very core of her, that nothing that had happened to her in her life up to now had left her feeling so leaden of heart, so lost, as if she had made a mistake that there was simply no coming back from [Moyes, 2019, с. 172].

«Лишь бы рассказать ему о тех ночах, когда она чувствовала, как что-то умирает в самой глубине ее души, что ничто из того, что случилось с ней ранее, не оставляло такую тяжесть на сердце, такую пустоту, как будто она совершила ошибку, что обратного пути просто нет».

Семья для главной героини, выросшей в строгих условиях и имеющей крепкие моральные установки, очень важна. Элис, несмотря на внутренний бунт и желание быть счастливой, старается сохранить свой брак. Девушка вынуждена следовать правилам, принятым в доме ее мужа и его отца, чтобы не создавать конфликтные ситуации. Однако иногда она относится к ним

с иронией, поэтому иначе интерпретирует правила, чтобы добиться желаемого:

Alice leaned forward. 'My husband was just telling me that he believes strongly in the importance of civic duty, just as his dear mother did, so I would be happy to volunteer' [Moyes, 2019, с. 25].

«Элис наклонилась вперед: «Мой муж недавно сказал мне, что он, как и его глубокоуважаемая мама, твердо верит в важность исполнения гражданского долга, поэтому я буду счастлива стать волонтером».

Фемининный стиль речи характеризуется эмоционально-окрашенной лексикой, так как для данного гендера свойственны порывы эмоций и их выражение. Так, когда Элис начинает понимать, что она не способна спасти свой брак, а сама девушка очень несчастна в этой семье, ее чувства описываются при помощи экспрессивной лексики. Глагол *to hate* («ненавидеть») часто используется в ситуациях отчаяния:

Oh, what is there to say? I hate being married. I hate living in that house – I'm not sure which of us is more miserable. But he's all I have [Moyes, 2019, с. 207].

«Да что тут можно сказать? Я ненавижу быть замужем. Я ненавижу жить в этом доме. Я не уверена, кто из нас более несчастен. Но он все, что у меня есть».

Данный глагол имеет лексическое значение, которое уже подразумевает сильную эмоцию. После очередной ссоры с отцом мужа из-за нежелания Элис становиться матерью и ее свободолюбивого поведения, мужчина ударяет героиню. С этого момента девушка начинает ненавидеть эту семью всем сердцем, что подчеркивается наречным сочетанием *with a passion* («со страстью»), которое в совокупности с окрашенным глаголом создает интенсификацию значения:

Alice now hated that house with a passion, its gloom, its stifling history [Moyes, 2019, с. 136].

«Теперь же Элис страстно ненавидела этот дом, его мрачность, удушающее прошлое».

Кроме того, репрезентация фемининности на лексическом уровне осуществляется за счет употребления наречий-интенсификаторов, таких как *much, very, too, so*. Плеоназм в использовании наречий, за счет которого выражается вся сила чувств, становится характерной чертой речи Элис. Например, замечая, как счастлив муж в ее отсутствии, героиня расстроена и растеряна одновременно:

She observed, absently, that he seemed so much more at ease when he wasn't with her [Moyes, 2019, с. 145].

«Она рассеянно заметила, что он казался намного более расслабленным, когда ее не было рядом».

Выражая благодарность конюху Фреду за его помощь, Элис допускает в своей речи плеоназм, позволяющий подчеркнуть ее искренность и признательность:

Honestly, Mr Guisler – Fred – you’ve been so very kind already and I don’t want to put you to more trouble [Moyes, 2019, с. 149].

«По правде говоря, мистер Гислер – Фред – вы и так были очень сильно любезны, поэтому я не хочу доставлять вам еще больше неприятностей».

Важно отметить, что интенсификация иногда позволяет сделать речь эвфемистичной. Смягчение смысла с целью уменьшения эмоциональности свойственно фемининности и является результатом представления о воспитании женщины. Так, перебирая книги в библиотеке и проводя время с новыми подругами, Элис расчувствовалась, осознав, что здесь ей намного лучше, чем дома. Однако на вопрос девушек, что случилось, героиня решает не делиться своими проблемами, так как они имеют отношение только к ней и ее семье. Элис отвечает: *Just a little homesick* [Moyes, 2019, с. 116].

«Просто немного скучаю по дому».

Другой особенностью фемининного стиля является использование клише вежливости. Благодаря данным лексическим сочетаниям происходит смягчение просьб, выражение благодарности, демонстрирование хорошего воспитания. Более того, некоторые клише помогают передать иронию, но в более мягкой форме, вновь подчеркивая манеры и поведение женщины. Данные конструкции служат главной коммуникативной цели, преследуемой женщинами, – установление контакта. Так, пытаясь наладить хорошие отношения с охранником, чтобы он позволил Элис приходить к подруге, девушка прибегает к чрезмерной вежливости:

‘Deputy Dulles. I do beg your pardon.’ She handed him the cornbread, wrapped in a napkin. ‘Oh,’ she said, as he opened it. ‘And I’ll want that napkin back. If you could just give it to me tomorrow when I bring the next lot, that would be lovely’ [Moyes, 2019, с. 337].

«Заместитель Даллес. Прошу прощения», — она протянула ему кукурузный хлеб, завернутый в салфетку. — Ах да, — невзначай вспомнила она, когда он развернул ее, — я хочу забрать салфетку. Если бы вы могли просто отдать ее завтра, когда я принесу следующую партию, было бы прекрасно».

Таким образом, репрезентация фемининности на лексическом уровне происходит при помощи различных средств: эмоционально-окрашенных

лексических единиц, номинализаций, слов-интенсификаторов, клише вежливости. Элис в романе Джоджо Мойес «The Giver of Stars» предстает сильной и уверенной женщиной, которая, однако, ради семьи готова пожертвовать собой и своими интересами. Тем не менее, героиня осознает, что должна следовать только за своими стремлениями. Сомнения и переживания Элис ярко показаны на лексическом уровне языка, благодаря чему создается понятный и реалистичный женский образ.

ЛИТЕРАТУРА

- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурологический концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
- Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90 – 136.
- Картушина Е. А. Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: Ижевск, 2003.
- Cornejo R. Gender Studies in der Literaturwissenschaft (Literaturwissenschaft in den Gender Studies). Eine Wechselwirkung / R. Cornejo, K. S. Wozonig // Derrida und danach, 2008. pp. 155 – 164.
- Moyes J. The Giver of Stars. London: Penguin books ltd, 2019.

Antipina, N. I.

Kemerovo State University

LEXICAL MEANS OF REPRESENTATION OF FEMININITY IN JOJO MOYES' NOVEL "THE GIVER OF STARS"

The article discusses the means of representing the category of femininity in the novel "The Giver of Stars" by the English writer Jojo Moyes. The relevance of the study is due to the growing interest in the study of gender-based behavior. The lexical means of creating femininity are explored. Distributive and descriptive methods, the method of contextual-interpretive analysis have been applied. Such means as nominalization of femininity, language clichés of politeness, euphemization, adverbs-intensifiers, and evaluative vocabulary are revealed. The results of the study show the importance of following the norms of a feminine style in order to create a realistic and modern female image.

Femininity, gender, lexical level, representation, novel, Jojo Moyes, euphemism

УДК [811.133.1+811.111] '37.612.2'42:32

А. А. Бурчанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
anastasia.burchanova@yandex.ru

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ БРИТАНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ

В статье рассматривается понятие языковой личности. Проанализированы материалы публичных выступлений британского политика Найджела Фаража и французского политика Марин Ле Пен, составлен их речевой портрет, изучена когнитивная составляющая речи на основе используемых метафор и выраженных концептов. Результаты исследования показали, что в политических речах данных деятелей реализуется манипулятивная стратегия дискредитации Европейского союза, актуализируемая посредством экспрессивно-оценочной лексики, негативной номинации лиц и личных местоимений.

Лингвистическая персонология, языковая личность, речевой портрет, политический дискурс

Повышенный интерес к изучению языковой личности как многопланового междисциплинарного феномена обусловил возникновение отдельного направления в современной лингвистике – лингвистической персонологии. Термин «лингвистическая персонология» впервые был использован в 1996 году российским лингвистом В. П. Нерознаком [1996]. Исследуя становление данной научной дисциплины на стыке лингвистики, персонализма и философской персонологии, В. П. Нерознак отметил, что объектом её изучения является непосредственно языковая личность, а предметом – описание и идентификация языковой личности, в рамках которых рассматриваются различные формы проявления экспрессии, оценочная и стилистическая окраска используемых в речи и тексте лексических единиц, качество голоса, вокальная вариативность и другие персональные особенности человека [цит. по Попов, 2020; Попова, 2020, с. 91].

Принципы описания языковой личности разрабатывались многими учёными-лингвистами, в частности И. А. Бодуэном де Куртенэ, А. А. Потебнёй, Ф. И. Буслаевым и В. В. Виноградовым. И. А. Бодуэн де Куртенэ и А. А. Потебня рассматривали языковую личность с точки зрения психологического направления в лингвистике, а также как «вместилище

социально-языковых форм». Ф. И. Буслаев изучал это понятие с позиций лингводидактики, а В. В. Виноградов, в свою очередь, обращался к языковой личности в рамках изучения художественной прозы и трактовки художественных образов [цит. по. Караулов, 2010, с. 28 – 30]. Однако более подробно феномен языковой личности был раскрыт в трудах Ю. Н. Караулова, который предложил учитывать для изучения любой языковой личности следующие переменные: системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период времени, социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится рассматриваемая личность, и сведения психологического плана, определяющие ценностно-установочные критерии изучаемой личности и создающие уникальный колорит её дискурса [2010, с. 42]. Ю. Н. Караулов выделяет три уровня изучения языковой личности: 1) нулевой (структурно-языковой), отражающий степень владения обыденным языком; 2) первый (лингвокогнитивный), предполагающий выделение и анализ индивидуальной картины мира изучаемой личности; 3) второй (мотивационный), включающий в себя выявление и характеристику мотивов и целей, влияющих на текстопорождение, и, следовательно, определяющих иерархию смыслов и ценностей в языковой модели мира данной личности [2010, с. 36 – 37]. Ю. Н. Караулов отмечает, что языковая личность «есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [2010, с. 38].

Одним из способов описания и идентификации языковой личности является создание её речевого портрета. Единой модели речевого портретирования не существует, однако большинство исследователей обращается к трём уровням изучения языковой личности, выделенных Ю. Н. Карауловым. Для этого выявляются особенности словоупотребления на структурно-языковом уровне, отражаются индивидуальные представления о мире на лингвокогнитивном уровне и, в конечном итоге, на мотивационном уровне изучаются применяемые говорящим стратегии и тактики [Никифорова, 2014, с. 188].

Значительный интерес представляет речевое портретирование представителей различных социальных институтов, в том числе и политического социального института. Политик, с одной стороны, выступает носителем собственно индивидуальных коммуникативных и лингвостилистических характеристик, а с другой стороны – является представителем целой лингвокультуры. Составление речевого портрета политического деятеля является привлекательным для исследователя ввиду

публичного характера политической коммуникации, а также её масштабного манипулятивного потенциала [Никифорова, 2014, с. 189]. В рамках речевого портретирования осуществляются исследования когнитивной составляющей речи политиков (воссоздание идеологической картины мира, использование метафор и выражение концептов), а также их речевого поведения (анализ применяемых ими стратегий и тактик) [Никифорова, 2014, с. 190 – 193].

В данной работе представляется актуальным проанализировать публичные выступления британского политика Найджела Фаража и французского политика Марин Ле Пен. Данные политические деятели придерживаются идеологии евроскептицизма и национал-консерватизма, имеют правые или ультраправые взгляды. В ходе описания языковой личности и составления речевого портрета политиков была использована трёхуровневая модель Ю. Н. Караулова [2010, с. 36 – 37]. Примечательно то, что выбранные для изучения политические деятели относятся к разным культурам, следовательно, при проведении лингвоперсонологического анализа представляется возможным отразить и сопоставить национальные особенности.

Найджел Фараж является одним из ключевых идеологов Брексита в Великобритании. На протяжении десяти лет он возглавлял партию евроскептиков (*United Kingdom Independence Party*) и неоднократно пытался дискредитировать Европейский союз, его основные институты и высших чиновников. Данная стратегия прослеживается в публичных выступлениях Фаража в последние несколько лет. Так, в обращении к своему электорату 7 февраля 2018 года [Farage, 2018, www.nfarage.com] Фараж называет элиту Европейского союза *Brussels bully boys* (здесь и далее перевод автора Бурчановой А. А. – *хулиганы из Брюсселя*), *arrogant, bullying elite who never take no for an answer* (*высокомерная элита, которая запугивает и не принимает отказов*) и *fanatical EU nationalists* (*фанатичные европейские националисты*). Сам Европейский союз Фараж характеризует как *centralised, authoritarian United States of Europe* (*централизованные, авторитарные Соединённые Штаты Европы*). В то же время, Фараж отмечает, что Великобритания могла бы стать достойным противником Европейского союза, но не с теми лидерами, которые находятся у власти в этой стране. Фараж заявляет: «We now look like a nation that has been defeated in war, with a crestfallen leader» (*Сейчас мы похожи на нацию, которая потерпела поражение в войне, а наш лидер упал духом*). Политик добавляет, что он и сам участвовал в этой «войне»: «I've fought them for years in the chamber

in Strasbourg» (*Я годами боролся с ними [представителями Евросоюза] в палате Европарламента в Страсбурге*).

В марте 2019 года Найджел Фараж [Farage, 2019, www.nfarage.com] выступает с резкой критикой в адрес действующего премьер-министра Великобритании Терезы Мэй, поскольку он считает, что она делает недостаточно на переговорах по Брекзиту. Фараж обращается к альтернативной номинации, говоря о британском правительстве, используя в речи разговорное наименование *Number 10* (резиденция премьер-министра на Даунинг-стрит, 10). Он называет Великобританию под руководством Мэй *банановой республикой* (*a banana republic*) и обещает «разорвать партию [Терезы Мэй] на части» (*I promise I will do my best to tear her party limb from limb*), если переговорный процесс по Брекзиту затянется.

В январе 2020 года [Farage, 2020, www.nfarage.com] Фараж называет Европейский единый рынок *прогнившим проектом* (*rotten project*). Он сравнивает Европейский союз с тонущим судном: «While the Titanic sinks, our nation will be on a lifeboat rowing to a bright new future» (*Пока "Титаник" тонет, наша нация будет плыть в спасательной шлюпке навстречу светлому новому будущему*). Фараж обещает, что и после Брекзита он будет служить своей стране: «I will not walk away. I am ready to catch the ball if the Tories drop it again» (*Я не уйду. Я готов поймать этот шанс, если тори вновь выпустят его из рук*).

Стоит отметить, что Найджел Фараж часто обращается к местоимению *I* в выступлениях, рассказывая о своём личном опыте [Farage, 2021]: «I would launch attack after attack on the very concept of the European Commission, <...>, and for this I received complaints, cold shoulders, and sometimes abuse» (*Я снова и снова атаковал саму концепцию Европейской комиссии, и за это я получал жалобы, холодный приём и иногда оскорбления*) или «I was just about the only MEP who was willing to take a stand against this rotten system» (*Я был едва ли не единственным депутатом Европейского парламента, который был готов выступить против этой гнилой системы*).

В декабре 2021 года Найджел Фараж называет выход Великобритании из Европейского союза *самым драматичным политическим конфликтом* (*the most dramatic political conflict*) [Farage, 2021, www.nfarage.com]. Завершение Брекзита он характеризует так: «The war is over» (*Война окончена*). В этом выступлении он также использует личное местоимение *I* для того, чтобы продемонстрировать личный вклад в это историческое для Великобритании событие: «I made a decision that would define my life for more than a quarter of a century» (*Я принял решение, которое определило мою жизнь более чем*

на четверть века), «I was committed, bloody-minded, and happy to tour the country relentlessly speaking at public meetings» (*Я был предан идее, беспощаден, и я был рад ездить по стране, неустанно выступая на публичных собраниях*), «I quickly became the patron saint of lost causes» (*Я быстро стал заступником в безнадежных делах*).

Во Франции одним из наиболее видных политиков, занимающих позицию евроскептицизма, является Марин Ле Пен, лидер политической партии *Национальное объединение (Rassemblement national)*. Ле Пен активно использовала Брекзит в качестве политического аргумента в ходе предвыборной кампании 2017 года, но спустя два года, готовясь к выборам в Европейский парламент, её партия приняла решение смягчить позицию по отношению к евроинтеграции, снять с повестки потенциальный выход Франции из Европейского союза и сосредоточиться лишь на требовании реформировать это политическое объединение.

В речи 5 июля 2021 года в городе Перпиньян Марин Ле Пен [Le Pen, 2021, www.rassemblementnational.fr] противопоставляет Францию и её народ Европейскому союзу. Для описания страны политик использует выражения *ce prodigieux édifice qui s'appelle la France* (*это грандиозное сооружение под названием Франция*), *cette belle époque humaine* (*эта прекрасная человеческая эпопея*), *la brillante civilisation* (*великолепная культура*), *notre belle France* (*наша прекрасная Франция*). Ле Пен также говорит и о французской нации (*La Nation*) и сравнивает её с воинским эшелоном (*La Nation, c'est l'échelon*), который на данный момент атакован и находится под угрозой исчезновения (*la Nation française est aujourd'hui attaquée et, <...>, menacée de disparition*). Носителем угрозы безопасности французов, согласно Марин Ле Пен, является Европейский союз: «Elle est aussi gravement attaquée par le haut par le mondialisme et son bras armé, l'Union européenne» (*Она [французская нация] также подвергается серьёзным атакам сверху со стороны мондиализма и его оружия, Европейского союза*). Ле Пен отмечает: «La vision impérialiste de l'Union européenne est sans limite» (*Империализм Европейского союза безграничен*). Франция должна стремиться к освобождению от «ига Европейского союза», которое становится всё тяжелее и тяжелее (*une libération du joug de plus en plus lourd de l'Union européenne*), а сама политическая организация, по словам Ле Пен, является *идеологической диктатурой (cette dictature très idéologique)*, которую она сравнивает с *централизованным якобинским государством (un État jacobin centralisé)*. Ле Пен задаёт риторический вопрос о том, какой должна стать Франция: «Une France qui ose désigner l'ennemi ou accepte de plier face à l'idéologie

islamiste et sa barbarie?» (Францией, которая осмеливается обозначить врага, или же Францией, которая соглашается сдаться перед лицом исламистской идеологии и её варварства?).

В обращении от 10 ноября 2020 года об угрозе исламистского терроризма Ле Пен называет Европейский союз *слабым звеном (le maillon faible)* в борьбе с террористической угрозой [Le Pen, 2020, www.rassemblementnational.fr]. Она добавляет, что это политическое объединение «годами поощряло политику открытых границ, иммиграцию и коммунитаризм, которые создают благодатную почву для исламистской идеологии и её смертоносного проявления, терроризма» *une organisation politique qui depuis des années encourage le sans-frontiérisme, l'immigrationnisme et le communautarisme qui font le lit de l'idéologie islamiste et de son expression meurtrière, le terrorisme*).

Для придания экспрессивности своей речи политик использует приёмы лексического повтора, в частности анафору: «L'Union européenne demeure toujours hostile au principe de souveraineté territoriale. <...> L'Union européenne demeure pour le moins ambiguë voire complaisante avec l'islam politique» (*Европейский Союз по-прежнему враждебно относится к принципу территориального суверенитета. <...> Европейский союз по-прежнему остаётся, по меньшей мере, двусмысленно и даже великодушно настроенным по отношению к политическому исламу*) и эпифору: «Il n'y a pas de puissance sans unité. Il n'y a pas de fraternité sans unité. Il n'y a tout simplement pas d'avenir pour la France sans unité» (*Нет силы без единства. Нет братства без единства. У Франции попросту нет будущего без единства*).

Марин Ле Пен в выступлениях склонна использовать местоимение *nous* (*мы*) для того, чтобы апеллировать к патриотическим чувствам аудитории, продемонстрировать единство французской нации, сплочённость французов перед любой угрозой. «Dans ce combat essentiel pour nos libertés, nous ne sommes pas seuls» (*В этой крайне важной борьбе за наши гражданские свободы мы не одиноки*).

«Nous allons nous mobiliser, avec nos députés à Bruxelles et nos partenaires européens, pour faire échec à ce projet insensé» (*Мы собираемся мобилизовать свои усилия, вместе с нашими депутатами в Брюсселе и нашими европейскими партнёрами, с целью заблокировать этот безумный проект*).

«Cette victoire nous allons la chercher» (*Мы будем стремиться одержать эту победу*).

Таким образом, политики Найджел Фараж и Марин Ле Пен в рамках мотивационного уровня используют преимущественно манипулятивную стратегию дискредитации Европейского союза. Для реализации данной

стратегии Фараж на структурно-языковом уровне обращается к экспрессивно-оценочной, неполиткорректной лексике. Через негативную номинацию происходит «наклеивание ярлыков» не только на непосредственно политическую организацию, но и на её представителей. Что касается Марин Ле Пен, то её коммуникативное поведение характеризуется отсутствием негативной номинации конкретных лиц, но, тем не менее, характеристикам, которые она использует для создания образа Европейского союза и для обращения к социально-политическим проблемам, присуща определённая жёсткость. Стоит отметить, что и Фараж, и Ле Пен прибегают к использованию военной лексики, и здесь же можно отметить тот факт, что на лингвокогнитивном уровне у обоих политиков реализуется одна и та же когнитивная метафора «политика – это война». Но поскольку данные языковые личности относятся к разным культурам, они обращаются к различным концептам при характеристике Европейского союза. Фараж сравнивает Евросоюз с тонущим Титаником, приводя в пример элемент западной культуры – крушение британского парохода. Марин Ле Пен называет Евросоюз «якобинским государством», ссылаясь на историю Французской революции. Примечательна частотность использования местоимений политиками. Марин Ле Пен обращается к местоимению *nous* (мы), поскольку её коммуникативная задача по отношению к электорату заключается в том, чтобы убедить французов в необходимости единства перед внешними угрозами. Найджел Фараж использует личное местоимение *I* (я) для того, чтобы продемонстрировать свою собственную заслугу в успешной имплементации Брекзита.

Проведение лингвоперсонологического анализа выступлений политических деятелей и составление речевых портретов позволяют воссоздать идеологическую картину мира говорящих на основе используемых метафор и концептов, определить стратегии и тактики их речевого поведения, в свою очередь актуализируемые посредством экспрессивно-оценочной лексики, негативной номинации лиц и частотностью использования личных местоимений, а также оценить манипулятивный потенциал рассматриваемой политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 144 – 238.

- Никифорова М. В. Языковая личность политического деятеля: подходы к речевому портретированию. // Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз. Екатеринбург, 2014. С. 186 – 200.
- Попов Д. Д., Попова В. А. Возможности лингвистической персонологии в решении задач фоноскопической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. 2020. Т. 19, №1. С. 89 – 101.
- Farage N. Father of Brexit Nigel Farage tells Boris Johnson: The war is over! URL: <https://nfarage.com/father-of-brexit-nigel-farage-tells-boris-johnson-the-war-is-over/> (дата обращения: 17.03.2022).
- Farage N. Finally, the country is seeing the EU for what it is: nasty, vindictive and nationalistic URL: <https://nfarage.com/finally-the-country-is-seeing-the-eu-for-what-it-is-nasty-vindictive-and-nationalistic/> (дата обращения: 17.03.2022).
- Farage N. If Theresa May buckles and delays Brexit, I will do my best to tear her party limb from limb. URL: <https://nfarage.com/if-theresa-may-buckles-and-delays-brexit-i-will-do-my-best-to-tear-her-party-limb-from-limb/> (дата обращения: 17.03.2022).
- Farage N. Welcome to Vichy Britain, where the Brussels bully boys can do what they like to us before Brexit. URL: <https://nfarage.com/welcome-to-vichy-britain-where-the-brussels-bully-boys-can-do-what-they-like-to-us-before-brexit/> (дата обращения: 17.03.2022).
- Farage N. We're leaving a sinking EU Titanic on our Brexit lifeboat, rowing to a bright new future. URL: <https://nfarage.com/were-leaving-a-sinking-eu-titanic-on-our-brexit-lifeboat-rowing-to-a-bright-new-future/> (дата обращения: 17.03.2022).
- Le Pen M. Congrès de Perpignan : discours de Marine Le Pen. URL: <https://rassemblementnational.fr/discours/congres-de-perpignan-discours-de-marine-le-pen/> (дата обращения: 17.03.2022).
- Le Pen M. Terrorisme islamiste : l'Union européenne, le maillon faible. URL: <https://rassemblementnational.fr/communiqués/terrorisme-islamiste-union-europeenne-le-maillon-faible/> (дата обращения: 17.03.2022).

Burchanova, A. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

LINGUOPERSONOLOGICAL ANALYSIS OF PUBLIC SPEECHES OF BRITISH AND FRENCH POLITICIANS

The article deals with the concept of language personality. The materials of public speeches of the British politician Nigel Farage and the French politician Marine Le Pen are presented and analyzed, their speech portrait is made up, the features of word usage are considered and the cognitive component of speech is revealed on the basis of the metaphors and the expressed concepts used. The results of the study show that in the political speeches of these figures, a manipulative strategy of discrediting the European Union is implemented, which is updated through expressive-evaluative vocabulary, negative nomination of persons and the frequency of using personal pronouns.

Linguistic personology, language personality, speech portrait, political discourse

УДК: 808.53:811.111

Е. Д. Васьков

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),*

ORCID: 0000-0003-3674-977X

ElishaTheArtist@yandex.ru

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ДОНАЛЬД ТРАМП И ДЖОЗЕФ БАЙДЕН

В работе рассматриваются теоретические и практические аспекты речевой агрессии в политической коммуникации. Анализируются проявления вербальной агрессии в речи Дональда Трампа и Джозефа Байдена. Особое внимание уделяется случаям выражения дискредитации и иронии. Делается вывод о склонности Трампа к более открытым формам агрессии и о склонности Байдена к агрессии скрытой.

Речевая агрессия, политическая лингвистика, лингвистическая прагматика, типы агрессии

В политическом дискурсе огромную роль играет речевая агрессия. Политическая речь – это всегда какая-то борьба: либо спор с оппонентами, либо борьба за народную поддержку. И чем агрессивнее участник политического процесса, тем выше его шансы на победу.

Интерес к исследованию вербальной агрессии в политике связан с тем, что она проявляется в самых разнообразных формах, некоторые из которых наиболее ярко именно в политическом дискурсе.

В последние годы многие политологи высказывают мнения, что политический дискурс в США радикализуется и что происходит раскол американского общества по политическим, экономическим и культурным вопросам: миграция, социальные программы, расовый вопрос. Кажется логичным предположить, что в подобной ситуации особенно ярко должна проявляться речевая агрессия.

Глухова И. В. в своей работе «Лексико-семантические способы выражение речевой агрессии» [2017, с. 63] определяет вербальную агрессию как способ речевого воздействия, при котором адресант стремится, чтобы адресат безоговорочно принял его позицию. Это определение очень верно передает суть вербальной агрессии: коммуникант, ее проявляющий, стремится убедить собеседника в своей правоте не с помощью логических рассуждений,

а с использованием различных уловок – как языковых, так и экстралингвистических.

В представленном исследовании были использованы такие методы исследования, как анализ, накопление и отбор фактов, установление связи между ними, сопоставительный метод, метод классификации, метод количественной обработки.

На основе работ Чудинова А. П. [2020, с. 43] и Шейгал Е. И. [2000, с. 38] была разработана классификация форм речевой агрессии, характерных для политического дискурса:

1. *Дискредитация* оппонента в глазах общественности
2. *Перебивание* собеседника
3. *Грубость*
4. *Ирония*
5. *Двусмысленность*
6. *Пародирование*
7. *Маркеры незначительности*, выражение сомнения в способности оппонента к продуктивной деятельности
8. *Возбуждение тревожности*, направленное на массы
9. Ярлыки
 - 9.1. *нейоративы*
 - 9.2. *этнонимы*
 - 9.3. *политические термины*
10. *Призывы к физической агрессии*

Далее на основе вышеуказанной классификации был произведен анализ финальных президентских дебатов Дональда Трампа и Джозефа Байдена 2020 года [Youtube, URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGPfKkjDIIts&t=487s>].

Общее количество проявлений речевой агрессии у Трампа составило 69, у Байдена – 45. Это можно расценивать как подтверждение репутации бывшего президента Трампа как человека напористого и агрессивного.

(1) Б: *We did not separate the-*

Т: *They built the cages. Who built the cages, Joe?*

Дональд Трамп значительно чаще прибегает к такой форме агрессии, как *перебивание собеседника* (4 проявления против 1 проявления у Байдена). Также Трамп иногда использует некоторые формы агрессии, которые в речи Байдена не встречаются вообще: *двусмысленность*,

(2) *We can't lock ourselves in a basement like Joe does <...> he's obviously made some money some place...*

пародирование

(3) *You just said, «I'm going to do that, I'm going to do this».*

и маркеры незначительности.

(4) *We have the lowest number in carbon emissions, which is a big standard that I noticed Obama goes with all the time, not Joe, I haven't heard Joe use the term because **I'm not sure he knows what it represents or means.***

С другой стороны, Джозеф Байден в 4 раза чаще Дональда Трампа использует *иронию* (8 проявлений против 2 проявлений у Трампа):

(5) *And by the way, all you teachers out there, **not that many of you are gonna die, so don't worry about it.***

(В ответ на заявление Трампа о том, что смертность от ковида среди школьных учителей невысока).

Также, *нейпоративы* (а конкретно лексема “*thug*”), были использованы им дважды, в то время как Дональд Трамп не прибегал к их использованию вообще:

(6) *He's legitimized North Korea. He's talked about his good buddy, who's a **thug, a thug.***

Из черт, общих для речи обоих политиков, стоит упомянуть *грубость*

(7) Т: *We can't lock ourselves up in a basement like **Joe** does.*

(8) Т: *This is the **guy** who's tried to cut Medicare.*

(9) Б: *He's a very confused **guy.** He thinks he's running against somebody else. He's running against Joe Biden.*

(10) Б: *This is the same **fellow** who told you: «This is going to end by Easter» last time.*

и дискредитацию:

(11) Б: *You have not released a single solitary year of your tax return. **What are you hiding?***

(12) Т: *You were getting a lot of **money from Russia...***

Оба этих приема по частоте занимают в их речи первое и второе места соответственно. Чуть реже, но снова примерно в равной степени оба политика используют *возбуждение тревожности*:

(13) Т: *He ran the H1N1 swine flu and it was a total disaster. <...> Had that had this kind of numbers, **700,000 people would be dead right now!***

(14) Б: *The expectation is we'll have another **200,000 Americans dead** between now and the end of the year.*

и политические термины:

(15) Т: *His democrat governors... they are shut down so tight and they're dying!*

(16) Б: *Why isn't he talking to his **Republican friends?***

Ни один из политиков не использовал в своей речи *этнонимов* или *призывов к физической агрессии*.

Смысловое наполнение речевой агрессии

Кроме статистических выводов хотелось бы также поговорить о проявлениях речевой агрессии в речи политиков с точки зрения их содержания. *Дискредитация* обычно заключается в обвинениях в коррупции и/или связях с враждебными государствами:

(17) Т: *Joe got \$3.5 million from **Russia** and it came through **Putin***

(18) Б: *He **embraces thugs** like in **North Korea** and the **Chinese president** and **Putin** and others.*

Грубость заключается в ограниченном наборе лексем, которые снова и снова проявляются в речи политиков. У Трампа это, например, использование сокращенной формы имени собеседника:

(19) *Joe, it doesn't work.*

У Байдена *грубость* часто выражается с помощью лексемы *guy* «парень»:

(20) *The **guy** who got in trouble in Ukraine was **this guy**.*

Наконец, *возбуждение тревожности* проявляется в описании негативных последствий, которые наступят, если оппонент получит политическую власть. Байден эмоционально описывает жертвы эпидемии COVID-19, говоря о необходимости введения жестких карантинных мер (которые не хотел вводить Трамп):

(21) *He says that we're learning to live with it. People are learning to die with it. You folks home will have **an empty chair at the kitchen table this morning**.*

Трамп же, в свою очередь, говорит о том, что карантин и государственное вмешательство в экономике повлечет за собой финансовый крах:

(22) *He wants to raise everybody's taxes and he wants to put new regulations on everything. He will kill it. If he gets in, **you will have a Depression, the likes of which you've never seen**.*

Наконец, некоторые средства речевой агрессии, такие как *этнонимы* и *призывы к физической агрессии* не использовал ни один из политиков.

В целом, можно сделать вывод, что Трамп проявляет речевую агрессию на 53% чаще, чем Байден. Для обоих политиков примерно в равной степени характерны *грубость*, *возбуждение тревожности*, использование

дискредитации и политических терминов. Для Трампа более характерно *перебивание* собеседника, для Байдена – *ирония*. То есть Байден предпочитает скрытые методы агрессии, в то время как Трамп не против открытой конфронтации. *Дискредитация* обычно заключается в обвинении в коррупции или связях с Россией, Китаем. *Грубость* проявляется в основном в определенных лексемах: у Трампа это *Joe*, у Байдена – *giu*. Оба политика прибегают к *возбуждению тревожности*, чтобы описать негативные последствия избрания президентом своего противника. Ни Трамп, ни Байден не использовали в своей речи *этнонимов* или *призывов к физической агрессии*.

В ходе работы была проведена подробная классификация проявлений речевой агрессии, взятых из финальных предвыборных дебатов Дональда Трампа и Джозефа Байдена. Данная классификация показала, что проявления речевой агрессии в речи этих политиков схожи в количественном соотношении, хотя и существуют некоторые различия. Возможно, более обширная выборка позволит изучить этот вопрос еще глубже.

ЛИТЕРАТУРА

- Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражение речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. №12 (408) Филологические науки. Вып. 110. С. 62 – 70.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Екатеринбург: «Урал. гос. пед. ун-т», 2020.
- Шейгал Е. И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000.
- Rev.com. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020> (дата обращения: 09.10.2021).
- Youtube.com. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yGPfKkjDIts&t=487s> (дата обращения: 09.10.2021).

Vaskov, E. D.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

VERBAL AGGRESSION IN POLITICAL COMMUNICATION: DONALD TRUMP AND JOSEPH BIDEN

The paper deals with theoretical and practical aspects of verbal aggression and communication, including political communication. An analysis of the manifestations of verbal aggression in the speech of Donald Trump and Joseph Biden has been carried out and the means of expressing verbal aggression has been studied. A conclusion has been made about Trump's tendency to use explicit forms of aggression and Biden's preference for implicit aggression.

Verbal aggression, political linguistics, pragmatics, types of aggression

УДК 811.111'42

О. С. Волкова

Волгоградский государственный университет,
olgavolkova@volsu.ru

Т. Н. Цинкерман

Волгоградский государственный университет,
ORCID 0000-0002-0258-974X
tsinkerman@volsu.ru

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОДИТЕЛЕЙ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА С РЕБЕНКОМ

В статье представлены особенности дисгармоничного общения родителей с детьми. Рассмотрены стратегии и тактики коммуникативного поведения, специфичные для конфликтного речевого поведения. Выявлены частотные речевые акты конфликтного поведения в авторитарном, патерналистском, демократическом стилях общения.

Дисгармоничное межличностное общение, агрессивное речевое поведение, стратегии и тактики конфликтного коммуникативного поведения

Коммуникативная деятельность, привычно описываемая специалистами по теории дискурса как гармоничное общение, направленное на установление контакта и обмен информацией, все чаще рассматривается как сложный и многоплановый процесс общения, который заключается в восприятии, понимании другого человека, выработке стратегии взаимодействия в процессе совместной деятельности [Целуйко, 2007]. Изучение созидательно-конструирующей роли коммуникации позволяет обратить внимание на общение как процесс социального конструирования, в частности, выстраивание социальных отношений с набором этических и нравственных последствий. Выступая в качестве инструмента установления, поддержания и прекращения социальных отношений, для выражения персональной оценки и личного отношения к партнеру по коммуникации [Lyons, 1981; Почепцов, 2001; Тер-Минасова, 2000; Формановская, 1998], межличностное общение инициируется стремлением к реализации собственных интенций, при этом личностные (психо-физические, социальные, эмоциональные) характеристики и особенности межличностного общения оказываются в центре внимания исследователей, но через личностную призму раскрываются особенности

социального аспекта общения: «речевое общение отражает реальную систему жизнедеятельности людей, и поэтому в нем в той или иной степени проявляются личностные черты коммуникантов и их общественное положение» [Владиминова, 2007, с. 20]. Отметим, что примеры реальной речевой практики, ассоциируемой с типовыми ситуациями общения, указывают на наличие специфики доминантных форм речевого поведения коммуниканта, зависимой от его социальной роли и позиции.

В данном исследовании было проведено изучение особенностей речевого взаимодействия в ситуации конструирования социальных отношений между взрослыми и детьми, которое не всегда характеризуется гармонией, что вызывает деструктивное коммуникативное воздействие, приводящее к конфликту. Материалом исследования были англоязычные диалогические единства в коммуникативной ситуации «конфликт», представленные в коллекции текстов современной художественной литературы, отражающие прагматику общения разностатусных коммуникантов.

Коммуникативный конфликт, определяемый как ситуация дисгармоничного взаимодействия, в ходе которого происходит столкновение двух сторон по поводу разногласия интересов, целей, взглядов и в результате одна из сторон сознательно применяет вербальные и невербальные средства воздействия, причиняющие ущерб другой, а вторая сторона, осознавая, что ее интересы находятся под угрозой, предпринимает ответные действия [Волкова, 2014]. Иными словами, каждая из сторон отстаивает личные интересы, но специфичной чертой рассматриваемых ситуаций является асимметричность ролевого статуса, обнаруживающая *нисходящий статусный вектор* общения между родителем и ребёнком [Карасик, 1992]. Их отношения регулируются психологическими и морально-нравственными нормами социума. Являясь членами одной семьи, находясь в кровном родстве, основные участники конфликтной интеракции отличаются возрастом, обладают разным социально-экономическим статусом и позицией власти в семье. Как следствие, характерной чертой конфликтной коммуникативной ситуации «родители-дети» является неравноправный статус участников, в которой взрослый доминирует, но при демонстрации своей власти в случае конфликта с ребёнком может избирать различные стратегии и тактики стилей воспитывающего общения [Цинкерман, 2019], позволяющие с помощью чередования речевых актов принуждения, запугивания, угроз, уговора, разъяснения и т.п. добиваться своей цели с помощью психологического давления (стратегии развития конфликта) или психологического паритета (стратегии разрешения конфликта).

Анализ собственного материала исследования позволил установить доминирование в англоязычных коммуникативных ситуациях воспитательного общения авторитарного и патерналистского стилей общения, обращение к ним приводит к развитию конфликта в отношениях между родителем и ребенком. Избрав авторитарный стиль общения, родитель обращается к речевым актам строго упрека и запрета, не допускающим возражений со стороны ребенка, это стратегия прямого давления, приводящая к развитию конфликта. В первом примере отец развивает авторитарную стратегию коммуникативного поведения, поскольку раздражен тем, что сын нарушил его запрет (здесь и далее приводится пример по: [Haddon, 2004, p. 62]). На вопрос *'Where have you been?'* он получает от сына ответ *'I have been out'*. Не желая вызвать вполне предсказуемый и закономерный гнев отца, несколько раз предупреждавшего мальчика о необходимости прекратить попытки разыскать лиц, причастных к гибели любимого пса Веллингтона, подросток принимает решение о «лжи во спасение». Пытаясь избежать конфликта, он не рассказывает всей правды, рассуждая следующим образом: *'A white lie is not a lie at all. It is where you tell the truth but you do not tell all of the truth' <...> 'And I said a white lie because I knew that Father didn't want me to be a detective.* Не зная о телефонном звонке соседки, мальчик навлекает на себя поток грубых осуждений и упреков отца: *'I have just had a phone call from Mrs Shears. What the hell were you doing poking round her garden?'* Ребенок дает объяснение: *'I was doing detective work trying to find out who killed Wellington'*. Негативные эмоции родителя получают дальнейшую экспликацию в тактике настаивания на своем: *'How many times do I have to tell you, Christopher?'* Взрослый раздражен непослушанием ребенка, о чем сообщает ему речевым актом упрека: *'I told you to keep your nose out of other people's business.'* Защищаясь, Мальчик применяет тактику оправдания: *'He is my Prime Suspect. Because I think someone might have killed Wellington to make Mrs Shears sad. And a murder is usually committed by someone known...'*, но это вызывает лишь невербальные ответные действия взрослого (удар кулаком по столу), сигнализирующие о доминировании авторитарности: ***Father banged the table with his fist really hard so that the plates and his knife and fork jumped around... Then he shouted, 'I will not have that man's name mentioned in my house.'*** Повышая голос, отец паравербально интенсифицирует эмоциональность конфликтной интеракции, а многократно употребляя местоимения первого лица единственного числа *I, my*, подчеркивает собственную значимость и указывает на зависимое положение ребенка (*in my house*). Ребенок, придерживаясь рациональной стратегии, искренне недоумевает: *'Why not?'*, в ответ получает вербализацию

тактик предупреждения, угрозы, команды, запрета: *'OK, Christopher. I am going to say this for the last and final time. I will not tell you again. Look at me when I'm talking to you, for God's sake. Look at me. **You are not to go** asking Mrs Shears about who killed that bloody dog. **You are not to go** asking anyone about who killed that bloody dog. **You are not to go** trespassing in other people's gardens. **You are to stop** this ridiculous bloody detective game right now.'* Команда *look at me*, эксплицируемая дважды, принуждает ребенка установить визуальный контакт с родителем, усиливает воздействие на него, подавляет волю к сопротивлению. Далее запрет налагается с помощью модальной конструкции принуждения с инфинитивом *You are not to*, ее многократное повторение используется для усиления импозитивности и безапеллятивности директива. Сниженная лексика (*bloody dog, bloody detective game*) демонстрирует отношение взрослого к важному для ребенка предмету, занимающему все его мысли, а обесценивание розыскного мероприятия *ridiculous bloody detective game* оскорбляет чувства ребенка, нарушает морально-психологические границы созидательного воспитывающего общения и характеризует коммуникативную стратегию отца как деструктивную и агрессивно-авторитарную. В результате под давлением императивных тактик отца *'Promise me you will stop doing these things. Promise that you will give up this ridiculous game right now, OK?'* ребенок больше не отстаивает свои интересы в конфликтном взаимодействии и сдается *'I promise'*, взрослый добивается поставленной цели.

В следующем примере (здесь и далее приводится пример по: [Haddon, 2004, p. 248]) представлено развитие конфликта с опорой на патерналистский стиль коммуникации. В эмоциональной форме мать **запрещает** сыну покидать дом в одиночку: *'... and she ran up to me and said, 'Jesus Christ', and she stood in front of me and pointed at my face and said, 'If you ever do that again, I swear to God, Christopher, I love you, but ... I don't know what I'll do'.* Импозитивная конфликтная стратегия реализуется посредством тактики рационального разъяснения причин наложения запрета, когда ребенку доступно описывают возможные неблагоприятные последствия совершаемого действия: *So she made me promise never to leave the flat on my own because it was dangerous and because you couldn't trust people in London because they were strangers. And the next day she had to go to the shops again and she made me promise not to answer the door if anyone rang the bell.* Конфликт можно считать разрешенным, поскольку одна из сторон, в данном случае – взрослый, отстаивала свои интересы, а другая сторона – ребенок, осознав разумность доводов, идет на компромисс, он признает рациональность аргументации взрослого и вербализует свое согласие. Мама взяла с него обещание: *she made me promise not to leave the flat, not to answer the door.*

При возникновении конфликтной ситуации родитель может проявлять больше гибкости, с помощью чередования речевых актов настаивания, разъяснения, уговора искать консенсус. В третьей ситуации (здесь и далее приводится пример по: [Haddon, 2004, p. 254]) причиной конфликта становится желание сына сдавать выпускной экзамен, что входит в противоречие с планами его матери, она считает, что по семейным обстоятельствам это лучше сделать в следующем году. Налицо конфликт интересов. С самого начала общения мать выбирает демократичную стратегию поведения. Понимая интенцию сына, она не хочет отказать ему в категоричной форме, использует в ответе речевой акт извинения *I'm sorry* с прагматикой несогласия: *And I asked Mother if I could do my Maths A level the next day. And she said, 'I'm sorry, Christopher'*. Не обладая достаточным уровнем коммуникативной компетенции, подросток способен лишь повторить вопрос для реализации тактики «настаивания на своем»: *And I said, 'Can I do my Maths A level?'* Тактика проверки внимания, избираемая преимущественно взрослыми, реализуется с помощью разделительного вопроса с глаголом восприятия *You're not listening to me, are you, Christopher?* и сопровождается обращением к ребенку по имени: *And she said, 'You're not listening to me, are you, Christopher?'*. Аргументированное объяснение причин несовпадения позиций коммуникантов проводится лишь после подтверждения готовности к восприятию информации ребенком: *And I said, 'I'm listening to you' And Mother said, 'I told you. I rang your headmistress. I told her you were in London. I told her you'd do it next year.'* Единообразие синтаксических структур и парцелляция (*I told you. I rang your headmistress. I told her you were in London. I told her you'd do it next year.'*) направлены на интенсификацию убедительности восприятия аргументов. Ребенок продолжает настаивать на своем, применяет коммуникативную тактику аргументированного несогласия: *And I said, 'But I'm here now and I can take it'*.

Эскалация конфликта между взрослым и ребенком происходит в результате манипулятивного коммуникативного действия матери. Речевой акт отказа в форме вежливого извинения дополняет объяснение причин запрета (здесь и далее приводится пример по [Haddon, 2004, p. 256]): *And Mother said, 'I'm sorry, Christopher. I was trying to do things properly. I was trying not to mess things up. I didn't know we'd be coming back'*. Нисходящий статусный вектор патернализма четко прослеживается в словах матери *to do things properly* – «я взрослый, я знаю, как сделать правильно». Ребенок это понимает и от бессилия прибегает к невербальным действиям (начинает раскачиваться и стонать): *But I carried on groaning and rocking backwards and forwards*. Ответная реплика матери о неэффективности предпринимаемой тактики

заводит вербальную фазу конфликта в тупик: *And Mother said, 'Come on. This isn't going to solve anything'*. Однако демократичный стиль взаимодействия с ребенком приводит к разрешению конфликта – на следующий день мать привезла его в школу. Из ее диалога с учительницей следует, что желание подростка было услышано: *And when we got to school Siobhan said, 'So you're Christopher's mother'. And Siobhan said that she was glad to see me again and she asked if I was OK and I said I was tired. And Mother explained that I was upset because I couldn't do my Maths A level so I hadn't been eating properly or sleeping properly.* Мама, демонстрируя демократический стиль коммуникативного поведения, признает право сына на принятие решения. Она отказывается от силового метода, не запрещает и не навязывает ему свою позицию. Она объясняет учителю, что мальчик расстроен: *that I was upset because I couldn't do my Maths A level* и осознает значимость решения для самочувствия ребенка: *hadn't been eating properly or sleeping properly.* Выход из конфликтной ситуации весьма гармоничен – коммуникативные действия взрослого сигнализируют о признании интересов ребенка.

Приведенные данные указывают, что прагмалингвистические особенности речевого взаимодействия в конфликтной ситуации «взрослый-ребенок» проявляются в чередовании стратегий, тактик и речевых актов разных коммуникативных стилей, соотносимых с доминантой позиционно-статусного доминирования взрослого и речевыми приемами достижения задачи разрешения конфликтного диалога в условиях неравных статусов участников. Анализ речевых партий участников конфликтных интеракций показал, что в коммуникативной ситуации «конфликт взрослого и ребенка» в речевой практике взрослого возможно применение авторитарного, патерналистского и демократического стилей коммуникативного поведения взрослого. Авторитарность взрослого проявляется в директивной коммуникативной стратегии в конфликтном диалоге и реализуется тактиками запрета, возмущения, упрека, настаивания, демонстрации превосходства и грубости, что не способствует снятию конфликта. Патернализм требует использования тактик настаивания и уговора, обращенных к личному стремлению ребенка к послушанию, согласию с родителями. Это одна из стратегий минимизации конфликта. Максимально эффективным для завершения конфликта является демократический стиль общения, опирающийся на тактики уговора и аргументации. Подобное речевое взаимодействие демонстрирует стремление к вежливости, эмоциональной сдержанности, неимпозитивности, получающих свою реализацию в наборе речевых актов согласия и примирения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для студентов вузов. М: АспектПресс, 2002.
- Владимирова Т. Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. М.: КомКнига, 2007.
- Волкова О. С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. № 5 (24). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 49 – 55.
- Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
- Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2003.
- Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефлбук: Ваклер, 2001.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000.
- Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Изд-во «Русский язык», 1998.
- Целуйко В. М. Психологические основы педагогического общения. М.: ВЛАДОС, 2007.
- Цинкерман Т. Н. Коммуникативно-стилевые особенности разновидностей педагогического дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2012. № 2 (16). С. 74 – 79.
- Цинкерман Т. Н. Коммуникативно-прагматический анализ стилей англоязычного воспитывающего общения // Коммуникативно-прагматический анализ стилей англоязычного воспитывающего общения. Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов. В 2 томах. Том 1 / под редакцией Д. Н. Новикова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. Москва: МГИМО, 2019. С. 78 – 82.
- Haddon M. The Curious Incident of the Dog in the Nidgt-Time. London: Vintage Books, 2004.
- Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.
- Lyons J. Language, meaning and context. London: Fontana paperbacks, 1981.

Volkova, O. S.; Tsinkerman, T. N.

Volgograd State University

PRAGMALINGUISTIC DOMINANTS OF VERBAL INTERACTION IN CONFLICT BETWEEN PARENTS AND THEIR CHILDREN

The article focuses on peculiarities of parents' disharmonious communication with their children. Specific communicative strategies and tactics characteristic of conflict interaction are described in the paper; most frequent speech acts, which realize authoritarian, paternalistic, and democratic communicative styles are revealed.

Disharmonious interpersonal communication, aggressive verbal behavior, strategies and tactics of communicative behavior in conflict

УДК 81'272

Я. Ю. Демкина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),

ORCID 0000-0002-8892-5328

yanademkina@mail.ru

МОДЕЛИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В ЖАНРЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ США

В статье рассматриваются концептуальные метафорические модели, используемые кандидатами в президенты США в жанре предвыборных дебатов при обсуждении вопросов социально-политической тематики. Описываются метафорические инференции и импликации данных моделей, выявляются ценностные ориентиры, определяющие понимание дискурса и задающие программу действий. Делается вывод о преобладании антропоморфной метафоры в предвыборных выступлениях республиканцев, кандидаты в президенты от Демократической партии чаще используют артефактные метафоры, имеющие конвенциональный характер.

Политический дискурс, жанр предвыборных дебатов, метафорическая модель, концептуальная метафора

К началу XXI века политическая лингвистика заимствовала ряд исследовательских приёмов из лингвистики текста, когнитивной лингвистики, социолингвистики и социологии, при помощи которых изучаются отдельные жанры политического дискурса. Большое внимание в современной когнитивной лингвистике уделяется исследованиям языковых единиц, среди которых особенно выделяется метафора. Метафора часто встречается в различных типах дискурса, но особенно широко используется в политическом, оказывая влияние на мышление адресата. В научный обиход было введено понятие «политическая метафора», которая как способ осмысления мира политики неоднократно привлекала внимание исследователей [Будаев, 2006; Чудинов, 2003; Будаев, Чудинов, 2018; Lakoff, Johnson, 2003; Lakoff, 2009].

Известно, что лингвистическое представление метафоры (метафорической модели) заключается в репрезентации одного явления в сравнении с другим на основе сходства признаков, характеризующих эти явления. В современной лингвистике метафора рассматривается прежде всего не как языковое явление, а как способ познания, категоризации,

концептуализации и оценки окружающей действительности. В языковой метафоре признаки одного класса объектов переносятся на другой класс объектов на основе сходства. Взаимодействие двух различных классов объектов и их свойств создает основной признак метафоры – ее двойственность [Смирнов, 2016, с. 82].

В фундаментальных трудах зарубежных лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора рассматривается как объект исследования, переводимый в когнитивно-логическую парадигму, в которой метафорические связи анализируются во взаимосвязи с глубинными когнитивными структурами и процессом категоризации мира. Теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона представляет собой логическое описание когнитивной метафоры как результата метафоричности человеческого мышления, в котором осмысление и переживание явлений одного рода происходит в терминах явлений иного типа. Дж. Лакофф и М. Джонсон доказывают, что метафора присутствует в нашей жизни не только в языке, но и в сознании, и движении, демонстрируя метафоричность мышления человека [2003, с. 157]. Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа основана на выделении двух концептуальных явлений: сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain) [2003, с. 163]. Сфера-источник основана непосредственно на опыте взаимодействия человека с действительностью и представляет собой конкретное структурированное знание, в то время как сфера-мишень – это более абстрактное, неопределенное знание. Концептуальные соответствия между сферой-источником и сферой-мишенью, зафиксированные в языковой и культурной традиции общества, получили название концептуальных метафор [Lakoff, Johnson, 2003, с. 169].

В результате анализа моделей метафорической концептуализации можно утверждать, что метафора является механизмом человеческого мышления, используется, как правило, неосознанно и оказывает влияние на восприятие событий и реалий, оценочную квалификацию данных событий, выводы, ценности, представления и убеждения, формируемые вследствие метафорической концептуализации действительности. Изучение метафоры показало, что образный язык в целом и дискурсивная метафора в частности имеют как лингвистическое, так и концептуальное наполнение, при этом они являются инструментами фрейминга [Burgers, Konijn, Steen, 2016, с. 412].

Метафорическая концептуализация с помощью актуализации дискурсивных концептов, представляющих политические взгляды элиты и электората, определяет смыслы политического дискурса и его понимание. Метафоры выполняют функцию идентификации и анализа способов передачи идей, являются инструментами, определяющими общественное сознание

и мнение при восприятии событий. Н. Н. Болдырев отмечает, что метафорические модели имеют лингвокультурную специфику, зависят от культурно-обусловленных представлений и ценностей в сознании социальных групп и оказывают непосредственное влияние на восприятие и оценку этих концептов, различающихся как в рамках одной культуры, так и в разных культурах [2013].

В исследовании концептуальных метафор в жанре предвыборных дебатов, мы опираемся на языковые метафоры, которые впоследствии позволяют выделить концептуальные метафорические модели.

На первом этапе была проведена идентификацию метафоры, которая репрезентирована в дискурсе «разнообразными способами, и мы можем обнаружить как в случайных, новых выражениях, так и в конвенциональных выражениях, метафорический потенциал которых едва ли идентифицируется [Скрынникова, 2019, с. 130].

Верификация выявленных концептуальных метафор осуществлялась с применением метафорического репозитория *MetaNet*, который представляет не только перечень концептуальных метафор, но и отражает иерархический характер отношений между метафорами и фреймами, причем информация о возникающих инференциях сохраняется во всей сети.

Целью работы является выявление общих концептуальных метафор в выступлениях республиканцев и демократов при обсуждении тем предвыборных дебатов, а также установление специфических метафорических моделей для кандидатов в президенты США.

Анализ языковых метафор в предвыборных выступлениях кандидатов в президенты от Республиканской партии позволил выделить концептуальные метафоры, установить концептуальные соответствия между сферой источником и сферой мишенью и выявить метафорические импликации и инференции, которые отражают ценностные ориентиры поведения и выступают средствами убеждения.

При обсуждении внешней политики страны республиканцы используют концептуальную метафору A COUNTRY IS AN OBJECT. Так, кандидат в президенты Ромни в дискуссии на тему внешней политики США утверждает, что США должны способствовать движению Пакистана в правильном направлении: *Encouraging Pakistan to move towards a more stable government, Help need to move Pakistan in the right direction* [Barack Obama & Mitt Romney 1-st Presidential Debate Transcript, URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/barack-obama-vs-mitt-romney-1st-presidential-debate-transcript-2012>]. Импликации данного утверждения заключаются в том, что объектами необходимо

управлять, чтобы они не вышли из-под контроля; страной, которая способна управлять другими странами (объектами), являются США.

При обсуждении вопросов, касающихся борьбы с преступностью, республиканцы используют метафорическую модель CRIME IS AN ANIMAL. Так, в предвыборных выступлениях Дональда Трампа преступники концептуализируются в терминах животных: *We have gangs roaming the street* [Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript, 2016, URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016>]. Соотносимой метафорой в данном случае выступает метафора ADDRESSING CRIME IS CONTROLLING AN ANIMAL, из которой вытекают следующие метафорические импликации и инференции: необходимо принимать законы, направленные на контроль над животными, необходимо принимать меры, цель которых оградить граждан от встречи с животными, необходимо изолировать животных от граждан и не допустить причинения им вреда. Связанная с ней концептуальная метафора UNCONTROLLED CRIME IS A RAMPAGING ANIMAL используется Трампом в целях критики демократов за принятие Уголовного закона 1994 года: *... he did such harm to the Black community. And they were called, and he called them, super predators. And he said that, he said it super predators. And they have never lived that down. 1994, your crime bill, the super predators* [Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript, 2020, URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020>].

Трамп использует концептуальную метафору THE BLACK COMMUNITY IS LIKE SUPER PREDATORS. Особо следует оговорить культурные характеристики, приписываемые хищникам: коварство, непредсказуемость поведения, кровожадность. Данная концептуальная метафора предполагает следующие метафорические инференции: хищные животные несут угрозу нормальной жизни людей и могут нарушить/отобрать ее в любой момент; необходимы меры, направленные на защиту граждан страны, эти меры не исключают полное истребление хищников или их надежную изоляцию. Критика Демократической партии основана на отрицании ими гуманистических ценностей.

При обсуждении проблем занятости кандидаты в президенты от Республиканской и Демократической партий используют концептуальные метафоры JOBS ARE POSSESSIONS, которые реализуются при помощи глаголов *keep, add, create, bring back, steal, fight for, ship, take*. Примеры: *we can create millions of good new jobs* (Гор) [CPD: October 11, 2000 Debate Transcript. The Second Gore-Bush Presidential Debate, 2000, URL: <https://www.debates.org/>

voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript]; *companies that are shipping jobs overseas* (Обама) [Barack Obama & Mitt Romney 2-nd Presidential Debate Transcript, 2012]; *But perhaps the best way to keep jobs here in America and to keep this economy growing* (Буш) [CPD: October 11, 2000 Debate Transcript. The Second Gore-Bush Presidential Debate, 2000, URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript>]. Соотносимая метафора JOBS ARE VALUABLE POSSESSIONS реализуется при помощи глаголов *fight for*, *destroy*, *save*. Примеры: *It hasn't destroyed jobs*; *Well, in fact we saved 1,000 jobs* [CPD: October 11, 2000 Debate Transcript. The Second Gore-Bush Presidential Debate, 2000, URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript>].

Кроме того, республиканцы используют более разнообразные метафорические модели, среди которых широко распространенной является метафорическая модель JOBS ARE LIVING BEINGS, занимающая высшую иерархическую позицию, с которой соотносятся метафоры JOBS ARE PLANTS и JOBS ARE HUMAN BEINGS. Первая реализуется глаголами, например: *it's going to create incentives to start growing jobs again in this country*. Вторая модель реализуется глаголами *kill*, *flee*, *leave*, например: *we can stop them (jobs) from leaving*. *We have to stop them from leaving*. Антропоморфные метафоры, используемые республиканцами, позволяют говорить о следующих метафорических инференциях: потеря рабочих мест равносильна потере населения, сохранение рабочих мест означает сохранность жизни людей; политики, которые допускают потерю рабочих мест, наносят удар по населению страны, и их действия следует осудить как аморальные и антигуманные.

При обсуждении вопроса о гражданских правах американского народа кандидаты в президенты от Демократической партии обращаются к метафорической модели CITIZEN RIGHTS ARE POSSESSIONS. Так, кандидат в президенты от демократов Хилари Клинтон, используя данную концептуальную метафору говорит о необходимости отстаивать права трудящихся: *We stand up for the rights of people in the workplace* [Hillary Clinton & Donald Trump 2-nd Presidential Debate Transcript, 2016, URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-2nd-presidential-debate-transcript-2016>], устанавливая следующие концептуальные соответствия: права представляют собой объекты собственности. Инференции, выводимые на основании данной концептуальной метафоры: другие люди, социальные группы могут иметь намерение завладеть вашей собственностью и лишит вас ее, объекты собственности следует защищать.

Концептуальную метафору SOCIAL PROBLEMS ARE DECEASES, метафорической инференцией которой является ADDRESSING SOCIAL PROBLEM IS TREATING AN ILLNESS использует в ходе предвыборных дебатов республиканец Дж. Буш. Между сферой источником и сферой мишенью устанавливаются следующие концептуальные соответствия: социальная проблема – это болезнь, решение проблемы – лечение, власти – врачи, общество – тело. Так, республиканец Буш обращается к данной метафоре, обозначая социальную проблему безопасности в школах: *One of the good things we've done in Texas is we have strong accountability because you can't cure unless you know. You can't solve a problem until you diagnose it* [CPD: October 11, 2000 Debate Transcript. The Second Gore-Bush Presidential Debate, 2000]. Таким образом, приводя пример своих успешных действий, опираясь на данную концептуальную метафору, кандидат в президенты убеждает электорат в том, что его администрация будет способна решить социальные проблемы.

В рамках концептуальной метафоры SOCIAL PROBLEMS ARE DECEASES действующий президент США Барак Обама использует соотносимые с ней метафоры FINANCING IS AN OPERATION и FINANCING IS USING A TOOL, устанавливая концептуальное соответствие между сокращением/прекращением финансирования и использованием инструментов для проведения медицинской операции и сохранения жизни пациента. Метафора «заморозка финансирования» сравнивается с использованием при операции топора вместо скальпеля, т.е. грубого инструмента вместо точного. Метафорические инференции: если использовать топор, т.е. грубые меры, неизбежно будет нанесен вред, скальпель, т.е. точечное выделение финансирования, позволяет не только избежать вреда, но и способствует оздоровлению системы. Импликация концептуальной метафоры заключается в том, что при решении вопросов о социальном финансировании следует действовать осторожно, чтобы избежать вреда.

Таким образом, анализ языковых метафор в предвыборных выступлениях кандидатов в президенты от Республиканской и Демократической партий позволил выделить концептуальные метафоры, используемые для воздействия адресата и задающие фреймы для интерпретации явлений или фактов действительности, установить концептуальные соответствия между сферой источником и сферой мишенью и выявить метафорические инференции, которые задают ценностные ориентиры поведения. Исследование показало, что кандидаты в президенты от Демократической партии чаще используют артефактные метафоры, имеющие конвенциональный характер, в то время как республиканцы отдают предпочтение антропоморфным метафорам, которые часто представляют собой новые языковые выражения.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев Н. Н., 2013. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. 15. С. 12 – 21.
- Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2006. № 1. С. 88 – 92.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2018. Метафора в политической коммуникации. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука.
- Смирнов И. И. Метафора как объект научных исследований // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. №2. С. 80 – 83.
- Скрынникова И. В. Кросслингвистический репозиторий политических метафор: структура и проблемы методологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 128 – 146. URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.12>. (дата обращения: 5.03.2022).
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
- Barack Obama & Mitt Romney 1-st Presidential Debate Transcript 2012 // Rev.com. 03.10.2012. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/barack-obama-vs-mitt-romney-1st-presidential-debate-transcript-2012> (дата обращения: 15.02.2022).
- Barack Obama & Mitt Romney 2-nd Presidential Debate Transcript 2012 // Rev.com. 16.10.2012. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/barack-obama-vs-mitt-romney-2nd-presidential-debate-transcript-2012> (дата обращения: 15.02.2022).
- Burgers C. F., Konijn E. A., Steen J., 2016. Figurative framing: shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony // Communication Theory. Vol. 26, iss. 4. P. 410 – 430. DOI: 10.1111/comt.12096.
- CPD: October 11, 2000 Debate Transcript. The Second Gore-Bush Presidential Debate. URL: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/october-11-2000-debate-transcript> (дата обращения: 19.02.2022).
- Donald Trump & Joe Biden Final Presidential Debate Transcript 2020 // Rev.com. 22.10.2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-joe-biden-final-presidential-debate-transcript-2020> (дата обращения: 12.02.2022).
- Donald Trump vs. Hillary Clinton 1st Presidential Debate Transcript 2016 // Rev.com. 26.09.2016. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-1st-presidential-debate-2016> (дата обращения: 17.02.2022).
- Hillary Clinton & Donald Trump 2-nd Presidential Debate Transcript 2016 // Rev.com. 09.10.2016. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-vs-hillary-clinton-2nd-presidential-debate-transcript-2016> (дата обращения: 17.02.2022).
- Lakoff G. Moral politics: How liberals and conservatives think. Chicago, I: The University of Chicago Press, 1996, 2002.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. University of Chicago Press, 1980, London, 2003.
- Lakoff G. Moral politics: How liberals and conservatives think. University of Chicago Press, 2010.
- Politics, Gender and Conceptual Metaphors, 2009. Politics, Gender and Conceptual Metaphors / ed. by K. Ahrens. Basingstoke: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/978023024523.

Demkina, Y. Y.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

MODELS OF METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION IN THE GENRE OF ELECTION DEBATES OF US PRESIDENTIAL CANDIDATES

The article discusses the conceptual metaphorical models used by US presidential candidates in the genre of election debates when discussing socio-political issues. Metaphorical inferences and implications of these models are described, value orientations that determine the understanding of discourse and set the program of action are revealed. It is concluded that the predominance of the anthropomorphic metaphor in the election speeches of the Republicans, presidential candidates from the Democratic Party often use artifact metaphors that have a conventional character.

Political discourse, genre of election debates, metaphorical model, conceptual metaphor

УДК 81.42

Е. В. Зарипова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),

Zarinkass1456@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-БЛОГАХ

Статья содержит лингвостилистический анализ стратегии самопрезентации в англоязычном Интернет-дискурсе. Результаты исследования показывают, что конструированию желаемого образа автора способствует широкое использование терминологии, эмоционально окрашенной лексики, интертекстуальных отсылок и пиктографических символов – эмодзи; использование метафоры, гиперболы, градации и риторического обращения поддерживает читательский интерес.

Дискурс, виртуальный дискурс, жанры виртуального дискурса, блог, самопрезентация, тактики самопрезентации

С развитием Интернета коммуникация перешла в новое измерение – виртуальную реальность, по мере усложнения которой появляются особые формы общения. Новая среда диктует свои правила коммуникации, в связи

с этим учеными выделяется и исследуется новый тип дискурса: виртуальный. Виртуальный дискурс представляет собой отдельное языковое явление и образует неоднородную языковую среду. В речи участников виртуального дискурса сочетаются элементы устной и письменной речи, она может включать в себя интернет-сленг и жаргонизмы, аббревиатуры, специфические синтаксические конструкции и разнообразные лексические средства.

В современной лингвистике широко используется понятие «интернет-дискурс», под которым подразумевается совокупность текстов разных жанров, реализующихся в искусственно созданном коммуникативном пространстве, предполагающем интерактивное общение виртуальных собеседников. Современные лингвисты выделяют «дискурсообразующие» и «дискурсоприобретенные» жанры интернет-дискурса [Лутовинова, 2009, с. 167]. Одним из ведущих «дискурсообразующих» жанров интернет-дискурса на сегодняшний день является блог – личное виртуальное пространство мультимедийного характера, содержащее актуальную информацию о своем авторе. Коммуникация с аудиторией, осуществляемая с помощью блога, характеризуется высокой степенью индивидуальности и позволяет автору раскрывать свою личность. Особую актуальность в блоге приобретают тактики самопрезентации, позволяющие автору создавать и поддерживать положительный имидж.

Выбор средств самопрезентации, как правило, связан со стремлением человека к власти в межличностном взаимодействии, потребностью расширить сферу своего влияния на собеседника. Такой подход был изложен в трудах Э. Джонса и Т. Питтмана [1982, с. 232]. Ученые выделили пять ведущих тактик самопрезентации: заискивание, самопродвижение, запугивание, пояснение примером, мольба. На основании данной классификации был проведен анализ текстов блогов, представленный в настоящей статье.

На предварительном этапе исследования были использованы методы сбора и анализа информации, рассмотрены работы в области виртуального дискурса и его жанровые классификации. На следующем этапе методом селективного анализа были отобраны американские блоги сферы «лайф-стайл». На этапе анализа лингвистического материала методом сплошной выборки было отобрано свыше 20 постов, позволяющих оценить, какие тактики самопрезентации чаще используются авторами. На заключительном этапе был проведен стилистический и дискурсивный анализ текстов постов, выявлены лингвостилистические средства реализации стратегии

самопрезентации, особенности языковой, выявлены особенности языковой личности каждого автора.

Основная тематика постов AlexandrasGirlyTalk – уроки макияжа и советы по уходу за собой. Автор удачно сочетает рассказы о памятных моментах своей жизни с тематическими публикациями, при этом старается создавать и поддерживать имидж открытого человека, близкого к своей аудитории. Рассмотрим фрагмент поста: «I just love u guys so much!! Reading your comments and dms could sometimes get overwhelming but I'm in this place right now where I can just hold space for all of you and what you're going thru and why my content speaks to you» (здесь и далее перевод автора Е. В. Зариповой) (Я так вас люблю, ребята!! Чтение ваших комментариев и сообщений иногда ошеломляет, но прямо сейчас я нахожусь там, где есть место для всех вас, и того, что вы делаете, и почему мой контент находит отклик в вас) [Alexandrasgirlytalk//Social Media URL: Social Media/alexandrasgirlytalk]. В приведенном отрывке находит проявление тактика «заискивания», реализованная посредством употребления эмоциональной лексики и восклицательных предложений. Эпитет *overwhelming* имеет яркую эмоционально-экспрессивную окраску, придает гиперболизированность авторскому высказыванию. Наречие степени *so much*, сокращений *u* и *thru* указывают на стремление автора перейти к неформальному общению со своей аудиторией. Обращения *guys* и *all of you* делают пост эмоциональным, помогают автору демонстрировать открытость и дружелюбие.

В другом посте этого же автора тактика «заискивания» органично сочетается с приемами «саморекламы» и «мольбы». «I wish I could say I'm taking this week off, I'm not, this video just needs EXTRA care and attention ♥ think of me like I'll be thinking of you...» (Хотела бы я сказать, что на этой неделе у меня выходной, но нет, это видео требует ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ заботы и внимания, ♥ думайте обо мне так, будто я буду думать о вас...) [Alexandrasgirlytalk // Social Media. URL: Social Media /alexandrasgirlytalk].

В английском языке оборот *I wish I could* представляет собой предложение условного типа, передающее оттенок сожаления. Подобные конструкции используются для характеристики ситуаций, когда желаемое не соответствует реальности или ожиданиям. С помощью данного оборота блогер сообщает, как усердно работала над новым продуктом, повышая тем самым значимость своей деятельности в глазах аудитории. Выражение *video just needs EXTRA care and attention* в буквальном смысле является призывом к повышению активности в основном профиле (видео на платформе YouTube),

при этом с помощью прилагательного *extra* в изменённом регистре подчеркивается ожидание активного взаимодействия подписчиков с видео. *Think of me like I'll be thinking of you.* Данной фразой блогер стремится сократить дистанцию между собой и аудиторией. Использование глагола в повелительном наклонении побуждает читателей прислушаться к призыву автора. Блогер взывает к чувству долга и ответственности своего читателя. В данном случае «мольба» становится еще и средством самопродвижения автора.

В одном из постов девушка вынуждена была сообщить о неприятном инциденте, произошедшем с ней в ходе работы над выпуском уходового продукта: «...remember that cruelty free beauty box I was “working on”? The extended team was not operating in a way that really aligned with me and the way I do business so I canceled it» (Помните ту «коробочку красоты», продукты из которой не тестируются на животных, над которой я «работала»? Команда расширенного состава работала не так, как мне бы хотелось и не так, как я веду бизнес, поэтому я приостановила работу) [Alexandrasgirlytalk // Social Media. URL: Social Media /alexandrasgirlytalk]. Использование тематической лексики *beauty box* и *cruelty free* в данном посте формирует у аудитории представление об авторе как эксперте в сфере красоты. Так реализуется стратегия «самопродвижения». Задавая вопросы аудитории, блогер добивается активности читателей, у которых появляется ощущение вовлеченности в общее дело. Использование в рамках одного поста целой серии вопросительных предложений позволяет автору блога перестроить монологическое повествование в своеобразный диалог с читателем, а возврат к тематике предыдущих публикаций создает у аудитории ощущение непрерывности повествования и поддерживает постоянный интерес к контенту.

Блогеру удается воздействовать и на чувства читателей. Для этой цели автор использует, к примеру, выражение *really aligned*, которое содержит в себе гиперболу. Усиливает воздействие на аудиторию и использование метафорических выражений *to lose money*, *let the effort go of*, *walk away with one's vision*, а также необычное употребление прилагательного *perfecto*, заимствованного из испанского языка. Таким образом блогер добивается выразительности речи, индивидуального своеобразия текста, реализует тактику «самопродвижения». Продолжая пост, автор пишет: «Gotta trust my gut 100% of the time even if it means letting go of “effort” that’s already been put in or “losing” money. To me, I’m glad I walk away with my vision intact. Can’t wait to do a product for you guys, but it has to be perfecto» (Стоит доверять своей

интуиции на 100%, даже если это означает потерять приложенные «усилия» или потраченные деньги. Что касается меня, я рада, что остаюсь при своем мнении. Не могу дождаться, чтобы сделать продукт для вас, ребята, но он должен быть идеальным) [Alexandrasgirlytalk // Social Media. URL: Social Media /alexandrasgirlytalk]. Автор намеренно заостряет внимание на своих положительных деловых качествах, таких как нежелание идти на компромисс, стремление исполнять все в лучшем виде. Тем самым девушка добивается доверия и одобрения аудитории. В данном посте автором удачно применена еще и тактика «пояснения примером». Доверительного характера взаимоотношения с читателем блогер добивается за счет употребления разговорного варианта глагола *gotta*, включения в речь идиомы *to trust one's gut*, характерной для неформальной обстановки общения. Все перечисленные средства придают речи блогера выразительность и своеобразие и служат средством реализации тактики «самопродвижения». Таким образом, за счет сближения с читателем, глубокого погружения в тематику своих постов автору удается добиться популярности у читателей, этой же цели способствует повышенная эмоциональная окраска текстов постов.

Следующий рассматриваемый автор – блогер Лана Блейнкли позиционирующая себя создателем интеллектуального контента. Нужно отметить, что блог носит просветительский характер. Автор пытается пробудить в публике интерес к художественной литературе, заостряет внимание на своеобразии художественного стиля разных писателей, стремится вовлечь читателя в обсуждение содержания книг. При этом собственное языковое поведение блогера отличается от предыдущих авторов продуманностью и тщательным подбором средств намеренной самопрезентации, высокой языковой компетентностью. В постах девушки много философских рассуждений, которыми девушка делится с читателем. Так, например, в одном из постов можно найти метафорическое сравнение жизни с идеальным холстом *life is a perfect canvas*, которое придает речи блогера выразительность, усиливает художественный эффект и использование гиперболы, скрытой в идиоме *at all costs*. «I'm glad that I've chosen to be so intentional with the things I bring into my life, but it's gotten to a point where I feel like my life is a tightly curated space that I need to preserve at all costs; a perfect canvas that needs to remain untouched...» (Я рада, что я решила быть настолько осознанной в том, что я привношу в свою жизнь, но я дошла до чувства, будто моя жизнь – это тщательно контролируемое пространство, которое мне нужно сохранить любой ценой; идеальный холст, который должен оставаться нетронутым...) [Lanablakely// Social Media. URL: Social

Media /lanablakely]. В посте автор оперирует понятиями социальной психологии *to be intentional, life is a tightly curated space*. Демонстрируя свою начитанность и осведомленность в теме саморазвития, автор добивается доверительного отношения к себе, становится для читателей объектом для подражания. Так реализуются тактики «самопродвижения» и «пояснения примером».

В другом посте автор, размышляя о прочитанном, приводит цитату из произведения К. Исигуро, иллюстрирующую ее жизненную позицию и характеризующую восприятие окружающего пространства: «What are you currently reading? I just started *The Remains of the Day* by Kazuo Ishiguro. Here's a quote from that book (among many) that I really enjoyed: "What is the point of worrying oneself too much about what one could or could not have done to control the course one's life took?"» (Что ты сейчас читаешь? Я только что начала «Остатки дня» Кадзуо Исигуро. Вот цитата из этой книги, которая (среди многих) мне очень понравилась: «Какой смысл слишком сильно беспокоиться о том, что можно или нельзя сделать, чтобы контролировать ход своей жизни?») [Lanablakely//// Social Media. URL: Social Media /lanablakely].

Сочетание собственных рассуждений с цитированием позволяет автору поддерживать образ интеллектуала. Следующий пост автора представляет собой философское рассуждение, что не характерно для большинства блогов. Рассуждение начинается с риторического вопроса: «Because how amazing isn't it, being able to be transported into a different world, a different century, a different being, without having to leave your bed?» (Как же это удивительно, иметь возможность перенестись в другой мир, в другой век, стать другим существом, не вставая с постели?) [Lanablakely//// Social Media. URL: Social Media /lanablakely]. В предложении использованы такие средства художественной выразительности как лексический повтор *different* и прием лексической градации *world-century-being*.

В продолжении поста можно отметить целый ряд синтаксических средств, придающих речи автора выразительность и богатство: ряды однородных членов предложения, использование сложных распространенных предложений, причастных и деепричастных оборотов. «How lucky are we, to be able to re-live the thoughts of another human, to learn from their mistakes, to let their words guide us, words that might have taken them a lifetime of experiences and countless of hours to craft into a book» (Как же нам повезло, что мы можем заново переживать мысли другого человека, учиться на его ошибках, позволять его словам вести нас, словам, которые, должно

быть, стоили опыта целой жизни и бесчисленных часов, чтобы стать книгой) [Lanablakely//// Social Media. URL: Social Media /lanablakely]. В этой части поста можно отметить лексические средства выразительности: эпитеты *lifetime, countless*, метафоры *to re-live the thoughts of another human, to learn from one's mistakes, to let the words guide smdy*. Усиливает воздействие на чувства аудитории гипербола, заключенная во фразе *have taken them a lifetime of experiences and countless of hours*. Подводя итог своим размышлениям, блогер цитирует Стивена Кинга. Использование интертекстуальных отсылок способствует формированию образа высоко интеллектуального автора, что помогает девушке успешно реализовывать тактику «самопродвижения» в виртуальном пространстве.

Опора на интеллектуального читателя стала основой успеха авторского блога. Тексты блогера привлекают к себе внимание благодаря яркой языковой личности автора, ее высокой коммуникативной компетенции, умению прогнозировать диалог с читателем. Лана – блогер, которому удастся добиться наибольшей читательской активности по сравнению с другими исследуемыми авторами. Очевидно, что читателей привлекают те блоги, в которых используются целый комплекс приемов, таких как «вовлеченность аудитории», «личное обращение», «убеждение», «пояснение примером».

Исследование показало, что ведущие тактики самопрезентации в блогах – «заискивание», «самопродвижение», «пояснение примером», а также их сочетания, – реализуются на разных уровнях языка. Самопродвижение нередко осуществляется за счет использования тематической лексики, что позволяет блогеру сформировать у читателя представление о себе как эксперте в определенной сфере. Продуманное использование синтаксических конструкций, вопросно-ответной речи, системы обращений, эмоционально-окрашенных слов, средств художественной выразительности, а также умение грамотно использовать дополнительные средства самопрезентации, такие как эмодзи и визуальный контент, – все это формирует в глазах читателя определенное представление о личности автора и способствует успешному продвижению контента. Большое количество осознанных откликов, глубокую степень вовлеченности аудитории и продолжительный интерес к контенту автору блога удастся получить за счет высокого уровня языковой компетентности, развитых коммуникативных навыков, а также знания тонкостей виртуального общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова Л. Г., Лебедева Е. А. Стратегии самопрезентации языковой личности блогера // Верхневолжский филологический вестник, 2015. (Языкознание и литературоведение) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-samoprezentatsii-yazykovoy-lichnosti-blogera> (дата обращения: 14.11.2021)
- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь (гл. ред. В. Н. Ярцева). М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 115–116.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986.
- Бирина Т. И. Диалог vs дискурс постструктурализме // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Сер. Социальные науки. №3(11) Н. Новгород: Изд.-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2008. С.94–98.
- Бондалев А. А. Самопрезентация // Психология общения. Энциклопедический словарь. Под общ. ред. А.А. Бондалева. М. Изд-во «Когито-Центр», 2011г. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/1095/word/samoprezentacija> (дата обращения: 15.10.2021).
- Бондарькова А. В. Самопрезентация как особый интернет-жанр (на материале русскоязычных блогов) // Образовательное частное учреждение высшего образования «Московская международная академия», 2014 (Языкознание и литературоведение) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoprezentatsiya-kakosobyu-internet-zhanr-na-materiale-russkoyazychnyh-blogov> (дата обращения: 13.09.2021).
- Гермашева Т. М. Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса / Т. М. Гермашева // Вестник Адыгейского государственного университета, 2014. №2 (140). (Филология и искусствоведение).
- Горошко Е. И., Землякова Е. А., Полякова Т. Л. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса) // Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов-Москва: Лабиринт, Ж31, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 344 – 357.
- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
- Дейк Т. А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Рус. яз., 1987.
- Клушина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике / Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 9. Воронеж, 2011. С. 25–33.
- Козлова Н. С. Самопрезентация личности в условиях виртуальной коммуникации (на примере немецкоязычных блогов). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/samoprezentatsiyalichnostivusloviyahvirtualnoykommunikatsii-na-primere-nemetskoyazychnyh-blogov/viewer> (дата обращения: 14.11.2021).
- Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7 – 25.
- Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография / О. В. Лутовинова. Волгоград: 2009.
- Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография / А. В. Олянич. Волгоград: Парадигма, 2004.

- Сорокина Ю. В. Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса. URL: <https://cyberleninka.ru/article-/strategiya-samoprezentatsii-kak-elementeffektivnogo-rechevogo-vozdeystviya-v-ramkah-pedagogicheskogo-diskursa/viewer> (дата обращения: 09.10.2021).
- Степанова Н. В. Когнитивно-дискурсивный анализ англоязычных текстов. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.
- Усачева О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 3. С. 55 – 65.
- Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. М.: Флинта; Наука, 2006.
- Alexandrasgirlytalk// Social Media. URL: [https:// Social Media. /p/BwpkA4ujWaP/](https://SocialMedia.p/BwpkA4ujWaP/) (дата обращения: 18.11.2021).
- Alexandrasgirlytalk// Social Media. URL: [Social Media /p/BvX2K3LDd3/](https://SocialMedia.p/BvX2K3LDd3/) (дата обращения: 18.11.2021).
- Alexandrasgirlytalk// Social Media. URL: [Social Media /p/Bu6xPOIjBTg/](https://SocialMedia.p/Bu6xPOIjBTg/) (дата обращения: 18.11.2021).
- Jones E. E., Pittman T. S. and Jones E. E. (1982) Toward a General Theory of Strategic Self-Presentation. In: Suls, J., Ed., Psychological Perspectives on the Self, Vol. 1, Erlbaum, Hillsdale, pp. 231 – 262.
- Lanablakely// Social Media. URL: [Social Media /p/Byx6f_YFNt9/](https://SocialMedia.p/Byx6f_YFNt9/) (дата обращения: 11.12.2021).
- Lanablakely// Social Media. URL: [Social Media /p/CQjDmriI3aw/](https://SocialMedia.p/CQjDmriI3aw/) (дата обращения: 11.12.2021).
- Lanablakely// Social Media. URL: [Social Media /p/CRPZ6BdFOuQ/](https://SocialMedia.p/CRPZ6BdFOuQ/) (дата обращения: 11.12.2021).

Zaripova, E. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

LINGUISTIC MEANS OF ACTUALIZATION OF SELF-PRESENTATION STRATEGY IN THE INTERNET BLOGS

The article provides linguistic analysis of the self-presentation strategy in the English Internet discourse, i.e., it describes the main linguistic means and techniques that actualize the strategy of self-presentation in American blogs. According to the results of the research, the favorable image of the author of the blog is contributed to the common usage of terminology, emotionally colored vocabulary, intertextual references and pictographic symbols – emoticons. The efficient use of stylistic means: metaphor, hyperbole, gradation, rhetorical appeals etc. supports the blog reader's interest.

Discourse, virtual discourse, genres of virtual discourse, blog, self-presentation of the author, self-presentation tactics

УДК 811.11142:001.4

Е. Ю. Ильинова

Волгоградский государственный университет

ORCID 0000-0002-3310-4020

ilynov@volsu.ru

Л. А. Кочетова

Волгоградский государственный университет

ORCID 0000-0002-5278-7373

kochetova@volsu.ru

ДИСКУРСИВНАЯ ГИБРИДНОСТЬ КОНТАКТНОГО РАЗГОВОРА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФАТИЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье обобщены результаты изучения социокультурной значимости и конвенциональности контактной беседы в англоязычном межличностном общении. Уточнена тематика, выявлены признаки дискурсивной гибридности современного жанра «Small talk» как активно-востребованной формы фатического дискурса в англоязычной культуре общения, рассмотрены речевые реализации стратагемно-тактической составляющей общего представления о контактной беседе как форме разговора, характерной для англосаксонской традиции коммуникативной культуры.

Прагматика межличностного общения, фатика, гибридный жанр, контактный диалог, конвенции общения, табу

Специалисты по теории коммуникации и дискурса, признавая социокультурную ценность разных форм фатического общения, незаслуженно мало внимания уделяют описанию коммуникативно-дискурсивных ситуаций контактно-ориентированного общения в современной дискурсивной практике. Актуальность проявления научного интереса к этой теме объясняется существованием базовых основ коммуникативной теории фатики [Винокур, 2017], указывающих на социокультурную уникальность форм фатической коммуникации и предлагающих ряд дискурсивных и лингвопрагматических критериев для научного описания, однако на данный момент практически отсутствуют публикации, посвященные детальному анализу контактного диалога в различных дискурсивно-языковых культурах. В отличие от ставших традиционными для дискурсивного анализа форм иницирующего или финализирующего разговора (формул приветствия, прощания, первого знакомства и пр. [Формановская, 2009]), объектом проводимого нами исследования был избран жанр контактного фатического разговора «Bonding

talk», представляющий одну из доминантных форм межличностного общения в англоязычном фатическом дискурсе. В исследовании контактный разговор в жанре «Bonding talk» рассмотрен как реализация ценностно-ориентированной коммуникативной программы межличностного взаимодействия в англоязычной лингвокультуре. Центром лингвопрагматического анализа стали речевые стратегии и тактики межличностного общения, нацеленного на демонстрацию вежливого интереса к другому лицу при соблюдении конвенции социального дистанцирования, столь значимой для общей фатической культуры межличностного общения в границах англо-саксонской культуры.

Конвенциональность межличностного общения опирается на некую социальную договоренность о нормах вежливого и предупредительного общения в границах отдельного социума (представителей отдельной языковой культуры, социального класса, группового объединения носителей языка), о разрешенных и табуированных темах разговора, а также на ценностно-ориентированную коммуникативную программу фатической интеракции, сформированную и закрепленную за отдельными типовыми коммуникативными ситуациями. Кроме клишированных формул инициации и завершения общения, благопожелания и т.п., в общее поле жанров фатического дискурса входят контактные разговоры, призванные в ходе общения отражать социально-ролевой статус партнеров и в вербальной форме регулировать этикет межличностных отношений в стереотипных (прототипических) ситуациях личностно-ориентированного общения.

В коммуникативно-дискурсивном пространстве социума, имеющего связи с традициями англо-саксонской культуры Британии, значимым считается формат фатического контактного разговора, который сформировался в ходе длительной историко-дискурсивной эволюции нескольких жанров фатического разговора: *Intellectual talk* (салонная беседа), *Small talk* (светский разговор), *Chattering* (светская болтовня), *Bonding talk* (букв. объединяющий разговор, дружелюбная болтовня). Обеспечивая успешность межличностного контакта и интенцию самопрезентации личности, указанные жанры существовали и существуют сегодня. Они всегда отличались ценностно-ориентированной коммуникативной программой, востребованной в типовых социокультурных обстоятельствах.

Прототипическую основу жанра «Bonding talk» (термин предложен К. Фокс [Fox, 2014]) определяют социокультурные факторы общения – условную публичность межличностного контакта, что соответствует

представлению о «светском общении». «Светскость» мы понимаем не только как указание на социальную иерархию уровней межличностного общения, но и как умение соблюдать конвенции этикетного поведения в ситуациях обыденного межличностного взаимодействия знакомых и малознакомых людей. Для англосаксонской традиции – это проявление вежливого интереса к партнеру по общению, вербальная и невербальная демонстрация социально-ролевого паритета, дистанцирование, намеренный контроль за проявлением эмпатии и эмоций, знание о допустимых и недопустимых темах разговора [Ларина, 2009; Леонтович, 2005]. Указанная социокультурная специфика отражается в формах англоязычного светского общения, которые формировались и развивались на протяжении ряда веков и прошли путь от салонной культуры общения до современного гибридного образования *Bonding talk*, объединившего черты салонной беседы и светской дружелюбной болтовни. Для обоснования указанного положения рассмотрим некоторые особенности жанров контактного разговора и укажем на лингвопрагматические и языковые знаки гибридизации.

Социокультурная специфика жанра салонной беседы *Intellectual talk* характеризуется камерностью, элитарностью поведения в общем полилоге, хроно-топологическим фактором (событие традиционно проходило в определенные часы в гостиной частного дома влиятельного лица с возможностями для демонстрации художественных и иных талантов приглашенных лиц, музицирования), а также социальным статусом участников (образованные представители истеблишмента интеллигенция) [Косова, 2014]. К жанрово-дискурсивным характеристикам следует отнести особый характер светской беседы. Хозяйка, как центральный субъект культурного общения, отвечает за выбор темы для беседы на каждый вечер, советуя тему подбор гостей, поддержание и управление беседой по заданной тематике, создание общей коммуникативной ауры салонной беседы. Гостям предписывалось умение вести разговор на темы, связанные, в первую очередь, с разными формами искусств, философские, политические вопросы. При внешнем равноправии социального статуса гостей в салоне предполагалось присутствие известного человека, которому предписывалось право инициировать основную тему беседы, остальным гостям было предписано участвовать в общей беседе.

Приведем пример искусства салонного полилога, в котором доминирует приглашенный хозяйкой гость – мистер Скоган. Инициировав светский разговор о составе энциклопедий и словарей в библиотеке владельцев поместья, он приглашает остальных гостей к беседе о чтении, роле славы

и популярности человека: *Coffee-cup in hand, Mr. Scogan was standing in front of the dummy book-shelf. Between the sips he discoursed.*

"The bottom shelf," he was saying, "is taken up by an Encyclopaedia in fourteen volumes. Useful, but a little dull, as is also Caprimulge's 'Dictionary of the Finnish Language'. The 'Biographical Dictionary' looks more promising. 'Biography of Men who were Born Great', 'Biography of Men who Achieved Greatness', 'Biography of Men who had Greatness Thrust upon Them', and 'Biography of Men who were Never Great at All'. Then there are ten volumes of 'Thom's Works and Wanderings', while the 'Wild Goose Chase, a Novel', by an anonymous author, fills no less than six. But what's this, what's this?" Mr. Scogan stood on tiptoe and peered up. "Seven volumes of the 'Tales of Knockespotch'. The 'Tales of Knockespotch'," he repeated. "Ah, my dear Henry," he said, turning round, "these are your best books. I would willingly give all the rest of your library for them." [Huxley]. М-р Скоган доминирует в общем разговоре. С помощью шутиливой тональности он демонстрирует право выражать собственную оценку (*useful, but a little dull, looks more promising*). Его комментарий отличается элитарной этикетностью и подчеркивает осознание своего высокого статуса: *I would willingly give all the rest of your library for them*. Продолжая беседу, он переходит к философским рассуждениям о чтении, месте и роли произведений искусства прошлых времен: *"Phooh!" he said, and shut the door again. "It smells of dust and mildew. How symbolical! One comes to the great masterpieces of the past, expecting some miraculous illumination and one finds, on opening them, only darkness and dust and a faint smell of decay. After all, what is reading but a vice, like drink or venery or any other form of excessive self-indulgence? One reads to tickle and amuse one's mind; one reads, above all, to prevent oneself thinking..."* [Huxley]. Приглашенная знаменитость демонстрирует высокую компетенцию публичной светской беседы в форме риторических фигур: восклицания (*How symbolical!*), риторические вопросы (*what is reading but a vice, like drink or venery or any other form of excessive self-indulgence?*), образные описания и сравнения (*a faint smell of decay, like drink or venery or any other form of excessive self-indulgence*), соответствующие теме разговора.

Отметим, что подобный стиль светской беседы требует высочайшего владения риторической компетенцией, именно поэтому в условиях светского приема доминировал и доминирует иной жанр светской беседы – *Small talk*. Светский разговор предполагает участие в длительных тематических полилогах, это интеллектуальные разговоры гостей, позволяющие указать на сферу их интересов, выделиться через самопозиционирование. Ведение

светского разговора требует владения такими коммуникативными компетенциями, как тактики подчеркнутой вежливости, предупредительности, а также умения говорить грамотно, логически точно или стилистически образно. Общая конвенция светской беседы включает умение поддерживать коммуникативную тональность, т.е. владение тактиками ведения «приятного» разговора, включения в общее обсуждение, умение импровизировать, демонстрируя остроумие, находчивость, способность красиво парировать реплики собеседников, польстить, отпустить изящный комплимент, весьма вежливым образом выразить критику, как например, в следующем примере: *'My dear, you cannot expect conversation to cease just to listen to a pianist – not at a soirée. After all, it is primarily a social event, and the music is merely a diversion, a pleasantness. And of course, it gives people something to talk about without having to think too hard for a suitable subject. Some people are so awkward, you know', she smiled at Charlotte* [Perry, 2010, p. 10].

Конвенции «приятного» разговора не допускают разговора на ряд тем, в частности, табуированным считается выражение критики по отношению к присутствующим, не приветствуются сплетни о личной жизни третьих лиц. В беседе между знакомыми указанные табу нарушаются, при этом имеются тактики смягчения критики. Так, в следующем примере, описывающем встречу близких родственников на семейном светском приеме в семье Форсайтов, темой становится критика излишней полноты одного из братьев: *Swithin Forsyte, tall, square, and broad, with a chest like a pouter pigeon's in its plumage of bright waistcoats, came strutting towards them.*

"Er – how are you?" he said in his dandified way, aspirating the 'h' strongly (this difficult letter was almost absolutely safe in his keeping) – "how are you?"

Each brother wore an air of aggravation as he looked at the other two, knowing by experience that they would try to eclipse his ailments.

"We were just saying," said James, "that you don't get any thinner."

Swithin protruded his pale round eyes with the effort of hearing.

"Thinner? I'm in good case," he said, leaning a little forward, "not one of your thread-papers like you!" [Galsworthy, 1967, p. 11]. Ироничный комментарий братьев Суизин Форсайт отбивает саркастичным замечанием об их фигуре. Участники приведенного полилога стремятся не только говорить в соответствии с нормой своего высокого статуса (*he said in his dandified way, aspirating the 'h' strongly*), но демонстрируют умение включаться в беседу и остроумно развивать тему разговора, избегать конфликта в случае отклонения от табуированных тем для публичного обсуждения.

В данной публикации приводятся примеры их художественных произведений, поскольку на данный момент нам сложно найти иной материал для исследования темы развития жанра светской беседы в диахроническом аспекте с целью подтвердить верность гипотезы о его превращении в гибридный жанр дружелюбной беседы, присутствующей в современной англоязычной коммуникативной культуре. Мы полагаем, что наша коллекция примеров из художественных произведений признанных мастеров английской литературы в значительной степени демонстрирует конвенции ведения светской и дружелюбной беседы, поскольку писатели являются носителями английского языка и коммуникативной культуры и в своих текстах отражают этот аспект метадискурсивной компетенции продвинутых носителей родного языка.

Собранная коллекция примеров светской беседы в художественных текстах английских писателей XXI века позволила провести сравнение дискурсивных тактик ведения разговора и языковых средств выражения самопозиционирования, указания на знание о конвенциях такого общения, о табуированности тем дружелюбной беседы в публичном месте, о владении тактиками вежливой коррекции нарушения табуированности. Отметим, что собранные примеры указывают на сохранение фактора социально-ролевого паритета общающихся, усиление фактора либерализации тематики разговора при строгом соблюдении конвенции табуированных тем для обсуждения. В следующем примере представлена ситуация общения трех знакомых женщин в кафе (здесь и далее примеры по: [Faulks, 2010, pp. 100 – 101]). Общая тема разговора – обсуждение деталей планируемого официального приема – перебивается темой представления незнакомых дам друг другу. В соответствии с принятой в жанре доброжелательного общения конвенцией сообщить незнакомым людям допустимые детали об их социально-ролевом статусе пригласившая их дама реализует тактику косвенного комплимента (хвалит детей своей подруги Ванессы): *'Vanessa's daughter Bella is such a sweetie', Sophie explained to Amanda. 'I hardly ever see her. She's always off with her friends', said Vanessa. 'That's because she's so popular!'* said Sophie. *'She really is a dear.'* Ванесса поддерживает прагматику общения, но нарушает общее табу публичного общения, прагматическую интенцию речевых актов комплимента при разговоре о своем муже. На общий вопрос Аманды *What does your husband do?* Ванесса сначала отвечает в соответствии с конвенцией, но быстро переходит от тактики вежливой реакции (*He works. That's what he does. Work. He has a hedge fund*) к тактике выражения личного мнения, критики: *Most hedge-fund managers*

work hard, I know, but most of them have fun as well. They own a boat, they have a glider pilot's licence. I know one who has a climbing wall in his house. There's another one who lives near us who plays the piano beautifully and plays chess for a club and go to the theatre twice a week and takes his wife to the opera. But John ... I don't know.' Новая знакомая пытается исправить нарушенное табу, оправдать Джона (*But he's very loyal and ...*), но Ванесса перебивает Аманду и в весьма эмоциональной форме описывает свое негодование: *I tell you what I would like more than anything in the world... I could forget the lack of fun or his dread of parties or holidays or romance, I could forget everything if I could just once see him laugh.'* Подобное нарушение табуированной конвенции дружелюбного разговора в публичном пространстве приводит к замешательству, автор дает свой комментарий: *There was an embarrassed pause. Although Sophie and her friends talked about little other than their families when they met, they were seldom indiscreet and never raw.* Но Софи и Аманда владеют риторическими компетенциями светского общения и, используя тактики коррекции беседы, пытаются уйти от дальнейшего разговора на табуированную тему, обещая помочь Ванессе: *Well. I'll make that my special task on Saturday. To make your husband laugh.* Ванесса верно раскодирует интенцию подруг, включается в коммуникативную игру перевода своей тематической оплошности и эмоциональной несдержанности в ироничную шутку: *Good luck. But I should warn you, that road is paved with the bodies of those who tried and failed.*

Приведенный пример отражает сущность гибридности современного жанра светского (дружелюбного) разговора, который, в соответствии с мнением Кейт Фокс, можно назвать *Bonding talk (a defining characteristics of Englishness* [Фокс, 2014, р. 53]). Доминантой прагматической задачей этого жанра фатической коммуникации является создание и поддержание межличностных отношений с окружающими в ситуации социально-ориентированного общения в публичном пространстве, установление дружелюбных отношений с помощью обмена информацией о собственном жизненном опыте, знаниях, взглядах на общие темы. Обеспечивая успешность межличностного контакта, персонализацию, условия для самопрезентации языковыми средствами английского языка каждого общающегося, данный жанр предоставляет ценностно-ориентированную коммуникативную программу, которая в личностно-ориентированном общении реализуется в речевом контакте в ситуации приятного времяпрепровождения, что не допускает нарушения стилистики вежливости и предупредительности, запрещает обращения к табуированным темам. Перспективным видится

продолжение изучения прагмастилистических особенностей формирования гибридности жанра *Bonding talk* в диахронии истории жанров фатического контактного разговора.

Литература

- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М: URSS, 2017.
- Косова К. И. Функции small talk в институциональном и бытовом дискурсах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2014. № 5 (24). С. 87 – 93. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.5.11> (дата обращения: 16.02.2022).
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005.
- Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. М.: ВК, 2009.
- Faulks S. A Week in December. Lnd: VintageBooks, 2010.
- Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. Lnd: Hodder, 2014.
- Galsworthy J. The Man of Property. Lnd: Signet Classic, 1967.
- Huxley A. Crome Yellow. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1999/1999-h/1999-h.htm> (дата обращения: 16.02.2022).
- Perry A. Rutland Place. NYC: Random House, 2010.

Pyinova, E. Yu., Kochetova, L. A.

Volgograd State University

DISCURSIVE HYBRID CHARACTER OF BONDING TALK IN ENGLISH PHATIC SPEECH CULTURE

Social and cultural values and conventions of the bonding talk in English interpersonal speech practice are generalized. Topic specificity, discursive hybridity of the optional Small talk genre is considered and described as a currently required pattern of phatic conversation in English speech culture. Strategic and tactical actualizations of the small talk and the bonding talk are provided to represent specificity of Anglo-Saxon traditions of communication.

Pragmatics of interpersonal converse, phatic, hybrid genre, bonding talk, speech conversion, taboo

УДК 811.111-26

А. В. Лисневская

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
Alexandra.Lisnevskaya@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Доклад посвящен изучению особенностей функционирования метафоры в научно-популярных текстах англоязычного интернет-пространства. Особое внимание уделяется анализу когнитивной и стилистической функций метафоры. Делается вывод о тенденции к использованию в научной коммуникации еще более антропоцентричных языковых значений в случае антропоморфной метафоры.

Антропоморфная метафора, антропоцентризм, картина мира, когнитивная метафора, научно-популярный дискурс

Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, научно-популярный стиль в настоящее время активно развивается и становится все более многогранным в плане использования языковых средств. Недостаточно изученный потенциал всего комплекса языковых средств, используемых в научной коммуникации, поэтому представляет особый интерес для лингвистических и междисциплинарных исследований. Во-вторых, настоящее исследование проводится с опорой на современную антропоориентированную парадигму, в соответствии с которой все явления изучаются в тесной взаимосвязи с человеком и его миропониманием.

Материалом для лингвистического анализа послужили англоязычные научно-популярные тексты, отобранные из изданий *Nature* и *National Geographic Magazine*, а также монографии *Intelligence Science*. В ходе исследования применялся метод сплошной выборки, метод семантико-стилистического анализа и метод лингвистического описания.

Теоретическую базу данного исследования составили труды Д. С. Махмудовой [2020], М. А. Заниной [2012], А. П. Чудинова [2001], В. В. Виноградова [1990], Н. М. Разинкиной [1972], Д. Лакоффа и М. Джонсона [2004], в которых авторы описывают концептуальную базу научно-популярного дискурса, жанровые характеристики научно-популярных текстов, дают определения фундаментальным понятиям, функции метафоры.

Особое внимание исследователи уделяют когнитивным и стилистическим функциям метафоры и их влиянию на процесс формирования представлений, ассоциаций и весь мыслительный процесс в целом. Все это указывает на огромный потенциал метафоры в современной научной коммуникации и обуславливает интерес ученых к дальнейшему изучению этого феномена.

Необходимо отметить, что научно-популярный дискурс является разновидностью научного дискурса, но все же имеет принципиальные отличия [Занина, 2012]. В научном стиле основополагающими элементами являются точность и структурированность информации, в то время как научно-публицистический стиль характеризуется одновременно двумя тенденциями: с одной стороны, ему свойственна логичность, с другой стороны – эмоциональность и экспрессивность. В связи с этим в научно-популярном дискурсе чаще используются выразительные языковые средства.

Основной задачей научно-публицистического стиля является популяризация научного знания. В значительной мере наладить контакт между адресантом и адресатом в научно-популярном дискурсе помогает метафора. Исчерпывающее определение данного понятия дается в различных источниках. Так, например, Толковый словарь Д. Н. Ушакова» называет метафорой «троп, оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе какой-нибудь аналогии, сходства» [URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/859230>]. Тезаурус С. И. Ожегова предлагает следующую дефиницию понятия метафоры как «вид тропа – скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому...» [URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0>].

Исследователь Д. С. Махмудова подразумевает под метафорой употребление слова, которое является представителем определенного класса объектов, явлений, действий или признаков, применяемое с целью охарактеризовать или назвать другой класс объектов или индивида (сходного или несходного) [2020].

В научно-популярном дискурсе метафора разворачивается путем осуществления когнитивной функции. В. В. Виноградов утверждает, что свежая и оригинальная метафора является актом утверждения индивидуального понимания мира, актом субъективной изоляции автора [1990]. По мнению Н. М. Разинкиной, метафора есть дополнительное средство, помогающее автору придать аргументации большую убедительность [1972]. Зарубежные исследователи акцентируют внимание на том, что метафора является средством для познания окружающей действительности и мира в целом. Она играет роль помощника в создании

в сознании человека абсолютно нового представления о конкретном предмете или явлении [Black, 1962]. Исследователи метафоры Д. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что понятия, которые присутствуют в человеческом сознании, а соответственно и речи, не относятся исключительно к интеллектуальной сфере, а являются важной частью повседневной жизни и отражаются в каждой детали деятельности индивида. С помощью метафоры человек осмысливает явления одного рода (научные) в терминах явлений другого рода (повседневные). Однако не всегда эта категоризация осознается человеком в полной мере, по причине того, что большинство действий в повседневной жизни производятся автоматически [2004].

По мнению А. П. Чудинова, метафора является главным помощником читателя в «обработке и переработке информации» [2001]. Она помогает зафиксировать информацию об изучаемом объекте или процессе, если прежде у него не было названия. Метафора дает возможность изложить определенное знание более лаконично, ярко и коннотативно. Она является инструментом для репрезентации научного знания, способствует осмыслению, задействует грани человеческого мозга, отвечающие за создание ассоциации.

Метафорические образования являются продуктом переосмысления уже известных объектов с характерным ему эмоционально экспрессивным характером. В результате осмысления собственной жизнедеятельности и всего окружающего появляется необходимость с помощью сопоставления изучать новые явления, процессы и понятия. Таким образом, метафора осуществляет когнитивную функцию, дает толчок к отражению, осмыслению одних понятий через другие, становится возможностью провести аналогии и параллели, а также оценить картину окружающего мира с помощью выразительного сравнения.

Наибольший интерес в рамках данного исследования представляет изучение широко представленной в научной коммуникации *антропоморфной метафоры*. Распространенной метафорической моделью в этом случае является модель *робот как человек*. Когнитивные функции антропоморфной метафоры совпадают с общими когнитивными функциями метафоры. Речь идет о номинативной функции (наименование новых реалий с помощью установления связи с человеком), моделирующей функции (создание модели описываемой ситуации) и инструментальной функции (предопределяет ход мысли автора) [Аржанова, 2019].

Антропоморфная метафора *робот как человек* наглядно иллюстрируют способность машины выполнять действия подобно человеку. Робот обладает навыками и умениями живого существа, возможностью принимать решения.

Интересно отметить, что в данной метафоре нередко используется значение *мочь* для оценки возможности совершения того или иного действия, что активизирует смыслы, указывающие на самостоятельность машины, характерную для живых существ [Булгакова, Седельникова, 2015].

Антропоморфная метафора *робот как человек* актуализируется в научно-популярных текстах целым комплексом языковых средств, в первую очередь, с помощью *глагольных предикатов*: 1. “NASA's Mars helicopter gets ready to make history” [“NASA's Mars helicopter gets ready to make history”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/nasa-mars-helicopter-ingenuity-gets-ready-to-make-history>]. В данном случае антропоморфная метафора репрезентирована значением *make history* (*создавать историю*). Данное действие всегда было прерогативой исключительно человека: только человек способен менять историю, совершать прорывы. Таким образом, на механизм переносится особая миссия человека менять настоящее и создавать будущее.

2. “They could also reach locations such as canyon walls or volcanic slopes that a rover could never *visit*”. [“Mars rover takes big steps in its most important mission”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/perseverance-mars-rover-takes-big-steps-in-its-most-important-mission>]. В данном контексте метафора объективируется языковым значением *visit* (*посетить*): неодушевленному механизму представляется возможным совершить действие, которое обычно совершает человек, т.е. путешествовать.

3. “Mars rover *takes big steps* in its most important mission” [“Mars rover takes big steps in its most important mission”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/perseverance-mars-rover-takes-big-steps-in-its-most-important-mission>]. В этом случае антропоморфная метафора в значении *take big steps* (*делать большие шаги*) отражает отличительную человеческую черту, возможность развиваться, совершать большие шаги в определенной сфере, совершать открытия.

Помимо глагольных предикатов, антропоморфная метафора реализуется в научно-популярном дискурсе с помощью *слов состояний в функции предикатива*, которые в существенной степени антропоцентричны: такие языковые значения актуализируют способность механизма выражать реакции на происходящее в окружающем мире, как если бы механизм обладал сознанием. Функционирование слов состояний можно проследить в следующем контексте: 1. “NASA's Mars helicopter *gets ready* to make history” [“NASA's Mars helicopter gets ready to make history”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/nasa-mars-helicopter-ingenuity-gets-ready-to-make-history>]. В данном случае антропоморфная

метафора репрезентирована значением *get ready* (*готовится*). Роботу приписывается состояние, в котором способен находится человек – машина не может осуществлять самостоятельную подготовку к осуществлению какой-либо деятельности. Однако в данном случае автор наделяет робота этой возможностью, тем самым активизируя внимание читателя.

2. “Tianwen-1 *has also been busy*. The spacecraft recently adjusted its orbit and switched from acting mainly as a communications relay between Zhurong and Earth to also conducting its own observations of Mars” [“China’s Mars rover has amassed reams of novel geological data”, URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-021-03554-8#:~:text=Zhurong%20will%20now%20continue%20to,its%20own%20observations%20of%20Mars>]. В данном случае антропоморфная метафора актуализируется значением *busy* (*занятый*): проводится параллель между рабочим процессом функционирования робота и занятостью индивида.

Метафоризация может осуществляться с помощью *адъективных языковых средств* [Булгакова, Седельникова, 2015]: 1. “*Intelligent robot*” [Zhongzhi Shi, 2021]. В этом примере антропоморфная метафора объективирована значением *intelligent* (*умный*), традиционно описывающим человеческую личность или одушевленный предмет.

В научно-популярном дискурсе метафора актуализируется посредством *субстантивных средств*: 1. “Each one stands for a titanium twin hundreds of millions of miles away that has been filled with a bit of Martian rock or air and tucked into *the belly* of a robotic geologist” [“Mars rover takes big steps in its most important mission”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/perseverance-mars-rover-takes-big-steps-in-its-most-important-mission>]. В данном случае речь идет об уподоблении робота человеку по внешнему анатомическому сходству.

Наблюдения показали, что антропоморфная метафора *робот как человек* раскрывается еще более антропоцентричными языковыми значениями: авторы все чаще обращаются к более глубокому сравнению, ссылаются на *человеческие недостатки, слабости, отличительные умения и интересы*: 1. “Flying in the middle of the afternoon will allow the helicopter’s solar panel to charge its batteries before and after the flight, so the batteries still have some juice to run the heater before Ingenuity has to *survive another frigid night*” [“NASA’s Mars helicopter gets ready to make history”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/nasa-mars-helicopter-ingenuity-gets-ready-to-make-history>]. В данном случае антропоморфная метафора объективируется значением *survive night* (*пережить ночь*) и отражает более сложную и уникальную человеческую способность – готовность выживать в трудных условиях.

2. “This robot *vapes* for science” [“This robot vapes for science”, URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-021-02679-0>]. В этом примере метафора актуализируется в значении *vape* (курить вейп), описывающим распространенную среди молодых людей вредную привычку.

3. “*Catching a basketball* in space” [“Mars rover takes big steps in its most important mission”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/perseverance-mars-rover-takes-big-steps-in-its-most-important-mission>]. В данном случае антропоморфная метафора репрезентирована значением *catch a basketball* (ловить баскетбольный мяч), выражающим в контексте статьи о достижениях марсохода на красной планете человеческие интересы и занятия. Механизм наделяется умением осуществить пас и прием, словно во время баскетбольной игры (космический корабль будет ловить контейнер со специальными материалами размером с баскетбольный шар, запущенный небольшой ракетой). Автор обращается к различным индивидуальным граням человеческой деятельности, глубже внедряясь в жизнь индивида, делая тем самым не штампованную, а оригинальную метафору.

Антропоморфные метафоры касаются не только техники, механизмов, изобретений, описанию которых посвящена большая часть научно-популярных текстов. Метафорическому осмыслению подвержены и природные явления, еда:

1. “*Surviving the inferno*” [“Planet circling a burned-out star offers a glimpse at the solar system's fate”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/planet-circling-a-burned-out-star-offers-a-glimpse-at-the-solar-systems-fate>].

В данном случае антропоморфную метафору со значением *survive the inferno* (пережить ад). В подзаголовке статьи движение и развитие планеты уподобляется прохождению через ад.

2. “The third rupture in the rock, however, *sandwiched* between the other four, stood out” [“Source of mysterious global tsunami found near Antarctica”, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/source-of-mysterious-global-tsunami-found-near-antarctica>]. В данном контексте используется антропоморфная (гастрономическая) метафорическая модель по внешнему сходству: характер и волны землетрясения уподобляются сэндвичу, в котором есть четко обозначенные слои.

Безусловно, помимо когнитивной функции, метафора выполняет и стилистическую, при этом в заголовочных комплексах научно-популярных текстов антропоморфные метафоры используются чаще, чем в научных публикациях. Используя антропоморфную метафору в заголовке, автор передает информацию в более экспрессивном и ярком языковом значении;

оригинальная метафора не только номинирует новую информацию, но и воздействует на процесс ее восприятия.

В ходе обзора была выявлена определенная тенденция к использованию в научной коммуникации еще более антропоцентричных языковых значений, т.е. значений, коррелирующих с человеческими слабостями, интересами, вредными привычками. Личные наблюдения показали, что чем более антропоцентричны языковые значения, актуализирующие антропоморфную метафору *робот как человек*, тем больше вероятность их появления именно в научно-популярном дискурсе, что таким образом обособляет научно-популярные тексты от других форм научной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Аржанова И. А. Функции антропоморфной метафоры в англоязычном экономическом дискурсе // Саранск, 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-antropomorfnoy-metafory-v-angloyazychnom-ekonomicheskom-diskurse/viewer> (дата обращения: 05.03.2022).
- Булгакова Н. О., Седельникова О. В. Вербализация концепта «машина» в научных и научно-публицистических текстах об искусственном интеллекте: типы антропоморфной метафоры (на материале английского и русского языков) // Вестник науки Сибири, 2015. Спецвыпуск (15), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-kontseptma-mashina-v-nauchnyh-i-nauchno-publitsisticheskikh-tekstah-ob-iskusstvennom-intellekte-tipy-antropomorfnoy> (дата обращения 19.03.2022).
- Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей: от Короленко до Гоголя. Избр. труды / Отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1990.
- Занина М. А. Метафоризация в научно-популярном дискурсе // Вестник СПбГУ, 2012. Сер. 9. Вып. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforizatsiya-v-nauchno-populyarnom-diskurse> (дата обращения: 08.03.2022).
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Махмудова Д. С. Семантико-стилистические признаки метафоры, их реализация в тексте // вестник социально-педагогического института. Дербент, 2020. №3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantiko-stilisticheskie-priznaki-metafory-ih-realizatsiya-v-tekste> (дата обращения: 09.03.2022).
- Ожегов С. И. Словарь русского языка С. И. Ожегова, 1999. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 06.03.2022).
- Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки // Издательство «Наука», М., 1972. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/razinkina/text.pdf> (дата обращения: 07.03.2022).
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь Д. Н. Ушакова, 1935-1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/859230> (дата обращения: 06.03.2022).

- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): (Монография). Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
- Black M. *Models and Metaphors*. Ithaca: Cornell University Press, 1962.
- China's Mars rover has amassed reams of novel geological data, *Nature*, URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-021-03554-8#:~:text=Zhurong%20will%20now%20continue%20o,its%20own%20observations%20of%20Mars> (дата обращения 15.03.2022).
- Mars rover takes big steps in its most important mission, *National Geographic Magazine*, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/perseverance-mars-rover-takes-big-steps-in-its-most-important-mission> (дата обращения 15.03.2022).
- NASA's Mars helicopter gets ready to make history, *National Geographic Magazine*, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/nasa-mars-helicopter-ingenuity-gets-ready-to-make-history> (дата обращения 15.03.2022).
- Planet circling a burned-out star offers a glimpse at the solar system's fate, *National Geographic Magazine*, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/planet-circling-a-burned-out-star-offers-a-glimpse-at-the-solar-systems-fate> (дата обращения 15.03.2022).
- Source of mysterious global tsunami found near Antarctica, *National Geographic Magazine*, URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/source-of-mysterious-global-tsunami-found-near-antarctica> (дата обращения 15.03.2022).
- This robot vapes for science, *Nature*, URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-021-02679-0> (дата обращения 15.03.2022).
- Zhongzhi Shi. *Intelligence Science. Leading the Age of Intelligence*. Tsinghua University Press, 2021.

Lisnevskaya, A. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

COGNITIVE AND STYLISTIC ASPECTS OF METAPHORIZATION IN THE ENGLISH LANGUAGE POPULAR SCIENCE DISCOURSE

The report is devoted to the study of the peculiarities of the functioning of metaphor in popular scientific texts of the English-speaking Internet space. Special attention is paid to the analysis of the cognitive and stylistic functions of metaphor. The conclusion is made about the tendency to use even more anthropocentric linguistic meanings in the case of an anthropomorphic metaphor in scientific communication.

Anthropomorphic metaphor, anthropocentrism, worldview, cognitive metaphor, popular science discourse, stylistic function of metaphor

УДК 81.42

А. В. Львова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
e2e4_2004@inbox.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются стилистические средства как способ речевого воздействия в интернет-коммуникации, приводится их классификация. Проводится анализ рекламных текстов из социальной сети, в результате которого определяется, что в рекламных текстах тропы используются чаще, чем фигуры речи. Наиболее популярными тропами являются эпитет и метафора.

Интернет-коммуникация, речевое воздействие, стилистические средства, тропы, фигуры речи

В XXI веке стремительно меняется информационное пространство, в которое погружен человек. Если еще в IX и XX веках скорость передачи информации исчислялась несколькими днями, а сама подача носила, в основном, информационный характер, то в современном мире информация распространяется за секунды, цель же ее чаще всего – воздействие на индивидуума или убеждение в чем-то.

Интернет – одно из основных пространств, в которых происходит передача и обмен информацией. В становящемся информационном обществе именно воздействующая функция считается основной функцией средств массовой информации [Данилова, 2011, с. 7].

Речевое воздействие определяется как «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [Стернин, 2001, с. 51].

В интернет-коммуникации используются стилистические средства языкового воздействия, которые определенным образом воздействуют на сознание читателей, программируя их на заданную цель.

В данной статье рассматриваются рекламные тексты из аккаунтов популярных блогеров, задача которых – продать товар или услугу, вызвав у читателя отклик и побудив его поверить в то, что рекламируемый товар или услуга – это именно то, что нужно ему. Социальная сеть Social Media

появилась в 2012 и на данный момент является одним из самых популярных сайтов в мире не только для общения, но и для продвижения товаров и услуг. Многие предприниматели выбирают именно эту платформу для продаж, сопровождая качественный визуальный ряд рекламными текстами, написанными с использованием определенных стилистических приемов.

Существуют разные классификации стилистических приемов. Данная статья берет за основу классификацию, которой придерживается И. В. Арнольд. В соответствии с ней стилистические приемы делятся на изобразительные и выразительные средства языка.

Изобразительными средствами языка называют все виды образного употребления слов, словосочетаний и фонем, объединяя все виды переносных наименований общим термином «тропы» [Арнольд, 1997, с. 89].

Выразительные средства, или фигуры речи, не создают образов, а повышают выразительность речи и ее эмоциональность при помощи особых синтаксических построений [Арнольд, 1997, с. 89].

Основными видами тропов в продающих текстах являются:

Эпитет – художественное, образное определение [Розенталь, 1985, с. 353]. Чем более яркие, образные эпитеты использованы в тексте, тем больше внимания потенциальных клиентов они привлекают.

Пример 1. *Оригинальный магазин эксклюзивных хенд-мейд товаров* [Social Media// URL: Social Media/ handmade.sculpt.home].

Пример 2. *Мы подберем вам самые смелые образы* [Social Media// URL: Social Media/ showroom_m.spb].

Пример 3. *Самое горячее предложение месяца* [Social Media// URL: Social Media/ astrolog_chukreeva].

Пример 4. *На моем канале выходят самые интригующие посты* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Пример 5. *Безупречная классика – то, что мы транслируем своими товарами* [Social Media// URL: Social Media /classic_clothes.cc].

Пример 6. *Как стать антихрупким к кризисам и неудачам.* Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Метафора – перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства [Жеребило, 2010, с. 193].

Пример 1. *Приглашаем на вебинар «Рисунок жизни»* [Social Media// URL: Social Media /risunok.jizni].

Пример 2. *Рай для любознательных* [Social Media// URL: Social Media /kodland.ru].

Пример 3. *Пирожные со вкусом счастья* [Social Media// URL: Social Media /nos.vchokolade].

Пример 4. *Создаю любовь своими руками* [Social Media// URL: Social Media /hand_made_dashulia].

Пример 5. *Помогу вам настроить компас, чтобы не сбиться с верного пути* [Social Media// URL: Social Media /my_solo_].

Пример 6. *С этого момента никто не сможет ввести вас в заблуждение, в вас как будто встроит солнечный фильтр, который сможет отсеять всё плохое и ненужное!* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Пример 7. *Пора выбираться на тропу своей идеальной жизни!* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Пример 8. *Поменьше управляйте диваном и почаще садитесь за руль шикарного кабриолета!* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Гипербола – образное выражение, содержащее непомерное преувеличение размера, силы, значения и т. д. какого-либо предмета, явления [Розенталь, 1985, с. 47].

Пример 1. *Я раскрою тебе тайны Вселенной* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Пример 2. *Стираем границы дозволенного: без рамок и ограничений* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Пример 3. *Давайте разбираться, как не утонуть в этом океане эмоций* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Литота – образное выражение, содержащее непомерное преуменьшение размера, силы, значения и т. д. какого-либо предмета, явления [Розенталь, 1985, с. 110].

Пример 1. *Весь мир в твоих ладонях* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Пример 2. *Только сегодня горячее предложение по самой низкой цене!* [Social Media// URL: Social Media /astrologinova]

Пример 3. *Вы станете легче пушинки* [Social Media// URL: Social Media /ksunyata].

Пример 4. *Стоимость моей консультации меньше трех чашек капучино.* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Сравнение – троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака [Розенталь, 1985, с. 302].

Пример 1. *Мои довольные клиентки стройные, как богини* [Social Media// URL: Social Media /ksunyata].

Пример 2. *У нас уютно, как дома* [Social Media// URL: Social Media /saviv.bistro].

Пример 3. *Речь наша будет тягучей, как солёная карамель в моём шоколадном эклере, который спасает меня в это тревожное время* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Олицетворение – троп, состоящий в приписывании неодушевленным предметам признаков и свойств живых существ [Розенталь, 1985, с. 158].

Пример 1. *Осенняя хандра подкралась незаметно* [Social Media// URL: Social Media /tatisun.astropro].

Пример 2. *Лето на носу, а ты еще не похудела* [Social Media// URL: Social Media /ksunyata].

Пример 3. *Старость не за горами, а ты еще не встала на путь своего предназначения* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Перифраз – замена прямого названия описательным выражением, в котором указаны признаки названного предмета [Розенталь, 1985, с. 186].

Пример 1. *Твой проводник в мир психологии* [Social Media// URL: Social Media /my_solo_].

Пример 2. *Ваш астрогоуру всё подготовила!* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Пример 3. *На связи АстроДива прямиком из сердца киношной долины* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Наиболее распространенными фигурами речи в рекламных текстах являются:

Риторическое обращение – стилистическая фигура, состоящая в том, что высказывание адресуется неодушевленному предмету, отвлеченному понятию, лицу отсутствующему, тем самым усиливается выразительность речи [Розенталь, 1985, с. 239].

Пример 1. *Прислушайся к себе* [Social Media// URL: Social Media /tatisun.astropro].

Пример 2. *Мои драгоценные подписчики!* [Social Media// URL: Social Media /ksunyata]

Риторический вопрос – экспрессивное утверждение или отрицание; используется в научно-популярном, публицистическом, художественном стилях [Жеребило, 2010, с. 313].

Пример 1. *Хотите стать настоящим Космическим героем, который легко добивается своих целей и амбиций?* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Пример 2. *А может, вы давно хотите поменять свою жизнь кардинально, но не хватает сил, а страх полностью сковал вас?* [Social Media// URL: Social Media /astrologinova]

Дубитация – ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения [Жеребило, 2010, с. 102]:

Пример 1. *Как отметили 8 марта? Всех успели поздравить? А про себя не забыли?* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Пример 2. *А кто это здесь такой крутой? Кто это у нас разобрался в стратегиях финансового благополучия? Ну что? Уже начали внедрять в жизнь мои бомбические рекомендации из вебинара?* [Social Media// URL: Social Media /astrologinova]

Пример 3. *А что, если я скажу вам, что могу удвоить полученные вами знания и придать вам волшебного ускорения на пути к невероятным целям? Уже покрылись мурашками от предвкушения?* [Social Media// URL: Social Media astrolog_chukreeva]

Анафора – это единоначалие, повторение звуков и слов в начале каждого высказывания отдельно взятого отрывка речи [Жеребило, 2010, с. 33].

Пример 1. *Хотите навсегда забыть про проблемы со здоровьем? Хотите снова чувствовать себя, как в 20 лет? Хотите жить полной жизнью?* [Social Media// URL: Social Media /dr.belinskaya]

Пример 2. *Бесконечные проблемы на работе. Бесконечные ссоры дома. Бесконечные серые будни без намека на отдых...* [Social Media// URL: Social Media /anna_bonetskaya]

Парцелляция – такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы [Розенталь, 1985, с. 179].

Пример 1. *Полетели! Сегодня будет интересно. Что уж там! Со мной всегда интересно* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva].

Пример 2. *Со мной вас ждет новая жизнь! Счастливая. Наполненная. Интересная* [Social Media// URL: Social Media /anna_bonetskaya].

Градация – стилистическая фигура, состоящая в таком расположении частей высказывания (слов, отрезков предложения), при котором каждая

последующая заключает в себе усиливающееся (реже уменьшающееся) смысловое или эмоционально-экспрессивное значение, благодаря чему создается нарастание (реже ослабление) производимого ими впечатления [Розенталь, 1985, с. 53].

Пример 1. *Бессонница мучает с каждым днем все сильнее, окутывая вас щупальцами безысходности и отчаяния?* [Social Media// URL: Social Media /dr.belinskaya]

Параллелизм – одинаковое синтаксическое построение (одинаковое расположение сходных членов предложения) соседних предложений или отрезков речи [Розенталь, 1985, с. 176].

Пример 1. *Не складываются отношения с коллегами, не получается разобраться с финансовыми проблемами?* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_mond]

Пример 2. *Расскажем, как найти подход к ребенку. Покажем, что ему интересно. Научим общаться с ним* [Social Media// URL: Social Media /familyacademy.ru].

Антитеза – стилистическая фигура, служащая для усиления выразительности речи путем резкого противопоставления понятий, мыслей, образов [Розенталь, 1985, с. 13].

Пример 1. *Ютуб – это вам не телевизор!* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Пример 2. *Помните, что боль и гнев – плохие союзники для счастливой жизни.* [Social Media// URL: Social Media /my_solo_]

Пример 3. *Пока вы думаете, как наладить свою жизнь и дышать полной грудью, кто-то уже давно пользуется моими Солнечными лайфхаками на всю катушку!* [Social Media// URL: Social Media /astrolog_chukreeva]

Таким образом, в результате анализа стилистических средств, используемых в рекламных текстах в социальной сети Social Media, можно сказать, что классические стилистические средства до сих пор являются актуальными и активно используются популярными блогерами для речевого воздействия в интернет-коммуникации. В соответствии с проведенным исследованием было обнаружено, что тропы используются в рекламных текстах чаще, чем фигуры речи. Наиболее популярными тропами являются метафоры и эпитеты. Данные выразительные средства определенным образом воздействуют на читателей и повышают продажи предлагаемых продуктов и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Издательство «Наука», 1997.
- Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: ДОБРОСВЕТ, Издательство «КДУ», 2011.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Издательство ООО «Пилигрим», 2010.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: «Просвещение», 1985.
- Стернин А. В. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Social Media, URL: Social Media /handmade.sculpt.home (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /astrolog_chukreeva (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /dr.belinskaya (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /familyacademy.ru (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /astrologinova (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /astrolog_mond (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /tatisun.astropro (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /showroom_m.spb (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /ksunyata (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /my_solo_ (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /nos.vchokolade (дата обращения: 15.03.2022)
- Social Media, URL: Social Media /hand_made_dashulia (дата обращения: 15.03.2022)

Lvova, A. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

THE USE OF STYLISTIC DEVICES IN INTERNET COMMUNICATION

Stylistic devices as a way of linguistic manipulation are considered. Their classification is given. Advertising texts from social networking service “Social Media” are analysed. The analysis shows the most important stylistic devices.

Internet communication, linguistic manipulation, stylistic means, tropes, figures of speech

УДК 81`42

В. Н. Матвеева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
09082000@list.ru

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
ORCID 0000-0002-0920-753X
nathalie.tresjolie@icloud.com

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА WOMAN (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «THE HANDMAID'S TALE»)

В статье приводится семантико-когнитивный анализ концепта WOMAN на материале первого сезона сериала «The Handmaid's Tale», включающий выявление когнитивных классификационных признаков, макроструктуры и полевой организации концепта. В ходе исследования были рассмотрены процессы концептуализации денотата и способы реконструкции концепта в рамках художественной реальности. Установлено, что исследуемый концепт конструируется вокруг трех важнейших признаков: пола, принадлежности к иерархии и фертильности.

Дефиниционный анализ, семантико-когнитивный анализ, номинативное поле, когнитивные признаки, «Рассказ служанки», AntConc

Термин «концепт» не является новым в лингвистике. Он относится к эпохе средневекового концептуализма, согласно которому концепт рассматривался как универсалия, обобщающая признаки вещей и призванная облегчить мыслительный процесс [Неретина, 1994, с. 141]. Этимологически термин «концепт» является калькой от латинской лексемы «conceptio», означающей «соединение, сумму, совокупность; словесное выражение [Шанский, 1982, с. 24]». Таким образом, основная идея концепта заключается в том, чтобы «схватить, поймать умом» [Базарова, 2010, www.cyberleninka.ru] некую совокупность информации.

В Новое время интерес к концепту имел эпизодический характер. Ситуация изменилась на стыке XIX – XX вв., когда термин «концепт» активно вошёл в философский оборот, а затем и в языкознание [Кошлаков, Швырков, 2020, (б), www.cyberleninka.ru]. В отечественной лингвистике одним из первых учёных, обратившихся к исследованию концепта, был

С. А. Аскольдов-Алексеев, который определял концепт как мысленное образование, замещающее множество предметов одного и того же рода [Аскольдов, 1997, с. 267]. На стыке лингвистики и культурологии также возникло лингвокультурологическое понимание концепта, трактующее его как способ осмысления этнических и национальных культур, субкультур [Кошлаков, Швырков, 2020, www.cyberleninka.ru].

В современной лингвистике существует множество подходов к анализу концептов и способов их описания. Суть семантико-когнитивного подхода заключается в выявлении и трактовании процессов категоризации и концептуализации знаний, протекающих на индивидуальном и коллективном уровнях сознания. Данный научный подход призван установить соотношение семантики языка и концептосферы конкретного лингвокультурного сообщества, то есть сопоставить семантический и когнитивный компоненты исследуемых концептов [Посиделова, 2014, www.cyberleninka.ru]. Концептуальный анализ существенно отличается от семантического анализа лексемы, т. к. следует по пути от единицы смысла к конкретной форме её выражения. Семантический анализ сконцентрирован на значении конкретных языковых единиц, в то время как концептуальный анализ объясняет взаимосвязь языка и мышления [Рыжкина, 2014, www.cyberleninka.ru].

Материалом настоящего исследования является первый сезон сериала «The Handmaid's Tale», состоящий из 10 серий общей продолжительностью 10 часов. Объем проанализированного материала составляет приблизительно 25000 слов.

В рамках исследования были использованы такие методы, как дефиниционный анализ и анализ синонимических рядов при помощи лексикографических источников, метод сплошной выборки, лексический анализ скриптов с использованием программы Antconc, а также семантико-когнитивный анализ концепта WOMAN.

Наиболее подробную схему семантико-когнитивного анализа приводят З. Д. Попова и И. А. Стернин в своей работе «Семантико-когнитивный анализ языка» [2006, с. 111]:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка (опциональный этап).

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Поскольку в рамках исследования стоит задача провести глубокий и полномасштабный анализ концепта, нельзя обойтись без этапа моделирования, который включает три взаимодополняющие, но отдельно выполняемые процедуры:

1. Описание макроструктуры концепта: атрибуция выявленных когнитивных признаков образному и информационному компонентам, а также интерпретационному полю.

2. Описание категориальной структуры концепта: иерархическая классификация когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих конкретное явление или предмет, и её последующее описание.

3. Полевая стратификация выявленных когнитивных признаков: установление ядра, ближней, дальней и крайней областей периферии концепта [Попова, Стернин, 2006, с. 147].

Для установления ядра номинативного поля были использованы такие онлайн-словари, как «Macmillan Thesaurus» [Macmillan Thesaurus, www.macmillanthesaurus.com], «Merriam-Webster Dictionary» [Merriam-Webster Dictionary, www.merriam-webster.com], «Collins English Thesaurus» [Collins English Thesaurus, www.collinsdictionary.com] и «Lexico by Oxford University Press» [Lexico by Oxford University Press, www.lexico.com]. Основываясь на словарных данных, был составлен список синонимов лексемы *woman*, встречаемость которых в скриптах подсчитывалась при помощи программы «Antconc».

Перейдём к более подробному анализу номинативного поля. В первом сезоне сериала «The Handmaid's Tale» встретились следующие словарные синонимы лексемы *woman*: *lady, mistress, girl, partner, sweetheart, wife, babe, missus, Mrs.* Можно предположить, что отдельные элементы данного ряда будут входить в состав ядра номинативного поля.

На следующем этапе исследования посредством метода сплошной выборки был расширен список лексем, репрезентирующих исследуемый концепт. При помощи машинного анализа скриптов можно выявить и подсчитать лишь часть способов прямой номинации концепта, т. е. конструирование полноценного номинативного поля возможно только при комбинировании методов исследования. Результаты дефиниционного анализа лингвистических средств актуализации концепта и сплошной выборки соответствующих единиц из скриптов могут быть представлены в виде таблицы 1:

Таблица 1. Номинативное поле концепта WOMAN

Репрезентант		Встречаемость
1	<i>Girl</i>	81
2	<i>Mrs.</i>	48
3	<i>Woman</i>	31
4	<i>Aunt</i>	30
5	<i>Handmaid</i>	28
6	<i>Wife</i>	24
7	<i>Mommy</i>	18
8	<i>Pregnant</i>	15
9	<i>a woman has a baby/a child</i>	11
10	<i>beautiful, martha, send a woman to the Colonies</i>	8
11	<i>careful, good</i>	7
12	<i>lucky, meek, mistress, rape a woman</i>	6
13	<i>crazy, fertile, posted, slut, take care of a woman, weak</i>	5
14	<i>prisoner</i>	4
15	<i>a woman serves, clean, flower, honor a woman, mom, sister, special, whore</i>	3
16	<i>a woman has a miscarriage, barren, bitch, cunt, evil, invincible, not allowed, pleasant, pretty, smart, sweetheart</i>	2
17	<i>adulterer, amazing, attractive, a woman abdicates, a woman apologizes, a woman cares, a woman endures, a woman flirts, a woman follows, a woman fulfills biological destinies, a woman gives birth, a woman obeys, a woman renounces, a woman repents, a woman sacrifices, babe, blessed, brushed, collect women, cute, damaged, deranged, dirty, fruitful, graceful, heartless, help a woman, hit a woman, horrid, impregnate a woman, lady, leave a woman, maim a woman, missus, mother, monster, obedient, precious, privileged, protect a woman, remove a woman, rich, ripe, sadistic, save a woman, slap a woman, sleep with a woman, smuggle a woman, stunning, stupid, sweet, thin, trade for women, ungrateful, useful, washed, well behaved, worthless, worthy, young</i>	1
18	Фразеологические единицы: <i>bruised apple, corrupting influence, disgusting beast, evening rental, feral cat, little mice, offense to God, one's property, prize pig, red tag, two-legged womb, zoo animal</i>	1

Важным условием установления номинативного поля концепта является анализ не только прямых, но и косвенных номинаций концепта: коллокаций, фразеологических единиц и т. д. Так, основываясь на встречаемости приведённых репрезентантов, можно сделать вывод, что ядро номинативного поля составляют единицы под номерами 1 – 6, прямым образом вербализующие концепт WOMAN; к ближней периферии относятся репрезентанты 7 – 13; дальняя периферия представлена наименее частотными единицами под номерами 14 – 18.

Следует уточнить, что центральная лексема *woman* уступает по встречаемости другим единицам в силу специфики исследуемого материала: в рамках воссозданной художественной реальности женщина чаще номинируется как представительница своей ступени в социальной иерархии (например, обращение к жёнам высокопоставленных лиц *Mrs*). Большое число повторений лексемы *girl* можно объяснить тем, что она используется в обращениях женщины более высокого статуса к своей подчинённой.

Описание категориальной структуры концепта

Следующий этап исследования подразумевает когнитивную интерпретацию полученных результатов, конечным результатом которой является выявление категориальной структуры концепта, т. е. вычленение когнитивных классификационных признаков. Семантический анализ репрезентантов концепта и их последующее обобщение позволили выделить следующие классификационные признаки:

Место в иерархии (151 единица): *aunt, handmaid, martha, missus, mistress, Mrs., posted, red tag, wife*.

Пол (116 единиц): *babe, lady, sweetheart, woman, girl*.

Фертильность (66 единиц): *a woman fulfills biological destinies, a woman gives birth, a woman has a baby/a child, a woman has a miscarriage, barren, fertile, flower, fruitful, impregnate a woman, mom, mommy, mother, pregnant, ripe, two-legged womb*.

Подчинённое положение (64 единицы): *a woman abdicates, a woman apologizes, a woman endures, a woman follows, a woman obeys, a woman renounces, a woman repents, a woman sacrifices, a woman serves, collect women, evening rental, help a woman, hit a woman, little mice, maim a woman, meek, not allowed, obedient, one's property, prisoner, prize pig, protect a woman, rape a woman, remove a woman, save a woman, send a woman to the Colonies, slap a woman, smuggle a woman, take care of a woman, trade for women, weak, well behaved, zoo animal*.

Внешний вид (27 единиц): *amazing, attractive, beautiful, bruised apple, brushed, clean, cute, damaged, dirty, graceful, pleasant, pretty, stunning, sweet, thin, washed.*

Морально-нравственные качества (27 единиц): *corrupting influence, crazy, deranged, disgusting beast, evil, feral cat, good, heartless, horrid, invincible, monster, offense to God, precious, sadistic, ungrateful.*

Привилегированность (14 единиц): *blessed, honor a woman, lucky, privileged, special.*

Склонность к промискуитету (13 единиц): *adulterer, bitch, cunt, slut, whore.*

Полезность (11 единиц): *a woman cares, careful, useful, worthless, worthy.*

Романтические отношения (3 единицы): *a woman flirts, leave a woman, sleep with a woman.*

Интеллект (3 единицы): *smart, stupid.*

Полевая стратификация когнитивных признаков

Рассмотрение и анализ когнитивных классификационных признаков позволяет сделать выводы о содержании концепта. Так, к ядру концепта относятся такие признаки, как место в иерархии, пол, фертильность и подчинённое положение женщины. Данные признаки номинируются наибольшим количеством репрезентантов, что говорит об их значимости в системе ценностей, воссозданной в сериале «The Handmaid's Tale». Концепт WOMAN конструируется вокруг темы женского предназначения и беременности, что позволяет изобразить патриархальную систему устройства общества. Тем не менее, в сериале также изображена женская вертикаль власти *Mrs/missis/mistress/wife-aunt-martha-handmaid*, находящаяся в самом центре ядра, что говорит об упорядоченности воссозданной в сериале реальности и угнетении женщин как снаружи, так и внутри гендерной группы.

К ближней периферии можно отнести такие когнитивные классификационные признаки, как внешний вид и морально-нравственные качества. В реальности «The Handmaid's Tale» данные характеристики имеют второстепенное значение и потому номинируются не столь активно, как признаки, находящиеся в ядре концепта. Примечательно, что для описания внешнего вида используются единицы с семой «чистоты» (*clean, washed, brushed*) или «неопрятности» (*dirty*), что отсылает к пуританским идеям о необходимости соблюдать как физическую, так и духовную незапятнанность. В рамках признака «морально-нравственные качества» наблюдается обилие фразеологических единиц (*corrupting influence, disgusting beast, feral cat, offense to God*), что говорит о его экспрессивности.

Действительно, тема личности персонажей практически не обсуждается в нейтральном ключе и чаще всего поднимается в сценах наказания.

К дальней периферии концепта относятся такие признаки, как привилегированность, склонность к промискуитету и потенциальная польза женщины. Видимый конфликт данных когнитивных классификационных признаков выражает противоречие изображённой патриархальной системы: несмотря на подчёркиваемую значимость служанок (на это указывают такие репрезентанты, как *blessed, lucky, privileged, special*), они постоянно подвергаются насилию, в т. ч. вербальному, о чем говорит активное использование в их адрес обценной лексики (*adulterer, bitch, cunt, slut, whore*).

Крайняя периферия концепта представлена такими признаками, как интеллект и способность вступать в романтические отношения. Низкий уровень номинации данных признаков вовсе не говорит об их незначительности, скорее наоборот: обе темы являются табуированными в воссозданной реальности, поэтому они избегаются и замалчиваются. В сериале женские персонажи не имеют права на интеллектуальную деятельность: под запретом находится даже чтение книг. В рамках закона также невозможны романтические отношения, что делает невозможным даже разговор на подобную тему. Тем не менее, немногочисленная номинация данных признаков помогает вывести озвученные проблемы на передний план.

Описание макроструктуры концепта

Информационное содержание макроструктуры концепта представляет собой минимальный набор когнитивных признаков, необходимый для описания наиболее важных отличительных черт концептуализируемого явления или предмета. Поскольку информационные когнитивные признаки представляют собой дефиниционный минимум, определяющий сущность концепта, данный структурный компонент обычно немногочисленный [Попова, Стернин, 2006, с. 77]. Так, к основным дифференциальным признакам концепта WOMAN можно отнести такие когнитивные классификационные признаки, как место в иерархии и пол. Такой набор характеристик объясняется в первую очередь тем, что в рамках изображённого патриархального общества женщина не мыслится вне строго отведённой социальной роли. Информационный компонент номинируется 14 единицами с суммой повторений 267 раз. Такой объем информационного содержания можно объяснить спецификой исследуемого материала: в скриптах преобладают диалоги героев, т. е. часто встречаются обращения.

К образному компоненту концепта WOMAN относятся такие когнитивные классификационные признаки, как фертильность, внешний вид,

привилегированность и полезность. Если представление о внешнем виде является результатом перцептивного восприятия, то остальные признаки представляют собой осмысление женского предназначения в рамках существующей художественной реальности. Можно сказать, что напускное уважение к служанкам и польза, которую они потенциально могут принести (главным образом рождение детей), являются двумя сторонами одной проблемы: женщина уважаема, лишь пока полезна; безусловного уважения как неотъемлемого человеческого права не существует. Образный компонент номинирован 41 единицей с суммой повторений 118 раз.

В интерпретационное поле концепта входят те когнитивные классификационные признаки, которые так или иначе интерпретируют основное информационное содержание концепта или оценивают его. Если образ и информационный компонент представляют собой структурированный каркас концепта, интерпретационное поле можно считать материей, пронизывающей концепт и заполняющей пустоты между другими структурными компонентами. Данная часть может быть описана как перечисление признаков, не имеющее чёткой структуры [Попова, Стернин, 2006, с. 78]. Так, в интерпретационное поле концепта WOMAN входят такие признаки, как подчинённое положение, морально-нравственные качества, склонность к промискуитету, способность вступать в романтические отношения и интеллектуальные способности. О принадлежности данных признаков интерпретационному полю говорит прежде всего характер составляющих их элементов: так, например, признак «подчинённое положение» преимущественно номинируется при помощи коллокаций с глаголами и представляет собой перечисление действий, совершаемых женщинами и над женщинами. Признаки «морально-нравственные качества», «склонность к промискуитету» и «интеллект» по своей природе являются оценочными и не могут быть отнесены ни к информационному, ни к образному компонентам. Интерпретационное поле номинировано 58 единицами с суммой повторений 110 раз.

Исходя из проведённой классификации и подсчётов, можно сделать вывод о противоречивой макроструктуре концепта WOMAN: с точки зрения количества репрезентантов доминирует интерпретационное поле, при этом анализ встречаемости номинирующих единиц говорит о преобладании информационного компонента. Можно сказать, что структурные компоненты данного концепта являются равноценными и в одинаковой мере помогают реконструировать концепт в рамках художественной реальности.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В художественной реальности сериала «The Handmaid's Tale» основными признаками, концептуализирующими денотат, являются место в иерархии, репродуктивная функция, социальное положение женщины. С точки зрения макроструктуры концепта наблюдается равенство компонентов, что определяется спецификой исследуемого материала. Построение полевой стратификации также позволило сделать выводы о наиболее часто номинируемых признаках, составляющих основное содержание концепта. Ядро концепта WOMAN составляют когнитивные классификационные признаки, номинирующие концепт напрямую (пол) или при помощи социально значимых характеристик денотата (место в иерархии, фертильность, подчинение). Признаки, входящие в состав ближней периферии, такие как внешний вид и морально-нравственные качества, номинируются менее активно. К дальней и крайней периферии относятся признаки, актуализируемые при помощи наименьшего количества элементов: привилегированность, склонность к промискуитету и потенциальная польза, а также интеллект и способность вступать в романтические отношения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аскольдов С. А. Концепт и слово. М.: Academia, 1997.
- Базарова Л. В. Понятие концепт в когнитивной лингвистике // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsept-v-kognitivnoy-lingvistike> (дата обращения: 16.02.2022).
- Кошляков Д. М., Швырков А. И. Концепт и проблема перевода // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. Белгород, 2020, а. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-problema-perevoda> (дата обращения: 16.03.2022).
- Кошляков Д. М., Швырков А. И. (б). Концепт и философия науки // Epistemology & Philosophy of Science. М., 2020, №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-i-filosofiya-nauki> (дата обращения: 16.03.2022).
- Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. М.: Гнозис, 1994.
- Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006.
- Посиделова В. В. Семантико-когнитивный подход к концептосфере русского языка // Философия права. Ростов, 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantiko-kognitivnyu-podhod-k-kontseptosfere-russkogo-yazyka> (дата обращения: 18.02.2022).
- Рыжкина А. А. О методах анализа концепта // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург, 2014. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-analiza-kontsepta> (дата обращения: 18.02.2022).
- Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка: пособие для учителей. М.: Изд-во Московского университета, 1982.
- Collins English Thesaurus. Woman Synonyms. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus/woman> (дата обращения 23.02.2022).

Lexico by Oxford University Press. Woman | Meaning and definition for UK English. URL: <https://www.lexico.com/definition/woman> (дата обращения 23.02.2022).

Macmillan Thesaurus. Woman synonyms with definition. URL: <https://www.macmillanthesaurus.com/woman> (дата обращения 22.02.2022).

Merriam-Webster Dictionary. Synonyms of woman. URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/woman> (дата обращения 22.02.2022).

Matveeva, V. N., Stepanova, N. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

COGNITIVE SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT OF WOMAN (BASED ON THE SERIES «THE HANDMAID'S TALE»)

The article provides a deep cognitive semantic analysis of the concept WOMAN based on the first season of "The Handmaid's Tale", including the identification of cognitive classification characteristics, macrostructure, and field stratification of the concept. In the course of the study, the processes of conceptualization of the denotation and ways of reconstructing the concept within the fictional reality were considered. It was found that the concept is constructed around three important characteristics: gender, place in the hierarchy and fertility.

Definitional analysis, cognitive semantic analysis, nominative field, cognitive characteristics, «The Handmaid's Tale», AntConc

УДК 81.373

В. В. Фоменко

Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия

fomenko_1988@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ / COMMON SENSE В БРИТАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются средства актуализации лингвокультурного концепта «здоровый смысл» в английском и русском языках. В работе описан полевой подход к выделению комплекса языковых средств (лексических и фразеологических единиц). Сопоставительный анализ значений, актуализирующих данный концепт в русском и английском языках, показал больше сходств, чем различий: здоровый смысл в русском языке основывается на психическом здоровье и рациональности, тогда как в английском

языке исследуемый концепт подразумевает практическую, часто врожденную способность принимать верные решения.

Лингвокультурный концепт, лексико-фразеологическое поле, здравый смысл, парадигматические отношения

Природа концепта как ментальной единицы отражена в лингвистических определениях: «сгусток культуры в сознании, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», «оперативная единица в мыслительных процессах», «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые фрагменты опыта» [Слышкин, с. 22]. Концепт как ментальное образование отражает элементы культуры, хранящиеся в сознании индивида и нашедшие выражение в языке.

Одним из средств гносеологии и онтологии окружающей действительности является разум. Обыденный разум находит выражение в исследовательской практике, преимущественно в том, что отражает «повседневную аксиологию», то есть представления о ценностных константах жизни, их месте и роли в целостной структуре мироотношения и мировоззрения людей [Ракитов, 1997, с. 57]. Здравый смысл включает в себя суждения, убеждения, предписания, опыт и традиции, представляющие естественный продукт эволюции общества. Таким образом обыденное понимание здравого смысла – это повсеместное понимание, набор элементарных несистематизированных сведений об окружающей действительности, основывающийся на опыте повседневной жизни. Обыденные понятия – элемент словаря и наивной картины мира.

Современная наука ставит вопрос о наличии общих для всех людей первоначальных знаниях, нормах и ценностях, о способах их обнаружения и передачи каждому человеку. Успешная коммуникация и социализация требует обращения к *здравому смыслу* как одной из познавательных способностей, потенциально имеющейся у каждого человека.

В русской языковой культуре ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ассоциируется с практической мудростью, житейскими знаниями, духовной силой. В литературе ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ определяется как естественная способность человека судить об окружающей действительности на основе житейского опыта, как совокупность взглядов, базирующихся на его повседневной практической деятельности, и как сознание, не искаженное какими-либо предвзятыми мнениями, унаследованными от прошлого, ходячими, но ошибочно представляемыми [БЭС, 1972, с. 164]. Для представителей британской нации одним из важнейших компонентов национальной

концептосферы является концепт COMMON SENSE, принадлежащий к базовому национальному коммуникативному блоку и нашедший выражение как в художественном, так и в культурно-философском пространствах. На протяжении многих столетий данное понятие занимает особое место в англоязычной картине мира и широко представлено в языке.

В лексикографических источниках значение COMMON SENSE определяется как ‘the basic level of practical knowledge and judgment that we all need to help us live in a reasonable and safe way’ [Cambridge Dictionary], ‘good sound practical sense; combined tact and readiness in dealing with the every-day affairs of life’ [Oxford Dictionary of English], ‘the ability to use good judgment and make sensible decision’ [Macmillan Dictionary].

Концепт может быть вербализован различными языковыми средствами, специфичными для конкретной культуры. А. Вежицкая полагает, что «лексические вариации отражают культурные различия и представляют собой бесценный инструмент изучения культуры и общества» [2001, с. 238]. Выявление комплекса лексических и фразеологических единиц, их семантическая систематизация и описание позволяют выделить национально-культурные особенности менталитета народа. Семантика номинативных единиц концепта ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ / COMMON SENSE имеет ценностную окраску, характеризуется антропоцентричностью и выражается в одобрительном отношении носителей языка к исследуемому понятию.

По аналогии с тем, что значение слова имеет полевою структуру, полевая организации может быть также применима в отношении концепта. Полевый подход реализуется в структурировании и организации лексики по принципу архисемы в ядре и дифференциальных сем на периферии, а также в вычленении в нем лексико-семантических микрогрупп на основе комплексного семного анализа. По мнению Л. М. Васильева, «поскольку главная задача современных семантических исследований – изучение значений единиц языка в их всевозможных связях, изучение состава и структуры различных семантических полей, имеющих, несмотря на все трудности их практического выделения, психологическую и лингвистическую реальность, анализ языкового содержания методом поля является, видимо, наиболее эффективным и перспективным» [2006, с. 96].

Понятийная категория объединяет слова на основе семантической общности в определенную иерархическую систему. Следует отметить, что целесообразно рассматривать лексику и фразеологизмы с близкой семантикой как единое лексико-фразеологическое поле большего объема. Е. А. Ножин отмечает: «Можно предположить, что семантические группы лексики

и фразеологии «сосуществуют», то есть подавляющим большинством общих понятий соотносятся определенные круги как лексики, так и фразеологии. Вследствие этого представляется вполне реальным построение лексико-фразеологических семантических полей [1966, с. 101 – 121]. Фразеологизмы хранят и передают информацию, отражают национальное своеобразие языка, культуры и менталитета народа. Очевидными примерами здравого смысла могут служить фразеологизмы, которые формировались веками и основываются на жизненном опыте. Фразеологические единицы расширяют возможности языковой вербализации концепта ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. Фразеологический фонд языка, подобно лексическому фонду, представляет собой определенную языковую систему, компоненты которой вступают между собой в различные семантические корреляции. Системно-структурный подход к исследованию лексико-фразеологического поля позволяет рассмотреть его в вертикальной (иерархические отношения) и горизонтальной плоскостях, (отношения между конститuentами внутри микрогрупп по семантическому признаку).

В исследовании определяется область ономазиологических представлений и соответствующих слов, относящийся к концепту ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. Для определения границ и состава исследуемого лексико-фразеологического поля на основе общего смысла целесообразно использовать идеографические данные английского и русского языков. В качестве объекта семасиологического исследования выделяется лексико-семантическая микрогруппа, которая интерпретируется на основании общего смыслового признака ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. Таким образом, семасиологическое исследование проводится на основе заданного ономазиологического понятия, которое задает семантические границы поля. В качестве одного из методов исследования структуры семантического поля избран лексикографический, который представляется основным при решении задач идентификации и анализа семантической структуры. Дефиниционный материал словарей отражает системную организацию лексики в языке.

Процесс выделения семантического поля начинается с определения состава и границ поля на основе лексикографических данных от понятия к слову для отождествления подлежащих анализу единиц (ономазиологический подход). Далее состав поля уточняется семасиологическим путем – обнаружением семантических связей между значениями слов путем дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа в сопоставительном аспекте. Общая для целого ряда единиц сущностная часть словарной дефиниции, определяющая границы и конститuentы лексико-семантического поля с обобщающим смыслом, на основании которого объединяются слова – идентифицирующая формула

[Романовская, 2013]. Лексико-фразеологическое поле включает в себя слова, которые прямо отвечают идентифицирующей формуле, а также слова, имеющие синонимическое отождествление конструктивных компонентов.

Лексико-фразеологическое поле ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ представляет собой совокупность лексико-фразеологических единиц, характеризующихся наличием определенных парадигматических отношений и объединенных общей семантической идеей. В русском языке ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ – способность мыслить, здраво рассуждать и принимать разумные решения. В английском языке COMMON SENSE подразумевает врожденную способность принимать верные и практичные решения. Исходя из заданных определений, можно выявить фразеологизмы, в которых отражена идентифицирующая формула концепта. Проявление здравого смысла в действиях человека отражено в следующих фразеологизмах: в английском языке *know enough to keep out of the rain* (show common sense), *have one's feet planted firmly on the ground* (be practical or realistic; have a sensible attitude to life); *good horse sense* (practical knowledge and good judgment about ordinary life); *down-to-earth* (practical, reasonable), *keep a level head* (remain calm and sensible); *to keep one's head* (remain calm and sensible), *sound thinking* (reason or sound judgment), *have a good head on one's shoulders* (be intelligent or shrewd; have good sense or good judgment; be a sensible person); в русском языке *ясный ум, голова на месте, быть в здравом уме, котелок варит, трезвая голова*.

На основании данных идеографических словарей, *здравый смысл* включен в поле *здравомыслие* и представлен в виде систематизированных групп слов, близких по смыслу: *здравомыслие, здравость, благоразумие, здравый смысл, трезвость, холодный ум, рассудительность, мудрость*. Описанная совокупность слов, объединенных общим понятием, отражают средства выражения исследуемого концепта. В толково-идеографической части «Словаря синонимов русского языка» под редакцией профессора Л. Г. Бабенко представлен семантический ряд синонимов, выражающих понятие разумности [Бабенко, 2010] (от понятия, общего смысла к поиску слов-синонимов, синонимического ряда, его выражающих). Общее толкование приводится вслед за перечнем синонимического ряда, оно распространяется на все его члены, выражает общий смысл и идею: *разумный, благоразумный, здравый, здравомыслящий, рассудительный, трезвый, умный*. Концепт ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ объединяет понятия *здоровье и мышление, мысль, смысл*; обозначает мыслительную норму и границы нормального, здорового мышления.

В идеографическом словаре Роже “Roget's Thesaurus” [New Roget's Thesaurus, 1980] значение COMMON SENSE представлено лексемой *wisdom* «мудрость» и входит в синонимический ряд слов, близких в смысловом

отношении: *sapience* «разум», *sense* «разум»; *good sense* «здравый смысл», *common sense* «здравый смысл», *horse sense* «здравый смысл», *rationality* «разум», *reason* «разум»; *reasonableness* «разумность», *judgment* «суждение».

Значения *sense* «смысл», *common sense* «здравый смысл», *good sense* «здравый смысл», *horse sense* «здравый смысл», *gumption* «сообразительность», *judgment* «рассудительность», *wisdom* «мудрость» могут означать качество ума или характера, которое позволяет человеку делать разумный выбор или делать разумные выводы. Значение *sense* нередко выступает как синоним *common sense*, *good sense* и *horse sense*. Все четыре понятия подразумевают способность (обычно врожденную) видеть вещи такими, какие они есть, без иллюзий или эмоциональных предубеждений, принимать практические решения или решения, которые являются разумными, осмотрительными, справедливыми и одобряемыми обществом.

Номинация *sense* имеет несколько значений, среди которых чувство, ощущение, разум, значение, смысл. При этом в английском языке *sense* содержит значения чувство и разум, которые в русском эквиваленте противопоставляются. Значение *sense* даже в его материальном значении, должно быть причислено к деятельности ума, зависящей от функций тела (*a man of sense* «человек разумный», *to show good sense* «проявить здравый смысл»). *Sense* выступает синонимом к слову *intellect*, означая ясную умственную деятельность, рассудительность.

Анализируя семантическую мотивированность словосочетания, соотнесение компонентов словосочетания с его лексическим наполнением, можно сделать вывод о том, что рациональность ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА в русском языке основывается на психическом здоровье, т.е. способности трезво и здраво рассуждать, воспринимать и адекватно оценивать окружающую действительность. В английском языке COMMON SENSE подразумевает практическую, часто врожденную способность принимать верные решения. Обобщение данных отрицательного плана определило отсутствие признака: безрассудство, неразумный, неумный, недостаток ума, несообразительность.

Концепты ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ и COMMON SENSE, выступая в роли культурных феноменов в языковом сознании носителей русского и британского варианта английского языка, имеют широкую представленность в семантике лексических и фразеологических единиц. Сравнение лексико-фразеологических полей ядерных лексем показало, что понятийная часть исследуемого концепта обладает общими универсальными свойствами: умственные способности; разумность в противоположность эмоциям. Тем не менее, языковые средства репрезентации концептов при

помощи полевого подхода дают возможность описать некоторые типы расхождений в устройстве семантических систем сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев Л. М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: Сборник избранных статей. Уфа: БашГУ, 2006.
- Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Ножин Е. А. Англо-русский фразеологический словарь по семантическим группам (теоретическое обоснование) // Иностранные языки. 1966. №2.
- Ракитов А. Н. Наука в эпоху глобальных трансформаций // Свободная мысль. 1997. №7.
- Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. Минск: МГЛУ, 2013.
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография / Г. Г. Слышкин. Волгоград: Перемена, 2004.
- Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. 2-е изд. М.-СПб: Большая Российская энциклопедия, Норинт, 2000.
- Словарь-тезаурус синонимов русского языка: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН; авторы-составители: Л. Г. Бабенко [и др.]; под общей редакцией Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ. 2010.
- New Roget's Thesaurus of the English Language in Dictionary Form / Ed. by N. Lewis. New York: Berkley Publishing Corporation, 1980.
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 08.03.2022).
- Oxford English Dictionary Online. URL: <http://www.oed.com> (дата обращения 08.03.2022).
- Macmillan English Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения 08.03.2022).

Fomenko, V. V.

Belarusian State Order of the October Revolution and the Red Banner of Labor
Agricultural Academy

VERBALIZATION MECHANISMS OF COMMON SENSE IN BRITISH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

The article discusses the means of actualization of the linguocultural concept "common sense" in English and Russian. The field approach to the allocation of a complex of linguistic means (lexical and phraseological units) allows to determine common and specific features. It is concluded that a comparative analysis of the semantics of lexemes and phrases representing this concept in the compared languages showed more similarities than differences. Thus, common sense in Russian is based on mental health and rationality, while in English common sense implies a practical, often innate ability to make the right decisions.

Linguistic and cultural concept, lexical and phraseological field, common sense, structure, paradigmatic relations

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ; ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 81'373.45:811.411.21

А. С. Антоян

Санкт-Петербургский государственный университет,

antonyan.sa@yandex.ru

СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕЧИ АРАБОЯЗЫЧНЫХ МАРОККАНЦЕВ

Статья рассматривает проблему адаптации заимствованной лексики в марокканском диалекте арабского языка как следствие языковых контактов местного населения с колонизаторами. Делается попытка установить причины внедрения иноязычных слов в речь марокканцев с учетом исторических и социальных реалий данного региона. Предлагается метод определения степени усвоения заимствований марокканским диалектом с точки зрения фонетики, орфографии, морфологии и синтаксиса.

Заимствования, языковой контакт, лексическая адаптация, переключение кода, диалект

Процесс заимствования лексики является наиболее очевидным результатом лингвистического контакта. Арабский язык, являясь динамической и открытой системой, пребывает в состоянии постоянного развития, обогащаясь новыми элементами и избавляясь от устаревших, более не употребляемых, тем самым приспособливается к меняющимся потребностям и нравам общества. Источником подобного обогащения могут выступать неродственные, европейские языки, чья морфологическая система представляется совершенно чуждой для языка-реципиента. Известно, что количество заимствований в литературном арабском языке не превышает 2% от его словарного состава. Однако ситуация в марокканском диалекте арабского языка в корне противоположна. Эта разновидность разговорного языка, в свою очередь, содержит заметный пласт иноязычной лексики, подвергнувшейся адаптации – «арабизации».

Проблема изучения процессов адаптации иноязычной лексики в разговорных вариантах арабского языка не лишена актуальности на современном этапе. Значительное число исследований данной проблематики за последнее десятилетие было проведено как учеными из США и Европы, так

и их коллегами из арабских стран. Однако последние отдают свое предпочтение анализу влияния лишь английского языка на их собственный диалект в контексте глобализации. Что касается марокканского диалекта, то большая часть научных работ посвящена изучению семантики заимствований и когнитивно-прагматическому аспекту переключения кода с последующим вкраплением иноязычной лексики. Причем объектом подобных исследований, как правило, выступают окказионализмы и неарабизированные слова. В то же время существует сравнительно немного сведений о морфологических и фонетических преобразованиях при адаптации новой лексики из европейских языков.

Таким образом, в статье предпринимается попытка проанализировать ключевые тенденции и модификации в процессе арабизации заимствований, а также изучить степень их освоенности арабоязычными марокканцами с точки зрения морфологии и синтаксиса.

В качестве материальной базы данной научной работы используется авторский корпус заимствованной лексики французского (71% от общего числа примеров), испанского (13%) и английского происхождения (16%). Корпус представляет собой результаты полевых исследований, проведенных в рамках языковой стажировки в разных городах Марокко. Корпус включает в себя иноязычную лексику по следующим тематикам: мода, транспорт, кулинария, профессии, архитектура, предметы быта, формулы политеса и абстрактные понятия.

Поскольку процесс заимствования лексики напрямую связан с языковыми контактами и другими экстралингвистическими факторами, наиболее эффективными методами, позволяющими определить специфику отношений «субстрат-суперстрат», являются исторический и социолингвистический подход. Стоит отметить, что марокканский диалект представляет собой разновидность разговорного арабского языка, служащего в качестве средства межкультурной коммуникации среди жителей Марокко. Будучи языком пришлого населения, арабский язык постепенно вытеснил берберские языки из центральной части Марокко, сузив ареал их распространения до горных районов Атласа и Рифа. Кроме того, к моменту прихода арабов, население таких городов как Волюбилис, Сале, Танжер использовало для общения оставшуюся от римлян позднюю латынь. Таким образом, в процессе арабизации Марокко, на язык прибывших арабских племен влияли как родственный берберский субстрат, относящийся к афразийской языковой макросемье, так и чуждый – латинский субстрат. Влияние латинского субстрата заметно, прежде всего, на уровне лексики. Например, латинизмы употребляются для номинации животных:

ببوش [babūš] «улитка» (от лат. babosus – «слизняк»);

طوبية [tūba] «крыса» (от лат. talpa – «крыса»);

فلوس [fəllūs] «цыпленок» (от лат. pullus – «цыпленок»).

Помимо наименований животных, ранние заимствования из латыни представлены также названиями месяцев Юлианского календаря. В данном случае языком-посредником выступил берберский, поскольку берберы переняли римскую систему летоисчисления, будучи в составе Римской империи. Примеры арабизированных названий месяцев: يناير [yīnāyər] «январь» (от лат. Ianuarius), مارس [mars] «март» (от лат. Martius).

В дальнейшем романские языки влияли на марокканский диалект уже в качестве суперстрата – языка господствующего этнического меньшинства, подчинившего, но не ассимилировавшего коренное население региона. Такие прибрежные марокканские города как Сафи, Эс-Сувейра, Лараш и Танжер подверглись экспансии Португалии ещё в XV веке, затем примерно спустя столетие перешли под контроль Испании. В период с 1661 по 1684 год Танжером владели англичане. Соответственно, с новыми властями на эти территории приходили и колониялисты, приносящие с собой свою культуру и язык, который впоследствии выполнял функции «лингва-франка» в коммуникации местных жителей с европейцами. В то же время население городов, расположенных в глубине Марокко, например, Марракеша, Феса и Мекнеса не имело ярко выраженных языковых контактов с европейскими колонизаторами вплоть до XIX столетия. Однако с 1492 по 1613 год в города горного Марокко, такие как Тетуан и Фес, переселилось значительное число морисков – криптомусульман, изгнанных из Испании в результате Реконкисты. Родным языком морисков был испанский. В этот период марокканский диалект начал пополняться испанизмами в виде названий фруктов и овощей, которые ранее не произрастали в этой местности:

لتشين [lətšīn] «апельсин» (от исп. [de] la China – «из Китая»);

ماطيشة [māṭīša] «томат» (от исп. tomates – «томаты»).

Французский же язык начинает активно входить в жизнь марокканцев лишь в начале прошлого столетия, с момента установления французского протектората над большей частью территории Марокко. По итогам Фесского мирного договора, в период с 1912 вплоть до обретения независимости в 1956, Марокко было разделено между Францией и Испанией. Последняя установила контроль над такими северными городами, как Танжер, Тетуан, Надор и Лараш. Несмотря на то, что количество переселенцев-колонизаторов было сравнительно небольшим в обеих частях Марокко, испанский и французский стали языками межкультурного общения. Знание европейских

языков стало символом образованности и элитарной культуры. Фактор престижа спровоцировал в подконтрольных испанцами и французами городах рост двуязычия, который не угас даже после исхода колонизаторов. Естественным побочным эффектом двуязычия является переключение кода – спонтанный переход говорящего с одного языка на другой в процессе речевого общения. Переключение кода неминуемо влечет за собой вкрапление иноязычных лексем. Вследствие франко-арабского и испано-арабского билингвизма, марокканский диалект пополнился неологизмами, обозначающими достижения научно-технического прогресса. Для слова «холодильник» в марокканском диалекте используется как испанское نبييرة [nībīra] (от 'nevera') на севере, так и французское فريجيدير [friǧidīr] (от 'fridaire') в оставшейся части страны. Но с учетом происходящей в Марокко койнезации, во всей стране чаще употребляются французские заимствования, которые в большей степени распространены в Касабланке и Рабате. А с учетом глобализации, свои позиции также укрепляет и английский язык, заимствования из которого внедряются в речь марокканцев ввиду активного пользования социальными сетями.

Как правило, на пути арабизации новые заимствования подвергаются ряду фонетических преобразований с целью интеграции в языке-доноре. В большинстве случаев иноязычное слово транскрибируется на письме с использованием арабских букв, реализующих наиболее близкие к оригиналу фонемы. Одной из основных проблем арабской фонетики на пути к усвоению новой лексики является система гласных, представленная всего тремя звуками: ا [a], و [u], ي [i]. Ввиду отсутствия звуков [o] и [e] и их производных, слова со звуком [o] пишутся и произносятся с применением و [u], а на месте [e] зачастую возникает ي [i]. Например: كريفيت [krifit] (от фр. crevette – «креветка»). Иногда звуки, которые невозможно передать средствами арабского алфавита, могут реализоваться с помощью символов, заимствованных из других языков, основанных на арабской вязи. Например: پ و گ из персидского для звуков [p] и [g], گ و ف из османского для звуков [g] и [v] соответственно.

Отличительной чертой фонографической адаптации заимствований в марокканском диалекте в сравнении с другими разновидностями разговорного арабского является излишняя эмфатизация согласных и редукция гласных. Оба эти процесса также присущи для бедуинских диалектов, в частности, хиляльских, влиянию которых также подвергся марокканский диалект вследствие переселения племен Бану Хиляль и Бану Сулайм на территорию Марокко в XI веке. Чаще всего при адаптации иноязычной лексики эмфатизации подвергаются такие звуки как [s] и [t].

Например: بلاصة [blāṣa] (фр. place) «место»; طرطوار [tṛuṭwār] (фр. trottoir) «тротуар».

Благодаря социолингвистическому методу Уильяма Лабова, направленному на выявление самых частых вариантов написания или произношения слова, удалось выделить некоторые закономерности при транскрипции и транслитерации заимствований в марокканском диалекте.

– суффикс ‘tion’/ ‘sion’ в галлицизмах превращается в-سيون как в слове بروموسيون [promusyōn] «скидка» (фр. promotion);

– суффикс ‘sien’ в галлицизмах превращается в-سيان как в слове تريسيان [trīsyān] «электрик» (фр. électricien);

– окончание ‘et’, ‘é’ в галлицизмах превращается в-يه как в слове كافيه [kāfe] «кафе» (фр. café), или в بوكيه [būke] «букет» (фр. bouquet);

– окончание ‘a’, ‘é’ в латинизмах превращается в-ة как в слове صوبة [ṣoba] «суп» (фр. soupe), طرمبية [ṭrambīya] «трамвай» (исп. tranvia).

Причем, как и в литературном арабском, суффикс ‘ة’ в заимствованиях указывает на женский род существительного. Автоматически именами женского рода считаются иноязычные слова, оканчивающиеся на звук [a]. В остальных случаях, подавляющее большинство заимствований воспринимаются как имена мужского рода.

Помимо грамматической категории рода, адаптированные существительные обладают категориями числа, представленные как двойственным, так и множественным. Например, галлицизм بلاصة в значении «место»: بلاصتين в двойственном числе, بلاصات во множественном по целому типу (аффиксация), بلايص во множественном по ломаному типу. Наличие ломаного типа множественного числа, присущего исконно арабским лексемам, является свидетельством высокой степени усвоения данного галлицизма.

Отсутствие определенного артикля ‘ال’ как средства детерминации имен существительных в марокканском диалекте свидетельствует о его неарабском происхождении. Иными словами, даже успешно адаптированные заимствования употребляются без артикля. Так в предложении «я сходил в банк» на литературной форме языка, арабском слово بنك «банк» (фр. banque) будет употребляться с артиклем, а в марокканском диалекте – без него. Пример на литературном: ذهبت إلى البنك. На марокканском: مشيت ل بنك. В конструкциях несогласованного определения, требующих употребление второго члена с артиклем, в марокканском диалекте используется частицы-связки د и ديال, в случае если таковым членом выступает заимствование. Например, фраза «управляющий банком» на литературном арабском: محافظ البنك. На марокканском: محافظ ديال بنك.

Помимо имен существительных, марокканский диалект заимствует и глаголы, причем зачастую из французского языка. Успешной адаптации подвергаются глаголы, оканчивающиеся на ‘er’. Поскольку данное окончание во французском произносится как [e], в марокканском диалекте оно транскрибируется как ي [i]. В итоге, глаголы по типу «звонить» صوني [ṣunī] (фр. sonner), оканчивающиеся в инфинитиве на ي полностью подчиняются парадигме спряжения недостаточных арабских глаголов с аналогичным окончанием. Таким образом, адаптированный глагол «звонить» صوني спрягается подобно арабскому глаголу «идти» مشى. Например:

- «ТЫ ШЕЛ» مشيت , «ТЫ ЗВОНИЛ» صونيت ;
 «ТЫ ИДЕШЬ» كتمشي , «ТЫ ЗВОНИШЬ» كتصوني ;
 «ИДИ» مشي , «ЗВОНИ» صوني .

Нередко в марокканском диалекте глаголы образуются от адаптированных заимствованных существительных. Как правило, такие отыменные глаголы имеют четырехбуквенную основу и, соответственно, спрягаются подобно четырехбуквенным арабским глаголам типа ترجم «переводить». Примером отыменных глаголов может послужить كستم [kstam] «надевать костюм», образованный от كوستيم [kustīm] «костюм» (от фр. costume). Зачастую от четырехбуквенных глаголов в марокканском диалекте легко образуются дериваты, в частности, страдательные причастия. В данном случае причастие «наряженный в костюм» будет образовываться путем префиксации – مكستم [mkastm]. Таким образом, результатом адаптации французского слова «костюм» стала целая цепочка, состоящая из существительного, глагола и причастия.

Крайне редко заимствованию и арабизации подвергаются слова иных частей речи. Известны случаи адаптации относительных прилагательных по арабским словообразовательным моделям. Например, слово سبنيول [sbanyūl] (от исп. español) в марокканском диалекте закрепилось в значении «испанские» или «испанцы», хотя на языке-доноре оно обозначает лицо единственного числа. В марокканском диалекте это заимствование воспринимается как имя собирательное для наименования целого этноса. С целью образования относительного прилагательного единственного числа от سبنيول марокканцы прибегают к добавлению арабских суффиксов ‘ي’ для мужского рода и ‘ية’ для женского. Таким образом, «испанец», «испанский» передается как سبنيولي [sbanyūli], а «испанка», «испанская» как سبنيولية [sbanyūliya]. То есть марокканцы применяют арабские словообразовательные модели даже в отношении слов, которые и на языке-доноре выражены относительными прилагательными.

Результаты, полученные в рамках исследования, позволяют сделать вывод о том, что развитие и обогащение лексического состава марокканского диалекта на современном этапе в первую очередь обусловлено лингвистическими контактами местного арабоязычного населения с европейскими колонизаторами. Однако романским суперстратам не удалось оказать сильного влияния на морфологию, фонетику, синтаксис и грамматику марокканского диалекта. Напротив, арабофонам удалось выработать целый ряд моделей и преобразований для освоения и ассимиляции иноязычной лексики, в том числе с опорой на традиционные правила словообразования. Таким образом, процесс переноса и следующей за ним узуализации заимствований из европейских языков в марокканском диалекте арабского языка стал возможен благодаря формированию определенных морфологических и фонографических закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Айвазян Ю.С. К вопросу о лексико-фонетических заимствованиях как единицах номинации в современном арабском языке / Ю.С. Айвазян // Филологические науки в МГИМО. – 2017. – №3. – С. 5–11.
- Суворов М.Н. Английские заимствования в йеменских диалектах арабского языка / М.Н. Суворов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. – 2009. – №2. – С. 141–148.
- Holes C. (ed.). Arabic historical dialectology: Linguistic and sociolinguistic approaches. – Oxford University Press, 2018.
- Salem E. J. A. Loanwords in Jordanian Arabic. – The University of Manchester (United Kingdom), 2015.
- Salman Y. M., Mansour M. S. English Loanwords in Iraqi Arabic with Reference to Computer, Internet and Mobile Phone Jargon. //Cihan University-Erbil Scientific Journal. – 2017.

Antonian A. S.

Saint Petersburg State University

SPECIFICS OF LOANWORD ADAPTATION IN THE SPEECH OF MOROCCAN ARABOPHONES

The present article deals with the problem of loanword adaptation in the Moroccan dialect of Arabic as a consequence of the language contacts of the local population with the colonizers. An attempt is made to explore the reasons for the insertion of foreign borrowings into the speech of Moroccans, taking into account the historical and social realities of the region. The article proposes a method for determining the degree of assimilation of loanwords by the Moroccan dialect in terms of phonetics, spelling, morphology and syntax.

Loanwords, language contact, lexical adaptation, code-switching, dialect

УДК 81'246.2

Е. В. Бакалова

Череповецкий государственный университет,

ORCID 0000-0003-0646-4669

ekminkina@gmail.com

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается одно из явлений языковых контактов – переключения кодов, исследуется их прагматический потенциал в дискурсе глянцевого журнала. В результате исследования установлено, что в зависимости от целевой установки автора статьи (адресанта) и целевой аудитории (адресата), а также основных функций данного вида дискурса (информирования, воздействия, развлечения) переключения кодов могут использоваться по разнообразным причинам. Иноязычным единицам свойственны следующие интенции: введение в тему, экономия языковых усилий, демонстрация знаний иностранного языка, описание значения языкового кода, конкретизация адресата, передача эмоций и оценки, юмора, цитация.

Дискурс глянцевого журнала, медиатекст, прагматика, переключение кода

Изучение переключений кодов в дискурсе глянцевого журнала с точки зрения прагматики представляет собой актуальное направление современной лингвистики, поскольку открывает возможности для анализа совокупности всех лингвистических средств, направленных на адресата [Урумашвили, 2007, с. 43].

Дискурс глянцевого журнала – особый **объект исследования**, сложное коммуникативное явление, в котором происходит осознанный выбор средств воздействия на целевую аудиторию [Урумашвили, 2007, с. 42].

Материал исследования – 2976 переключений кодов, извлечённых из глянцевого журнала Elle за 2012 – 2018 гг.

Методы исследования: 1. метод дискурсивного анализа; 2. метод прагматического анализа; 3. описательный метод; 4. приём количественного анализа.

В дискурсивных исследованиях акцент делается на рассмотрении речевых интенций адресанта, стратегий их реализации, выражении эмоций и оценок по отношению к действительности, содержанию сообщения [Маслова, 2014, с. 28]. Применение прагматического анализа к дискурсу

глянцевых журналов заключается в интерпретации его неэксплицированного содержания [Урумашвили, 2007, с. 42].

Специфика дискурса глянцевого журнала состоит в том, что он обладает собственным языковым кодом, форматом и стилем, имеет свою коммуникативную цель и целевую аудиторию [Зиновьева, 2016, с. 89].

В медиатекстах глянцевого издания отражены интенции информирования, воздействия и развлечения, направленные на создание перлокутивного эффекта [Маевская, 2015, с. 14].

Адресант (автор статьи) определяет цель коммуникативного акта, в то время как успешность её достижения во многом зависит от адресата (читателя статьи), который должен «подходить» заданным коммуникативным задачам в установленных условиях общения. В связи с этим журналист должен учитывать коммуникативную компетенцию адресата и принимать во внимание его разнообразные характеристики [Маслова, 2014, с. 37], в частности социальные (пол, возраст, образование и т.д.).

Elle – современный гляцевый журнал, целевой аудиторией которого являются девушки от 25 до 35 лет. Тематика данного издания – мода и красота, т.е. то, что входит в круг интересов, актуальных для молодёжи.

Переключения кодов стали неотъемлемым компонентом глянцевого журнала. В настоящее время их использование возрастает по ряду причин: мировое распространение глобализации, отсутствие некоторых наименований в определенном языке, разграничение содержательно близких, но отчасти различающихся понятий, подчеркивание причастности к какой-либо социальной группе, а также достижение стилистического и прагматического эффекта и др. [Дьяков, 2012, с. 12].

В монографии «Двуязычная коммуникация» Г. Н. Чиршева, исследуя прагматические характеристики переключений кодов в детской речи, выделила типичные для устного дискурса функции иноязычных единиц [Чиршева 2004]. В дальнейшем на основании данной классификации М. Г. Исаева определила прагматические черты переключений кодов, характерные для письменного дискурса глянцевого журнала: предметно-тематическая, экономии языковых средств, металингвистическая, самоидентификации, адресатная, цитатная (соотносятся с информирующей функцией медиатекста), эмоционально-оценочная (с функцией воздействия), юмористическая (с функцией развлечения) [Исаева 2012]. Однако стоит отметить, что данные прагматические черты переключений кодов не всегда можно соотнести только с одной функцией, свойственной дискурсу глянцевого

журналов в целом, т.к. иноязычные единицы часто несут дополнительный прагматический потенциал.

Результаты исследования и их обсуждение

Предметно-тематическая функция реализуется в нескольких случаях: переключения кодов отражают тематическую направленность статьи, являются названиями реалий, например, национальных традиций, блюд и т.д., тем самым сообщая читателю информацию по соответствующей предметной области.

1. *Почему вы решили сосредоточиться на **demi-couture**, а не на **prêt-à-porter**?* [Elle №12, 2013: 103]. В приведенном примере переключения кодов отражают тему мода, а именно обозначают модные стили одежды. «Demi-couture» занимает промежуточное положение между повседневным стилем и от кутюр, «prêt-à-porter» – стиль одежды для широких масс.

2. *Я поспешила пожелать, чтобы пребывание в Paradiski обошлось без происшествий, так как на следующий день назначили скоростной спуск на горных лыжах с парашютом, или **speed riding*** [Elle №12, 2013: 473]. Здесь переключения кода связано с темой спорт: англ. *speed riding* «экстремальный зимний вид спорта».

3. *Волшебные слова **cruise** и **resort** дарят обманчивое ощущение передышки, глотка свежего воздуха* [Elle №1, 2014: 35]. Переключения кодов англ. *cruise* «круиз и англ. *resort* «курорт» отражают тему отдых.

4. *Со времен **arte povera** использование подручных материалов и достижений цивилизации в создании произведений искусства – непрекращающийся тренд* [Elle №10, 2014: 250]. Статья посвящена произведениям искусства, переключение кода отражает данную тематику и обозначает одно из направлений. В дословном переводе фр. *arte povera* «бедное искусство».

Переключения кодов, выполняющие предметно-тематическую функцию, отражают интересы читательниц Elle: мода, красота, современное искусство и т.д.

Появление **функция экономии языковых средств** обусловлено тем, что единица гостевого языка, т.е. переключение кода, более ёмко отражает обозначаемый предмет или явление, что позволяет кратко сообщить информацию. Например:

1. *Этот компонент я с удовольствием носила бы как **total look**, так и по отдельности* [Elle 2012, №10: 100].

2. *И вот решили заниматься мужскими сорочками **made-to-measure*** [Elle 2013, №10: 141].

3. *А Bonifacio High Street – лужайки с инсталляциями современного искусства, **dog friendly** рестораны, бары и вообще совершенно модная жизнь* [Elle 2013, №11: 508].

Переключения кодов в приведенных примерах имеют следующие значения:

1. англ. *total look* «образ, подобранный в одной цветовой гамме»,
2. англ. *made-to-measure* «пошив по индивидуальному заказу»,
3. англ. *dog friendly* заведение, в которое разрешен вход с собакой.

Переключения кодов в журналах часто используются по причине того, что в русском языке не существует эквивалента, имеющего сходное лексическое значение для описания конкретных понятий [Демченко, Корниенко 2020: 107]. Предпочтение переключениям кода в таких ситуациях может объясняться и ограничениями на количество печатных знаков в статье (специфика медиадискурса).

Металингвистическая функция предполагает объяснение значения единиц гостевого языка с помощью матричного языка. Ниже приведены примеры, в которых в скобках дана интерпретация переключениям кодов с целью пояснения их смысла.

1. *Новый сервис для пассажиров бизнес-класса **Reserved for your personal space** («Зарезервировано для твоего личного пространства») гарантировал свободное кресло по соседству во время полетов над Европой* [Elle №4, 2012: 128].

2. *От продажи аксессуаров она перешла к собственному производству, придумав сумку-мешок (**bucket bag**)* [Elle №2, 2012: 82].

В примере № 1 переключение кода на английский язык дано с последующим его разъяснением на русском языке в скобках, в № 2 переключение кода употреблено в качестве уточнения значения словосочетания «сумка-мешок», приводится его перевод на английский язык, заключенный в скобки. Переключения кодов, выполняющие данную прагматическую функцию, заключают в себе дополнительную информацию, т.е. выполняют информирующую функцию медиатекста.

Функция самоидентификации реализуется в тех случаях, когда переключение кода позволяет соотнести героя статьи с какой-либо социальной группой или общностью, например, определить национальную принадлежность, а также когда иноязычная единица служит средством демонстрации владения иностранным языком.

1. У нас до сих пор прекрасная фундаментальная наука, и сейчас система "от идеи к продукту" начинает выстраиваться, запускаются новые уникальные проекты в сфере высокой науки – так называемой *megascience* [Elle №10, 2012: 154].

2. Некоторые из них взяли за основу так называемый *colorblocking* метод, при котором в одном образе сочетаются яркие и контрастные цвета [Elle №10, 2013: 472].

Местоименное выражение «так называемый» использовано перед малоизвестным понятием в виде переключения кода, употребленным автором статьи в целях демонстрации его знаний английского языка.

Эмоционально-оценочная функция: переключения кодов позволяют передать и оценить отношение автора к сообщению, при этом воздействуя на читателя.

В глянцевах журналах переключения кодов являются средством выражения различных эмоций, например:

Увидев друг друга, они хором воскликнули: «OMG Да мы же как брат и сестра! [Elle №11, 2013: 70]. Иноязычная единица *OMG* («Oh my God») – сленговый акроним, в переводе – «о, Господи», позволяющий передать широкий спектр эмоций от восторга до отвращения. Данное переключение кода экспрессивно выражает сильное удивление.

Переключения кодов используются и с целью нейтрализации эмоциональной нагрузки, например:

*Впрочем, мое подсознание всегда умело лавировало среди жизненных вихрей в поисках плюсов. Даже если это *plus size** [Elle №5, 2015: 16]. Англ. *plus size* «толстый». Переключение кода звучит на неродном языке политкорректно, не так грубо, как на матричном языке.

Иногда журналисты переключаются на другой язык для эвфемизации непристойных выражений, например:

*Через пару минут, слегка припугнув, она выпустила девушку из холодильника и на логичный вопрос: «*What's the fuck!?*», улыбаясь, пожала плечами: «Это просто шутка!»* [Elle 2013, №7: 97]. С одной стороны, переключение кода здесь нейтрализует грубое выражение на матричном языке, с другой стороны, передает «накал страстей».

Цитатная функция: переключения кода может представлять собой идиому, выдержку из известной книги, дословное изложение слов знаменитостей и т.д. В свою очередь цитата может выполнять в медиатексте функцию наиболее чёткой и точной передачи сообщения, например:

Слоган *Don't hate me because I'm beautiful* (“Не надо меня ненавидеть за то, что я красива”), произнесенный популярной моделью Келли ЛеБрок и вызвавший огромный резонанс в обществе, до сих пор цитируется во всех учебниках по рекламе [Elle №3, 2012: 118]. Переключение кода – цитата, ставшая рекламным слоганом.

Переключение кода выполняет **юмористическую функцию**, если для развлечения читателя с его помощью выражается насмешка, создается комическая окраска высказывания. Например:

1. *Good ЛАК* [Elle 2012, №9: 212]. Актуализация переключения кода на английский язык в русском словосочетании производит комический эффект, цель которого – удивить, вызвать улыбку [Дьяков, 2012, с. 19]. Кроме того, данное выражение в подтексте ссылается на фразу англ. *Good luck!* «Удачи!», т.е. желание успеха в выборе хорошего лака. Графическая игра (функция развлечения) – один из способов достижения прагматического эффекта, поскольку необычная форма привлекает внимание читательницы, воздействует на неё. С помощью переключения кода конструируется смысловая многоплановость и многофункциональность единиц, усиливается изобразительность и эмоциональность медиатекста [Лукша, Суббота, 2018, с. 5].

2. *Мы с мужем были явно overdressed для местного контекста* [Elle 2012, №11: 154]. Здесь переключение кода – средство выражения самоиронии героини статьи по поводу неподходящего внешнего вида.

С помощью реализации **адресатной функции** переключения кода происходит уточнение адресата сообщения, например:

Улыбайся, lindo, улыбайся! [Elle 2018, № 4: 161]. Иноязычная единица порт. *lindo* «милый» использована танцовщицей по отношению к колумнисту Elle, посетившему Бразилию.

Стоит отметить, что для многих переключений кодов характерны комбинации нескольких функций. Например:

Александр Пушкин, о чьей любвеобильности ходили легенды, писал о себе: «Vrai singe par sa mine». Мол, суцкая обезьяна [Elle 2013, №10: 154].

Здесь ведущая прагматическая функция – цитатная. Кроме того, реализуется юмористическая функция, т.к. наблюдается самоирония – известный русский поэт иронизирует по поводу своей внешности. В общепринятом понимании А. С. Пушкин не отличался выдающейся внешностью, тем не менее у него было много женщин.

Заключение

Для дискурса современных глянцевого журналов характерно использование переключений кодов, выбор которых определяется как автором статьи, в зависимости от его намерения, так и различными характеристиками адресата. Многообразие прагматических функций, выполняемых переключениями кодов в дискурсе глянцевого журналов свидетельствует об активном использовании иноязычных единиц для различных целей. Ведущими прагматическими характеристиками в исследуемом материале являются предметно-тематическая и функция экономии языковых средств. Первая указывает на реализацию тематической и информативной особенностью дискурса, вторая связана с организационно-структурной спецификой построения медиатекстов. Использование таких функций переключений кодов, как эмоционально-оценочная, юмористическая, апеллирующих к чувствам и эмоциям читателей, позволяет утверждать о наличии их связи с воздействующей и развлекательной спецификой медиатекста. Помимо ведущей функции переключения кода часто несут дополнительную прагматическую нагрузку, тем самым реализуя несколько функций медиатекста.

ЛИТЕРАТУРА

- Демченко П. Н., Корниенко Н. В. Использование заимствованной лексики в текстах современных российских СМИ // Проблемы теории и истории журналистики. 2020. № 7.
- Дьяков А. И. Графическая ассимиляция заимствований в русском языке // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (2).
- Зиновьева Е. С. Дискурс русскоязычных глянцевого журналов как объект изучения медиалингвистики // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 4.
- Исаева М. Г. Кодовые переключения в СМИ: Монография. Череповец: ЧГУ, 2012.
- Лукша В. В., Суббота Н. С. Прагматические и стилистические параметры кодового переключения в региональных сетевых медиатекстах // Вопросы германской филологии и методики обучения иностранным языкам: материалы XIII Республиканской студенческой научно-практической конференции (г. Брест, 21 апреля 2018 г). 2018.
- Маевская А. Ю. Глянцевый журнал в условиях глобализации массмедиа (российская практика): Дис...канд. филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2015.
- Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2014.
- Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004.

Bakalova, E. V.

Cherepovets State University

CODE-SWITCHES IN DISCOURSE OF GLOSSY MAGAZINES: PRAGMATIC ASPECT

The article deals with code-switches as one of the phenomena of language contact and their pragmatic potential in the discourse of glossy magazines. As a result, it was found that code-switches can be used for various reasons, depending on the author's aim and different characteristics of the target audience. The main functions of the discourse of glossy magazines which are to inform, to appeal or to entertain determine the choice of foreign language lexemes as well. Code-switches are characterized by the following pragmatic goals: introduction to the topic, saving language efforts, demonstrating knowledge of a foreign language, describing the meaning of a language code, specifying the addressee, conveying emotions and assessments, humor, quoting.

Discourse of glossy magazines, pragmatics, code-switching

УДК 81'373

Н. В. Денисова

Санкт-Петербургский государственный университет,

ORCID 0000-0001-5749-2446

n.denisova@spbu.ru

Е. А. Кованова

Санкт-Петербургский государственный университет,

e.kovanova@spbu.ru

НЕОЛОГИЯ ЭПОХИ КОРОНАВИРУСА: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ ШУТЛИВО-ИРОНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу русских и английских неологизмов, возникших в рамках событийной ситуации «Пандемия коронавируса». Рассматриваются новые слова шутливо-иронического характера, зафиксированные в русских и англоязычных словарях и глоссариях, а также проблемы их выборки. Отобранные неологизмы подвергаются сравнительному анализу по их частеречной и стилистической принадлежности, используемым словообразовательным моделям и тематическим группам.

Неология, неологизм, событие, словообразование, коронавирус, Ковид-19, лингвокреативность

Для исследователя-лингвиста несомненный интерес представляет языковая репрезентация любого значимого общественно-политического события, в особенности, если это событие мирового масштаба (мировая война, мировой финансовый кризис, пандемия и т.п.). Вслед за Е. Г. Хомяковой, мы рассматриваем событие как явление объективной реальности, зарегистрированное и обработанное сознанием, в результате чего формируется ментальный образ события, входящий в ценностную картину мира человека [Хомякова, 2015, с. 139]. Языковая актуализация события зависит от следующих структурно-содержательных параметров событийной ситуации: пролонгированность, пространственно-временные и причинно-следственные рамки, а в качестве языковой единицы, номинирующей событие, могут выступать как отдельные предложения, так и совокупность текстов, референтом которых является событийная ситуация, отражающая событие [Там же, с. 140].

Как отмечают Е. Г. Хомякова и соавторы, события воздействуют на когнитивный потенциал социума, изменяя его информационную парадигму и маркируя смену парадигм в процессе развития знаковых систем [Хомякова, Петухова, Емельянова, 2019, с. 5]. В основе событийной ситуации лежат основополагающие признаки события: динамичность, консеквентность и причастность к жизни человека. Любое событие, вне зависимости от его природы, обрабатывается сознанием человека и приобретает антропогенный характер, поскольку начинает влиять на поведение индивида, делая его активным или пассивным участником [Севастьянова, 2020, с. 473].

Для настоящего исследования интерес представляет то, как в процессе изменения информационной парадигмы событие воздействует на лингвокреативный потенциал представителей социума, что выражается в создании большого количества новых слов для описания событийной ситуации. Часто эти неологизмы ярко окрашены, поскольку эмоциональная оценка является одним из важнейших факторов, определяющих характер репрезентации события в языковом пространстве социума [Хомякова, 2015, с. 140].

Как уже было сказано выше, важные общественно-политические события отражаются в языке и дают толчок к созданию новой лексики для описания их особенностей. Так, например, в 1993 году вышел «Словарь перестройки», составленный В. И. Максимовым, С. С. Волковым и Ю. Л. Ермолаевой и очерчивающий рамки периода 1985 – 1992 гг. В издание вошли не только собственно политические термины, но и публицистические, общетехнические и даже жаргонно-просторечные элементы (напр., *говорильня*, *отказник*,

дедовщина, горбачевщина и др.) [Mokienko, 1993, с. 841-842]. Подобные словари – не редкость, причем в рамках неологии могут создаваться словари, связанные с историческим периодом отдельной страны, характеризующимся значимыми социально-политическими изменениями (вышеупомянутый «Словарь перестройки», *Vocabulaire de la perestroïka*), с социально-политическим явлением, не имеющим четких географических границ (*The Official Politically Correct Dictionary and Handbook*), а также словари неологизмов отдельных авторов («Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н. Перцовой, *Oxford Roald Dahl Dictionary*).

В фокусе настоящего исследования – неологизмы, возникшие в период пандемии коронавируса (март 2020 г. по наст. вр.) в русском и английском языках. Актуальность изучения языка событийной ситуации, отражающей событие «распространение пандемии коронавируса» не вызывает сомнений и подтверждается появлением множества научных публикаций, так или иначе связанных с этим явлением, созданием терминологических глоссариев и баз (см., напр., <https://www.webmd.com/lung/coronavirus-glossary#1>) и даже словарей.

Материал настоящего исследования составляют неологизмы, возникшие в рамках событийной ситуации «распространение пандемии коронавируса», отобранные методом целенаправленной двуступенчатой выборки. Русские неологизмы отобраны из «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» 2021 г., английские новообразования – из глоссариев в открытых источниках, найденных по поисковым запросам “*covid glossary*”, “*pandemic glossary*”, “*covid neologisms*”, “*coronavirus neologisms*”. Были отобраны все слова с формантами *-ков(ид)* / *-cov(id)* - и *-корона* / *-(co)rona*, затем из них отбирались все слова с экспрессивными пометами, характеризующими слова с эмоциональной и/или оценочной коннотацией: *шутл./ирон./пренебр./неодобр.* // *iron./hum./disappr.* Поскольку отдельного словаря английских неологизмов данной тематики не существует, проблема выборки экспрессивных слов решалась следующим образом. Некоторая часть отобранных на первом этапе лексем описана в статье *Sannies and Locktails: A Semantic Study of Coronavirus Slang* К. Яман. Поскольку сленг определяется как «слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии не литературной речи» [Кротовская, 2013, с.59], все сленгизмы вошли в нашу выборку. Далее, в таких словах, как *coronagrass*, *covid waltz*, *coronaspeak* и др. проверялся второй формант. Если в словарях они содержали помету *iron./hum./disappr./slang*, мы также включали их в выборку. На последнем этапе список предлагалось

верифицировать двум носителям английского языка (25 слов все еще не были сопровождаемы стилистическими пометами: *corona warriors*, *coronasplaining*, *coronavarsary* и др.).

Итоговая выборка составила 85 русских неологизмов и 81 английский. Распределение по формантам сильно различается: в русском 58 неологизмов содержат формант *ковид*- и только 27 – формат *корона*-. В английском, наоборот, 62 неологизма образованы от *(co)rona* и лишь 19 – от *cov(id)*-.

Самые популярные пометы для русских неологизмов: *шутл.* (59), *пренебр.* (21), *ирон.* (15). Пять слов содержат несколько помет. Например, *коронабес* (*ирон.*, *пренебр.*) или *ковиднутый* (*неодобр.*, *пренебр.*). Подавляющее большинство английских неологизмов принадлежит к сленгу (74), при этом помета *humorous* встречается 10 раз, *ironic* – 11 раз, *disapproving* – 8 раз, *inappropriate* – 1 раз, *vulgar* – 2 раза, *playful* – 1 раз. Семь лексем сопровождаются несколькими пометами: например, *coronacoinage* (*slang*, *humorous*, *vulgar*), *coronaspeck* (*slang*, *humorous*, *disapproving*), *coronasomnia* (*slang*, *humorous*, *ironic*).

Что касается частеречной принадлежности русских слов, попавших в выборку, то среди них 57 существительных, 12 глаголов, 11 прилагательных, 3 причастия и 2 наречия. В английской выборке 74 существительных, 6 прилагательных и 1 глагол.

Словообразовательные модели представлены достаточно широко. Для русских неологизмов наиболее характерны контаминация/словослияние (30 слов, напр., *коронавт*) и аффиксация (20 слов, напр., *ковидик*), также представлены словосложение (13 слов, напр., *ковидобес*), переосмысление (3 слова, напр., *короновать*), усечение (*корона* от *коронавирус*), присутствуют и заимствования из английского (*ковидиот*, *ковидизм*). Для английских неологизмов наиболее частыми способами словообразования будут словосложение (37 слов) и словослияние (33 слова). Кроме того, встречается усечение (*rona*), в том числе в комбинациях с аббревиацией – *Gen C* (*Gen[eration]+Coronavirus*), словосложением – *coronalit* (*corona+lit[erature]*) и словослиянием – *ronavation* (*[co]rona+[reno]vation*). Аффиксация представлена всего тремя примерами (*deroning*, *covidism*, *coronaspeak*), также встречаются единичные примеры аббревиации (*BCV* – before coronavirus). Особый интерес представляют лингвокреативные примеры: словосложение в сочетании с рифмой *corona toaner* и рифмованный сленг Кокни *Miley Cyrus* (для обозначения *coronavirus*). Следует отметить и прием персонификации: *Lady/Miss/Aunt Rona*, *Ковидий/ (Ковид/Змей) Ковидыч/ (Змей) Короныч*.

Для английских неологизмов из нашего корпуса характерно явление синонимии. Так, представлено 11 синонимических рядов (от 2 до 6 синонимических наименований). Например, *coronadobbing*, *coronasnitching*, *covidobbing* для обозначения доносов на тех, кто не соблюдает ковидные ограничения, или *coronababies*, *Gen C*, *coronials*, *covidials* для обозначения детей, рожденных в эпоху ковида. Это же наблюдается и в русской выборке. Особенно много синонимических наименований для самой инфекции (17): *ковидра*, *ковидушка*, *короназавр*, *короназмея*, *короназюбра*, *ковидла*.

Тематические группы совпадают не полностью. В русской выборке представлены номинации коронавирусной инфекции (17; *короновирюшка*), наименования носителей инфекции (3; *коронаносец*), номинации противников противоэпидемических мер, так называемых ковид-диссидентов (3; *ковидоидиот*), шуточные или пренебрежительные наименования тех, кто соблюдает противоэпидемические меры или сеет панику в связи с пандемией (13; *ковидобес*, *ковидятел*), наименования врачей (2; *ковидонавт*), наименования самоизоляции (3; *коронаклетка*, *короникулы*), слова, связанные с образованием (2; *ковироучер*) и др. единичные номинации. В английской выборке представлены наименования инфекции (6; *Aunt Rona*), психические и физические состояния, вызванные пандемией (7; *coronaphobia*, *coronaspeck*, *coronacoaster*), поведение, связанное с пандемией (8; *deroning*, *corona waltz*), слова, связанные с обозначением периода пандемии и изоляции (8; *coronapocalypse*, *coronacoma*), обозначение новых слов (4; *coronacoinage*), экономическая сфера (6; *coronawashing*), образование (2; *coronaviva*), еда (2; *coronarita*).

Как отмечалось выше, всплеск словотворчества часто приходится на периоды социальных или общественно-политических потрясений. С чем это связано? В своей книге *Language and Creativity* Р. Картер отводит особую роль лингвокреативности в сплочении людей через языковую игру: “verbal play with language is often undertaken for humorous purposes, serving in part to bring people closer together <...> it is a common practice to share pleasure, align viewpoints and create convergence in and through language and to do so often by means of creative play with language.” [Carter, 2004, с. 108] Действительно, распространение коронавирусной инфекции очень сильно отразилось на жизни каждого, дав толчок к переосмыслению этой событийной ситуации через язык. Конечно, юмор объединяет людей и помогает пережить период эмоционального напряжения или упадка. Известно, что жизнь большинства неологизмов, особенно сленгизмов, коротка, и в узус войдут лишь немногие. Как отметил один из наших информантов, около 60% английской выборки –

это преимущественно американские сленгизмы, характерные для возрастной группы 15 – 25 лет (особенно такие слова как *coronasplaining*, *coronacoinage*, *coronabuzz*). По его мнению, в узус могут войти лишь немногие, например, *covid bubble*, *covid marshal*, *corona-shaming*, *coronaphobia*, поскольку они понятны любому носителю и часто воспроизводимы. На данный момент, в Оксфордский словарь вошло только одно слово – *covidiot*. Что касается русской выборки, то вполне очевидно, что большинство слов из нее останутся на страницах изданного РАН словаря как своеобразный «памятник» короновирусной эпохе и свидетельство лингвокреативного потенциала социума.

В заключение хочется отметить следующее: несмотря на то, что в исследовании было выделено примерно одинаковое количество русских и английских неологизмов шутливо-иронического характера, что подтверждает универсальность языкового поведения в критической событийной ситуации, при их сопоставительно-сравнительном анализе были обнаружены достаточно существенные различия. Во-первых, в распределении слов по формантам – в русском языке больше слов с формантом *ковид-*, в английском – с формантом *(co)rona*. Во-вторых, в распределении слов по частям речи – в английском языке подавляющее количество неологизмов – это существительные (что объясняется тем, что это язык номинативного строя), в то время как в русском языке, помимо существительных, среди неологизмов достаточно много глаголов и прилагательных, также встречаются наречия. В-третьих, в распределении неологизмов по словообразовательным моделям, которое отражает ситуацию с наиболее продуктивными моделями в языке вообще: словослияние и словосложение для английского языка и словосложение и аффиксация для русского. В-четвертых, в распределении слов по тематическим группам: в списке русских неологизмов достаточно большую группу составляют наименования, придуманные ковид-диссидентами для тех, кто послушно соблюдает все противоэпидемические меры, что может свидетельствовать о накале страстей вокруг мер по борьбе с пандемией, о попытке придумать обценные ярлыки и дискредитировать сторонников другой точки зрения и, возможно, о больших бунтарских настроениях в российском обществе. Также в русской выборке обращают на себя внимание наименования болезни, придуманные по фольклорным образцам (*Змей Ковидыч*, *Ковидище Поганое* и др.). В английской же выборке достаточно много слов, связанных с психофизическими состояниями, чего в русской выборке практически нет, что может объясняться заикленностью носителей английского языка на себе и своем состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

- Кротовская М. А. Сленг как часть разговорного английского // Материалы межвузовской научно-практической конференции Факультета иностранных языков Академии ФСБ "Современные теории и методы обучения иностранным языкам в ВУЗе. М., 2013. С. 58–67.
- Севастьянова А. Л. Ценностный аспект событийной арт-ситуации в новостном тексте о Covid-19 // Когнитивные исследования языка. Москва-Тамбов. 2020. Вып. 3 (24). С. 472 – 477.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников и др. СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.
- Хомякова Е. Г. Практика лингвистического анализа событийной ситуации // Научное мнение. 2015. № 9–1. С. 138–141.
- Хомякова Е. Г., Петухова Т. И., Емельянова О. В. Когнитивно-информационное событие в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 5-13.
- Carter R. *Language and Creativity: The Art of Common Talk*. Routledge, London, 2004.
- #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral – 2. URL: <https://language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/> (дата обращения 19.03.2022).
- Mokienko Valerij M. *Словарь перестройки*, сост. В. И. Максимов, С. С. Волков, Ю. Л. Ермолаева и др. // *Revue des études slaves*, tome 65, fascicule 4, 1993. pp. 841 – 845.
- Yamane K. *Sannies and Locktails: A Semantic Study of Coronavirus Slang*. URL: http://repo.nara-u.ac.jp/modules/xoonips/download.php?file_id=7479 (дата обращения 19.03.2022).

Denisova, N. V., Kovanova, E. A.

Saint Petersburg State University

NEOLOGY OF THE CORONAVIRUS EPOCH: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND ENGLISH EXPRESSIVE NEOLOGISMS

The paper presents a comparative analysis of Russian and English neologisms created during the eventive situation “Coronavirus Pandemic”. New ironic, humorous and slang words found in Russian and English dictionaries and glossaries have been studied and compared by their morphological and stylistic characteristics, word-formation models, and thematic groups.

Neology, neologism, event, word-formation, coronavirus, Covid-19, language creativity

УДК 792.5

О. М. Журавлева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

ORCID 0000-0003-1421-8783

omzhuravleva@etu.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ НА ФОНЕ ВОЙНЫ В АМЕРИКАНСКИХ МЮЗИКЛАХ: РАССУЖДАТЬ, НЕ ОСУЖДАЯ

Особенности межкультурного взаимодействия, представленные на сцене, создают образ, который активно распространяется благодаря популярности музыкального театра. Американские мюзиклы анализируются с точки зрения интерпретации межкультурного взаимодействия на фоне военных действий. На примере мюзиклов «Miss Saigon» и «Allegiance» рассматриваются стереотипы и идеалы лингвокультурных сообществ, их оценочная характеристика и трансформация, которая происходит в восприятии современного общества при знакомстве с содержанием мюзиклов.

Межкультурная коммуникация, история США, американская культура, мюзикл, стереотипы

Театральные постановки, особенно успешные, являются проводниками культурных стереотипов как в своей стране, так и за рубежом. Сюжеты, выбираемые авторами текстов либретто, как правило, основаны на актуальном и интересном для аудитории материале, при этом у зрителей формируется определенный стереотип об излагаемых событиях, что может стать либо залогом успеха, либо предвещать провал.

О мюзиклах часто складывается представление как о постановках в легком жанре. Однако это далеко не всегда так [Joseph, 2019]. Действительно, комедийных шоу значительно больше, чем драматических или трагических, но тем не менее, музыкальные постановки с серьезным сюжетом, в центре которого находятся социальные проблемы, реальные исторические события, этнические или экономические трудности, – не редкость. При этом немаловажно и то, что мюзикл, наравне с любым другим музыкальным произведением, является элементом массовой культуры, поэтому во многом ориентирован на потребности аудитории.

В связи с этим при всей глобализации искусства некоторые сюжеты оказываются востребованными только в отдельно взятой стране, интересны и

актуальны только для одной культуры, понятны и близки вполне конкретной аудитории. Об этом, например, убедительно пишет А. Люсый [Люсый]. В целом, соглашаясь с ним, исследователь М. В. Петрова отмечает также и тот факт, что чужеродность материала может стать причиной провала шоу [Петрова, 2009, с. 59–60], а сама постановка подчиняется изменяющимся требованиям и тенденциям времени, «меняется под воздействием современных условий общества, традиций восприятия и вариантов прочтений вечных сюжетов» [Петрова, 2010, с. 58.]

Не менее важной чертой мюзикла является необходимость связать сюжет с насущными проблемами [Шедова, 2009, с.55]. Поэтому в связи с постоянной актуальностью темы межкультурного общения для американцев, в США ставится большое количество мюзиклов, в которых так или иначе затрагивается проблема взаимодействия культур.

Военные действия всегда были и остаются привлекательным сюжетом, к которому неоднократно обращаются авторы различных художественных произведений, чтобы поддержать идеи патриотизма, укрепить национальные идеалы и ценности, а также интерпретировать стереотипы и иные характеристики лингвокультурных сообществ в связи с их актуализацией. Не являются исключением и мюзиклы. В общем объеме многочисленных американских мюзиклов, посвященных историческим событиям в целом, а также событиям американской истории, в частности, есть и такие, в которых события сюжетной линии происходят на фоне военных действий.

Среди мюзиклов, посвященных войне, особого внимания заслуживают те, в которых сюжет выстраивается вокруг событий военного времени. Содержание таких постановок прочно связано с историческими реалиями, а война становится своего рода действующим лицом, влияя на жизнь героев, их поведение и взгляды. Поскольку текст либретто практически всегда пишется значительно позже описываемых событий, в послевоенный период, то в самой постановке воссоздаются только интересные авторскому коллективу образы, интерпретируются факты и впечатления действующих лиц, история подвергается трансформации, или же переосмыслению.

При этом создатели шоу не обещают правдивого повествования, зрители не ждут документальной хроники, с точки зрения ожиданий нет места разочарованию, поскольку на суд публике представляется музыкальная пьеса на основе авторского художественного текста. Однако из-за хорошо узнаваемого культурного и исторического контекста предлагаемая

интерпретация неизбежно передает основные характеристики ценностей эпохи, стереотипы и образы.

Miss Сайгон (Miss Saigon). Премьера мюзикла состоялась в 1989 г. в Лондоне, в 1991 – на Бродвее. Мюзикл был создан совместными усилиями американского и французского либреттистов Р. Малтби-младшего (Richard Eldridge Maltby Jr.) и А. Бублиля (Alain Boublil) и французских композиторов К.-М. Шёнберга (Claude-Michel Schönberg) и того же А. Бублиля. За основу было взято действие оперы «Мадам Баттерфляй».

Основные события мюзикла происходят в последний год войны во Вьетнаме. Американские войска находятся в Сайгоне, а затем спешно покидают город. Окончание мюзикла хронологически относится к послевоенному периоду, спустя три года после войны. В центре повествования – романтическая линия, внезапно вспыхнувшая любовь между двумя очень разными людьми, Крисом и Ким, представляющими разные культуры и разные социальные группы. Он – американец, морской пехотинец, она – сирота из местного населения, оказавшаяся в публичном доме. В ходе эвакуации войск главный герой, выполняя приказ командования, вынужден оставить возлюбленную, она его безнадежно ждет, но все напрасно. Герой возвращается в США, женится, а через три года едет с женой во Вьетнам, поскольку боевой товарищ ему сообщил, что Ким жива. Она не только жива, но и воспитывает их общего сына. Трагедия сюжета заключается в том, что мечтая о лучшей судьбе для своего сына, Ким осознает, что уехать из страны в США он сможет только ценой ее жизни.

Идеализация США – один из основных стереотипов, которыми наполнен мюзикл. Работая в публичном доме, вьетнамские женщины мечтают найти среди американских военных того, кто увезет их в Америку. О США грезит и владелец бара: «...*why was I born of a race // that thinks only of rice // and hates entrepreneurs? // me I belong in a place // where a man sets his price // and you pay, and he's yours // I should be... American!*» [If you want to die in bed], он даже разработал маршрут отъезда, но вовремя вспоминает, что не хватает визы для того, чтобы оказаться в стране его мечты. Именно он рассчитывает использовать ребенка Ким и Криса в качестве «разменной монеты»: «*this kid is okay // he is our entree // to the U.S.A.*», его рассуждения очевидны: «...*a passport in my hand // my new life can begin // your brat's American // so they must let us in!*» [Let me see his western nose]. Желание уехать в США представляется присущим всем вьетнамцам, в этих ариях содержится стереотип о том, что, несомненно, все, кто может, ищут способ выехать из страны. В арии под названием «Американская мечта», собраны десятки

стереотипов относительно роскошной жизни в Америке, все, о чем только можно мечтать. Владелец бара уверен, что он откроет свой бизнес в США (*«to the Johns there I'll sell blondes there»*), он уже фактически чувствует себя американцем (*«Yankee»*), в основном, благодаря предприимчивости и умению зарабатывать [American dream]. Продолжая мысль о США, как пределе мечтаний, в финале постановки, умирая, героиня обращается к сыну: *«he has come // to take you home // all I dreamed for you // he'll do»* [Finale].

Главный герой, пытаясь объяснить свое пребывание в Сайгоне во время войны и чувства к Ким, говорит: *«so I wanted to save her, protect her // Christ, I'm American, how could I fail to do good?»* [Confrontation], что порождает стереотип об американцах, которые уверены в своей правоте, а также заставляет задуматься, насколько они способны на сильную эмоциональную привязанность, не путают ли любовь с жалостью и могут ли продемонстрировать преданность.

Постановка поражает разнообразными костюмами, деталями национальной культуры, персонажи хорошо узнаваемы и наделены многочисленными характеристиками, соответствующими стереотипам о западной и восточной культурах. Мюзикл воспринимается как драматическое произведение, герои оказываются в непростой жизненной ситуации, которая оказывает большое влияние, в первую очередь, на героиню. Противопоставление образа жизни во Вьетнаме и США нарочито подчеркнуто, удручающие трущобы, нищета и безысходность только добавляют трагизма происходящему.

Через много лет после премьеры мюзикла американцы азиатского происхождения высказались против постановки, считая стереотипы, которые в ней использовались, оскорбительными. Они решили переписать тексты некоторых арий и изменить сцены мюзикла, собрали группу артистов и представили публике свою версию под названием *«Missed Sigh Gone»*, которая была призвана разрушить стереотипы и обратить внимание на социальный и этнический протест части населения, предпочитая диалог со зрителем манифестации с плакатами [Steinberg, 2005]. В 2013 г. появилась статья, которая призывала создавать театральные пьесы, в которых бы пропагандировались «здоровые» взаимоотношения между людьми, а не романтизировалась бы унижительная торговля женщинами для развлечения, и не изображались бы героями те персонажи, которые этого не достойны [Bellamy, 2013].

Появление подобных материалов подчеркивает значение образов и стереотипов, которые навязываются зрителю со сцены. Возможно, многое действительно так и было, однако с тех пор прошло почти 50 лет, и современный зритель невольно переносит восприятие исторических событий на современность, закрепляя в сознании стереотипы. В ответ на это в современном обществе находятся те, кто такие стереотипы не считает справедливыми и пытается им противостоять.

Преданность (Allegiance). Премьера мюзикла состоялась в 2012 г. в Сан-Диего. Текст и музыка были написаны Дж. Куо (Jay Kuo) на основе книги М. Акито (Mark Acito), в центре повествования которой – реальные события.

Действие хронологически начинается в годы Второй Мировой войны. Японскую семью переселяют из Калифорнии в Вайоминг, в закрытый лагерь для интернированных. В семье проживают три поколения, молодежь – брат и сестра – по-разному воспринимают происходящее, что отдаляет героя по имени Самми от отца и деда. В то время как его сестра начинает борьбу за права интернированных, Самми пытается записаться на службу в американскую армию. Романтическая линия представлена в постановке двумя парами – между Самми и медицинской сестрой Ханной вспыхивает глубокое чувство, но запрет межэтнических браков препятствует им оформить отношения, а его сестра встречает единомышленника в борьбе за права японцев в лагере. В итоге Самми отправляется воевать, становится героем и возвращается только после войны. Полагая, что семья не принимает его убеждений, возмущаясь непатриотичным поведением сестры и ее мужа, а также приписывая им вину за смерть Ханны, он отворачивается от них и только после смерти сестры реализует шанс воссоединиться со следующим поколением семьи, что происходит уже в 2001 г.

В этом драматическом мюзикле с жизнеутверждающим финалом, поднимаются сложные вопросы межэтнического противостояния, социальные и политические проблемы.

Между главными героем и его отцом происходит спор, нужно ли служить в армии США. Возмущенный процессом интернирования, потерей имущества, отношением государства к японским семьям отец напоминает сыну: «*They took our farm // They took our home // And now our honor is at stake // But that they'll never take*», и находит серьезные аргументы против установившегося порядка: «*We look like enemy // They see disloyal // Let them accuse me or deport me if they wish! // They talk of liberty // All empty words // They promise justice for our people // Look around! // We are dead upon the ground*», а Самми отвечает,

что будет служить в «нашей» (а не «их») армии: «*I have a chance to defend my country*» [Allegiance]. В основе спора – принцип определения основных ценностей культуры – будет ли это преданность семье или государству, представления о свободе личности или же признание права государства на подавление свобод в случае национальной опасности. Здесь зритель сталкивается с неожиданной трансформацией стереотипов – обычно восточным культурам свойственно подавление личных интересов ради общего (в данном случае – национального) блага, а американцы, как представляется, должны бороться за все возможные виды свобод. Однако действие мюзикла свидетельствует об обратном: многие японцы, оказавшиеся в лагере, не приемлют защиты национальных интересов, подавляющей их права и свободы, сопротивляются, отказываются демонстрировать свою преданность так, как того требует правительство. Американцы же, напротив, устанавливают коллективный приоритет над личным, и именно эту идеологию и подхватывает главный герой.

Самми чувствует себя американцем, для него японцы – враги, и он готов с ними сражаться: «*And though my face resembles // Our enemies in war // I am still American // Nothing less and nothing more*» [What makes a man]. В этом заключается важный приоритет американской культуры – преимущество гражданства над этническим происхождением. Однако этот важный элемент мировоззрения по-разному отражается на принятии решений в семье. Сестра Самми также уверена, что они американцы: «*the Army has categorized all Japanese 4C – enemy aliens // But we were born in California // We've never even been to Japan!*» [Don't fight the storm], но это не толкает ее в сторону сотрудничества с властями, напротив, она борется за права американских японцев, против унижительных для них требований со стороны государства, вступает в ряды сопротивления, а их отец, следуя такой же принципиальной позиции, оказывается за решеткой.

Авторы мюзикла воздерживаются от оценочных характеристик. Обе стороны по-своему правы, поддерживая основные приоритеты американской культуры, одни – в борьбе за свою свободу и ценности, Самми – доказывая преданность правительству: «*I am fighting for the honor of all Japanese Americans. // Especially my grandfather and father, // Who spent their lives proving their loyalty to the United States*» [Resist]. У постановки нет героев и антигероев, есть идеалы и ценности, которые уважительно преподносятся зрителям. Авторам удалось, показывая столкновение культур, представить единство противоположностей, как часть общего американского мировоззрения.

Возможно, именно тот факт, что все герои по сути американцы (с точки зрения гражданства) позволяет избегать осуждения и резких оценочных суждений.

Какое бы решение не принимали герои постановки, в итоге они приходят к взаимопониманию, что оставляет надежду на достижение гармонии в ходе любых межкультурных конфликтов, вне зависимости от того, вызваны ли они внешней угрозой, различными ценностями или личными мотивами.

Выбранные для анализа американские мюзиклы характеризуют разные модели взаимодействия вовлеченных в военный конфликт культур. В них собраны стереотипы и предубеждения, мировоззрение и ценности представителей конфликтующих сторон, в результате чего авторам удается передать яркие и порой неоднозначные образы, которые требуют серьезного осмысления, поскольку позволяют не только обратиться к историческим событиям, но и определенным образом трактуют их, предлагая зрителям готовые сценические воплощения, которые способны вызвать глубокие эмоции. Отличительной чертой данных постановок является желание создать настроение, колорит и атмосферу эпохи, не стремясь осуждать ни одну из сторон, что позволяет зрителям более свободно формировать свое собственное мнение о прошлом и не переносить восприятие минувших событий на современность.

ЛИТЕРАТУРА

- Люсий А. Мюзикл-котлован для мюзикл-строя // Электронный журнал «Полемика» Вып. 15. URL: <https://yandexwebcache.net/yandbtm?fmode=inject&tm=1647380462&tld=ru&lang=ru&la=1639805184&text=люсий+мюзикл+котлован&url=https%3A//irex.ru/press/pub/polemika/15/lus/index.html&l10n=ru&mime=html&sign=f30ed702d412595a17d4248de48c3b43&keyno=0> (дата обращения 10.03.2022)
- Петрова М. В. Мюзикл как отражение культурной ситуации // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 4 апреля 2010. Ярославль: Изд-во Ярославского ГПУ, 2010. С. 56–61.
- Шедова Е. В. Мюзикл, особенности его драматургии и сценического воплощения // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2 (12). С. 52–56.
- Allegiance lyrics. URL: <https://www.themusicallyrics.com/a/365-allegiance-the-musical-lyrics/3944-allegiance-song-lyrics.html> (дата обращения 16.03.2022)
- Bellamy S. Don't buy Miss Saigon. Establishing cultural norms: Our role and responsibility. 2013. October 24. URL: <http://www.dontbuymiss-saigon.com/establishing-cultural-norms-our-role-and-responsibility/> (дата обращения 18.03.2022)
- Don't fight the storm lyrics. URL: <http://www.themusicallyrics.com/a/365-allegiance-the-musical-lyrics/3951-do-not-fight-the-storm-lyrics.html> (дата обращения 16.03.2022)

- Finale lyrics. URL: <https://www.allmusicals.com/lyrics/misssaigon/finale.htm> (дата обращения 15.03.2022)
- Joseph N. The surprising history of musical theatre // Perspectives Newsletter. May, 2019. URL: <https://artsci.washington.edu/news/2019-05/surprising-history-musical-theater> (дата обращения 10.03.2022)
- If You Want To Die In Bed lyrics. URL: <https://www.allmusicals.com/lyrics/misssaigon/ifyouwanttodieinbed.htm> (дата обращения 15.03.2022)
- Let Me See His Western Nose lyrics. URL: <https://www.allmusicals.com/lyrics/misssaigon/letmeeseehiswesternnose.htm> (дата обращения 15.03.2022)
- Resist lyrics. URL: <http://www.themusicallyrics.com/a/365-allegiance-the-musical-lyrics/3938-resist-lyrics.html> (дата обращения 16.03.2022)
- Steinberg A. Miss Saigon, the anti-show: Group targets Asian stereotypes in hit musical // The Boston Globe. 2005. January 23. URL: http://archive.boston.com/news/local/massachusetts/articles/2005/01/23/miss_saigon_the_anti_show/ (дата обращения 18.03.2022)
- The American Dream lyrics. URL: <https://www.allmusicals.com/lyrics/misssaigon/theamericandream.htm> (дата обращения 15.03.2022)
- The Confrontation lyrics. URL: <https://www.allmusicals.com/lyrics/misssaigon/theconfrontation.htm> (дата обращения 15.03.2022)
- What makes a man lyrics. URL: <https://www.themusicallyrics.com/a/365-allegiance-the-musical-lyrics/3949-what-makes-a-man-lyrics.html> (дата обращения 16.03.2022)

Zhuravleva, O. M.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE PERIOD OF WAR IN AMERICAN MUSICALS: REFLEXION WITHOUT BLAME

American musicals are studied to investigate how the war-time intercultural communication is shown. The chosen stage productions («Miss Saigon» and «Allegiance») represent stereotypes and preferences of American and Eastern cultures and the way how they communicate according to the plot. Moreover the transformation that takes place nowadays in minds of theatre goers is examined in comparison with the values of the described historical periods. Intercultural communication analysis reveals the image of the cultures that is spread globally due to the popularity of musicals.

Intercultural communication, American history, American culture, musical, stereotypes

УДК 811.511.151'34

И. Г. Иванова

Марийский государственный университет

ORCID: 0000-0001-5247-0125

iraida44@yandex.ru

Ф. Я. Хабибуллина

Марийский государственный университет

ORCID: 0000-0002-5438-1828

khflora@yandex.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ОТАНТРОПОНИМНЫХ ОЙКОНИМОВ С ТЮРКО-ТАТАРСКИМ КОМПОНЕНТОМ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Особенность заимствованных марийским языком отантропонимных ойконимов тюрко-татарского происхождения заключается в том, что данному процессу характерны прямые языковые контакты. Их своеобразие состоит в том, что они совершались не на уровне литературных языков, а на уровне устного разговорного языка и местных диалектов. Результатом данного процесса явилось формирование марийского топонимического фонда. В работе представлены системное описание лингвистических феноменов, связанных с фонетической адаптацией топонимов-заимствований из тюркских языков в марийский; факторы, вызывающие явление фонетической адаптации; анализ адаптационных фонетических процессов на уровне сегментных единиц.

Фонетическая адаптация, топоним, ойконим, антропоним, заимствование, тюрко-татарский компонент, марийский язык

Среди всех видов заимствований фонетические считаются самыми популярными во всех естественных языках. Заимствованием является «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов» [Ярцева, 1990, с. 158 – 159]. В процессе освоения заимствованных слов в языке-реципиенте фонетическая адаптация считается важнейшим звеном. Принимающему языку характерно менять несвойственные ему звуки или исключать их из слова в соответствии с общепринятыми нормами. Благодаря фонетической адаптации слово, «заимствованное из другого языка, начинает произноситься по законам фонетики заимствующего языка» [Маринова, 2002, с. 161]. Адаптационные процессы реализуются в двух направлениях – формальном и семантическом.

Под формальной адаптацией понимается фонетическая модификация, в том числе, акцентологическая, графическая, словообразовательная и морфологическая ассимиляция новых слов. Характер формальной адаптации зависит от влияния различных факторов: от степени различия систем взаимодействующих языков, письменного / устного способа заимствования, степени распространенности двуязычия среди говорящих на заимствующем языке и др. [Казкенова, 2003, с. 72 – 80]. Изменения второго вида связаны с контекстуальными особенностями, то есть уточняющей функцией контекста. К наиболее типичным способам фонетической адаптации относятся: 1) нулевая адаптация, предполагающая произношение слов, согласно нормам языка-источника; 2) передача иноязычного слова при помощи фонетических возможностей заимствующего языка.

Формирование марийской антропонимики, нашедшей отражение в национальном топонимиконе, осуществлялось под сильным воздействием тюркских, в частности, татарского, языков [Черных, 1995, с.18]. Марийско-тюркские контакты восходят к VII веку нашей эры. Древние мари последовательно входили и жили в составе трёх тюркских держав: Булгарского государства, Золотой орды и Казанского ханства вплоть до середины XVI века. Контакты между марийцами и татарами усилились после образования Казанского ханства, что отразилось в марийской антропонимии, воспринявшей новые тюркские имена с компонентами бай, батыр, бек, мурза, темыр и т.д. Татарский язык послужил языком-медиатором в восприятии арабских онимов (Аббас, Абдулла, Äхбär, Мухаммед), появившихся в языке-доноре в контексте учений магометанской религии в Казанском ханстве.

Целью статьи является описание способов фонетической адаптации слов тюрко-татарского происхождения в марийском языке на примере гласных и согласных звуков. Используются комплексные методы исследования – сопоставительный и системно-описательный. Теоретическая значимость работы заключается в том, что в результате исследования возможно: 1) определить фонетические соответствия между лексемами языка-донора и языка-рецептора; 2) уточнить способы фонетической адаптации заимствованных тополексем в марийском языке. Практическая значимость заключается в том, что в результате выявления фонетических ошибок при произношении заимствованных слов можно выработать методические рекомендации для преподавательской практики. Это приобретает особую актуальность в контексте соизучения разноструктурных языков, основанных на сравнительно-сопоставительном анализе фонетических систем разноструктурных языков [Иванова, Хабибуллина, Егошина, 2021].

Фонетические принципы адаптации заимствованных слов в марийском языке приводятся в работах: «Современный марийский язык. Фонетика» [1960], «Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика» [1969], «Обучение мари русскому произношению» [1972], «Кызытсе марий йылме. Фонетика» [2000]. Их аппликация проведена на практическом материале в рамках исследования татарских антропонимов в структуре оронимов Республики Марий Эл [Хабибуллина, Иванова, 2019, с. 97 – 101], отантропонимных географических названий в соответствии с топонимическими зонами РМЭ татарского происхождения [Хабибуллина, Иванова, 2019, с. 259 – 285]. Вопросы фонетической адаптации топонимов освещены в диссертационном исследовании А. Пустякова, посвященном названиям исчезнувших селений Республики Марий Эл [Пустяков, 2011]. Автор рассматривает принципы и возможные причины фонетической, морфонологической адаптации марийских топонимов в русском языке, предлагая разделить ойконимы на две подгруппы в зависимости от наличия фонетических изменений в адаптированных топонимах: 1) ойконимы, адаптированные без изменений звукового облика наименования (прямая адаптация); 2) ойконимы, претерпевшие трансформацию фонетического облика в процессе адаптации. Вторая группа предполагает названия, в которых при заимствовании меняются либо на близкие по способу образования и ряду звуки, либо на противоположные по соответствующему характеру варианты, чтобы сохранить информацию об иноязычном статусе слова. Практическим материалом работы послужил словарь топонимов Республики Марий Эл [Воронцова, Галкин, 2002].

Процесс адаптации охватывает все аспекты языковой системы. Попадая с одного языка в другой, слово адаптируется фонологическим, лексико-грамматическим и семантическим уровнями. Если при заимствовании происходит адаптация слова к фонетической системе заимствующего языка, отсутствующие звуки заменяются на наиболее близкие.

Замена согласных

1. Реализация согласных:

Б в В

Как правило, фонемный ряд пополняется новой единицей в условиях устойчивых и длительных языковых контактов. В марийском языке появление фонемы /б/ связано с явлением контактной прогрессивной ассимиляции. Первоначально в словах исконно марийского языка выступал билабиальный смычный /п/, который под ассимилятивным воздействием сонанта /м/ озвончился [Куклин, 2012]. Фонема /б/ до заимствований из русского языка не являлась самостоятельной фонемой, хотя она существовала физически

в виде комбинаторного (в сочетании после *м*) или факультативного, необязательного (в заимствованных словах) оттенков фонемы /*в*/ [Грузов, 1960, с.75]. В отличие от русского языка /*в*/ и /*б*/ в марийском совпадают по месту образования: они являются губно-губными и характеризуются звонкостью. Фонетическая разница заключается в том, что /*в*/ является щелевым, а /*б*/ – смычным. В марийском языке замена фонем в заимствованных словах объясняется их артикуляционной близостью: /*б*/ – губно-губной, смычный, /*в*/ – губно-губной, щелевой.

Авлан починга / Аблан починга (оф. Абленки) – мар. дер. В Мустаевском с/с Сернурского р-на. Название образовано от собственного имени Аблай, ср. Абалай, Абла, Абли, тюрк. происхождения: аб<аба «отец»+лай (марийский суффикс принадлежности).

Йыврайсола (оф. Толмань-Ибраево) – мар. деревня в Большелумарском с/с Новоторьяльского р-на. Ойконим сложный: Йыврай – мужское личное имя марийцев тюрского происхождения+сола. В официальном варианте Ибраево – личное имя первопоселенца, ср. Ибрагим, восходящий к библейскому Авраам > Абрам с др.-евр. «возвышенный отец».

Изи Оваснур (оф. Малый Абаснур) – дер. в Абаснурском с/с Советского р-на. Название возникло, по мнению Гордеева Ф.И., от собственного имени основателя деревни Абас (Овас), заимствованного из татарского языка, ср. тат. Аббас из араб. Аббас – имя пророка [Гордеев, 1979, с. 269]. В марийском варианте произошёл переход гласного а > о и сокращение удвоенного бб > б с переходом в согласный в. В официальном варианте сохранилось прежнее звучание, хотя он представляет собой полукальку с марийского.

Пектывайсола (оф. Кумужьял) – мар. дер. в Яраморском с/с Моркинского р-на. Ойконим сложный, в основе которого присутствует собственное имя Пектывай, ср. Пектыбай из тюрк. *bektej* «подобный беку», ср. Пектансола + бай, «богатый, богач» + сола «селенье, деревня».

Х в К

Марийская глухая щелевая фонема /*х*/ заимствована из русского языка. В заимствованных словах данная фонема передавалась глухой смычной фонемой /*к*/ . На Первой языковой конференции (1937 г.) было принято решение официально утвердить в составе марийского алфавита буквы *Ф ф, Х х, Ц ц, Щ щ*. В 1938 году алфавиты горного и лугового вариантов марийского языка прошли повторную реформацию перед законодательным утверждением. Замена фонем /*х*/ на /*к*/ в словах, вошедших в марийский язык в дореволюционный период, была возможна ввиду их артикуляторной близости по месту образования: фонемы являются заднеязычными.

Токози (оф. Токозино) – мар. дер. в Караевском с/с Волжского р-на. Комоним-антропоним, ср. Токоза, Токозя – языческое личное имя марийцев, состоящее из двух слов: ток от тат. тук «сытый, наевшийся» + оза, ср. тат. хужа «хозяин». В марийский язык антропоним, по мнению Воронцовой О. П. [Воронцова, с. 321], вошёл через чувашский, о чём говорит вторая часть антропонима с гласным –о-, ср. чув. хуҫа (хоҫа) «хозяин, владелец».

2. Оглушение согласных:

Б / П

Из губных согласных в исконно марийском языке встречались *п, ф, в, м*. По месту образования все указанные фонемы являются губно-губными. В современном марийском языке группа губных смычных согласных фонем представлена смычными губно-губными /п, б, м/ и щелевыми губно-губными /ф, в/. Существует мнение, что фонема /б/ в марийском языке является заимствованной из русского языка [Грузов, 1965, с. 213]. С возникновением письменности в марийском языке в качестве нормы закрепляется /в/ в интервокальной позиции и в начале слова; [б] – в сочетании [мб] и заимствованных словах. Появление /б/ в марийских словах как результата озвончения согласных, основано на развитии /б/ из /п/, равно как и /в/ и /ф/ – из /п/ [Бердинская, Зорина, 2017, с. 90 – 97]. В тюркских заимствованиях фонема /б/ заменялась на /п/, в особенности, после глухих согласных и абсолютном начале слова:

Акпарс шүргө (оф. Испаринск) – мар. дер. Марикужерского с/с Моркинского р-на. Марийское название составное: антропоним Акпарс от тат. ак «белый» + парс < барс «барс» + шүргө «деревня».

Акпатыр (оф. Акпатырево) – дер. в Малинкинском с/с Мари-Турекского р-на. Название населённого пункта тат. происхождения: ак «белый» + патыр < батыр «богатырь», то есть, «белый богатырь».

Ахперка – мар. дер. в Озёркинском с/с Горномарийского р-на. Ахпер – марийское мужское имя, основателя селения Ахпер. Оним заимствован из тат. языка Ахбар, восходит к араб. Äхбәр «известие, весть, сообщение; новость, слух».

Антулят (оф. Нижний Рушенер) – мар. дер. в Рушенерском с/с Сернурского р-на. Отантропонимный топоним функционирует с русским топоформантом –ят<-ята. Антропоним заимствован из тат. языка, восходит к араб. Абдулла «раб Аллаха».

Апшаклак (оф. Апшакбеляк) – мар. дер. в Семеновском с/с г. Йошкар-Олы, также мар. дер. в Поянсолинском с/с Звениговского р-на, ныне исчезнувшая; название сложное: Апшак+плак, где Апшак – собственное имя,

плак < беляк «родовая группа». Антропоним заимствован из татарского языка и восходит к тат. япъ «очень» + араб. шайх «старик, старец, духовный вождь».

Кошлай (оф. Мари-Кошпай) – мар. дер. в Ильпанурском с/с Параньгинского р-на. Эллиптированный ойконим, где Кошпай – марийское личное имя тюркского происхождения, ср. тат. кош «птица» + пай < бай «богач, хозяин», то есть, «хозяин птиц». Наименование поселения ял «деревня» или илем «жилище» вышло из употребления. Официальный вариант Мари-Кошпай возник на русской почве вслед за возникновением татарской деревни Тат – Кошпай.

Палашнур – мар. дер. в Чендемеровском с/с Сернурского р-на. Ойконим составной: Палаш – собственное имя, восходящее к тат. бала «дитя, ребёнок, сын» + -ш – ласкательный суффикс + мар. нур «поле».

Пайгиш – русс. дер. в Куженерском с/с Куженерского р-на; **Пайсола (оф. Пайгишево)** – мар. дер. в Азановском с/с Медведевского р-на; **Пайсола (оф. Вознесенск)** – мар. дер. в Алексеевском с/с Советского р-на. Названия образованы от собственного имени Пайгиш, ср. Пайгуш, Пайгыш. Антропоним произошёл от татарского прозвища байгыш «простак, глупец». Пай – эллиптированный вариант от байгыш.

Палашнур, Ондроп починга – мар. дер. в Чендемеровском с/с Сернурского р-на. Ойконим составной, отантропонимный: Палаш – собственное имя, восходящее к тат. бала «дитя, ребёнок, сын» + -ш – ласкательный суффикс, то есть, «дитяtko, сыночек» + нур «поле».

Парстайсола, Порастай, Пырастай (оф. Парастаево) – мар. дер. в Емешевском с/с Горномарийского р-на. Антропоним Парстай (Порастай, Парас) татарского происхождения состоит из двух слов: тат. барс > парс + тай «жеребёнок годовалый».

Пекеттöрем (оф. Атюловский) – мар. дер. в Сурском с/с Горномарийского р-на. Марийское название имеет сложную структуру: Пекет + тöрем, где первый компонент – имя собственное, а второе обозначает ровное место. Антропоним Пекет восходит к тат. бэхет «счастье, судьба, благополучие».

Токлай (оф. Токпаево) – мар. дер. в Мари-Биляморском с/с Мари-Турекского р-на. Ойконим-антропоним указывает на основателя деревни. По структуре – сложный, состоит из двух заимствованных из татарского языка слов: ток «сытый, наевшийся», мар. ток «вдоволь, много; сытый» [Исанбаев, 1994, с.152] + бай>пай «богач, господин», то есть, «сытый бай». После глухого согласного к в марийском языке произошёл переход б в глухой п в результате прогрессивной ассимиляции.

Тоноклай (оф. Тонохпаево) – мар. дер. в Ежовском с/с Медведевского р-на. Комоним указывает на имя первопоселенца, заимствованного из татарского языка, ср. тат. тонык «устоявшийся, отстоявшийся», «прозрачный, чистый» + бай>пай «богатый, богач». Наличие согласного х в официальном варианте говорит о том, что в марийский язык лексема вошла через чувашский язык.

Токлулатово (ныне Кугу Аксарка) – мар. дер. в Шойбулакском с/с Медведевского р-на. Комоним отантропонимный, указывающий на первопоселенца. Название состоит из двух слов: тат. ток «плотный, сытый» + тат. булат > пулат «сталь».

Эшпайродо (оф. Тупино) – мар. дер. в Старо-Торьяльском с/с Новоторьяльского р-на. Ойконим сложный: Эшпай + родо «родственники, род». Антропоним Эшпай имеет тюркское происхождение, ср. др.-тюрк. эш «друг, приятель, сподвижник; родня» + тат. бай «богатый, богач, господин».

Эшпатр (оф. Эшпатренки) – мар. дер. в Кукнурском с/с Сернурского р-на. Название дано по имени первопоселенца. Антропоним восходит к тюрк. эш «друг, приятель, сподвижник; родня» + патыр > батыр «богатырь, силач, герой».

Г / К

Щелевой, шумный, заднеязычный /г/ подвергался замене на смычный, шумный, заднеязычный /к/ в заимствованных словах. Для исконно марийских слов не типично использование фонемы /г/ в начале слова [Куклин, 2013, с.77]. Современные нормы марийского языка в данной позиции определяют её частотное употребление лишь в послелогох и союзах.

Кали (оф. Калеево) – русс. дер. в Кугушенском с/с Сернурского р-на. Ойконим отантропонимный, восходит к тат. гали «высший, великий». На марийской почве произошло оглушение г>к.

Д / Т

В марийском языке в начале слова характерна замена звонкого, щелевого, шумного, переднеязычного /д/ на глухой, щелевой, шумный, переднеязычный /т/.

Тошметсола (оф. Досметкино) – мар. дер. в Уртем – Варангужском с/с Моркинского р-на. Ойконим образован от имени первопоселенца – Досмамет: тат. дос «друг» + араб. мамет(д) «восхваляемый, надежный». В марийском языке произошло оглушение звонкого согласного д>т вследствие стяжения, что дало вариант Тошмет + сола «село, селение».

Т / Д

Озвончение /т/ обеспечивается типичной для марийского языка комбинацией согласных в сочетании л+д.

Чылдемыр (оф. Чендемерово) – мар. дер. в Чендемеровском с/с Сернурского р-на. Сложный ойконим тюркского происхождения, ср. тат. чын

«истинный» от др.-тюрк. *ġin*; тат. тимер «железо» от др.-тюрк. *temir*. Таким образом, Чылдемыр < Чынтемир «истинное железо».

Замена гласных

А / О

В марийском языке артикуляторно /а/ характеризуется как открытый гласный переднего ряда, однако в функционировании отмечается его переход в сторону смешанного ряда. Фонема мар. /о/ по своей природе является огубленной гласной заднего ряда. В изустных заимствованиях субституция фонем может быть объяснена их безударной позицией, особенно, в инициальной позиции. Словам, содержащим безударную фонему /а/, перешедшим в марийский язык, характерна замена на фонему /о/:

Изи Оваснур (оф. Малый Абаснур) – дер. в Абаснурском с/с Советского р-на, ныне не существует. Название возникло от заимствованного из татарского языка собственного имени Абас, Овас < тат. Аббас из араб. Аббас «имя пророка».

Изи Окаш (оф. Малое Акашево) – рус. дер. в Ежовском с/с Медведевского р-на. Элемент Окаш (Акаш) – собственное имя, которое указывает на первопоселенца населенного пункта. Антропоним Окаш (Акаш) тюркского происхождения, ср. тат. ак «белый»+ – аш – суффикс.

Озансола (оф. Азянково) – мар. дер. В Косолаповском с/с Мари-Турекского р-на. Ойконим указывает на первопоселенца и состоит из двух слов: Озан < тат. Азан, восходящий к араб. азан «призыв моэдзина к молитве», сола «селение, деревня».

И / Э

Фонема /э/ в марийском языке встречается почти во всех фонетических положениях, за исключением заударного положения перед согласным. Данная фонема характеризуется частым использованием в начальной позиции слова. Возможность замены фонемы /и/ в заимствованных топонимах объясняется нелабиальным характером произношения марийского /э/, их близостью по подъему и ряду, безударной позицией в слове.

Марий Эсымбай (оф. Мари Есимбаево) – мар. дер. в Пектубаевском с/с Новоторьяльского р-на. Антропоним Эсымбай татарский, ср. тат. исем «имя, слава, звание» + тат. бай «богач, богатый».

Элембай (оф. Елембаево) – мар. дер. в Елембаевском с/с Новоторьяльского р-на. Ойконим ОАП, в основу легло личное имя первопоселенца, ср. Элеменбай. Антропоним состоит из двух тюрк. слов: ср. тат. ил род, племя; народ; страна + тат. бай господин, богач, бай +эм притяжательный суффикс.

Эсмекплак, Эсменекплак (оф. Исменцы) – мар. дер. в Исменецком с/с Звениговского р-на. Ойконим сложный, ср. Эсмек, плак < беляк «родовой участок земли». Официальный вариант в своей основе имеет тот же антропоним, ср. Эсмек / Исмек, Исмекей. Антропоним тюркского происхождения и восходит к слову эсмек < исмек «умный», ср. тат. ис «сознание, чувство» + мек – суффикс, образующий названия конкретных качеств.

Таким образом, на протяжении веков межэтнические контакты происходили в процессе непосредственного повседневного общения носителей марийского и татарского языков, проживающих на смежной, а в ряде районов на единой территории, в составе одного населённого пункта, принимая форму активного двуязычия. За этот период сформировался весомый пласт заимствованной из татарского языка лексики, которая оформлена по фонетико-графическим законам марийского языка. Слова характеризуются достаточно большой степенью адаптированности, то есть реализации принципа регулярной фонетической субституции в заимствованных словах: губно-губного, смычного /*б*/ на губно-губной, щелевой /*в*/; гортанного /*х*/ на глухую смычную фонему /*к*/; татарского заднерядного /*а*/ на заднерядный огубленный гласный /*о*/; нелабиальной гласный высокого подъема переднего ряда /*и*/ на нелабиальный среднего подъёма переднего ряда гласный /*э*/. Оглушение согласных в заимствованных словах в марийском языке представляет собой процесс, при котором согласные звонкие фонемы в инициальных позициях реализуются как соответствующие по парности глухие звуки: звонкий губно-губной /*б*/ – глухой губно-губной /*н*/; щелевой, шумный, заднеязычный /*з*/ – смычный, шумный, заднеязычный /*к*/; звонкий, щелевой, шумный, переднеязычный /*д*/ – глухой, щелевой, шумный, переднеязычный /*т*/. Под влиянием тюркских, в частности, татарского, впоследствии, русского языков в современном марийском языке происходит также нарушение одной из его древнейших черт в области консонантизма – невозможности употребления звонких шумных согласных в начале слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердинская И. А., Зорина З. Г. Интерпретация присутствия фонемы б /*б*/ в марийских языках // *Litera*. 2017. № 3. С. 90 – 97.
- Воронцова О. П., Галкин И. С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского полиграфкомбината. 2002. – 424 с.
- Гордеев Ф. И. Марийские имена // *Справочник личных имён народов ВСФСР*. М., 1979. С. 263-271.

- Грузов Л. П. Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1960. 162 с.
- Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. – Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1965. 244 с.
- Иванова И. Г., Хабибуллина Ф. Я., Егошина Р. А. Сравнительно-сопоставительный анализ фонетических систем разноструктурных языков: монография. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2021. 176 с.
- Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2 (Словарь татарских и башкирских заимствований). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 174 с.
- Казкенова А. К. Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 72–80.
- Куклин А. Н. Олык-эрвел марий фонетика. Йошкар-Ола, 2013. 196 с.
- Куклин А. Н. Фонематика английского и марийского языков // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7724>
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 682 с.
- Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2002. 296 с.
- Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Отантропонимные географические названия Республики Марий Эл татарского происхождения: топонимические зоны // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 3. С. 259 – 285.
- Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Татарские антропонимы в структуре оронимов Республики Марий Эл // Проблемы марийской и сравнительной филологии. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2019. С. 97 – 101.
- Черных С. Я. Словарь марийских личных имён. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

Ivanova, I. G.; Khabibullina, F. Y.

Mari State University

PHONETIC ADAPTATION OF ANTHROPONYMAL OIKONYMS WITH A TURK-TATAR COMPONENT IN THE MARI LANGUAGE

The peculiarity of the borrowed Mari language from anthroponymous oikonyms of Turkic-Tatar origin is that this process is characterized by direct language contacts. Their peculiarity lies in the fact that they were performed not at the level of literary languages, but at the level of oral spoken language and local dialects. The result of this process was the formation of the Mari toponymic fund. The paper presents a systematic description of linguistic phenomena associated with the phonetic adaptation of toponyms-borrowings from Turkic languages to Mari; factors causing the phenomenon of phonetic adaptation; analysis of adaptive phonetic processes at the level of segmental units.

Phonetic adaptation, toponym, oikonym, anthroponym, borrowing, Turkic-Tatar component, Mari language

УДК 811.111:811.214.21

Ю. С. Костецкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ulia_kostetskaia@mail.ru

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХИНДИ И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается терминологическая проблема, связанная с определением понятия «хинглиш». Анализируются различные подходы к изучению взаимодействия английского и хинди, выявляются различия между понятиями «индийский английский», «хинглиш» и «хинди с англицизмами». Установлено, что различия в трактовке понятия «хинглиш» связаны с теоретическим пониманием природы самого явления.

Хинглиш, индийский вариант английского языка, хинди, билингвизм, переключение кодов

С обретением Индией независимости в 1947 г. государственными языками страны стали английский и хинди. В хиндиязычном ареале Индии эти два языка параллельно используются во многих сферах жизни общества, что приводит к их взаимодействию, результаты которого разнообразны и проявляются в речи и языковых системах обоих языков.

Первое использование смешения английского и хинди обнаруживается значительно раньше – в лирической поэме поэта Айодхьи Прасад Кхатри в 1897 г. [Sharma, с. 330]. Чтобы усилить сатиру в адрес британского правительства, он добавил в текст некоторые английские слова.

Rent Law ka gham karen ya Bill of Income Tax ka?

Kya karen apna nahin hai sense right now-a-days.

«Печалиться из-за закона об аренде или подоходного налога?

Что бы мы ни делали, в этом нет смысла прямо сейчас».

В дальнейшем к смешению английского и хинди в своих произведениях обращались Шобха Де, Девьяни Чобал, Салман Рушди, Упаманью Чаттерджи и другие индийские писатели.

Взаимодействие хинди и английского исследовали многие индийские ученые: Ч. Барнали, Б. Кар, С. Джейн, С. Мишра, Г. Дкхар, С. Катхапалиа, К. Бали. Они делали вывод, что два языка значительно влияют друг на друга,

а результаты их контакта могут по-разному интерпретироваться и отражаться в социальной жизни Индии.

В некоторых источниках взаимодействие английского и хинди обозначается словом «хинглиш» (сочетание слов «Hindi» и «English»). В 2005 г. этот термин вошел в словарь «Collins English Dictionary» как неологизм из языка хинди. В словаре «Oxford Advanced Learner's Dictionary» дается следующее определение: хинглиш – это язык, смесь английского и хинди, а именно тип английского языка, который содержит много слов из хинди. При этом остается без внимания форма хинди, содержащая много английских слов.

Индийские исследователи Р. Д. Паршад, С. Бхоумик, В. Чанд, Н. Кумари, Н. Синха отмечают, что хинглиш – наиболее заметная форма коммуникации билингов в хиндиязычном ареале. Хинглиш охватывает промежуток от отдельных заимствований из хинди в английский язык до обширных практик переключения кода, которые непонятны монолингвам, знающим только хинди или только английский [Parshad, 2016].

В работах Р. Бхатта, А. Кумара, Л. Малик, С. Ромейн, Р. Сингх, А. Си хинди-английское взаимодействие рассматривается как переключение и смешение кодов, т.е. как речевое явление.

Английский язык, используемый в Индии, на всех уровнях языка подвержен влиянию местных языков, поэтому справедливо говорить о существовании индийского варианта английского языка наряду с британским, американским, австралийским и новозеландским вариантами [Baldrige, 2002].

В индийском английском могут использоваться «индианизмы» – слова, относящиеся к индийской культуре. Они, по замечанию Д. К. Шарма, позволяют жителям Индии показать свою идентичность. Таких слов, как *huzur, sahib, sarkar, maharaj, ahimsa, karma, dharm, swami, namaste* нет в британском английском, но они используются в индийском варианте [Sharma, 2015, с. 330]. Индийские лексические единицы, не относящиеся к индианизмам, обычно не интерферируются в индийский английский. На этом основании возможно разграничить понятия «хинглиш» и «индийский английский».

Д. Кристал противопоставляет хинглиш как сочетание английского и хинди индийскому варианту английского языка, аргументируя тем, что на таком варианте могут говорить не только носители хинди, но и других индоарийских и дравидийских языков [Crystal, 2005]. Наряду с хинглишем можно выделить и другие подобные языковые образования – бенглиш

(бенгальский и английский), панглиш (панджаби и английский), тамлиш (тамильский и английский).

Д. Кристал приводит примеры использования английского языка в Индии. Выражение *to cut the grass* среди говорящих на английском в Индии стало устойчивым и означает «лениться, ничего не делать». Телефонные номера, по которым можно позвонить друзьям и семье, называются *near and dear numbers*. Что-то, за что не нужно платить – *free of cost*. Также наблюдается тенденция случайного разбиения английских слов на несколько частей пробелами и дефисами: *round about* «объезд», *wel-come* «добро пожаловать», *over-size* «что-то большого размера», *pent house* «квартира на последнем этаже», *speed breaker* «ямы на дороге».

Все эти выражения распространены среди говорящих на индийском английском, но могут быть непонятны носителям других вариантов английского языка.

Среди отечественных исследователей вопросом взаимодействия хинди и английского занимался А. А. Сигорский. Для обозначения индийского английского он вводит понятие «индлиш», характеризуя его как «вариант английского языка, подобно американскому, австралийскому и т. д.» [Сигорский, 2008, с. 355]. Наряду с индлишем он выделяет «хинглиш» – смешение хинди и английского в речи людей, одинаково хорошо, в полном объеме этими языками владеющих, то есть это язык билингвов [Сигорский, 2007, с. 78].

Если индлиш – форма английского, то хинглиш определяется как форма хинди с элементами английского. То есть грамматика (в первую очередь, глаголы) и аргументно-предикатная структура предложения образуется по правилам хинди, а значительная часть лексики – из английского [Сигорский, 2006].

Хинглиш использует латинскую графику (в отличие от алфавита деванагари в хинди), причем не нормировано. Исконная орфография не отражается: не делаются различия между краткими и долгими гласными, между дентальными и церебральными согласными и др. [Сигорский, 2006].

Постепенно смешение английского и хинди пришло в кино, СМИ и рекламу. Среди примеров хинглиша, приведенных А. А. Сигорским – заголовки объявления в англоязычной газете о создании версий Windows и Linux на хинди. *Namari demand: computer ko public friendly banao!* «Наше требование: сделать компьютер ближе к людям!» [Сигорский, 2006].

После начала пандемии Covid-19 многие индийские компании провели рекламные кампании. Например, одна из крупнейших молочных компаний мира Amul запустила локализованную кампанию в Индии, где обыгрывались меры, которые нужно принять во время пандемии.

Pehle vaccination. Phir vacation «Сначала вакцинация. Потом отпуск».

Better saaf than sorry «Лучше вымыть, чем сожалеть» (о регулярном мытье рук с мылом).

Индийский сайт по онлайн-продаже билетов во время локдауна в 2020 году обыгрывал места, в которые можно «поехать», не выходя из дома. В рекламе соединяются названия реальных мест в Индии с комнатами в квартире.

Flights to Bedroom Pradesh «Полеты в Спальня-Прадеш» (объединение слова «спальня» (англ. *Bedroom*) и названия штата Уттар-Прадеш).

Busses to Dining garh «Автобусы в Обедогарх» (объединение слова «столовая» (англ. *Dining room*) и названия города Чандигарх).

Провести границу между индийским английским, хинглишем и хинди оказывается затруднительно. Скорее, это континуум, постепенный переход от одного полюса к другому [Сигорский, 2006]. Попытка разграничения хинглиша и индийского английского предполагает необходимость отнесения первого к определенному лингвистическому классу. Можно ли назвать хинглиш самостоятельным языком, разновидностью хинди или пиджином? А. А. Сигорский, подчеркивая, что данный вопрос является спорным, определяет хинглиш как разговорный язык [Сигорский, 2006].

Сравнение А. А. Сигорским хинглиша с русско-норвежским и русско-китайским пиджинами доказывает, что хинглиш не является пиджином, т. е. «упрощенным контактным языком, возникающим в ситуации взаимонепонимания при общении людей, говорящих на разных языках, либо при неполном усвоении какого-либо языка» [Сигорский, 2007, с. 78]. Скорее, хинглиш – это высшее проявление диглоссии, когда два языка воспринимаются как один. Исследователь допускает, что при широком использовании хинглиша не исключается его пиджинизация, т. е. упрощение лексики и грамматики, чего не допускает «хороший» хинглиш [Сигорский, 2008, с. 353].

Таким образом, для описания результатов взаимодействия английского и хинди в научной литературе используется довольно разная терминология. С терминологической проблемой связан и вопрос о численности говорящих.

Среди зарубежных и отечественных исследователей популярным оказалось допущение профессора Уэльского университета Д. Кристала о том, что в Индии на английском языке говорят около 350 миллионов человек (почти треть населения страны), что превышает количество носителей английского языка как родного во всем мире. Стоит заметить, что данное допущение сделано на основе результатов опроса, проведенного журналом «India Today» в 1997 г. среди 12 тысяч индийцев. Каждый третий опрошенный был способен понимать английскую речь, и около 20% могли так или иначе поддерживать разговор на английском. Из этого следует, что говорящими на английском считали и тех, кто просто понимает отдельные английские слова, и тех, кто уверенно владеет языком и может поддерживать разговор.

Согласно данным переписи населения Индии 2011 г., совокупное количество носителей английского языка во всей Индии – около 129 млн, что составляет 10.5% от всего населения страны [Census of India, 2011]. Для сравнения, в 2001 г. число говорящих на английском в Индии составляло 125,3 млн человек, около 12% всего населения Индии. Таким образом, данные переписи населения 2011 г. не подтверждают результаты проведенного опроса в 1997 г.

Анализ подходов к изучению взаимодействия английского и хинди показал, что среди исследователей нет согласия относительно того, какими понятиями описывать результаты такого взаимодействия. Так, хинглиш как совокупное понятие может обозначать индийский вариант английского языка, смешение хинди и английского в речи билингвов, форму хинди с элементами из английского или гибридный язык. Различия в трактовке данного понятия не сводятся только к терминологической проблеме, но и связаны с теоретическим пониманием природы самого явления. Лингвистам еще предстоит выработать единый понятийный аппарат для описания взаимодействия английского и хинди.

ЛИТЕРАТУРА

- Сигорский А. А. Все смешалось в хиндиязычном ареале: языки, диалекты, говоры // *Язык до Индии доведет* / отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 2008. С. 345 – 368.
- Сигорский А. А. Картина мира в многоязычном обществе (язык хинди): мозаика или сплав? // *Восточные языки и культуры. Материалы 1-й Международной научной конференции 23-27 ноября 2007 года* / Отв. ред. М. Б. Рукодельникова, И. А. Газиева. М.: РГГУ, 2007. С. 77 – 80.

- Сигорский А. А. Хинди и русский в зеркале друг друга: некоторые аспекты грамматики и функционирования // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Материалы 3 межвузовского семинара по лингвострановедению 8-9 июня 2005 года. М.: МГИМО-Университет, 2006. 220 с. URL: <https://mgimo.ru/files/31382/31382.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
- Baldrige J. Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow. Linguistic and Social Characteristics of Indian English // Language in India. 2002. No 2. С. 13 – 29.
- Census of India 2011. Language. States and Union Territories. New Delhi: Office of the registrar general, 2011. 52 p.
- Crystal D. Mother-Tongue India // Talk for Lingua Franca (Australian Broadcasting Corporation). 2005. URL: <https://bit.ly/3h249Ap> (дата обращения: 07.02.2022).
- Hinglish noun // Oxford Learner's Dictionary. 2020. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hinglish> (дата обращения: 09.02.2022).
- Indians profoundly dissatisfied with politics but have touching faith in democracy: Poll // India Today. 1997. URL: <https://bit.ly/3dBok5H> (дата обращения: 15.02.2022).
- Parshad R. What is India speaking? Exploring the “Hinglish” invasion // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2016. No449. Pp. 375 – 389.
- Sharma J. K. Hinglishisation of English: Hinglish, The Language of 21st Century // Intl. Journal of English Language, Literature and Humanities. No8. 2015. Pp. 328 – 339.

Kostetskaya, Yu. S.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

APPROACHES TO STUDYING THE INTERACTION OF HINDI AND ENGLISH

The terminological problem associated with the definition of “Hinglish” is considered. Various approaches to the interaction of English and Hindi are analyzed, differences between the concepts of “Indian English”, “Hinglish” and “Hindi with Anglicisms” are revealed. It has been established that the differences in the interpretation of the concept of “Hinglish” are associated with a different understanding of the nature of the phenomenon itself.

Hinglish, Indian English, Hindi, bilingualism, code-switching

УДК 81'282.8

А. Н. Мирзоева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
amiami07@mail.ru*

ФОНЕТИЧЕСКАЯ, ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ ТАБАСАРАН

Статья рассматривает проблему языковой интерференции в русской речи у носителей табасаранского языка, проживающих в Республике Дагестан в селе Рубас. По результатам проведенного интервьюирования были выделены фонетические, грамматические, лексические и синтаксические особенности при переходе с табасаранского языка на русский.

Языковая интерференция, заимствования, табасаранский язык, табасаранско-русское двуязычие, языковой контакт

Табасаранский язык является одним из государственных письменных языков в Дагестане и для многих людей, проживающих в селе Рубас Дербентского района, он является родным: на нем разговаривают в семьях, но в основном только со старшим поколением – с детьми большая часть говорит на русском. В Рубасе говорят на разных диалектах табасаранского языка – *сувакском, нитрикском и этегском* и каждый из этих диалектов имеет свои особенности в области грамматики, фонетики и лексики. Наряду с русским языком и русской литературой табасаранский язык и табасаранская литература входят в число обязательных дисциплин в Рубасской общеобразовательной школе у табасараноговорящей части учеников.

Русский язык является общим языком межнационального общения и сотрудничества всех народов в Дагестане, обслуживает общественно-политическую, социально-экономическую, образовательную и культурную сферы жизни во всей республике, что формирует национально-русское двуязычие, в частности табасаранско-русского [Гасанова, с. 59 – 64]. Русский и табасаранский языки находятся в постоянном контакте, вследствие чего в речи билингвов происходят отклонения от норм каждого из языков, то есть наблюдается явление языковой интерференции.

Интерференция в табасаранской речи может быть обусловлена тем, что по генеалогической, типологической и структурной классификациям русский

и табасаранский языки значительно отличаются друг от друга: русский язык относится к восточной подгруппе славянской группы индоевропейской семьи языков, является флективным и номинативным, а табасаранский относится к лезгинской подгруппе дагестанской группы иберийско-кавказской семьи языков, язык является агглютинативным и относится к эргативному типу. Это говорит о том, что в русском и табасаранском языках имеется своя система фонетических, лексических и грамматических средств, которые следуют соблюдать и правильно использовать в процессе речи. Но в условиях табасаранско-русского двуязычия языковые особенности не всегда учитываются и зачастую нарушаются. Такое положение может объясняться тем, что в сознании говорящего происходит наложение правил русского языка на табасаранский [Загирова].

Для изучения современного состояния табасаранского языка и с целью выявления и анализа явлений интерференции и заимствований была совершена поездка в Республику Дагестан, в село Рубас Дербентского района. Там была проведена работа с 35 информантами, с которыми проводилось интервью (на табасаранском языке). Информантам было предложено ответить на 27 вопросов, развернутые ответы на которые составили материал, позволяющий получить представление о современном состоянии языка.

Взаимодействие фонетических систем русского и табасаранского языков в речи билингва сказывается на акценте. Фонетическая интерференция проявляется в противопоставлении твердых и мягких согласных. Билингв накладывает фонетическое звучание родного языка на русский [Сафаралиев]. Таким образом, можно заметить, что при использовании русских слов в табасаранском языке наблюдаются следующие фонетические процессы:

— выпадение срединных звуков и слогов слова: *интр[э]сны* вместо ин[т'ир'э]сный'; *поколе[н'э]* вместо поколе[н']ие; *те[л']визор* вместо те[л'э]визор; *педучи[л']ще* вместо педучи[л'и]ще; *[п'и]родоведение* вместо п[р]ироводение; *[г'и]графия* вместо [г'эо]графия;

— перестановка звуков: *[б'ир]гадир* вместо [бри]гадир; *на[п'ир]мер* вместо на[пр'и]мер;

— нарушения произношения мягких и твердых согласных: *обяза[тэл]но* вместо обяза[т'эл']но, *[ж'и]вотноводство* вместо ж[ы]вотноводство; *д[э]вя[т]* вместо [д'э]вя[т']; *с удово[л]ствием* вместо с удово[л']ствием; *ма[ш'и]на* вместо ма[шы]на; *потому [ш']то* вместо потому [ш]то; *о[п'и]т* вместо о[п]ыт;

— отпадение конечных элементов слова: *англис[к'и]* вместо *английски[й']*, *оч[эн]* вместо *оч[ин']*; *д[э]вя[т]* вместо *[д'э]вя[т']*; *инт[рэ]сн[ы]* вместо *ин[т'ир'э]сн[ый]*; *семнадца[т]* вместо *семнадца[т']*; *сред[н'и]* вместо *сред[н'ий']*; *экономичес[к'и]* вместо *экономически[й']*; *образова[н'и]* вместо *образовани[й'э]*; *сред[н'и]* вместо *сред[н'ий]*; *землетрясен[и]* вместо *землетрясен[ий'э]*;

— замена согласных [в] на [w]: *чело[wэ]ка* вместо *чело[в'э]ка*;

— пауза в заимствованных словах между звуком [й] и последующей гласной: *рай-он* вместо *район*

При несоблюдении правил русского языка во время перехода с одного языка на другой (с табасаранского на русский) наблюдаются следующие виды интерференции, касающиеся области грамматики:

— опущение предлогов: *автомастерской ажаиъ* вместо **в** *автомастерской ажаиъ* (в *автомастерской* есть); *шестьдесят первый год* вместо **в** *шестьдесят первом году*; *этом городе* вместо **в** *этом городе*; *сорок лет старшийди* вместо **на** *сорок лет*; *Мамедкале* вместо **в** *Мамедкале*; *основной* вместо **в** *основном*.

— использование одновременно предлога и аффикса, эквивалентные друг другу: **в** *Санкт-Петербургжи* вместо **в** *Санкт-Петербурге/ Санкт-Петербуржи*; *маьематикана и физкультура* вместо *математика и физкультура/ математикана физкультура*.

— неправильное употребление возвратных глаголов: *наел* вместо *наелся*; *этом городе я родила* вместо *в этом городе я родилась*.

— неправильное использование категории рода: *я начал* вместо *я начала*; *второй уже отелится* вместо *вторая уже отелится*; *один букв* вместо *одна буква*.

Словообразование в агглютинативном табасаранском языке происходит путем добавления к корню определенных аффиксов, следовательно, ко многим русским словам в табасаранской речи добавляются нужные падежные окончания. Это показывает, что *используемые русские слова изменяются по падежам согласно морфологическим законам табасаранского*: *школаиъ*; *этажнан*; *университетжи*; *хозяйствоиз*; *вопросжиз*; *поколенийиз*; *американецдихьтира*. Таким же способом, присоединением аффиксов, образуется множественное число у существительных: *порядок – порядкир*; *аренда – арендир*; *мультитики – мультитар*; *телефоны – телефонар*.

Стоит отметить, что *несклоняемые русские слова* склоняются при их использовании в табасаранской речи – для этого добавляется определенный аффикс, указывающий на падеж: кино**ийиз**.

В отличие от русского языка, в котором категория рода является основным выражением предметности, в табасаранском имена существительные делятся на два грамматических класса: класс человека и класс предметов, куда можно отнести вещи, животных и абстрактные понятия. Использование русских слов в табасаранской речи приводит к утрате в табасаранском языке категорию грамматического рода – *прилагательные в табасаранском языке употребляются в форме мужского рода в единственном числе, именительном падеже, независимо от числа и падежа существительных*, от которых зависит прилагательное: литературный эсерар (мн.ч.); лингвистический факультет**джи**; строительный организация; дипломный работа; восьмилетний школа**ий**; спортивный фиириз (мн.ч.); квартира съёмный; нормальный, спокойный хозяйство.

В табасаранской речи часто наблюдается неправильное согласование падежей: *до четвертый классдизкъан* вместо до четвертого класса; *шестьдесят первый год* вместо в шестьдесят первом году;

Русские глаголы в табасаранской речи обычно используются в форме инфинитива, который выражает лексическое значение, и часто употребляется вместе со вспомогательным табасаранским глаголом *аплубз* – сделать. Например: **соблюдать** аплуз; **отмечать** аплуз; **проводить** аплуруза; **встречаться** аплуруза; **мешать** аплурдарчлва; **таксовать** аплураза. Вспомогательный глагол в таких предложениях выполняет морфологическую функцию.

Интерференция в области синтаксиса проявляется в нарушении порядка слов. В табасаранском языке, как и в других агглютинативных языках, сказуемое стоит в конце предложения [Ханалиевна, с. 1–3]. Но так как в русском языке сказуемое стоит после подлежащего, в русской речи носителей табасаранского языка можно заметить отклонение от норм порядка слов: *если что, я их с удовольствием буду встречать, принимать* вместо если что, я их встречу, приму; *его лицо видишь, что происходит?* вместо видишь его лицо, что происходит?

В области лексики можно выделить следующие процессы:

— использование отдельных русских слов и словосочетаний: *Гьюрикъна замужем афунза* (в Гурике вышла замуж); *ужуб новый год* – хороший новый год; *уже цивилизация ахиган; относиться шулу; такси дибису*.

— использование вводных слов, междометий, наречий: *например; конечно; ну; еще; примерно; и все; вообще; нормально.*

— название школьных предметов в основном употребляется в своей номинативной форме: *математика, арифметика, русский язык, философия, черчение, труд.*

— полный переход с табасаранского языка на русский: *инженерный конструктор, ну, пенсионер по образованию; если что, я с удовольствием их буду встретить, принимать, я очень буду рада; в Каспийске учился в колледже энергетическом; к бабушке в гости пришли; рубасская синяя общеобразовательная.*

Результаты, полученные в рамках исследования, позволяют сделать вывод о том, что языковая интерференция, которая наблюдается в табасаранском языке, обусловлена тесным языковым контактом с русским языком. При использовании русских слов в табасаранском языке наблюдаются такие фонетические процессы, как выпадение срединных звуков и слогов слова, нарушения произношения мягких и твердых согласных, перестановка звуков, отпадение конечных элементов слова, замена согласных [в] на [w], пауза в заимствованных словах между звуком [й] и последующей гласной. Грамматическая интерференция проявляется в опущении предлогов, в использовании одновременно предлога и аффикса, эквивалентных друг другу, в неправильном употреблении возвратных глаголов и в неправильном использовании категории рода. В области синтаксиса можно выделить такой процесс, как нарушение порядка слов в русской речи табасаран. Для лексической интерференции характерно использование русских вводных слов и полный или частичный переход с табасаранского на русский.

ЛИТЕРАТУРА

- Гасанова М. А. Русский язык в полиязыковом и поликультурном пространстве. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-poliyazykovom-i-polikulturnom-prostranstve-1/viewer> (Дата обращения: 16.03.2022).
- Загирова З. З. Предупреждение и преодоление синтаксической интерференции в русской речи учащихся-табасаранцев в связи с работой над именными словосочетаниями. URL:<https://www.dissercat.com/content/preduprezhdenie-i-preodolenie-sintaksicheskoi-interferentsii-v-russkoi-rechi-uchashchikhsya-> (Дата обращения: 19.03.2022).
- Сафаралиев Н. Э. Русские заимствования в табасаранском языке. URL:<https://cheloveknauka.com/russkie-zaimstvovaniya-v-tabasaranskom-yazyke> (Дата обращения: 18.03.2022).
- Ханалиевна С. Языковая экология или языковые контакты в Дагестане: влияние русского языка на табасаранский. URL:https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/2011_caucasian_languages/pdf/Shikhalieva.pdf (Дата обращения: 18.03.2022).

Mirzoeva A. N.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

PHONETIC, LEXICAL AND GRAMMATICAL INTERFERENCE IN RUSSIAN SPEECH OF TABASARANS

The present article deals with the problem the problem of language interference in Russian speech among native speakers of the Tabasaran language living in the Republic of Dagestan in the village of Rubas. According to the results of the interview phonetic, grammatical, lexical, and syntactic features were identified during the transition from Tabasaran to Russian.

Language interference, loanwords, tabasaran language, tabasaran-russian bilingualism, language contact

УДК 81.221.7

О. А. Преображенская

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

mminsh@yandex.ru

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ «ОСЯЗАНИЕ»

Рассматриваются особенности одного из каналов восприятия – осязания, его позиции в иерархии невербальной коммуникации, а также языковая интерпретация.

Невербальная коммуникация, осязание, антропоморфная метафора, универсальное и национально-специфическое в перцепции

Современная научная антропоцентрическая парадигма уделяет большое внимание невербальной коммуникации, значение которой исключительно и при определенных условиях превосходит по информативности вербальный компонент.

Хрестоматийным является представление о пяти каналах восприятия и об их иерархии. Ведущие – зрение и слух – непосредственно связаны с вербальной передачей информации. Затем следуют осязание, вкус и запах; последние в значительной мере утрачены человеком и в основном представляют собой знаковые системы коммуникации фауны.

Прикосновение в этой иерархии занимает особое место. В мире животных значение осязания несомненно. Первичная нервная система древнейших организмов была органом, анализирующим прикосновения... это реакция на физические условия, а не на сам объект [Мечковская, 2002, с.111]. Большинство млекопитающих демонстрирует тактильную коммуникацию матери и детеныша, причем в течение длительного времени взросления последнего. Так, обезьяны-ревуны носят на себе и буквально не выпускают из рук малыша в течение всего первого года жизни. Если детеныш упал с дерева, мать спешит поднять его, а ночью укрывает своим телом от холода и дождя [Каррингтон, 1974, с.151]. Поведение высших приматов удивительно напоминает человеческое, используя идентичные знаки: прикосновения, ласки, объятия, поцелуи [Каррингтон, 1974, с.146]. Так, в брачный период самец и самка фолклендских морских котиков подолгу лежат на берегу голова к голове и, изгибая шеи, нежно гладят ими друг друга, иногда сближая рты в поцелуе. Вожаки стаи обезьян способны успокоить склонных к панике и истерике сородичей, гладя их по рукам.

Доказано, что уже в материнской утробе человеческий эмбрион способен осязать окружающий мир [Линден, 2019, с.45]. Более того, в первые месяцы своей жизни ребенок в значительной степени «ориентируется» именно с помощью тактильности, вкуса и запаха. Последние исследования по педагогике раннего возраста убедительно доказывают, что прежние представления о том, что младенец нуждается лишь в полноценном питании, утверждают острую потребность ребенка в тактильности. При дефиците последней (например, при пребывании в детском учреждении) [Линден, 2019, с.32] у младенца развиваются тяжелые дефекты развития. Молодым родителям рекомендуется немедленно отзываться на плач ребенка, взяв его на руки, делать младенцу массаж, спать с ним, что было совсем недавно категорически запрещено. Современные представления о необходимости осязательного контакта ребенка с близкими учитываются даже дизайнерами одежды для родителей. Созданы специальные рюкзаки и напоминающие их пеленальные приспособления, заимствованные у кочевых народов, и др.

Многочисленные отдельные лексемы и словосочетания образуют тематическую группу тактильности во всех естественных языках. Их обилие (очевидное даже без скрупулезного подсчета), высокая частотность употребления в речи, часто стертая мотивировка свидетельствуют об универсальности и биологически обусловленном характере осязания.

Тематическая группа глаголов осязания может быть представлена следующим образом: *тронуть, задеть, касаться, обнять, прижать, взяться за руки, щекотать, щипать, целовать, гладить, раздражать, массировать* и т.д.

В семантике языковых единиц данной тематики выделяются следующие компоненты.

1. Температура (*ледяной, холодный, теплый, прохладный, теплый, горячий, пылкий, жаркий, жгучий, раскаленный, обжигающий*). В этой группе очевидна градация (ранжирование) по интенсивности признака, в то время как в других тематических группах он чаще всего синкретичен. Ниже приводится пример семантической интерпретации идентичной лексики в русском и французском языках (метафорический аспект).

Холодный – себялюбивый, отличающийся бесстрашием, «нравственная стужа», безучастие к ближнему, черствый человек, нечуткий, ничего не принимающий близко к сердцу.

Во французском языке – *безразличный «indifférent», враждебный «hostil», бесчувственный «insensible», сухарь «sec», зануда «ennuyeux», «monotone», человек с тяжелым характером «dur», строгий, суровый «sévère», невозмутимый «imperturbable».*

Характерна универсальность отрицательных коннотаций в обоих языках, а также более широкая семантика лексики во французском языке.

2. Фактура поверхности (*жесткий, мягкий, твердый, скользкий, липкий, жирный, гладкий, ровный, зернистый, шероховатый, шершавый, колючий, острый, шелковистый, пушистый, бугристый и т.д.*).

Практически полная конвергентность семантических признаков обнаруживается в двух языках у лексики *скользкий*, включая метафоры («*иди по скользкому пути*», «*скользящая личность*» и др.).

3. Характер прикосновения (*деликатно, грубо, нежно, ласково, профессионально и т.д.*).

Тактильные знаки в поведении и этикете часто носят комбинированный характер, включая в себя жест (воспринимаемый зрительным каналом) и касание. К подобным знакам относятся рукопожатия, «живая цепь» взявшихся за руки людей как символ солидарности и т.д.

В религиозной практике широко распространены поцелуи (христосование, целование руки у священника, а также сакральных предметов – икон, амулетов, крестов).

К тактильному поведению относится также обычай прикосновения к некоторым объектам из суеверных соображений («это принесет удачу»).

В отличие от ощущений, получаемых по другим каналам в рамках иных перцептивных баз, осязание по природе своей эмоционально. Чисто осязательных «впечатлений» не существует, потому что когда мы воспринимаем прикосновение, оно уже смешано с другими ощущениями, ожиданиями и изрядным количеством эмоций [Линден, 2019, с.17]. Данное положение подтверждают практически все соответствующие метафоры, поскольку их коннотативная составляющая очевидна и по-видимому, универсальна, поскольку именно этот канал перцепции относится к «детству человечества». Однако однозначной номинативной плотности в русском и французском языках не наблюдается, что представляет особый интерес для интерпретации языковых картин мира.

Очевидна и дивергентная тенденция количественного характера, требующая глубокой этнопсихолингвистической трактовки. Так, ряд лексем с семантикой *острое* заимствуется в русский язык из французского как в прямом значении, так и в метафорическом: *пикироваться (язвить)*, *пик*, *пика*, *пике (ткань)*, *пикет*, а также термины *пикетаж*, *пикирование (авиация, растениеводство)*.

Кроме высокочастотных узуальных антропоморфных осязательных метафор следует упомянуть также авторские находки: «*шершавый язык плаката*» (В. В. Маяковский), «*горячий снег*» (название романа о войне Ю. Бондарева).

Отдельной значимой темой, касающейся осязания, являются национально-специфические особенности тактильного поведения. Самый распространенный подход к проблеме его классификации в рамках теории межкультурной коммуникации – деление на культуры контактные и дистантные [Грушевицкая, Садохин, 2002, с.186]. Контактные культуры (латиноамериканские, восточные, южно-европейские) активно используют прикосновения, в то время как североамериканцы, азиаты и жители Северной Европы принадлежат к низкоконтактным культурам, причем азиаты используют большую дистанцию, нежели североамериканцы и североевропейцы. Немцы, англичане и другие англосаксонские народы считаются людьми, которые редко пользуются прикосновениями при общении. Автору статьи предоставилась возможность подтвердить вышеизложенное, сравнивая тактильное поведение жителей Финляндии, Англии и Германии с итальянцами, французами и португальцами. При этом необходимо учитывать половую, социальную и личностную характеристики коммуникантов.

Исключительность данного канала восприятия заключается в невозможности его компенсации. При этом тактильность является основным инструментом замещения естественного языка социально важным и широко реализованным в человеческой коммуникации феноменом – компенсирующими языками для слабовидящих и слепоглухонемых. Для первых используется пальцевая азбука Брайля, последние используют тактильность как основное и единственное средство коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов.- М.: ЮНИТИ-Дана, 2002.
- Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус.яз., 1981–1982.
- Каррингтон Р. Млекопитающие. Пер.с англ. – М.: Мир, 1974.
- Линден Д. Осязание. Чувство, которое делает нас людьми. Пер. с англ. – М.: Синдбад, 2019.
- Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык Природа. Культура: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
- Русская фразеология. Историко-этимологический словарь – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
- Le nouveau PETIT ROBERT. Dictionnaire alphanumérique et analogique de la langue française. Paris, 1993.

Preobrazhenskaya, O. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

LINGUOSEMIOTIC INTERPRETATION OF LANGUAGE SIGNS WITH THE SEMANTIC COMPONENT "TOUCH"

The features of one of the channels of perception – touch, its position in the hierarchy of nonverbal communication, as well as language interpretation are considered.

Nonverbal communication, touch, anthropomorphic metaphor, universal and national-specific in perception

УДК 83. 41

Н. Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID: 0000-0001-8725-9717

alpha-12@yandex; n.sherbak@spbu.ru

ТЕОРИЯ ЗНАКА И КОНЦЕПТ «НЕЧИТАБЕЛЬНОСТИ» (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

*В исследовании рассмотрен вопрос, связанный с теорией знака. Изучается взгляд на языковой знак в теории референции, и в рамках ее последующих, кардинально новых интерпретаций. Рассмотрен постмодернистский подход к теории знака, концепт *differance* Ж. Дерриды. Материалом исследования послужили англоязычные художественные тексты. Результатом исследования становятся выводы в отношении того, что в более поздних и зрелых произведениях такие маститые авторы как Шекспир, Г. Мелвилл, Д. Джойс, Т. С. Элиот, Толкин используют художественный язык кардинально по-новому, проводя откровенный эксперимент со словом, сознательно вскрывая языковой и творческий потенциал языкового знака. На интерпретацию слова влияют фоно-семантические характеристики слова, его свойства символичности и иероглифичности, возможность быть прочитанным по принципу «палиндрома».*

Теория знака, палиндром, нечитабельность, постструктурализм, мета-модернизм

В исследовании рассматриваются некоторые положения теории знака, его возможные трактовки. Под теорией знака понимается теория референции, которая претерпела значительные изменения в своем развитии с течением времени (лингвистическая интерпретация). В постмодернистской традиции (литературоведческая интерпретация) [Hassan, 1987] слово более не реферирует к объекту окружающей действительности, а может принимать самые разнообразные значения в контексте, иногда взаимоисключающие, не связанные с дефинициями, данными в словарях. Вслед за теорией постмодерниста Жака Дерриды в отношении деконструкции текста и понятия *differance*, а также следуя философии Жюль Делеза [Deleuze, 1994], представляется возможным говорить не только о многозначности слова в любом контексте, но и о том, что значения актуализируются одновременно. Более того, слово можно разложить на его фонетические составляющие и их возможные парадигматические варианты (по принципу палиндрома) [Рягузова, 2002]. Таким образом, способность языкового знака (слова)

к «повторяемости» и многозначности, а не традиционная функция репрезентации, очевидна и имеет значимый потенциал. Материалом данного исследования послужили произведения известных англоязычных авторов (Шекспира, Мелвилла, Толкина, Джойса, Т. С. Элиота). Результатом исследования стало положение о том, что для таких писателей особо характерна иная, не конвенциональная, а принципиально новая трактовка языкового знака, особенно в текстах более поздних произведений этих авторов.

Релевантным для нашего исследования было положение о соотношении «слов» и «вещей». Данные понятия известный антрополог Мишель Фуко [Foucault, 1998] рассматривает в зависимости от различных эпох, выделяя три. Появляются, таким образом, эпистема эпохи Ренессанса, эпистема классического времени, современная эпистема. Современная эпоха (с начала XIX века) определяется определенным «отрывом» языка от «мира вещей», это и есть определение эпистемы в новейшее время. В данном случае учитывается скорее не языковая структура, а возможность (или невозможность) знака соотноситься с действительностью. Языковая структура сохраняется как неизменный каркас, но знак способен реализовывать бесконечное количество значений. Фокусом исследования становится рассмотрение процесса взаимодействия институтов, дискурсивных практик и текста, в процессе его порождения и интерпретации.

Интересен и потенциально значим для трактовки теории знака факт взгляда на знак и его иконические свойства. Традиционно неделимые «план выражения» и «план содержания» могут быть расщеплены. Факт иконичности и фоносемантической природы языкового знака позволяют говорить о том, что знак обладает возможностью передавать нечто «изначальное», в некоторой степени «духовную сущность». Знак может являть собой если не Логос, то «универсальный код». Данный взгляд на природу иероглифа озвучивается не только философами и классиками литературоведения, но и современными представителями мета-модернистской традиции [Vermeulen, van den Akker, 2010], которые объясняют принцип «компрессии», в литературе и современной музыке (compression principle of organization) тем, что «сжатый звук» позволяет, подобно иероглифу, передать нечто «значительно больше, чем заметно на первый взгляд».

Иероглифичность языкового знака соотносится с его символичностью. По теории Чарльза Пирса иероглифичность – одна из разновидностей языкового знака. О теории символа и его философии глубинно писали русские поэты-символисты. Они писали о слове, как говорил поэт Вячеслав Иванов,

как о «темном в его последней глубине»: «Символы — переживания забытого и утерянного достояния народной души. Но они органически срослись с нею в ее росте и своих перерождениях: психологически необходимые, они метафизически истинны. И если мы поддаемся их внушению, если наша душа еще дрожит созвучно их эоловой арфе, — они живы и живут. Что познание — воспоминание, как учит Платон, оправдывается на поэте, поскольку он, будучи органом народного самосознания, есть вместе с тем и тем самым — орган народного воспоминания. Чрез него народ вспоминает свою древнюю душу и восстанавливает спящие в ней веками возможности. Как истинный стих предуставлен стихией языка, так истинный поэтический образ предопределен психеей народа» [Иванов, 1987: 713].

В данном случае важным для нашего исследования есть положение о том, что слово (например, такое многозначное слово как «кольцо»), может быть рассмотрено как глубинно значимое поэтическое слово, учитывая его фоносемантическую и возможность быть прочитанным по принципу «палиндрома» [Рягузова, 2002]. Такое положение вещей будет характерно как для более поздних эпох (например, для традиции мета-модернизма и постмодернизма), так и для более позднего периода творчества многих писателей.

Общая тенденция приближения литературы XX века к поэзии в отношении употребления слова, и приближение поэзии к музыке (отмеченная многими исследователями), ведет за собой еще одну интересную способность. А именно, текст перестает быть статичным, может «звучать», «оживляться», быть нечитабельным, или, напротив, становится экспериментом изобретения автором собственного языка [Лаврова, Щербак, 2021].

Иконичность языкового знака связана и с изучением музыкального языка. Если традиционная музыка соответствует символической природе слова [Лаврова, Щербак, 2021], то «новая музыка», то есть более современная, нарушающая традиции (и включающая не только звуки, но и шумы), соотносится с иконичной природой языкового знака. Сравнение музыкального языка и мелодики речи становится важным моментом изучения языкового знака. Музыкальный язык максимально абстрактен и его значения реализуется только в контексте всего произведения, в то время как литературный язык обладает свойствами актуализировать отдельные слова в контексте. Существует множество классических и менее классических литературных произведений, в которых авторы экспериментируют с языком, намеренно искажая его, прислушиваясь к его ритму. Данная тенденция наблюдается в примерах, когда художественное произведение максимально приближено

к поэтическому, и, по нашему исследованию, характерно для более поздних произведений авторов. Словесные эксперименты характерны для авторов, когда они становятся знаковыми, и являют собой манифестацию наибольшего развития художественного дара.

Итак, существует несколько примеров подобного обращения авторов к слову и словесному знаку, когда автор сознательно становится демиургом-создателем, использует иконические свойства слова, его интонационный потенциал. Ярким примером является поздний роман Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану», для которого характерен «вызов слову», совмещение огромного количества не только языков (поли-язычие), но сращение «корней слов», намеренное искажение законов употребления английского языка. Не менее ярким примером становится поздний роман Германа Мелвилла «Маскарад или Искунитель», в котором появляется, по словам Елизаветы Ренкер, феномен «нечитабельности». Как было написано в какой-то момент в лондонской *Литературной Газете*, «роман (описывающий путешествие героев по реке Миссисипи) «повествует о глубоких философской проблематике посредством того, что его герои говорят чепуху» [Foster, 1954: 2–9]. Один из менее известных романов Мелвилла становится ярким примером постмодернистского подхода к языку, в котором автор искажает язык, играет им, уделяя пристальное внимание отдельным фрагментам слов и их трансформациям. Подобная «экология слушания» (автора и читателя) позволяют взглянуть на проблематику языкового знака с иной стороны, обратить внимание на лексических и фонетический словесный потенциал, который, по мнению великого богослова Павла Флоренского, соответствует не столько эстетическим критериям, сколько духовным (речь идет о рассуждениях Павла Флоренского в отношении того, что мы общаемся не посредством слов, а внутреннего, духовного обмена) [Хагемайстер, Каухчишвили, 1995].

Исследования произведений более ранних эпох, например, произведений Шекспира, демонстрируют ту же особенность трактовки автором слова. Для «Бури» Шекспира, написанной позже других произведений, весьма характерно постмодернистское звучание, то есть изоморфная структура произведения, пространственно-временные искажения, разноплановые и многоголосный нарратив, с огромным количеством нарративных проекций. Такая словесная фактура является средством выражения всего произведения, демонстрирует его сложность и многозначность.

В поэтических произведениях авторов более поздних эпох, например, Т. Элиота наблюдается та же тенденция. «Четыре квартета» Элиота становятся

образцом не только поэтического, но и музыкального произведения, в котором семантические значения не столь важные как собственно огласовка, рифма, план выражения. Теория Элиота в отношении метафизики поэзии ставила своей задачей показать, что поэзия должна донести многое не благодаря опыту поэта, а благодаря языковым особенностям, чуткости поэта к языку. В данном случае, поэт использует знак и его трансцендентные свойства [Флоренский, 1995].

Произведения Толкина становятся еще одним интереснейшим материалом для исследования теории знака. Автор изобретает свой собственный язык. В романе «Властелин колец» важным становятся метамодернистские тенденции, то есть языковые эксперименты авангардного толка (сжатие, мерцание, осцилляция), такие как реферирование к главному герою посредством буквы (G), или изобретение автором нового алфавита, буквы которого являют собой главных героев (эльфов, гоблинов, и так далее). Интересным становится также психоаналитическая трактовка романа Толкина «Возвращения короля», которая восходит к интерпретации рассказа «Украденное письмо» Эдгара По пост-структуралистами Лаканом и Жилем Делезом. Знак в данном случае становится сосудом хранения бессознательного, чутким аппаратом, который фиксирует как личные характеристики и биографические особенности, так и коллективные.

Таким образом, современный взгляд на теорию знака, или языковой знак демонстрирует, что знак обладает различными свойствами, но не реферировать к объектам действительности, а способен к «повторению», обладает трансцендентными свойствами, способен передавать дополнительные смыслы. Знак может быть фактически «нечитабельным», в традиционном смысле слова, но обладать значением, что используется в литературе авторами сознательно, для того чтобы художественный язык произведения мог раскрыть свой потенциал. Создаваемый мир художественного произведения может сочетаться с различного рода языковыми экспериментами, которые намеренно искажают языковую норму.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов В. Поэт и чернь. Собрание сочинение в 4-х томах. Том 1. Брюссель, 1987.
- Лаврова С., Щербак Н. Музыка языка и мелодика речи. (на примере творчества В. Набокова и музыки конца XX века). Журнал НЛО, № 4, 2021.
- Рягузова Л. Н. Принцип палиндрома или внутренняя обратимость в текстах В. В. Набокова // Логический анализ языка. Семантика начала и конца // Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Изд-во «ИНДРИК», 2002. С. 480–481.

- П. А. Флоренский и культура его времени. Под ред. М. Хагемайстера и Н. Каухчишвили. Blaue Horner Verlag, Marburg, 1995, 526 с.
- Щербак Н. Иерархия смыслов и трансцендентность знака: гипотезы и реалии (о знаке и его свойствах в работах Павла Флоренского). Топос, 8 (12), М., 2018.
- Deleuze G. Razlichkiye u povtoreniye. St. Petersburg: Petropolis, 1998. 384 p.
- Foucault M. The order of things. An archaeology of the human sciences. London: Vintage, 1994
- Foster E. Introduction. The Confidence Man. New York: Hendricks House, 1954, pp. xxi-xxii.
- Hassan I. "Toward a Concept of Postmodernism", The postmodern turn: essays in postmodern theory and culture, Ohio State Univ. Press, Columbus, USA, 1987.
- The Purloined Letter. Lacan, Derrida, and Psychoanalytic Reading. Ed. by John Muller and William Richardson. London: The John Hopkins University Press, 1988.
- Vermeulen T and van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics and Culture, vol. 2, November 2010. pp.1 – 14.

Scherbak, N. F.

Saint Petersburg State University

THEORY OF SIGN AND THE CONCEPT OF UNREADABILITY (EXAMPLE OF ANGLOPHONE LITERARY TEXTS)

The study examines the issue related to the theory of the linguistic sign, the view of it in the theory of reference, and in its subsequent interpretations. The postmodern view on the theory of the sign, the concept of difference J. Derrida. The research material was literary texts. The result of the research is the position that in their later and mature works such authors as William Shakespeare, G. Melville, J. Joyce, T. S. Eliot use language in a completely different way, revealing its creative potential, the ability not only to polysemy, but also to additional meanings that convey the phonosemantic characteristics of the word, its hieroglyphicity, as well as the possibility of being read by the palindrome principle.

Theory of sign, palindrome, unreadability, post-structuralism, post-modernism

This study has benefited from the support of the Centre for German and European Studies (St. Petersburg University – Bielefeld University) supported by the DAAD with funds from the German Foreign Office.

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'255.2

А. Д. Бубнова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

annabubnova29@yandex.ru

СЛЕНГ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА В ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА С. Э. ХИНТОН «ИЗГОИ»)

В настоящее время подростковая литература является популярным жанром литературы. В статье рассматривается сленг как элемент художественного текста подросткового романа американской писательницы С. Э. Хинтон «Изгой» («The outsiders»). Проводится анализ способов и особенностей перевода сленга с английского языка на русский язык.

Сленг, перевод, способы перевода, подростковая литература, подростковый роман

В настоящее время наблюдается пик популярности такого относительно молодого вида художественной литературы, как подростковая литература. С середины двадцатого века подростковая литература имеет большое распространение в США, и её перевод на русский язык сопряжён с рядом трудностей. В текстах подростковой литературы часто встречается сленг, являющийся элементом сниженной лексики английского языка. В российской литературной традиции перевод этого слоя лексики изучен не так подробно, и именно поэтому представляет интерес для изучения.

Термин «сленг» используется для обозначения большого количества понятий, из-за чего существует сложность в разграничении того, что является сленгом, а что нет [Fries, 1952, с. 214]. Существует множество довольно противоречивых определений отечественных и западных лексикографов, однако представляется возможным привести наиболее характерные свойства англоязычного сленга. Сленг возникает и используется в устной речи; противопоставлен лексике литературной формы языка и находится за пределами Standard English, однако может со временем перейти в разряд литературной разговорной лексики; в отличие от нейтральных общеупотребительных слов имеет яркую эмоциональную окрашенность и в основном выражает фамильярность и/или иронию, по этой причине сленг употребляется для придания определённой стилистической окраски тексту

(подробнее см. [Partridge, 1970, с. 135], [Spears, 1982, с. 10], [Ахманова, 1966, с. 419], [Гальперин, 1956], [Хомяков, 1980, с. 43]). В свою очередь, молодёжный сленг – это совокупность слов и выражений, свойственных для речи молодых людей и часто употребляемых ими, при этом не воспринимаемых «взрослыми» как нечто общеупотребимое и правильное [Левикова, 2004, с. 167]. Молодёжный сленг выделяется среди других видов специального сленга, поскольку в нём гораздо чаще появляются новые лексические единицы, которые так же быстро могут выйти из употребления.

Сниженная лексика в целом и сленг в частности являются продуктами разговорной речи, однако их проникновение в тексты художественной литературы закономерно. В художественном произведении язык используется не так, как в обыденной разговорной речи, он создает целостный, живущий по своим законам мир, называемый художественным произведением [Бобылёв, 1985, с. 82]. Выделяются следующие функции стилистически сниженной лексики в художественном произведении: эмоционально-экспрессивная, функция оценки, функция речевой характеристики, социально-идентифицирующая функция, функция временной атрибуции, стилеобразующая функция, функция контекстуального ядра [Коровушкин, 1985, с. 62]. Проявление и значение этих функций различно для каждого конкретного текста. Сленг, как элемент лексики сниженного стилистического регистра, выполняет те же функции в художественном тексте.

Жанр подростковой, или молодёжной, литературы (англ. *young adult literature*) традиционно считается поджанром детской литературы, но в настоящее время все больше воспринимается как отдельное, самостоятельное направление не только с точки зрения издательского дела, но и благодаря характерным литературным особенностям. Подростковые романы, в свою очередь, требуют читательского опыта и способности читателей воспринимать более сложные композиционные структуры, например, форму дневника и письма или повествовательную синхронную технику, куда в том числе может быть включено повествование от лиц разных героев [Wangerin, 2001, с. 607].

Роман С. Э. Хинтон «Изгой» («The outsiders») выбран для исследования на основе двух критериев: популярность и признание, а также соответствие типологическим характеристикам жанра подростковой литературы. С. Э. Хинтон начала работу над романом в 1965 году, когда ей было 16 лет, что нашло отражение в манере повествования и широком использовании разговорной речи и сленга героями произведения. Опубликованный в 1967 году роман вызвал бурное обсуждение общественности, со временем

стал культовым в американской литературе – продано более 20 миллионов копий. Во многих штатах США он включен в школьную программу, в 1983 году был экранизирован Фрэнсисом Фордом Копполой, а в 2019 году корпорацией «Би-би-си Ньюз» включён в список 100 самых влиятельных романов. Произведение соответствует характерным чертам подростковой литературы, выделенным К. Блэр: главный герой того же возраста, что и читатель; повествование ведется от первого лица; присутствует тема взросления и другие темы, интересующие молодежь (классовое неравенство, дружба, вредные привычки, проблемы самоопределения, одиночество), по мере развития сюжета герои взрослеют и приходят к важным выводам, которые при прочтении разделяет читатель-подросток; герой-рассказчик отдалён от общества, чувствует себя чужим из-за экономического положения, социального статуса (в романе рассказывается о банде подростков, испытывающих притеснение из-за классового неравенства), не видит опоры и поддержки со стороны взрослых (главный герой Понибой Кёртис и его брат потеряли родителей), вследствие чего ровесники становятся для рассказчика важнее и ближе; герой-рассказчик вступает в конфликт с обществом; с развитием сюжета герой анализирует свои поступки и взрослеет («речь идет о психологическом и интеллектуальном становлении протагониста, однако финал в основном трагический») [Ganzel, 2004, с. 134]; рассказчик использует разговорную, нелитературную речь [Блэр, 2014].

При переводе сленга с одного языка на другой применяются те же способы перевода, что и для перевода литературной лексики. К приёмам буквального (прямого, дословного) перевода, по мнению Л. С. Бардухарова, следует обращаться лишь в редких случаях и исключительно тогда, когда значение слова понятно читателям без дополнительных комментариев [Бархударов, 1975, с. 210]. Гораздо чаще переводчики прибегают к непрямым способам перевода, или переводческим трансформациям, среди которых: конкретизация, генерализация, замена следствия причиной и наоборот, опущение, добавление, компенсация, антонимический перевод, описательный перевод. Часто применяется транскрибирование и транслитерация.

При переводе англоязычного сленга на русский язык переводчикам также приходится прибегать к так называемому эвфемистическому переводу, то есть замене лексики исходного языка, имеющей грубую окраску, на слова более нейтральные по стилю или с менее выраженной экспрессией в языке перевода. Это связано с тем, что в американской культуре сленг считается обычным явлением и имеет большое распространение и популярность в обществе, в отличие от русской культуры. Перевод сленга с сохранением должной

экспрессивности и грубости на русский язык не всегда представляется переводчикам правильной стратегией, поскольку в русской культуре исторически сложилось негативное отношение к использованию грубых слов. К. И. Чуковский отмечает, что русские переводчики не склонны использовать разговорную лексику в текстах переводов из-за «боязни аляповатой вульгарщины» [Чуковский, 1988, с. 136]. Наряду с эвфемистическим переводом существует также обратный ему дисфемистический перевод, заключающийся в замене слов исходного языка, имеющих нейтральную окраску, на слова с более выраженной, грубой экспрессией в языке перевода [Ковалёва, Лапынина, 2013, с. 115].

Таким образом, при переводе сленга в художественном произведении необходимо учитывать ситуативный фактор, возрастные, социальные и индивидуальные особенности героев. Главная задача перевода сленга заключается в том, чтобы найти семантически и стилистически равноценные единицы в языке перевода, понятные аудитории, на которую рассчитан текст в целом.

Американские подростковые романы оставались без внимания в СССР в XX веке (исключение может составить роман «Над пропастью во ржи» («The catcher in the rye») Дж. Д. Сэлинджера, опубликованный в 1951 году и переведённый Р. Райт-Ковалёвой в 1955 году). Культовый роман С. Э. Хинтон «Изгой» («The outsiders») был переведён на русский язык лишь в 2016 году, что показывает возрастание популярности такой литературы на российском рынке.

В данной статье проведён анализ перевода романа «Изгой» А. Завозовой романа, выполненного в 2016 году. В романе методом сплошной выборки было выявлено 63 сленговые единицы и 83 случая их употребления (некоторые сленгизмы были переданы разными способами в русском переводе). Принадлежность слов и выражений к сленгу проверялась по крупному онлайн-словарю англоязычного сленга Urban Dictionary.

На основе семантических и функциональных характеристик выделяются следующие группы сленгизмов:

Слова-паразиты – 1 единица: *man* «чувак» (эквивалентная замена), «блин» (эквивалентная замена);

Эмоциональные выражения – 1 единица: *damnit* «чёрт» (эквивалентная замена);

Идиоматичный сленг – 6 единиц: *big deal* «тоже мне» (компенсация); *chips are down* «плохая карта идёт» (эквивалентная замена); *like it or lump it* «тут ничего не попишешь» (эквивалентная замена); *no sweat* «всё просто»

(эвфемистический перевод); *to know the score* «понимать, что к чему», «понимать, как обстоят дела», «всё понимать» (эквивалентная замена); *rat race* «мышинная возня» (компенсация);

Оценочная характеристика – 4 единицы:

Позитивная – 3 единицы: *tuff* «кайфовый» (эквивалентная замена); *hard-as-nails* «непрошибаемый» (антонимический перевод); *tough as nails* «матёрый» (эквивалентная замена);

Негативная – 1 единица: *rank* «фуфло» (дисфемистический перевод);

Оскорбительная номинация – 3 единицы: *lousy* «отброс» (эквивалентная замена); *dame* «дама» (эквивалентная замена); *bawl-baby* «нюня» (эквивалентная замена);

Обозначение людей – 3 единицы: *doll* «модель» (компенсация); *wisecracker* «остряк» (эквивалентная замена); *broad* «дрянь» (дисфемистический перевод), «деваха» (компенсация), «штучка» (компенсация), «девка» (эквивалентная замена), «девчонка» (эквивалентная замена);

Школа – 1 единица: *reformatory* «исправилка» (исправительная колония – дисфемистический перевод);

Действия – 10 единиц: *to savvy* «понимать» (эвфемистический перевод); *to play chicken* «брать на слабо» (эквивалентная замена); *to lone it* «V + один/одному» (добавление); *to holler* «орать» (эквивалентная замена); *to be hacked off* «поругаться» (эвфемистический перевод); *to gang up* «объединить усилия» (эвфемистический перевод); *to dig* «просекать» (эквивалентная замена); *to cocksure* «самонадеянно полагать» (эвфемистический перевод); *to bluff* «взять на понт» (добавление); *to cuss* «выругаться» (эквивалентная замена);

Эмоции – 1 единица: *leery* «напрягаться» (эквивалентная замена);

Алкоголь – 6 единиц: *soused* «не протрезвел» (антонимический перевод); *reeling pickled* «напились до поросычьего визга» (добавление); *half crocked* «под мухой» (генерализация); *boozed up* «накидаться» (эквивалентная замена), «напиваться» (эвфемистический перевод), «под мухой» (эквивалентная замена); *booze hound* «напивается как свинья» (добавление); *booze* «алкоголь» (эвфемистический перевод), «выпивка» (эквивалентная замена);

Курение – 3 единицы: *weed* «сигаретка» (компенсация); *to light up* «закурить» (эквивалентная замена); *cancer stick* «раковая палочка» (дословный перевод);

Принадлежность к банде – 3 единицы: *turf* «территория» (эвфемистический перевод); *outfit* «парни» (эвфемистический перевод);

«ребята» (генерализация), «банда» (эквивалентная замена); *gang* «банда» (эквивалентная замена);

Применение насилия – 3 единицы: *to whip* «разделать под орех» (добавление); *to slug* «врезать» (эквивалентная замена); *to jump* «наезжать» (генерализация);

Социальное неравенство – 2 единицы: *soc* «воб» (эквивалентная замена); *greaser* «грязер» (эквивалентная замена);

Лексика преступной среды – 10 единиц: *to roll* «обчищать карманы» (конкретизация); *rumble* «схлёт» (эквивалентная замена), «драка» (генерализация); *to mug people* «нападать на людей» (генерализация); *JD* «малолетний преступник» (описательный перевод); *hood* «хулиган» (эквивалентная замена); *heater* «пушка» (эквивалентная замена), «ствол» (эквивалентная замена); *in the cooler* «за решёткой» (эвфемистический перевод); *blade* «нож» (эквивалентная замена); *fuzz* «легалы» (эквивалентная замена), «копы» (эквивалентная замена), «фараоны» (эквивалентная замена), «полицейский» (эвфемистический перевод); *cop* «коп» (транскрипция);

Оскорбление/грубое обращение – 1 единица: *shut your trap* «рот закрыл» (эвфемистический перевод, «заткнись» (эквивалентная замена).

При переводе сленгизмов данного произведения на русский язык используются следующие приёмы: подбор эквивалентной лексической замены – 39 единиц (47%), эвфемистический перевод – 16 единиц (19,3%), компенсация – 8 единиц (9,6%), добавление – 5 единиц (6%), генерализация – 5 единиц (6%), дисфемистический перевод – 3 единицы (3,6%), описательный перевод – 2 единицы (2,4%), антонимический перевод – 2 единицы (2,4%), транскрипция – 1 единица (1,2%), конкретизация – 1 единица (1,2%), дословный перевод – 1 единица (1,2%).

В тексте романа большое количество сленгизмов (9 единиц) относится к лексике преступной среды, также выделяется ряд сленгизмов, отражающих принадлежность к банде (*turf*, *outfit*, *gang*). Это объясняется основными мотивами романа, поскольку речь в нём идёт о подростках участниках банд и о классовом неравенстве бедных и богатых. Образ жизни героев напрямую связан с использованием оружия (*heater* «револьвер», *blade* «нож»), употреблением алкоголя (4 из 6 сленгизмов этой тематической группы описывают разные степени алкогольного опьянения) и борьбой с представителями другого социального класса. Название противоборствующих банд А. Завозова передала следующим образом: *socs* (от *social upper class*) как «вобы» (от высшего общества) – банда более высокого социального класса, *greasers* как «грязеры» – название банды бедных подростков происходит

от слова *grease*, т.к. они отращивали длинные волосы и зачёсывали их с помощью жира. Такой подбор эквивалентной лексической замены представляется крайне удачным, так как полученные в результате перевода русские сленгизмы наиболее полно передают исходную семантику и отражают её формально.

Эвфемистическому переводу подвергаются сленгизмы, относящиеся к тематической группе «алкоголь» (*booze* «алкоголь», *boozed up* «напиваться»), а также оскорбительные обращения (*shut your trap* «закрой рот»). В качестве компенсации для передачи сниженного стиля исходных сленгизмов в переводе также используются суффиксы (*weed* «сигаретка», *broad* «штучка», «деваха»).

Описательный перевод применяется для передачи аббревиатуры *JD* (*juvenile delinquent*) – «малолетний преступник», поскольку данный термин не знаком представителям русской культуры. Невозможно не отметить перевод сленгизма *fuzz*, также выполненный с помощью подбора эквивалентной лексической замены – «легавые», «копы», «фараоны». Вариативность русских эквивалентов делает речь героев более разнообразной.

В результате проведённого анализа выявлено, что в современном переводе культового подросткового романа XX века «Изгой» («*The outsiders*») переводчицей А. Завозовой используется широкий спектр переводческих приёмов. Наиболее частыми являются: подбор эквивалентной лексической замены (поиск наиболее подходящей по стилистической характеристике лексемы в русском языке), компенсация, конкретизация, генерализация, добавление (использование этих способов связано с культурологическими различиями английского и русского языков), реже дословный перевод, транскрибирование и транслитерация. Выбор способа перевода сленга зачастую обусловлен контекстом, а не способом его словообразования. Использование эвфемистического перевода обусловлено традицией к повышению стиля при переводе сниженной лексики, а также необходимостью соблюдать возрастное ограничение потенциальной читательской аудитории (16+).

Молодёжный сленг отличается от других видов специального сленга, т.к. этому пласту лексики характерна подвижность лексических единиц – постоянное появление новых слов и их быстрый выход из употребления. Сленг является важнейшей характеристикой речевого портрета персонажей, показывая их социальную принадлежность. Так, в тексте романа С. Э. Хинтон «Изгой» («*The outsiders*») использование героями сленга показывает принадлежность к той или иной банде, представляющей социальный класс.

Подростковая литература обладает характерными чертами, которые отличают её от детской литературы и определяют как самостоятельный жанр художественной литературы. Подростковая литература, будучи ориентированной на молодую читательскую аудиторию, содержит в себе вопросы и темы, волнующие молодое поколение. Использование сленга авторами подростковой литературы является закономерным, поскольку сленг занимает большое место в речи молодёжи. При переводе сленга с английского языка на русский язык используются те же приёмы, что и при переводе литературной лексики. Трудность для переводчика составляют конкретные стилистические и культурологические характеристики художественного текста и поиск соответствий англоязычному сленгу в языке перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения. 1975.
- Бобылёв Д. Г. Единица, функция, уровень: к проблеме классификации единиц языка. – Минск: Высшая школа, 1985.
- Гальперин И. Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания / И.Р. Гальперин. 1956. с. 107 – 114.
- Ковалёва Л. В., Лапынина Н.Н. Особенности перевода сленговой лексики [Текст] / Л.В. Ковалева, Н. Н. Лапынина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и 68 межкультурная коммуникация». Выпуск 9. – Воронеж.: Воронежский ГАСУ, 2013.
- Коровушкин В.П. К проблеме классификации вокабуляра просторечия как компонента социально-коммуникативной системы национального английского языка // Бюллетень передового опыта. Выпуск 5. – Череповец: ЧВВИУРЭ, 1985. С. 58 – 64.
- Левикова С.И. Молодежная субкультура: учебное пособие. М.: Фаир-Пресс, 2004.
- Хинтон С.Э. Изгой. Издательство Livebook/Гаятри, 2016.
- Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода / В. А. Хомяков, 1980.
- Чуковский К.И. Высокое искусство [О художественном переводе]. М.: Советский писатель, 1988.
- Blair C. Young Adult Literature // Footpath, №8, 2014. Перевод И. Соколовой. URL: <https://gazetargub.ru/?p=1702> (дата обращения: 10.03.2022)
- Fries Ch. The structure of English New – Harcourt Brace, New York, 1952.
- Gansel C. Adoleszenz und Adoleszenzroman als Gegenstand Literaturwissenschaftlicher Forschung // Zeitschrift für Germanistik. Neue Folgen XIV – 1/2004. – Bern, Berlin, Bruxelles. 2004, S. 130 – 149.
- Hinton S.E. The outsiders. Speak, 2006.
- Partridge E. Slang today and yesterday – Routledge & K. Paul, New York, 1970.
- Spears R.A. Slang and Euphemism. N.Y.: New American Library, 1982.

Wangerin W. Romane im Unterricht // Taschenbuch des Deutschunterrichts. Grundfragen und Praxis der Sprach- und Literaturdidaktik. Baltmannsweiler: Lange, Günter, Karl Neumann & Werner Ziesenis, 2001. Band 2: Literaturdidaktik: Klassische Form, Trivallliteratur, Gebrauchstexte. S. 600 – 620.

Bubnova, A. D.

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SLANG AS AN OBJECT OF TRANSLATION IN YOUNG ADULT LITERATURE (WITH SPECIAL REFERENCE TO THE TRANSLATION OF S. E. HINTON'S NOVEL "THE OUTSIDERS")

Nowadays young adult literature is a popular genre of literature. The article considers slang as an indispensable part of the literary text of the teenage novel by American writer S. E. Hinton "The outsiders". The purpose of the research is to identify and to analyze ways and peculiarities of slang translation in young adult fiction from English to Russian.

Slang, translation, translation methods, young-adult fiction, teen novel

УДК 800.92:519.682

М. В. Кругликова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

k.maria.21@mail.ru

О. В. Рамантова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),

ORCID 0000-0002-7235-4057

ms.ramantova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДОКЛАДОВ ООН О РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В статье рассматривается специфика перевода на русский язык докладов ООН о развитии человечества. Исследуются применяемые при переводе лексические и грамматические трансформации. Делается вывод об особой роли приемов функциональной замены, конкретизации и лексического добавления для сохранения прагматической составляющей англоязычной картины мира, конструируемой в докладах ООН, необходимости корректной лингвокультурной адаптации значений, коррелирующих с понятием «развитие

человека», и возникающей смысловой дифференциации в случае грамматической трансформации.

Развитие человечества, переводческие трансформации, грамматические трансформации, прагматика, языковая картина мира

Исследование особенностей перевода докладов ООН о развитии человечества приобретает особую актуальность в связи с тем, что в современном мире многие страны стремятся к достижению благополучия. В этом смысле Программа развития ООН отражена в докладах ООН и предоставляет доступ к знаниям, опыту и ресурсам в целях содействия улучшению жизни населения и выработке решений по проблемам развития. Ежегодные доклады ООН позволяют по-новому взглянуть на развитие человечества, пути к достижению благополучия, а также на актуальные вызовы, стоящие перед человечеством. В контексте докладов Программы развития ООН *человеческое развитие* понимается как «...расширение возможностей и способностей людей для того, чтобы «быть» и делать то, что имеет для них значение» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf] и связано, в первую очередь, с социальными и экономическими аспектами жизнедеятельности человека.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить трансформации, наиболее часто используемые при переводе докладов ООН о развитии человечества с английского на русский, и проанализировать прагматический аспект выражения проблематики докладов в оригинале и переводе.

Материалом исследования послужили оригинальная и переводная русскоязычная версии доклада «Human Development Report 2020», в котором утверждается, что человечество вступает в новую геологическую эпоху – антропоцен. Авторы доклада подчеркивают, что по мере того, как все страны вступают в антропоцен, им необходимо пересмотреть пути к достижению благополучия и отказаться от чрезмерной эксплуатации планеты – устранить планетарные нагрузки.

В ходе сопоставительного анализа доклада «Human Development Report 2020» и его переводной версии «Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен» применялись метод семантического анализа и метод лингвистического описания. В работе используется классификация переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова [1990].

Основные и наиболее интересные результаты исследования включают в себя следующее. Прагматика докладов ООН о развитии человечества заключается в том, чтобы активизировать внимание массового адресата на самых актуальных проблемах человечества, и это по-разному актуализируется в английском и русском языках. В ходе лингвистического анализа были выявлены наиболее частотные переводческие трансформации, направленные на адекватную передачу и интерпретацию фактуальной информации.

Лексические трансформации:

1. Буквальный перевод: Table 15, Status of fundamental human rights treaties, shows when countries *ratified* key human rights conventions [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Таблица 15 «Статус договоров об основных правах человека» показывает, *ратифицированы* ли ключевые конвенции о правах человека в различных странах» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

2. Калькирование: The Yi villages developed animal husbandry, cultivated Chinese herbal medicines and opened an *ecotourism* enterprise to diversify their livelihoods in the face of natural and market risks [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «В деревнях народа И было развито животноводство, культивировались китайские лечебные травы и открылось предприятие по *экотуризму*, чтобы создать разнообразные источники средств к существованию перед лицом природных и рыночных рисков» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

3. Конкретизация: 1) Harnessing *finance* to incentivize transformation [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>] / «Использование *финансовых инструментов* для стимулирования трансформации» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf]. 2) But *humans* are pushing interdependent social and ecological systems into the danger zone [Human Development Report, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Но *деятельность человека* приводит к тому, что взаимозависимые социальные и экологические системы движутся в зону опасности» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf]. 3) Most affected are populations that depend on natural resources, such as coastal agricultural, pastoral and forest communities, because of adverse effects on food, *water* and infrastructure

[Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Больше всего страдают группы населения, зависящие от природных ресурсов, такие как прибрежные сельскохозяйственные, пастбищные и лесные сообщества, из-за неблагоприятного воздействия на продовольствие, водные ресурсы и инфраструктуру» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

4. Прием лексического добавления: *Empowering people for equity, innovation and stewardship of nature* [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Расширение прав и возможностей человека для стимулирования равенства, инноваций и рационального управления природными ресурсами» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

5. Функциональная замена: 1) *Whether we wish it or not, a new normal is coming. Covid-19 is just the tip of the spear* [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Хотим мы этого или нет, но наступает новая реальность. В этом смысле пандемия Covid-19 — это лишь «острие копья», лишь первый звонок» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf]. В данном случае прагматический аспект выражения кризиса в здравоохранении, навсегда изменившего привычный уклад жизни и ставшего лишь началом в череде грядущих перемен, актуализируется в русском языке посредством функционального соответствия *первый звонок*, не снижающего экспрессивность английского выражения.

Вышеприведенные примеры доказывают особую роль приемов лексического добавления, конкретизации и функциональной замены в адекватной языковой репрезентации острой необходимости принятия экономических, социальных и природоохранных мер по улучшению ситуации в мире.

Грамматические трансформации:

В первую очередь грамматические трансформации касаются перевода атрибутивных словосочетаний, наиболее типичными случаями из которых являются следующие (перевод атрибутивных словосочетаний с помощью использования родительного падежа или предлогов):

1. *water source protection* [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>] / «защита источников воды» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

2. source water conservation and restoration [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>] / «сохранение и восстановление источников воды» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

3. Climate experts warn that pollution and emissions could bounce back after the Covid-19 pandemic due to a carbon-driven recovery and the relaxation of environmental regulation [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Эксперты по климатическим вопросам предупреждают, что после пандемии Covid-19 загрязнение и выбросы могут вернуться к предыдущим показателям из-за восстановления за счет повышения выбросов углерода и ослабления экологического регулирования» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

При переводе докладов ООН о развитии человека нередко используется прием грамматической замены, не только обеспечивающий смысловое соответствие английского и русского текстов (см. пример 1), но и модифицирующий прагматику исходного высказывания, как это происходит, например, в случае неточной передачи в русском языке грамматической категории времени (см. пример 2), в результате чего в англоязычной версии доклада, в отличие от русскоязычного текста, глагольные предикаты подчеркивают причинно-следственные связи и необходимость принятия срочных мер.

1. Замена множественного числа единственным: Their *choices* shape incentives that can encourage a transitioning to a net-zero emissions economic system and reducing socioeconomic *inequalities* [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Их *выбор* формирует стимулы, которые могут поощрять переход к экономической системе с нулевыми выбросами и сокращению социально-экономического *неравенства*» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

2. 1) International Monetary Fund *has called* for measures equivalent to a global carbon price of at least \$75 per tonne by 2030 to keep global warming below 2 degrees Celsius [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Международный валютный фонд *призвал* к принятию мер, эквивалентных глобальной цене на углерод не менее 75 долларов США за тонну к 2030 году, чтобы удержать глобальное потепление ниже 2 градусов по Цельсию» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf]. 2) But humans *are pushing*

interdependent social and ecological systems into the danger zone [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Но деятельность человека *приводит* к тому, что взаимозависимые социальные и экологические системы движутся в зону опасности» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

Особое внимание стоит уделить **лингвокультурной адаптации** ряда компонентов англоязычной и русскоязычной картин мира:

1. Human *societies* have evolved to shape the ecology across that planet, with an impact that mirrors that of the climate, and are resetting evolutionary paths across the biosphere that will unfold, and have legacies, for hundreds of millions of years [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>]. / «Человеческое *общество* эволюционировало и формирует экологию на всей планете, оказывая на нее такое же влияние, как климат. Оно нарушает эволюционные пути биосферы, возникающие проблемы нарастают и будут становиться все серьезнее и иметь последствия в течение сотен миллионов лет» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

2. Confronting a new reality: *People* versus trees? [Human Development Report 2020, <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf>] / «Столкновение с реальностью: *человек* или природа?» [Доклад о человеческом развитии 2020, https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf].

Данные случаи отражают достаточно принципиальные различия между англоязычной и русскоязычной картинками мира. Так, например, в англоязычной картине мира подчеркивается многоаспектность человеческого общества, подразумевается наличие в последнем многочисленных социальных институтов и групп; в русскоязычной картине мира, наоборот, человечество и человеческое общество воспринимаются как единый организм, как это и выражено в примере (1) с помощью грамматической категории числа. Что касается примера (2), известно, что в англоязычной картине мира существует особая связь между понятиями *people* и *trees* (выраженная на лексическом и фразеологическом уровнях английского языка), в то время как применительно к русскоязычной картине мира принято говорить о связи *человека* и *природы* (что также репрезентировано в русском языке на разных языковых уровнях), что, в свою очередь, и передано в переводе на русский язык.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, особую функцию в передаче на русский язык прагматического

потенциала докладов ООН о развитии человечества выполняют приемы лексического добавления, конкретизации и функциональной замены, посредством которых внимание адресата акцентируется на наиболее острых вопросах и необходимости принятия срочных мер по стабилизации ситуации в мире. Во-вторых, в силу своей тематики англоязычные доклады о развитии человека содержат культурные компоненты, коррелирующие с понятием *развитие человека* и требующие адекватной лингвокультурной адаптации в языке перевода. В-третьих, потеря исходного лингвопрагматического потенциала неизбежна в случае грамматических замен, обусловленных изначальным несовпадением языковых систем.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. школа, 1990.
- Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж – Человеческое развитие и антропоцен. URL: https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020_ru.pdf (дата обращения: 01.03.2022).
- United Nations Development Programme. Human Development Report 2020. The Next Frontier: Human Development and the Anthropocene. [Electronic source]. URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Kruglikova, M.V.; Ramantova, O.V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

PECULIARITIES OF THE UNITED NATIONS HUMAN DEVELOPMENT REPORTS TRANSLATION

The article discusses the specifics of the United Nations Human development reports translation from English into Russian. The lexical and grammatical transformations used in the translation are studied. The conclusion is made about the special role of compensation and lexical addition methods to preserve the pragmatic component of the English language picture of the world, constructed in the UN reports, the need for correct linguocultural adaptation of meanings that correlate with the concept of "human development", and semantic differentiation that occurs in the case of grammatical transformation.

Human development, translation techniques, grammatical transformations, pragmatics, language picture of the world

УДК 811.111-26

А. А. Литвинова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-6584-0022

annlutic.x@gmail.com

Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ORCID 0000-0002-0920-753X

nathalie.tresjolie@icloud.com

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ПЕРЕВОДА ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОЙ СКАЗКИ (НА МАТЕРИАЛЕ “THE LION, THE WITCH AND THE WARDROBE”)

В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа текстов перевода английской авторской сказки К. С. Льюиса “The Lion, the Witch and the Wardrobe”, выполненных В. Воседым и Г. А. Островской. Исследованию подвергаются подходы переводчиков к локализации сказочного текста, а также переводческие трансформации, направленные на лингвокультурную адаптацию произведения. В процессе анализа выявляются основные факторы, влияющие на адаптацию исходного текста к русской лингвокультурной среде: прагматическая цель переводчика и культурная составляющая произведения (слова-реалии, культурные концепты и аллюзии). Предпринимается попытка сделать выводы относительно наиболее удачных примеров локализации исследуемого сказочного текста.

Локализация, перевод, сказка, слова-реалии, аллюзии, концепт, лингвокультура, сопоставительный анализ

Сказки на протяжении столетий являются предметом изучения многих исследователей и имеют определенные характеристики, позволяющие отличить их от произведений смежных литературных жанров. Ключевыми для понятия «сказка» являются следующие признаки, выделенные В. Я. Проппом: преобладание развлекательной функции над дидактической, своеобразие сюжета, отличающее сказку от реальной жизни, и оригинальное композиционное строение текста [Пропп, 2008, с. 20 – 26].

Сказочный текст хранит в себе опыт, ценности и устои лингвосреды, является отражением национального самосознания, а потому представляет

несомненный исследовательский интерес, с которым связано непрерывное изучение формы и содержания сказок и их культурно-исторического развития. Современные методы изучения сказок позволяют объединить перечисленные аспекты, а также исследовать сказки как в контексте процесса их порождения автором и восприятия читателем, так и в рамках рассмотрения концептов, сценариев и фреймов, находящихся в их основе [Бабенко, 2004].

Локализация сказки – это всесторонний процесс сложных вербальных преобразований, который объединяет перевод исходного текста и его лингвокультурную адаптацию на содержательном, ценностном и формально-языковом уровнях для целевой страны [Тульнова, 2013, с. 7]. В связи с тем, что когнитивные базы языка оригинала и языка перевода могут иметь множество несовпадений и различий, перевод сказочного текста буквально представляет смену одного культурного кода на другой [Анисимов, Борисова, Консон, 2019, с. 436]. Основная задача локализации состоит в сохранении содержательной структуры оригинального текста и правильной передаче прагматического эффекта, заложенного автором. Таким образом, понятия «локализация» и «перевод», коррелируя друг с другом по ряду отдельных признаков, не являются тождественными, поскольку эквивалентный перевод исходного текста средствами другого языка не всегда подразумевает его культурную адаптацию. При локализации задача переводчика состоит не только в использовании лексических и грамматических трансформаций, но и в понимании им денотативного фона, т. е. экстралингвистической ситуации, в рамках которой был написан исходный текст. Для построения наиболее эффективной коммуникации с представителями конкретной лингвосреды в рамках локализации переводчик должен опираться на запросы принимающей культуры и ее картину мира. Таким образом становится возможным достичь наиболее «естественного» перевода [Зинкевич, 2018, с. 136].

Для анализа стратегий и приемов, реализуемых в процессе локализации сказки, представляется целесообразным обратиться к результатам ранее проведенного исследования [Литвинова, Степанова, 2022], основанного на переводе Г. А. Островской [Островская, 1978] авторской английской сказки К. С. Льюиса “The Lion, the Witch and the Wardrobe” из цикла книг “Chronicles of Narnia” [C. S. Lewis, 1950]. В настоящей статье приводится дальнейшее исследование лингвокультурной адаптации сказочного текста – сравнительно-сопоставительный анализ переводов сказки К. С. Льюиса, выполненных Г. А. Островской и В. Воседым [Воседой, 2000], с выявлением отдельных паттернов применения переводческих трансформаций и последующим

осмыслением подходов переводчиков к локализации. Обращение на отдельных этапах исследования к таким методам как контекстный, семантико-когнитивный, лингвокультурный и дискурсивный анализ позволяет понять мотивы, которыми при переводе руководствовались Г. А. Островская и В. Воседой.

Несомненный исследовательский интерес представляют использованные Г. А. Островской и В. Воседым переводческие трансформации, направленные на адаптацию исходного текста в соответствии с запросами целевой читательской аудитории. Г. А. Островская переводит англоязычную сказку, ориентируясь на детскую аудиторию и поэтому «упрощает» текст оригинала и уподобляет его речи ребенка, в то время как В. Воседой стремится адаптировать произведение для более взрослого читателя посредством имплементации нелитературной бранной лексики, а также жаргонизмов.

В следующих примерах прослеживается интенция Г. А. Островской приблизить текст сказки к детскому языку при помощи плеоназмов («человеческий Человек») и намеренных грамматических ошибок в словах («Колдуньину»), а также таких эмфатических средств как префиксы и суффиксы с увеличительным значением (префикс *pre-*; суффикс *-ищ-*). [Литвинова, Степанова, 2022, с. 172]. Использование переводчицей данных приемов добавления экспрессивно-эмоциональных и стилистических сем позволяет преобразовать исходный текст таким образом, чтобы юный читатель мог в полной мере идентифицировать себя с главными героями. В. Воседой, наоборот, использует более формальный язык и употребляет лексические единицы согласно литературной норме русского языка. Такой перевод лишен детской наивности и скорее напоминает манеру речи взрослого человека (см. таблицу 1).

Таблица 1. Добавление экспрессивно-эмоциональных сем Г. А. Островской

С. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>...you are in fact Human...</i>	...вы – человек...	...вы – настоящий человеческий Человек...
<i>But at last the ransacking of the Witch's fortress was ended.</i>	Поиски завершились.	Наконец друзья перестали обшаривать Колдуньину крепость.
<i>"This must be a simply enormous wardrobe!"</i>	Должно быть, это очень-очень большой гардероб!	Ну и огромный шкафище!
<i>Lucy was miserable.</i>	Люси горевала.	Люси чувствовала себя несчастной-пренесчастной.

В своем стремлении сделать перевод более привлекательным для подростков и молодежи В. Воседой также использует стилистически сниженную лексику, вулгаризмы и разговорные единицы, которые встречаются в повседневной речи. Г. А. Островская при переводе тех же отрывков текста отдает предпочтение более нейтральной лексике, поэтому следующие примеры в ее переводе не обладают той же степенью экспрессивности, как у В. Воседого, и более естественны для ребенка (см. таблицу 2).

Таблица 2. Стилистически сниженная лексика в переводе В. Воседого

C. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>...he also did not much like being alone in this strange, cold, quiet place...</i>	...но еще меньше хотелось торчать одному в этом диковинном лесу...	...еще меньше ему хотелось быть одному в этом страшном, холодном, безмолвном лесу...
<i>...to keep away the moths...</i>	...чтобы моль не сожрала...	...чтобы моль не съела...

Не менее важным преобразованием в переводе Г. А. Островской является смягчение лексики и негативных моментов повествования, присутствующих в оригинале. Эмоционально окрашенные единицы Г. А. Островская переводит, используя нейтральную лексику и эвфемизмы, поскольку локализация сказки подразумевает ее адаптацию в соответствии с особенностями детской целевой аудитории [Литвинова, Степанова, 2022, с. 172 – 173]. В своем переводе В. Воседой, напротив, часто прибегает к употреблению бранной лексики. Главные герои используют выражения, несвойственные детям их возраста, и обращаются друг к другу, применяя обсценную лексику (см. таблицу 3).

Таблица 3. Перевод эмоционально окрашенной лексики

C. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>...and you are all beasts, beasts...</i>	...а вы все – гады, гады...	...а вы все противные, противные...
<i>“It’s only a bird, silly,” said Edmund.</i>	– Вот дура, – усмехнулся Эдмунд. – Это всего лишь птица.	– Просто птица, глупая, – сказал Эдмунд.
<i>“You’ve been perfectly beastly to Lu ever since she started this nonsense about the wardrobe, and now you go playing games with her about it and setting her off again.”</i>	– Ты и так вел себя с ней как последняя скотина, а теперь еще играть вздумал!	– С тех пор как Лу начала болтать все эти глупости насчет платяного шкафа, ты ведешь себя по-свински, а теперь еще принялся играть с ней в эту страну и снова ее завел.

При нейтральном тексте оригинала перевод В. Воседого представляется достаточно грубым, что позволяет говорить об использовании такого языкового явления как дисфемизм, при котором нейтральное слово или выражение намерено заменяется вульгарными и стилистически сниженными лексемами [Жеребило, 2010, с. 96]. Использование В. Воседым данного тропа повышает экспрессивный эффект перевода посредством введения стилистически маркированной лексики, а также позволяет переводчику выразить отрицательную оценку. Таким образом, например, В. Воседой намеренно делает речь главного антагониста сказки, королевы Нарнии, более грубой, внешность более пугающей, а действия отталкивающими. Аккумуляция этих приемов позволяет переводчику сформировать в сознании читателя отрицательный образ данного персонажа, в то время как в переводе Г. А. Островской королева волшебной страны предстает как более загадочная и таинственная фигура, но не вызывает у читателя столь негативных эмоций (см. таблицу 4).

Отдельную сложность при локализации представляет перевод экзотизмов, несущих в себе реалии и элементы конкретной культуры. Адекватный перевод экзотизмов предполагает использование различных видов лексических преобразований, однако именно за переводчиком остается выбор, каким образом будет переведена та или иная реалия, и в какой степени произведение будет локализовано для конкретной лингвосреды. Большая часть сказочного повествования посвящена нахождению главных героев в вымышленной стране под названием Нарния, но несмотря на это на протяжении всего развития сюжета можно отчетливо проследить реалии, относящиеся к английской культуре.

Г. А. Островская прибегает к следующим способам передачи экзотизмов: транслитерация, транскрибирование, замена на реалии, присущие культуре перевода, а также их полное опущение [Литвинова, Степанова, 2022, с. 175]. Так, например, в своем переводе Г. А. Островская отказывается от передачи некоторых единиц измерения, которые могут быть неизвестны русскому читателю (*feet, pound*), но оставляет другие, более релевантные для целевой аудитории (миля).

Таблица 4. Дисфемизмы в переводе В. Воседого

С. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>“All right,” said Edmund, “I see you were right and it is a magic wardrobe after all.</i>	– Чего развопилась?! – осадил ее Эдмунд. – Совсем спятила? Так и быть, я согласен, что ты не врала, и этот шкаф – волшебный.	– Да-да, – прервал ее Эдмунд. – Я вижу теперь, что ты была права и шкаф на самом деле волшебный.

<i>"But I repeat – what are you?"</i>	– Еще раз спрашиваю, что ты за тварь?	– Еще раз спрашиваю: что ты такое?
<i>While he was eating the Queen kept asking him questions.</i>	Мальчик ел, а королева донимала его вопросами.	Пока он лакомился, Колдунья задавала ему вопрос за вопросом.
<i>...very red mouth... ...beautiful face in other respects, but proud and cold and stern...</i>	...ужасно красные губы... Что ни говори, это было красивое лицо, но слишком надменное, холодное и жестокое.	...рот – ярко-красный... Красивое лицо, но надменное, холодное и суровое.

В. Воседой, напротив, в большинстве случаев переводит экзотизмы их словарными соответствиями. Однако в силу дистанции между культурами такой эквивалентный перевод слов-реалий может привести к формированию ошибочного восприятия отдельных фрагментов произведения реципиентами перевода (см. таблицу 5).

Таблица 5. Перевод реалий-мер

C. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>...three feet high if he had been standing.</i>	...трех футов ростом...	...не выше метра.
<i>...turned out to contain several pounds of the best Turkish Delight.</i>	...и в ней оказалось фунта три наилучшего рахат-лукума.	...она оказалась полна великолепного рахат-лукума.
<i>...only a mile off or less.</i>	...отсюда не больше мили...	...всего в полумиле отсюда...

Father Christmas – персонаж, олицетворяющий Рождество в английской фольклорной традиции, по своим функциям похож на привычного представителю русской лингвокультуры Деда Мороза. Именно поэтому при переводе Г. А. Островская отдает предпочтение наиболее известному русскоязычной аудитории мифическому образу [Литвинова, Степанова, 2022, с. 176]. Рождественский дед, появляющийся у В. Воседого, не вызывает у читателя таких же сиюминутных ассоциаций, поэтому возникающий образ может быть неправильно воспринят и истолкован (см. таблицу 6).

Таблица 6. Перевод этнографической реалии “Father Christmas”

C. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>Some of the pictures of Father Christmas in our world make him look only funny and jolly.</i>	На праздничных открытках в нашем мире Рождественского Деда порой рисуют таким забавным и развеселым.	На многих картинках Дед Мороз выглядит просто веселым и даже смешным.

Примечательным также является то, что оба переводчика интегрируют в свой перевод один из ключевых концептов русской культуры и русской сказки, а именно – концепт «быта», выражающийся в таких словах-реалиях, как «валенки» и «каравай». Данный концепт лежит в основе практически всех русских сказок, в связи с этим его имплементация Г. А. Островской и В. Воседой в текст перевода позволяет лингвистически и культурно адаптировать оригинальное произведение таким образом, чтобы оно максимально соответствовало устоявшимся представлениям о мире читательской аудитории (см. таблицу 7).

Таблица 7. Добавление переводчиками бытовых реалий русской культуры

C. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>Mr Beaver, who was already putting on his snow-boots.</i>	Мистер Бобр, успевший к этому времени надеть валенки.	Он уже переобулся в валенки.
<i>And if someone will get two or three loaves out of the crock.</i>	И хорошо бы, если бы кто-нибудь передал мне несколько караваев хлеба.	А вы трое несите по караваю хлеба – вон из той кадушки, в углу.

Важным элементом сказки К. С. Льюиса является интертекстуальность: в сюжет вплетаются различные библейские и мифологические аллюзии. Учитывая тот факт, что К. С. Льюис был богословом, христианские мотивы, встречающиеся в произведении, не являются случайными, а затрагивают моральную и нравственную суть бытия. Следовательно, для наиболее полной передачи смысла сказки и сохранения прагматического эффекта данные аллюзии должны быть переданы и при переводе. Однако при анализе текстов перевода было замечено, что Г. А. Островская и В. Воседой используют совершенно разные стратегии для передачи интертекстуализмов. В следующих примерах любые детали, косвенно или напрямую связанные с темой религии и христианства, полностью опускаются Г. А. Островской,

а библейская составляющая произведения теряется в тексте перевода, поскольку не отвечает принципам локализации и не является релевантной для детской целевой аудитории [Литвинова, Степанова, 2022, с. 177]. В. Воседой в своем переводе, напротив, придерживается тактики сохранения аллюзий оригинального текста (см. таблицу 8).

Таблица 8. Опущение Г. А. Островской библейских аллюзий

C. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>Most of them very old books and some bigger than a Bible in a church.</i>	Книги по большей части были старинные, и некоторые куда больше и толще Библии, что обычно лежит на алтаре в церкви.	Это были очень старые книги в тяжелых кожаных переплетах.
<i>“Lord love you, Son of Adam, what a simple thing to say!”</i>	– Бог с тобою, сынок, какие несуразности ты говоришь!	– Наивный вопрос!
<i>“Goodness gracious me!”</i>	– Ах, боже мой!	– Батюшки!

Также в оригинале сказки не раз упоминается Emperor-beyond-the Sea. Данный персонаж является отцом льва Аслана и создателем Нарнии. Образ персонажа символизирует Бога в христианской традиции и полностью отсутствует в переводе Г. А. Островской [Литвинова, Степанова, 2022, с. 177]. Предложения, в которых упоминается данный персонаж полностью изменены и обезличены или вовсе опущены. В. Воседой сохраняет этого персонажа и заложенный в нем религиозно-философский смысл, давая читателям возможность в полной мере понять оригинальную задумку сказки (см. таблицу 9).

Таблица 9. Перевод библейских аллюзий

C. S. Lewis	В. Воседой	Г. А. Островская
<i>“So that’s how you came to imagine yourself a queen – because you were the Emperor’s hangman.”</i>	– Стало быть, вы посчитали себя королевой потому, что служили палачом при Императоре.	– Вот почему, оказывается, вы вообразили себя королевой: потому что вас назначили палачом.
<i>You at least know the Magic which the Emperor put into Narnia at the very beginning</i>	– Уж кто-кто, а ты должен знать Императорское Слово – закон Нарнии с изначальных времен.	– Вы не хуже меня знаете Магию, которой подвластна Нарния с давних времен.

Тенденцию к опущению Г. А. Островской библейских аллюзий можно объяснить экстралингвистической ситуацией на момент публикации перевода. Рассматриваемый перевод был издан в СССР в 1978 г., в связи с чем из-за политической ситуации и идеологии того времени он был подвергнут жесткой цензуре [Литвинова, Степанова, 2022, с. 177]. Перевод В. Воседого был выпущен гораздо позже (2002 г.), а также нацелен на более взрослую аудиторию, поэтому сохранение религиозных аллюзий при переводе способствует сохранению прагматического эффекта оригинального произведения и его правильному пониманию читателями.

К. С. Льюис полагал: "...a children's story which is enjoyed only by children is a bad children's story. The good ones last." («...книга для детей, которая нравится только детям, – плохая книга. Хорошие – хороши для всех») [C. S. Lewis, 1952]. Таким образом, позволим себе предположить, что цели, которые преследовали переводчики, несколько отличаются от прагматической цели автора сказки. Перевод Г. А. Островской подойдет юному читателю, поскольку он является достаточно простым и понятным для детской аудитории, а также не содержит нерелевантных для представителей русской лингвокультуры реалий Англии. Текст В. Воседого, напротив, лишен детской наивности и полон грубых жаргонных выражений и бранной лексики, поскольку переводчик стремился адаптировать исходный текст сказки для более взрослого читателя. Благодаря сохранению культурных реалий и аллюзий оригинального произведения перевод В. Воседого можно назвать более приближенным к исходному тексту, однако неизвестные носителю русского языка слова-реалии способны привести к формированию ложных ассоциаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов В. Е., Борисова А. С., Консон Г. Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019, №2. С. 435 – 459.
- Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Академический Проект Деловая книга, 2004.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.
- Зинкевич О. В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия СПбГЭУ. 2018, №3 (111). С. 135 – 137.
- К. С. Льюис. Лев, Колдунья и платяной шкаф / перевод с английского Г. А. Островской. М.: CASCADE Publishing, 2005.

- К. С. Льюис. Лев, Ведьмарка и Зеркальный Гардероб / перевод с английского В. Воседого. М.: ЭКСМО / СПб: Terra Fantastica, 2002.
- Литвинова А. А., Степанова Н. В. Лингвокультурный анализ приемов перевода при локализации английской сказки // Дискурс. 2022, 8(1). С. 168 – 180. URL: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2022-8-1-168-180>
- Пропп В. Я. Морфология сказки. Ленинград: Академия, 1928.
- Тульнова М. А. О способах локализации текстов глобальной культуры // Известия ВГПУ. 2013, №1 (76). С. 4 – 7.
- C. S. Lewis. The Lion, the Witch and the Wardrobe, 1950. URL: https://librebook.me/the_lion_the_witch_and_the_wardrobe (дата обращения: 20.07.2021)
- C. S. Lewis. On Three Ways of Writing for Children, 1952. URL: https://myweb.scu.edu.tw/~jm_klassen/scu99b/chlitgrad/3ways.pdf (дата обращения: 20.02.2022)

Litvinova, A. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

Stepanova, N. V.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TRANSLATION TEXTS WHILE LOCALIZING AN ENGLISH FAIRY TALE (BASED ON "THE LION, THE WITCH AND THE WARDROBE")

The article presents the results of a comparative analysis of the translation texts of the English author's fairy tale by C. S. Lewis "The Lion, the Witch and the Wardrobe" performed by V. Vosedoy and G. A. Ostrovskaya. Translators' approaches to localization of the fairy-tale text, as well as translation techniques aimed at linguistic and cultural adaptation of the work, are being studied. The analysis reveals the main factors influencing the adaptation of the source text to the Russian linguistic and cultural environment: the pragmatic goal of the translator and the cultural component of the text (culture-specific words, cultural concepts and allusions). As a result, an attempt to draw conclusions about the most successful examples of localization of the studied fairy-tale text is made.

Localization, translation, fairy tale, culture-specific words, allusions, concept, linguoculture, comparative analysis

УДК 811.111-26

А. Ю. Соколова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
Sokolova.schasha2018@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «СИМПСОНЫ»

В статье рассматривается американский сленг как языковое явление. Особое внимание уделяется определению и происхождению понятия «сленг», а также функциям и способам образования сленговых единиц американского варианта английского языка. Представлен анализ способов их перевода на русский язык на материале мультсериала «Симпсоны».

Американский сленг, способы перевода, определение сленга, способы образования сленга, функции сленга, «Симпсоны»

В современной лингвистике сленг остаётся одним из самых примечательных явлений, так как с одной стороны он воспринимается как нечто неприемлемое для воспитанного человека, но с другой стороны сленг является неотъемлемой частью любого языка. В настоящее время изучение и перевод сленгизмов является довольно актуальным в условиях глобализации и развития интернет-культуры. Незнание сленговых единиц может привести к коммуникативным неудачам или полному непониманию текста.

Учёными было предложено множество решений проблемы определения сленга в языке, сущность и происхождение которого неясны. Впервые слово *slang* появилось в печати около 1800 г. и применялось к речи преступных классов Лондона [www.britannica.com]. А. Баррере и Ч. Г. Лиланд [Barrere A., Leland Ch. G, 1967] отмечают несколько версий происхождения этого слова. Согласно первой теории, слово *slang* в значении «вульгарный язык» имеет скандинавские корни. Оно пошло от словосочетания *slengja kiefte* в норвежском языке, которое означает «ударить, оскорбить» (дословно «ударить в челюсть»). Согласно второй теории, слово *slang* имеет англосаксонского происхождения от *slanga* (лат. *circumactio*), что означает «обращение, оборот речи» или *toislanga* (лат. *dubietas*) «сомнение».

Не существует единого мнения и по вопросу определения сленга. В современной зарубежной лингвистике под сленгом понимают неформальный язык, на котором обычно говорят, а не пишут [dictionary.cambridge.org].

В отечественной лингвистике существуют разные подходы к пониманию, что же такое сленг. И. В. Арнольд под сленгом понимает «выразительные, в основном ироничные слова, служащие для создания новых названий для некоторых вещей, которые часто обсуждаются» [Арнольд, 1986, с. 249]. Она отмечает, что большинство сленгизмов звучат вульгарно или цинично и имеют насмешливую окраску. С этой же позиции этот термин рассматривает и В. А. Хомяков. Он обозначает сленг родовым понятием и подразделяет его на общий и специальный [Хомяков, 1970]. Г. Б. Антрушина приводит мысль Г. К. Честертона о том, что «весь сленг – это метафора», подчёркивая, что большое количество сленгизмов являются современными словами, которые были метафорически изменены [Антрушина, 1999, с. 17 – 18]. А. И. Смирницкий и А. И. Гальперин рассматривают сленг как, прежде всего, слова с яркой эмоционально-экспрессивной окраской в разговорной или фамильярной речи [Смирницкий, 1970; Гальперин, 1958]. Языковед Н. В. Жербило относит сленг к социальному диалекту. Под ним она понимает «диалект, присущий определенной большой или малой социальной группе» [Жербило, 2010, с. 332].

Основываясь на этих гипотезах, касающихся определений понятия «сленг», можно вывести наиболее полное и всеобъемлющее. Сленг – нелитературные лексические единицы, присущие определённым социальным группам, имеющие ярко выраженный эмоционально-экспрессивный оценочный характер и которые чаще всего образны.

Что же касается функций сленга, то можно выделить основные три: коммуникативную, когнитивную и номинативную. Коммуникативная функция сленга связана с тем, что сленг – средство общения людей и используется для эффективной передачи информации от одного человека к другому. Когнитивная функция сленговых лексических единиц, по мнению Г. Р. Ивановой, проявляется в том, что «многие наименования в сленге несут в себе дополнительную информацию ... и посредством этого репрезентируют дополнительные знания об окружающем мире» [Иванова, 2012, с. 159 – 160]. Наконец, номинативная функция подчёркивает тот факт, что сленг помогает молодым людям приспособиться к техническому прогрессу и к тенденциям моды. Для него характерны слова, не имеющие соответствий в общенациональном языке.

К основным способам образования сленговых единиц в английском языке можно отнести:

- 1) Изменение значения слов общенародной лексики (*attic, brain* «голова»);
- 2) Словосложение (*back scratcher* «подхалим»);
- 3) Аффиксация (*smeller, sneezer* «нос»);

- 4) Заимствования (*carouse* «пьянствовать» от нем. *Gar aus!* «До дна!»);
- 5) Фонетическое искажение (*gust* вместо *guest*);
- 6) Сокращения (*biz* < *business*) [Арнольд, 2012, с. 289].

Для того чтобы понять, какие способы перевода используются для передачи американского сленга, было проведено исследование, и методом сплошной выборки было отобрано 75 сленговых единиц из мультсериала «Симпсоны». Сопоставительный анализ показал, что основными способами перевода являются: подбор аналога, целостное преобразование, генерализация, конкретизация, опущение, компенсация и калька. Также некоторый процент сленгизмов был переведён с помощью лексических единиц с нейтральной стилистической окраской.

Аналог. Переводчик в большинстве случаев (48%) передал сленг сленгом, подыскивая русское соответствие. В основном это обращения как грубого характера, такие как: *loser, weirdo, ape, jerk, jackass, creep*, так и ласкового: *sweetie, honey, darling, sweetheart*. В разных моментах все эти обращения были переведены как «придурак», «подонок» «ублюдок» и «милашка», «солнышко», «дорогая» соответственно.

Также можно привести пример перевода сленговых глаголов и прилагательных. *It's some dumb career development thing at the plant, so you can become a manager and have more responsibility* «Какое-то дурацкое развитие карьеры на станции, можешь стать управляющим, дадут больше ответственности», здесь *dumb* имеет значение «проклятый, глупый» [www.multitran.com].

Listen, Fred, we can't really hang out with you anymore «Послушай, Фред, мы больше не можем тусоваться», здесь *hang out* употребляется в значении «провести время в расслабляющем месте» ('to spend time at a place, usually relaxing') [www.onlineslangdictionary.com].

Целостное преобразование. Таким способом переводчик воспользовался в 13% случаях. Значение высказывания он передал путём полного преобразования либо лексической единицы, либо целого предложения. Например, часто используемая единица *come on. Hey, come on, please* «Ну ладно давай» или *Come on, you figs* «Ну же, фиги».

Также пример целого предложения: *What's this new gig I'm going to?* «Эй, а куда меня везут?». Слово *gig* в данном случае имеет значение «любая работа» ('any job') [www.onlineslangdictionary.com].

Генерализация. Этим приёмом было передано 9% сленговых единиц. Например, *That chiseled bumpkin just killed my prized psychopath* переводчик более узкое значение слова *bumpkin*, т.е. «простой человек из сельской

местности» ('an unsophisticated person from a rural area') передал более широким «Этот придурок только что убил моего победоносного психопата», сохранив лишь стилистическую окраску.

Аналогично, *Plus, I like the way your pecs dance after you kill a guy* «Мне нравится, как ты дёргаешь мышцами после убийства». Здесь слово *pecs* – «грудная мышца» ('pectoral muscle') [www.onlineslangdictionary.com].

Конкретизация. Около 5% единиц было переведено путём передачи широкого значения более узким. К примеру, сленгизм *guy* имеет широкое значение «мужчина» ('a male'). Однако, в зависимости от контекста, он был передан более конкретным синонимом.

1) *There's this really cool new guy at the plant* «У нас на станции новый классный коллега»;

2) *And in the shaking tunic, hailing from who knows, nobody cares... that guy* «И неизвестно откуда, неизвестно кто, трясущийся как лист этот парень»;

3) *A pee guy, a senator?* «Делец с мочой сенатор?».

Далее были отобраны единичные случаи перевода, соответствующие антонимическому переводу, калькированию и опущению.

Антонимический перевод. *You ain't gonna be working here no more* «Ты вылетишь на улицу». Отрицательная форма сленговой грамматической конструкцией *ain't gonna* была переведена утвердительным разговорным словом «вылетишь».

Калькирование. *How's the whiz biz?* «Как описанная работка?» Здесь словосочетание *whiz biz* фактически было заменено лексическими соответствиями в русском языке. Слово *whiz* означает «моча» ('urine'), а *biz* – «бизнес» ('business') [www.onlineslangdictionary.com].

Опущение. Некоторые сленговые единицы переводчик опустил, чтобы избежать семантической избыточности. *That chiseled bumpkin just killed my prized psychopath* «Этот придурок только что убил моего победоносного психопата». Здесь сленгизм *chiseled* означает «мускулистый» ('muscular') [www.onlineslangdictionary.com]. Благодаря экстралингвистическому контексту и так было понятно, о ком идёт речь. Также при дублировании было необходимо уложиться в определённое время. Эти причины побудили переводчика прибегнуть к опущению.

Кроме того, необходимо отметить, что около 18% всех сленгизмов было переведено лексическими единицами, не имеющими какую-либо эмоционально-экспрессивную окраску. К примеру, *I'm gonna make you sound hella different* «Вы будете говорить совсем по-другому», *hella* означает «очень, действительно, чрезвычайно» ('very; really; extremely').

Аналогично, *Right now, a young socialist is being born who will take them down* «Прямо сейчас рождается социалист, который вас повергнет», *take down* в данном случае означает «победить» ('to defeat') [www.onlineslangdictionary.com].

Таким образом, исследование показало, что в большинстве случаев переводчику удалось передать значение американских сленговых единиц в полном объёме. При этом, наиболее часто применялись два способа: поиск аналогов и целостное преобразование. Помимо этих основных, были использованы и другие способы, и это показывает, что перевод сленговых единиц не может всегда строиться по одной модели. Условия лингвистического и экстралингвистического контекстов вынуждают переводчика каждый раз находить различные способы передачи значения без каких-либо потерь, что делает его работу поистине творческой.

ЛИТЕРАТУРА

- Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка: Учеб. пособие для студентов. М.: Дрофа, 1999.
- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: Учеб. Для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1986.
- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.
- Иванова Г. Р. Функции сленга в речевой деятельности американских студентов. М.: Наука, 1990.
- Смирницкий А. И. Лексикология английского языка М.: Московский Государственный Университет, 1998.
- Хомяков В. А. Три лекции о слэнге: Пособие для студентов. Вологда, 1970.
- Barrere A., Leland Ch. G. A Dictionary of Slang, Jargon & Cant. Vol. 2. D.: Gale Research Company, 1967.
- The Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/slang> (дата обращения: 28.02.22).
- The Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/slang> (дата обращения: 01.03.2022).
- The Multitran dictionary. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?s=dumb&l1=1&l2=2> (дата обращения: 15.03.2022).
- The Online Slang Dictionary. URL: <https://www.onlineslangdictionary.com> (дата обращения: 16.03.2022)

Sokolova, A. Y.

Saint Petersburg State Electrotechnical University "LETI"

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF AMERICAN SLANG BASED ON THE ANIMATED SERIES 'THE SIMPSONS'

The article considers American slang as a linguistic phenomenon. Special attention is paid to the definition and origin of the concept of "slang", as well as the functions and methods of formation of slang units of the American English. The analysis of the ways of their translation into Russian on the material of the animated series "The Simpsons" is presented.

American slang, translation methods, slang definition, slang formation methods, slang functions, 'The Simpsons'

УДК 81'322.4

И. М. Теплыгина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина),*

irina@wn-travel.com

К ВОПРОСУ О МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье рассматривается перевод академической терминологии с использованием различных методов, в том числе машинного перевода. Исследуется вопрос перспективы замены «живого» переводчика компьютером, который работает на базе искусственного интеллекта. Приводятся примеры академического тезауруса английского языка, проводится сопоставление с терминологией на русском языке.

Термин, терминология, перевод, машинный перевод, искусственный интеллект

На сегодняшний день развитие технологий и искусственного интеллекта позволяет значительно упростить процесс перевода текста с одного языка на другой. С практической точки зрения наиболее эффективным является перевод текстов в рамках одной языковой группы, близких по своей грамматической и лексической структуре, с использованием таких платформ как Yandex, Google, Skype и др. Например, при переводе текста общей лексики с английского на немецкий язык потребуется минимальная коррекция

со стороны «живого» переводчика. Машинный перевод с европейского языка на азиатские языки потребует дополнительную компетентную редакцию текста. Электронные платформы в данном случае являются скорее вспомогательным инструментом, с помощью которого можно найти неизвестные слова или выражения, которые потом на базе имеющихся у переводчика знаний можно составить в полноценный текст. Что касается перевода текста в рамках относительно удаленных друг от друга языков, например, из одной семьи, но из разных групп, то в рамках разговорного дискурса такой перевод можно считать частично удовлетворительным. Но при переводе специальной лексики и научного дискурса электронный переводчик опять же скорее выступает как дополнительный инструмент для перевода отдельных терминов, а не целых текстов. Здесь необходимо отметить, что шаблон научного текста, который можно успешно использовать для написания научных статей в различных областях знания, представляет собой четко структурированную систему, которая передается с помощью электронного переводчика с некоторыми неточностями, а сложности возникают зачастую при переводе терминов. В рамках данной работы представляется интересным рассмотреть перевод академической терминологии и сопоставление между русским и английским языками.

Пример, приведенный ниже, ярко продемонстрирует, с какими сложностями как структурного, так и межкультурного характера приходится сталкиваться переводчикам при работе с академической англоязычной и русскоязычной терминологией.

На сайте Йельского университета представлены подкасты, в которых ведется диалог между сотрудником отдела по связям с общественностью и одним из преподавателей. В одном из интервью слушателям представляют профессора Джоан Файгенбаум (Joan Feigenbaum):

I am talking now to Joan Feigenbaum, the Grace Murray Hopper Professor of Computer Science at Yale [Yale University].

Данное предложение включает в себе некоторые сложности для перевода. Здесь необходимо провести дополнительный анализ или фоновую проверку. Возможен вариант использования метода описательного перевода, так как буквальный перевод не будет иметь никакого смысла для русскоязычного слушателя.

Так, если прочитать биографию Грейс Мюррей Хоппер, то можно выяснить, что она была адмиралом ВМФ США, а после увольнения со службы стала работать в компьютерной сфере, занималась разработкой компьютерной системы Mark 2 в Гарварде, работала в компании DEC в качестве специалиста,

отвечающего за продвижения компьютерных технологий в массы, а также читала лекции во многих университетах страны. Структура Йельского университета включает в себя 14 учреждений, которые на английском языке называются *residential colleges*. Примерным аналогом в русском языке может служить «общежитие», но с дополнительными функциями и услугами для студентов и преподавателей. В таких общежитиях также проводятся различные мероприятия и семинары для студентов. Одно из таких «общежитий» названо в честь Грейс Мюррей Хоппер [Yale University]. Йельским университетом также было учреждено звание в честь ученого *the Grace Murray Hopper Professor of Computer Science*. То есть данное предложение можно перевести следующим образом: «У нас в гостях сегодня присутствует профессор Джоан Файгенбаум, обладатель престижного звания в сфере компьютерных технологий, учрежденного Йельским университетом».

Что касается вышеупомянутого подразделения на базе Йельского университета, то тут также можно использовать метод описательного перевода, так как в русском языке не существует термина, передающего всю полноту значения данного понятия. Варианты перевода из популярных электронных словарей: колледж-общежитие, общежитие, колледж-интернат.

Residential college – is a division of a university that places academic activity in a community setting of students and faculty, usually at a residence and with shared meals, the college having a degree of autonomy and a federated relationship with the overall university. The term residential college is also used to describe a variety of other patterns, ranging from a dormitory with some academic programming, to continuing education programs for adults lasting a few days [Yale University].

На тему названий структурных подразделений высших учебных заведений можно привести следующие примеры:

1) *Faculty* – в американском варианте этот термин употребляется в значении *профессорско-преподавательский состав*. В Британском варианте используется термин *staff*, в то время как *faculty* используется в значении *факультет* (Oxford University).

Faculty: 1. a natural ability, such as the ability to see, hear, or think clearly; 2. a particular skill that someone has; 3. a department within a university; 4. the faculty AmE all the teachers in the university [Longman Dictionary of Contemporary English].

2). *School* – во многих университетах мира (в том числе MIT) данный термин используется в значении факультет.

School – a) AmE a university, or the time you study there; b) a department that teaches a particular subject at a university [Longman Dictionary of Contemporary English].

В данном значении также используются такие термины как *institute*, *college*, *department*. Не представляется возможным определить национальный характер данных терминов, так как они встречаются в описании структуры как американских, так и европейских высших учебных заведений. А на сайте Сиднейского университета термины *school* и *faculty* используются в значении *факультет* и употребляются в перечислении подразделений учебного заведения бок о бок. Стоит отметить, что данный вопрос представляет большой интерес для дальнейшего исследования в связи с тем, что в конце XX века в рамках Генерального Соглашения по торговле услугами (ГАТС) состоялась дискуссия о том, надо ли трактовать образование как общественное благо или товар массового потребления (*commodity*). Последнее подразумевало продвижение американской системы образования в рамках стран ВТО (Всемирной торговой организации). В качестве ответной меры Европа, в первую очередь Франция, положила начало Болонскому процессу, который был призван повысить конкурентоспособность европейского пространства высшего образования, а также обеспечить совместимость национальных систем высшего образования. Болонский процесс представлял собой реакцию Франции на попытку США включить систему образования в состав предмета ГАТС и распространение американских учебных программ в Европе [Дружиллов, 2010, с. 52].

В русском академическом дискурсе относительно недавно термин *school* или *школа* стали использовать для обозначения высшего учебного заведения, например, *Высшая Школа Экономики*. Но пока данная тенденция не имеет массовый характер.

Что касается терминологии в области научных степеней, то данная система в англоязычном академическом дискурсе относительно унифицирована. Россия присоединилась к Болонской системе образования только в 2003 году, поэтому имеются определённые различия. Соответственно, могут возникать трудности при переводе.

1). *Bachelor's degree – the first level of university. Bachelor of Arts (BA or AB) – bachelor's degree awarded for an undergraduate program in the arts. Bachelor of Science (BS or BSc, SB or ScB) – bachelor's degree awarded for an undergraduate program generally in mathematics, engineering, computer science, physical sciences, economics.* Важно отметить, что перечень направлений, за которые присваивается та или иная степень, могут

различаться в зависимости от учебного заведения. Например, выпускники факультета математики в Оксфорде и Кембридже традиционно получают степень Бакалавра искусств. В русскоязычной традиции повсеместно такого распределения не наблюдается, поэтому необходимо при переводе использовать в том числе описательный метод.

2). *Master's degree*. Это следующая научная степень, которая также имеет несколько направлений в англоязычной традиции: *Master of Science*, *Master of Arts*, *Master of Business Administration* и так далее. В русском языке студенты получают степень Магистра [Longman Dictionary of Contemporary English].

Вышеперечисленные ступени в той или иной степени совпадают по своей семантической составляющей в русскоязычной и англоязычной культурах. Дальнейшие уровни имеют определённые различия в своем наполнении и значении, поэтому представляют особый интерес для исследования с точки зрения самих различий, а также поисков соответствий.

Основной проблемой при переводе академической терминологии является в том числе отсутствие общего тезауруса в англоязычной сфере образования. Хотя стоит отметить, что касается термина «*университет*» и «*university*», то согласно словарным определениям обоих терминов, семантически они фактически идентичны в обеих языковых традициях. Англоязычные научные словари предлагают следующие значения термина «университет»:

3). *University – an institution at the highest level of education where you can study for a degree or do research* [Longman Dictionary of Contemporary English].

Сравнивая значения русскоязычной и англоязычной лексических единиц «*университет/university*» можно сделать вывод о том, что их семантика совпадает. В реалиях обоих языков университет является учебным заведением, предоставляющим возможность получить высшее образование, а также учреждением, ведущим научно-исследовательскую деятельность.

Учебное пособие по введению в информатику Стэнфордского университета под названием *Karel the Robot* начинается со следующей фразы: “*In the 1970s, a Stanford graduate student named Rich Pattis decided that it would be easier to teach the fundamentals of programming if students could somehow learn the basic ideas in a simple environment free from the complexities that characterize most programming languages*” [Roberts, 2005, с. 1]. Исследовательский интерес здесь представляется термин *graduate student*. Опираясь на определение из Словаря современного английского языка Longman, можно сделать вывод, что этот термин чаще используется в американском варианте и означает

«студент, получающий дальнейшее образование после присвоения степени Бакалавра». Это может быть как степень магистра, так и выше. В Британском варианте в таком значении предлагается термин *postgraduate student*.

Graduate student: 1) [only before noun] AmE a graduate student is studying for Master's or Doctorate degree after receiving their first degree; *postgraduate* BrE. 2) graduate studies or courses are done after receiving your first degree.

Термин *graduate*, который используется без следующего за ним существительного типа *student* или *studies*, имеет значение *выпускник*.

Graduate – 1) someone who has completed a university degree course, especially for a first degree; 2) AmE someone who has completed a course at a college, school etc [Longman Dictionary of Contemporary English].

Перевод словосочетания «*Stanford graduate student*» с помощью электронного словаря на разных платформах дает один вариант: «*аспирант университета Стэнфорд*». Но *аспирант* в русскоязычной культуре подразумевает учащегося аспирантуры. Исходя из словарной статьи выше, можно сделать вывод, что это может быть и студент Магистратуры. Фоновая проверка в данном случае не дала результата, так как информации о данном ученом крайне мало в интернет-пространстве. Поэтому на основании имеющихся данных невозможно сказать, учился ли он в магистратуре или получал более высокую степень в тот момент.

В данном контексте для полноты картины стоит привести следующие определения:

1). *student* – someone who is studying at a school, university etc.

2). *undergraduate* – especially BrE a student who is doing a university course for a first degree

3). *doctoral* (в сочетании с термином *student* определение не представлено в словаре Longman) – [only before noun] done as part of work for the university degree of Doctor (someone who holds the highest level of degree given by a university) [Longman Dictionary of Contemporary English]. В электронных словарях *doctoral student* представлен как синоним *graduate student* и *postgraduate student*.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что для перевода терминов переводчиком могут быть использованы следующие приемы: калькирование, описательный перевод, транскрипция и транслитерация, а также сочетание нескольких приемов перевода. Что касается искусственного интеллекта и машинного перевода, то компьютер понимает текст отличным от человека образом. ИИ, на котором основана работа электронных переводчиков, опирается на базы данных, в которых содержится большой объем коротких

словосочетаний, так называемых *n*-grams, и возможных коллокаций. Компания Google совместно с самыми передовыми учеными в сфере искусственного интеллекта, восприятия речи и машинного перевода, давно работает над решением данной проблемы. И за последние годы пользователи наблюдают значительный прогресс в данной области. Корпус Google books, корпус NY Times и корпус всего объема той информации, которую пользователи когда-либо искали в данной поисковой системе, образуют базу данных, в которой анализируется то, как часто то или иное слово встречается рядом с другой лексемой. Например, слово *boat* скорее будет встречаться в общем контексте со словом *water*, нежели чем со словом *electorate*. Поэтому при поиске *boat*, система выдаст в результате словарные статьи, которые пересекаются со словом *water*, а не *electorate*. Люди обычно передают и ищут схожую информацию. Общее знание (*common knowledge*) действительно является распространенным. Поэтому не совсем корректно употреблять глагол «учиться» в отношении компьютера. Процесс поиска стимулируется обучением и развитием самого человека и расширением его знаний [Broussard, 2019, с. 119].

Сложность процесса заключается в огромном объеме структурированной и неструктурированной информации. Поэтому необходимо привлекать крупных специалистов по работе с большими данными, которые смогут объяснять и предсказывать различные модели. Хотя в последнее время ИИ уже превзошел человека в этой работе. В 2015 году MIT's Data Science Machine смогла обработать большой объем данных и на основании чего предложить возможные модели за несколько часов, в то время как человек на такую работу потратил бы месяцы [Lee, 2016, с. 155].

Во многих сферах деятельности (особенно математика, медицина, техника) ИИ уже смог успешно дополнить, а то и заменить работу человека. Учитывая тот прогресс, которого смогли добиться разработчики за последние 10-15 лет, то вполне можно сказать, что машина скоро фактически полностью заменит человека при переводе. Возможно, редактирование текста все еще будет какое-то время оставаться прерогативой «живого» специалиста, но основной объем работы будет выполнять компьютер. Что касается специализированного перевода текста, то многие популярные платформы предлагают пользователям выбирать сферу перевода, чтобы усовершенствовать логику и качество. В сети уже есть большой выбор тематических словарей, в которых что можно найти перевод терминов и словосочетаний.

ЛИТЕРАТУРА

- Дружилов А.С. Двухуровневая система высшего образования: западные традиции и российская реальность/ А.С. Дружилов// Педагогика. – № 6. – 2010. – С. 51 – 58.
- Broussard M. Artificial Unintelligence. MIT Press, 2019.
- Lee N. Google it. Total Information awareness. Springer, 2016.
- Roberts. E. Karel the Robot. Stanford University Press, 2005.
- Summers D. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Dictionaries, 1995.
- Yale University. [Электронный ресурс] URL: <https://online.yale.edu> (дата обращения 15.03.2022)

Терпигина, И.М.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

ON THE ISSUE OF MACHINE TRANSLATION OF ACADEMIC TERMINOLOGY

The article discusses the translation of academic terminology using various methods, including machine translation. The issue of the prospect of replacing a "live" translator with a computer that works on the basis of artificial intelligence is being investigated. Examples of the academic thesaurus of the English language are given, comparison with terminology in Russian is carried out.

Term, terminology, translation, machine translation, artificial intelligence

УДК 811.111-26

К. Д. Хлопонина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина),
kdkhloponina@stud.eltech.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КРИМИНАЛЬНОЙ КОМЕДИИ ГАЯ РИЧИ «ДЖЕНТЛЬМЕНЫ»

Статья посвящена анализу переводческих трансформаций, применяемых в русскоязычной версии полнометражного фильма Гая Ричи «Джентльмены». Особое внимание уделяется способам перевода безэквивалентной лексики, приёмам модуляции и функциональной замены в передаче прагматического потенциала фильма; проанализированы языковые способы передачи комического эффекта и случаи лингвокультурной адаптации, в целом

актуализирующие не только жанровую специфику фильма, но и репрезентирующие неповторимый стиль британского режиссёра.

Гай Ричи, киноперевод, лингвокультурная адаптация, локализация, переводческие трансформации, «Джентльмены»

Как известно, перевод – это сложная и многоаспектная задача, связанная с качественной интерпретацией культурного наследия исходного языка и его адекватной лингвокультурной адаптацией в языке перевода. Поскольку перевод фильмов и сериалов играет важнейшую роль в передаче экстралингвистических факторов другой культуры, переводчику недостаточно превосходно владеть обоими языками. Необходимо знать культуру переводимых языков для поиска должного динамического эквивалента и толкования языковых реалий. Кроме этого, важно различать имплицитную информацию, заложенную адресантом.

Киноперевод представляет собой сочетание вербальных и невербальных языков коммуникации (*креолизованный текст*), что в какой-то степени может затруднять адекватную интерпретацию авторского замысла. Это также многомодальный текст, типичными характеристиками которого являются компрессия, чёткость, информативность без выраженной экспликации и зачастую потеря эмоциональности за счёт быстрого произнесения реплик, которая может быть восполнена благодаря применению таких невербальных языков коммуникации, как кинесика, такесика, вокалика.

Особенности киноперевода представляют особый интерес для исследователей и переводчиков. Так, например, Анисимов В. Е. [2019], Горшкова В. Е. [2006], Слышкин Г. Г. и Ефремова М. А. [2004], Андерманн Г. и Диас-Синтас Х. [2009] акцентировали внимание на неоднородности данного типа перевода, его технологиях, изучении различных аспектов коммуникативной составляющей киноперевода, необходимости сохранения аффективного воздействия фильма или сериала на реципиента и достижении определённых интенций. Также необходимо выделить работы Рамантовой О. В. и Степановой Н. В. [2021], Войнич И. В. [2010] и Никинова В. М. [1999], в которых исследовался феномен лингвокультурной адаптации (локализации), реализующийся благодаря определённым стратегиям и методам перевода, для приспособления «продукта» исходного языка в культуре языка перевода.

Тем не менее, активно развивающаяся киноиндустрия продолжает пополняться материалом, доступным для дальнейшего исследования переводческих проблем и имеющим высокую практическую значимость. Так,

признанным шедевром британского кинематографа является криминальная комедия-боевик Гая Ричи «Джентльмены», получившая широкое признание и в России. Острый юмор, оттенённые иронией диалоги и неповторимый образ персонажей составляют узнаваемый почерк британского режиссёра и являются ценным материалом для лингвистического исследования.

В ходе анализа применялись метод сплошной выборки, метод лингвистического описания и метод семантического анализа. Основные результаты исследования сводятся к следующему.

Большую часть диалогов составляет лексика криминальной тематики, наполненная иронией и комизмом, через которую и раскрывается прагматический потенциал фильма и которая в русском языке передаётся с помощью определённых переводческих приёмов [Комиссаров, 1990]. Прежде всего, речь идёт о **безэквивалентной лексике**, которая переведена с помощью приёмов транскрипции и транслитерации [здесь и далее приведены примеры – www.kinopoisk.ru/film/1143242]:

1) Транслитерация: It looks *gangsta* – «Это *гангста*»;

2) Транскрипция: Make sure you get *the upper cut* in – «*Апперкот* не вырезай»; *Vuenos días* – «*Буэнос диас*»; *Vuenas tardes, Raymondo* – «*Буэнос тардэс, Раймондо*». Особенностью комедии является неоднократное использование персонажами приветствия на испанском языке, что, безусловно, придаёт колорит их речи и делает диалоги запоминающимися. Можно предположить, что Гай Ричи таким образом отражает коммуникативный тренд современности.

Следует отметить, что «криминальная» семантика особенно удачно передаётся с помощью приёма модуляции и приёма функциональной замены, как это видно в следующем примере:

1) Модуляция: I've developed a reputation as a man who *came up the hard way* – «У меня репутация человека, который *шёл по головам*»;

2) Функциональная замена: He's out to destroy him and all those that *cozy up to him* – «И хочет уничтожить Микки и всю *его свиту*»; He had to do some naughty things to get where he got, to establish his position, to show *he wasn't just teeth, tits and tan* – «Он должен был совершать гадкие вещи, чтобы добиться того, чего он хочет, чтобы укрепить свои позиции, чтобы доказать, что *он не пустое место*». Замена выражения *teeth, tits and tan* на устойчивое словосочетание «пустое место» считается уместным по причине сохранения экспрессивности эмотивного высказывания и его прагматического потенциала. Ещё один случай функциональной замены представлен в следующем контексте: *The Russians are gonna clean house. And you are part*

of that house, Raymond – «Я же уже сказал, что русские устроят зачистку, значит уберут и тебя, Реймонд».

Передача комического эффекта

Известно, что британцы шутят абсолютно над всем. Их юмор отличается циничностью, саркастичностью и грубостью, хотя и трудно различим, поскольку англичанин шутит сдержанно и лаконично, как истинный джентльмен. В фильме британский юмор отличается колкостью, основываясь на ругательствах (инвективной и обценной лексике), комедийном обрамлении насилия, быстро перекрывающихся диалогах и устаревших стереотипах. Расовые шутки и клишированные образы персонажей лишней раз подчёркивают тот факт, что криминальный мир всё ещё живёт во вчерашней неполиткорректной парадигме мира. Тем не менее, нельзя забывать, что это и есть авторский замысел, реализующийся в контексте жанра, чтобы продемонстрировать всю палитру красок преступного мира.

Например, во время описания одного из ключевых героев преступного сообщества иронично обыгрывается заголовок шестнадцатого фильма про Джеймса Бонда – «Лицензия на убийство»:

So, let's cut instead to a somewhat anticlimactic, but suave and debonair Dry Eye, like a Chinese James Bond. 'Ricense' to kill – «Переключимся же на менее эффектного, но учтивого и галантного Сухого Глаза. *Этакий китайский Джеймс Бонд. Рисеньзия на убийство*»

В шутке используются этнический и расовый стереотипы для характеристики героя по имени Сухой Глаз. Для этого была использована пародия на китайский акцент: «*Рисеньзия на убийство*». Можно предположить, что в этом высказывании спрятан ещё и каламбур, ведь по причине неправильного произношения возникает окказионализм *ricense*, который образован от лексемы *rice*. Допускается, что это такая ловкая игра на стереотипе, полагающем, что в культуре китайского народа нет никакой другой еды, кроме риса.

Диалоги частного детектива и по совместительству повествователя, Флетчера, и консьюльери Микки Пирсона, Реймонда, заслуживают отдельного внимания. Интересно отметить, как именно проиллюстрированы взаимоотношения героев, ибо Реймонд всячески оскорбляет нашего рассказчика: *deluded shit-eating cunt, cunning and creative toad*; в то время как Флетчер, в ответ на его высказывания, шутливо и очень неуклюже заигрывает: *darling, Mommy, my love, naughty little girl*. Одним из таких примеров является эпизод, в котором Флетчер по окончании рассказа собственного «сценария» о связи Микки с Лордом Прессфилдом (членом королевской семьи),

шантажирует верного помощника лондонского наркобарона на выкуп собранного компромата за 20 миллионов фунтов стерлингов:

– Well, then, time to use the door, *you black bastard*.

– Well, that's just silly, isn't it, 'cause I'm not black.

– No, but your fucking soul is, *you dark cunt*.

«– Ну что ж. Ты знаешь, где выход, *чёрная мразь*»

«– Глупое замечание, я не чёрный»

«– Нет, но у тебя чёрная душа, *скотина*»

Определённый интерес представляет описание Флетчером китайского криминального авторитета по прозвищу Сухой Глаз. Для описания героя он умело пользуется стереотипным мышлением о том, что народности Китая, Японии и Пекина трудно отличить друг от друга:

Oh, Dry Eye. What is he? *Chinese? Japanese? Pekingese? Get on your fucking knees. Dirty dragon filth* – «Кто он там такой? Китаец? Японец? *Азия, Евразия! Что за безобразие! Грязный драконий помёт*».

И в оригинале, и в переводе можно наблюдать аллитерацию и ассонанс, придающие речи персонажа дополнительную экспрессивность. Таким образом, комический эффект в комедии передаётся не только на лексическом уровне, но и на фонетическом. Что касается выражения *dirty dragon filth*, схожую трёхстрочную рифму переводчики не смогли придумать, поэтому русскоязычному неподготовленному зрителю становится непонятно, для чего нужна последняя фраза. А нужна она для того, чтобы объяснить, кто такой Сухой Глаз. Словосочетание *dirty dragon* в переводе с английского сленга означает «героин». Он одновременно называет и обзывает Сухого Глаза «грязным наркодилером». Опустить это нельзя, в противном случае теряется насмешка.

Лингвокультурная адаптация

Рассмотрим некоторые случаи лингвокультурной адаптации:

1) If you wish to be *the king of the jungle*, it's not enough to act *like a king*. You must be *the king*. And there can be no doubt. Because doubt causes chaos and one's own demise. – «Чтобы стать *царём зверей*, мало вести себя *по-царски*, надо быть *царём*. Нельзя сомневаться – сомнения порождают хаос и ведут тебя к гибели». Лексема *king* в переводе была заменена на лексему *царь* в силу исторических причин: королями называли исключительно европейских монархов.

2) *Trust this Jew about that Jew*. If you let him in the henhouse, you can expect blood and feathers everywhere – «*Еврей еврея видит издали*. Только пусти его в курятник, и тут же полетят пух и перья». Автор дубляжа применяет приём творческой адаптации русской поговорки *рыбак рыбака видит издали*,

заменяя образ рыбака образом еврея. В данном случае речь идёт о сопернике Микки Пирсона, Мэттью Бергере, миллиардере еврейского происхождения.

3) В оригинале встречается игра слов, которую трудно передать на языке перевода. *Come out of closet* – (букв. «выйти из шкафа») в значении «признаться в принадлежности к сексуальному или гендерному меньшинству». При дословном переводе смысл шутки Микки Пирсона был бы полностью потерян, поэтому переводчик воспользовался отрывком из стихотворения А. Блока «На поле Куликовом», что помогло сохранить юмористический эффект ответа главного героя:

– How can I help?

– I understand you're getting out.

– *Getting out. Getting out of what? Bed? My head? The closet? Don't flirt with me, Dry, I'm a busy man.*

«– Чем могу помочь?»

«– Вы решили уйти на покой?»

«– Покой? Какой покой? На вечный? Покой нам только снится. Можно без экивоков, у меня полно дел».

Отдельно стоит отметить, что в криминальной комедии используются дублинский диалект и диалект кокни. В оригинальной версии «Джентльменов» слышно, что Тренер разговаривает с сильным дублинским акцентом и таким образом позиционирует себя как «бывалый гопник», который пытается наставить своих учеников (англ. *The Toddlers* «карапузы») на «праведный путь». Жена Микки Пирсона, Розалинд Пирсон, несмотря на показную роскошь, не может скрыть своё происхождение. Она говорит на кокни, который, как известно, распространён среди низших слоёв общества.

Критика перевода

Несмотря на громкий успех русскоязычной версии «Джентльменов», в речи персонажей встречаются принципиальные отклонения от оригинала, как например, в диалоге Реймонда с другом Лоры Прессфилд, русским наркоманом Асланом:

– And where are you from, Aslan? *You don't sound like one of the natives.*

– Disneyland.

– Sounds about right.

«– И откуда вы, Аслан? *Вы не похожи на местного»*

«– Из Диснейленда»

«– Я так и подумал»

В субтитрах неудачный перевод глагольного предиката *sound* с помощью значения *похож* может сбить зрителя с толку, поскольку в оригинале речь идёт именно об акценте. Тем не менее, авторам дубляжа удалось передать верный смысл умозаключения Реймонда: «Откуда ты, Аслан? *Акцент у тебя не местный*».

Проведённое исследование показало, что в передаче на русский язык колоритной лексики, криминальных выражений и острого юмора, реализующих лингвопрагматический потенциал криминальной комедии «Джентльмены», особую функцию выполняют приёмы транскрипции, модуляции и функциональной замены. Адекватная лингвокультурная адаптация также способствует сохранению прагматического потенциала языковых значений, наполненных комизмом и иронией, которые давно стали визитной карточкой британского режиссёра.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов В. Е., Борисова А. С., Консон Г. Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019.
- Войнич И. В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе: автореф. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010.
- Горшкова В. Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. №3 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-filmov-s-subtitrami> (дата обращения: 08.02.2022).
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990.
- Никонов В. М. Социо- и лингвокультурологические проблемы адаптации коннотативных единиц языка в тексте [Текст] / В.М. Никонов // Проблемы культурной адаптации текста. Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж: Центр «Русская словесность», 1999.
- Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
- Anderman G., Diaz-Cintas J. Audiovisual Translation: Language Transfer on Screen. Palgrave Macmillan. 2009.
- Ramantova O., Stepanova N., The development of translation and intercultural competencies in the course of teaching localization of computer games (тезисы доклада научной конференции) печ. Proceedings of ICERI2021 Conference 8th-9th November 2021, 14th International Conference of Education, Research and Innovation IATED Academy, pp. 1215 – 1224 (дата обращения: 20.01.2022).
- «Джентльмены» («The Gentlemen», 2019, реж. Гай Ричи). URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1143242> (дата обращения: 20.01.2022).

Khloponina, K. D.

Saint Petersburg State Electrotechnical University “LETI”

**PECULIARITIES OF THE TRANSLATION OF GUY RITCHIE’S CRIME
COMEDY “THE GENTLEMEN”**

The article is devoted to the analysis of translation transformations used in the Russian-language version of Guy Ritchie's feature film "The Gentlemen". Special attention is paid to the methods of translation of non-equivalent lexicon, modulation techniques and functional substitution in the transmission of the pragmatic potential of the film; linguistic methods of transmitting the comic effect and cases of linguistic and cultural adaptation are analyzed, which actualize not only the genre specifics of the film, but also represent the unique style of the British director.

Guy Ritchie, film translation, linguistic and cultural adaptation, localization, translation transformations, “The Gentlemen”

УДК 81'25

T. Triberio

Foreign Languages and Literatures Department – University of Verona, Italy

tania.triberio@univr.it

**A CORPUS-INTEGRATED APPROACH TO TRANSLATION:
THE EXAMPLE OF THE ITALIAN PARALLEL CORPUS
WITHIN THE NKRJA**

Scope of this essay is to illustrate possible applications of ICT in translation’s work; after a brief introduction on Corpus Linguistics (CL), our attention will in particular focus on the importance of using corpora for translation purposes, especially when it is necessary to transfer the meaning of words typical of a given language (L1) – the so-called realia – into a target one (L2), missing equivalents in the L2 culture. We will go through some examples taken from the IPC (Italian Parallel Corpus) of the NKRJa (Nacional’nyj Korpus Russkogo Jazyka), as a fundamental tool for language and literary studies in the field of Italian Slavistics.

Corpus linguistics, Italian Parallel Corpus, translation, NKRJa realia.

Corpus Linguistics (CL), within the wider field of applied linguistics, is a fairly recent discipline, grown around the mid-90s [Nosedo, 2018]. CL revolutionized the way of approaching linguistic studies and research, introducing a new methodology, redefining the more traditional linguistic description based on Chomsky’s generativist assumptions [Chomsky, 1957], especially in a Digital Age mostly based

on information and communications technology (ICT); huge amounts of texts, corpora, now in electronic format, allow us to study the authentic language, both written and oral, the specificity of genres in both their synchronic and diachronic dimensions, to collect quantitative and statistical data [Freddi, 2014], proving to be a particularly useful tool in translation practice too.

In Russia CL arrives at the beginning of the new millennium [Biagini-Bonola-Nosedà, 2019], when a group of authors and collaborators, linguists and philologists, under the direction of V. Plungjan, compiled the National Corpus of Russian Language (Nacional'nyj Korpus Russkogo Jazyka – NKRJa), an electronic collection of Russian texts [Plungjan, 2009]. It consists of a main corpus (Osnovnoj korpus) containing texts of various kinds and genres, both written and oral, presented through a wide range of sociolinguistic varieties: literary, colloquial, vernacular, dialectal, etc. Thanks to a detailed meta-linguistic system of annotations, it is possible to select authors, periods, genres and other stylistic peculiarities, to narrow the search to some particular text portions. Word forms are automatically lemmatized by a computer program and grammatical tagging identifies POS (part-of-speech) forms and displays meta-textual, morpho-grammatical, accentological and semantic information, very useful for single or large-scale analyses. Syntactic annotation system is constantly being improved [Triberio, 2019].

Ruscorpora.ru is also provided with a number of sub-corpora for further research in more sectoral areas, including in particular the Italian Parallel Corpus (IPC), conceived as a 'pilot experiment' in 2004 and developed afterwards thanks to the cooperation of the Russian Language Institute in Moscow with the Catholic University in Milan and the School of Interpreters and Translators of Forlì [Nosedà, 2018].

Parallel Corpus Linguistics (PCL) originates in the Anglo-Saxon area, it promotes contrastive analysis between languages [Borin, 2002]; PCL is a collection of original texts in one language (Source Language), aligned – generally at the sentence level – with the respective translations in one or more different languages (Target Language) [Gandin, 2009].

In order to design and compile the IPC of the NKRJa, authors, after an accurate study of the already existing corpora, had to take into account many aspects, that is determine: i) purpose and type of corpus to be built; ii) textual genres to be included in; iii) corpus size; iv) quantity and length of the texts; v) drafting period of the texts; and, of course, last but not least, choose vi) a selection of translations that could be representative, balanced and systematic [Nosedà, 2018]. The IPC is also conceived as a bi-directional one, a fundamental feature not only to allow for a greater number of searches, but also to make it comparable, as well as parallel. Finally, authors created, according to Merkel's terminology, the so-called 'target-variant corpus'

[Borin, 2002], a parallel corpus containing several translations of the same text; this represents, in fact, an extremely useful tool in different research fields, such as i) contrastive linguistics, to analyse in a more scrupulous way the characteristics and uses of a given linguistic structure; (ii) in literary research and studies on the history of translation, to deepen the reception of an author; (iii) in translation studies, to display comparative analyses of different translations.

With respect to this last scope of investigation we'll hereafter compare two different translations of a passage taken from 'Kolymskie rasskazy' (1973) of V. T. Šalamov, included in the IPC:

RU: Если бы оленьи пимы, торбаса или обыкновенные валенки. Бурки – это чересчур шикарно... Это не подобает. Притом... [Варлам Шаламов. Колымские рассказы (1954 – 1962) [www.ruscorpora.ru].

ITa): Avrei capito degli stivali di pelle di renna, dei torbazy, o dei semplici valenki. Le burki erano troppo lussuose... Non stava bene. Inoltre...

ITb): Fossero stati degli stivali di pelle di renna, dei torbazy, o dei semplici stivali di feltro. I burki sono un lusso eccessivo. . . , non vanno. Per di più...

[Varlam Shalamov. I racconti di Kolyma/I racconti della Kolyma (Sergio Rapetti/ Marco Binni)] (15.03.2022)

This passage contains a number of realia: *оленьи пимы, торбаса, валенки, бурки*. What kind of translations' strategies are here being adopted? [Triberio, 2021].

In ITa) the translator chooses for a mixed criterion, that is, while preferring the loan of the *realia*, in one case he translates *оленьи пимы* (reindeer skin boots = stivali di pelle di renna), somehow introducing and explaining the following loan, *torbazy*, the so-called leather boots of the Eastern Siberia. Moreover, the choice to transliterate *торбаса* (Russian plural ending in *-a* for *торбас*) through *torbazy*, using the letter 'z' instead of the 's' (the 's' is almost always sweet when it is between two vowels, represented by the phoneme /z/) and reproducing the ending of the plural nouns in Italian through the letter 'y', denotes a probable attempt to adapt the *realia* to the Italian prosodic structure.

In ITb) a sort of translation-explanation is offered for *валенки* (felt boots = stivali di feltro) that certainly gives immediate feedback of the *realia*, even though not exhaustive, to the detriment, of course, of the exotic flavour of the text [Triberio, 2021].

Another brief example useful to understand the potential offered by the IPC is to compare among themselves the different Italian titles for 'Šinel' (1842) of N. V. Gogol' [Inkova, 2014]. Within the IPC there exist 15 different Italian translations of this short story (povest'). *Šinel'* becomes, alternatively, *Il Cappotto* [C. Rebora (1922)], *Il Pastrano* [Duchessa D'Andria (1937)], *Il Mantello* [T. Landolfi (1941) / O. Del Buono (1949) / L. Pacini-Savoj (1957) / G. Pacini (1963) / A. Julovic (1964) / P. Zveteremich (1967) / E. Bazzarelli (1980) / S. Beffa

(1986) / F. Mariano (1986) / L. De Nardis (1993) / *La Mantella*. S. Prina (1994) / E. Guercetti (1995) / F. Legittimo (2001)] [Nosedà, 2018].

The translation process between languages often focuses on different grammatical features too, as the following example taken from the IPC evidences:

RU — Печке, может быть, тепло, а мне холодно. [Б. Пастернак. Доктор Живаго (1945 – 1955)]

IT — «Avrà caldo la stufa, io sento freddo» [Boris Pasternak. Il dottor Zivago (Pietro Zveteremich)]

RUSSIAN		ITALIAN	
Печке.DAT	тепло [Predicative Adverb]	Avrà caldo [Verb]	la stufa.NOM
мне.DAT	холодно [Predicative Adverb]	Io.NOM	sento freddo [Verb]

(15.03.2022)

We note, in particular, that while Russian foresees ‘logical subject’s at the dative case (DAT ‘Печке’, ‘мне’), bearing the semantic role of Experiencer, this same Experiencer is expressed, both morphologically and syntactically, in a different way in Italian, becoming a subject in the nominative case (NOM ‘la stufa’, ‘io’), followed by transitive verbal constructions (‘Avrà caldo’, ‘sento freddo’) (the English version would be: ‘The stove will be hot, I’m cold’, where the Italian nouns ‘caldo’, ‘freddo’ are substituted by the adjectives ‘hot’, ‘cold’) [Triberio, 2018].

Another very useful tool within the IPC is the KWIC one (Key Words In Context), a common format for concordance lines; it can be used, for example, to find the frequency of a word or phrase in a corpus, to find frequencies of different word classes such as nouns, verbs, adjectives. It allows to understand the linguistic contours of word forms, regencies, co-occurrences, contexts and syntactic relationships. KWIC is then a quick way to compare key words’ uses not only between original texts and their translations, but also among multiple translations of the same original text.

Why is then a corpus-integrated approach so important? What do corpora tell us about a language? CL, as a social and applied science, allows us to i) study a language focusing on authentic examples; ii) analyse and compare portions of texts in their specific contexts and not propositions, phrases or isolated words, in favour of a linguistic theory that considers form and meaning inseparable, lexicon and syntax are two sides of the same coin [Stubbs, 2014]; iii) get a well-representative and balanced collection of texts in a given language; iv) get additional information on the characteristics and properties of the texts themselves, through an articulated system of annotations and mappings of each individual headword that increase their usefulness. Parallel corpora add to all these possibilities also the chance to display

comparative searches among different languages. The value of a corpus largely depends on the programmed filter system. NKRJa presents a rich and elaborated annotation system, allowing to carrying out diversified searches, also in relation to various combinatorial possibilities. Even if a corpus can never be totally representative of a given linguistic phenomenon, being however subject to the personal elaboration of those who create it, nevertheless, including typological varieties of documents in large quantities, it offers answers fairly reliable on general behaviour, uses and frequencies.

To conclude, CL applications, nowadays go from translation, as we saw, to other possible fields of investigations, as, for example, lexicography and teaching. Even though this is not the place where to discuss about these issues, just few words will be spent in order to introduce them. Many dictionaries, both monolingual and bilingual, have been compiled on the basis of the NKRJa (Grišina, 2008; Ljaševskaja–Šarov, 2008; Kustova, 2008; Burjuk–Gusev–Kalinina, 2008); this gave rise to the so-called ‘Korpusnaja grammatika’, born with the aim of describing part of the Russian grammar based on the data of the NKRJa (<http://rusgram.ru/>). Lexicographic entries are increasingly constructed on the basis of corpora, taking into account syntactic surroundings, grammatical behaviour, uses (authentic example taken from corpora usually suggest authentic uses and contexts) [Nosedá, 2018].

It is then undeniable that parallel corpora, albeit with some limitations, have a fundamental function in the teaching of a L2 [Bernardini, 2004], in the studies on human and automatic translation and in numerous areas of linguistic research [Baker, 1993; Granger, 2003; Johansson, 2003], in a contrastive key too. Zaliznjak [2015] and Šmelev-Zaliznjak [2017] demonstrate how parallel corpora can be used, in addition to contrastive purposes, also to deepen the semantics investigation of language-specific elements [Noël, 2003].

BIBLIOGRAPHY

- Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies. Implications and Applications // Text and technology. In honour of John Sinclair, M. Baker – G. Francis – E. Tognini-Bonelli ed., John Benjamins, Philadelphia/Amsterdam 1993, pp. 233 – 250.
- Bernardini S. Corpora in the classroom. An overview and some reflections on future developments. John Sinclair (ed). How to use corpora in language teaching. Benjamins, Amsterdam. 2004.
- Biagini F., Bonola A., Nosedá V. Il corpus parallelo italiano-russo del NKRJa. Progetto di ampliamento, applicazioni e sviluppi. University Press, Firenze, 2019, pp. 35 – 45.
- Borin L. ... And never the twain shall meet? // Parallel corpora, parallel worlds. Selected papers from a symposium on parallel and comparable corpora at Uppsala University, Sweden, 22 – 23 April 1999, L. Borin ed., Rodopi, Amsterdam/New York, 2002. pp. 1 – 43.

- Burjuk O. L., Gusev V. Ju., Kalinina E. Ju. Slovar' glagol'noj sočetaemosti nepredmetnyh imen russkogo jazyka. 2008 (<http://dict.ruslang.ru/>).
- Chomsky N. Syntactic Structures. Mouton, The Hague 1957.
- Gandin S. Linguistica dei corpora e traduzione: definizioni, criteri di compilazione e implicazioni di ricerca dei corpora paralleli. "Annali della Facolta. Universita degli Studi di Sassari", 5, 2009, pp. 133 – 152.
- Granger S. The corpus approach: a common way forward for contrastive Linguistics and Translation Studies? // Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies. S. Granger – J. Lerot – S. Petch-Tyson ed., Rodopi, Amsterdam/New York. 2003, pp.17 – 29.
- Grišina E. A., Ljaševskaja O. N. Grammatičeskij Slovar' novych slov russkogo jazyka. 2008 (<http://dict.ruslang.ru/>).
- Inkova O. Tradurre il titolo: le traduzioni italiane del "Cappotto" di Gogol'. "Kwartalnik neofilologiczny", 61, 2014, 1, pp. 41 – 56.
- Johansson S. Contrastive linguistics and corpora, in Corpus-based Approaches to Contrastive Linguistics and Translation Studies. S. Granger – J. Lerot – S. Petch-Tyson ed., Rodopi, Amsterdam/New York. 2003, pp. 31 – 45.
- Kustova G. I. Slovar' russkoj idiomatiki. Sočetanija slov so značeniem vysokoj stepeni. 2008 (<http://dict.ruslang.ru/>).
- Ljaševskaja O. N., Šarov S.A. Novyj Častotnyj slovar' russkoj leksiki. 2008 (<http://dict.ruslang.ru/>).
- Noseda V., 2018. La corpus revolution russa e il corpus parallelo italiano-russo: storia, criteri di compilazione e usi. L'Analisi Linguistica E Letteraria, 26(2), 17. Retrieved from <https://www.analisilinguisticaeletteraria.eu/index.php/ojs/article/view/118>
- Noël D. Translation as evidence for semantics: an illustration, "Linguistics", 41, 2003, 4, pp. 757 – 785.
- Plungjan V. A. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2006 – 2008. Novye rezul'taty I perspektivy, ed., Nestor-Istorija, Sankt-Peterburg. 2009.
- Šmelev A. D., Zaliznjak A. A., 2017. Reversivnyj perevod kak instrument lingvističeskogo analiza, "Dialog", 16, 2, pp. 394 – 406.
- Stubbs M. 2014 Patterns of lexis and discourse organization // P. Blumenthal et al. (Eds.) Les emotions dans le discours. Emotions discourse, Frankfurt/Main, Peter Lang, pp. 237 – 253.
- Triberio T. 2018, The Grammatical Status of Russian „Predicatives“ when Translated into English and Italian // General and Specialist Translation/Interpretation: Theory, Methods, Practice, Kiev, AgrarMedia Group, pp. 364 – 370.
- Triberio T. 2019 (PhD Thesis): La categoria grammaticale dei 'predicativi' all'interno del Corpus Nazionale della lingua russa (НКРЯ). Indagini e proposte, catalogo IRIS, Verona (<https://iris.univr.it/>).
- Triberio T. Insights into translation of Russian realia // Translation Studies: Theory and practice, Vol. 1 No. 2 (2021), Publishing House of Yerevan State University, Yerevan, 2021. pp. 55 – 68 (<https://journals.yasu.am/index.php/transl-stud/index>).
- Zaliznjak A. A. Lingvospecificnye edinicy russkogo jazyka v svete kontrastivnogo analiza, "Dialog", 14, 1, 2015, pp. 683 – 695.

ПРОБЛЕМЫ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.11-112

Н. В. Бартко

Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

natalia_bartko@mail.ru

ОБ ЭТИМОЛОГИИ АНГЛИЙСКИХ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ RL ГЛАГОЛОВ

В статье рассматривается этимология английских звукоизобразительных RL-глаголов. Изучается описание этимологии различными лексикографическими источниками. Представляются результаты исследования корпуса английских звукоизобразительных RL-глаголов.

Звукоизобразительность, этимология, индоевропейская основа, фоносемантика, RL-форманты, RL-глаголы

Данная работа посвящена этимологии английских звукоизобразительных RL-глаголов. RL-глаголами мы называем глаголы с RL-формантами [Воронин, 1980], глаголы, имеющие в исходе *-er*, *-le*, например, *whisper* «шептать; нашептывать, сообщать по секрету», *trample* «тяжело идти, ступать, топтать», *tumble* «бормотать; с трудом жевать», *jabber* «говорить быстро и нечленораздельно; пустословить; болтать, судачить» и т. д.

1. Материалы и методы исследования. Обзор использованных этимологических словарей

Корпус английских глаголов с RL-формантами, отобранных *методом* сплошной выборки из 20-томного издания Большого Оксфордского словаря [The Oxford English Dictionary, 1989], был проанализирован с помощью метода фоносемантического анализа (МФСА), разработанного С. В. Ворониным [1990]. Применение данного метода позволяет установить наличие/отсутствие звукоизобразительности в изучаемом слове. Всего было исследовано 1433 глагола английского языка, содержащих RL-форманты.

МФСА представляет собой систему из последовательности шести операций: семантика, критерии, этимология, экстралингвистика, типология, оценка. Операция «этимология» является весьма значимой, поскольку «необходимость учета генетического (этимологического) и диахронического

(эволюционного) аспекта при объяснении и систематизации современных языковых явлений становится в лингвистике все более очевидной» [Ляхнович, 1990, с. 4]. Следует также отметить, что одной из категорий фоносемантики, в рамках которой применяется МФСА, является *пантопохрония* – рассмотрение звукоизобразительности с пространственных и временных позиций [Воронин, 1980]. Звукоизобразительность слова по происхождению имеет принципиальное значение, ведь «в широком синхрогенетическом понимании звукоизобразительными являются не только слова, которые ощущаются носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между звуком и значением, но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказывается затемненной, ослабленной и даже, на первый взгляд, полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа (подкрепленного внешними данными типологии) эта связь выявляется» [Воронин, 1980, с. 9].

Изучение этимологии английских звукоизобразительных RL-глаголов проводилось с привлечением данных и других словарей, помимо «Большого Оксфордского словаря», таких как «Оксфордский словарь английской этимологии» [The Oxford Dictionary of English Etymology, 1982], «Этимологический словарь английского языка» В. Скита [Skeat, 1978], «Словарь английской этимологии» Х. Веджвуда [Wedgwood, 1872], «Полный этимологический словарь английского языка» Э. Кляйна, «Краткий этимологический словарь» Э. Партриджа [Partridge, 1961] [Klein, 1966 – 1967], «Индогерманский этимологический словарь» Ю. Покорного [Pokorny, 1959], «Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь» В. М. Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч, 1971, 1976, 1984], «Сравнительно-этимологический словарь германских языков» В. В. Левицкого [1984], «Исландский этимологический словарь» А. Йоханнесона [Johannesson, 1951 – 1954], «Этимологический словарь немецкого языка» [Etymologisches Wörterbuch des Deutschen, 1989], «Этимологический словарь немецкого языка» Ф. Клуге [Kluge, 1975], «Норвежско-датский этимологический словарь» Х. Фалька и А. Торпа [Falk, Torp, 1960], «Шведский этимологический словарь» Э. Хельквиста, [Hellquist, 1948] и другие.

2. О звукоизобразительной природе RL-глаголов по данным этимологических словарей

2.1. Прямое указание на ЗИ-происхождение RL-глаголов

Лексикографические источники безоговорочно подтверждают звукоизобразительную природу некоторых RL-глаголов, например, *twitter* «щебетать, чирикать (о птицах)», *clatter* «стучать, греметь; громыхать», *sizzle*

«опалаять или жарить с шипением», *flicker* «хлопать крыльями, парить», *grumble* «ворчать, бормотать, жаловаться; рычать» и т. д. В таких случаях указывается, что глагол является ономатопоэтическим (*onomatopoeic*), звукоподражательного происхождения (*of imitative origin*), звукоподражательным (*echoic, imitative*).

В словарных статьях других RL-глаголов их звукоизобразительная природа предполагается, например, *tootle* «трубить в рог постоянно, производить последовательность звуков на духовых инструментах», *bumper* «производить или получать легкие удары, толчки», *twangle* «легко, непрерывно или повторно звучать (о натянутой струне)», *quiver* «трястись, вибрировать, дрожать мелкой дрожью», *bicker* «драться, наносить удары; ссориться» и т. д. Словари отсылают к корневым образованиям без RL-формантов, например, *toot* «трубить в рог», *bump* «сильно ударяться с приглушенным звуком», *twang* «издавать резонансный звонкий звук натянутой струны», где имеются предположения об их звукоизобразительности (*perhaps imitative, perhaps echoic*). В случае отсутствия коррелята без RL-формантов, такое предположение сформулировано как «возможно звукоподражательное» (*perhaps imitative*), «возможно, частично звукоподражательное» (*perhaps at least partly echoic*).

2.2 Косвенное указание на ЗИ-происхождение RL-глаголов

Довольно часто звукоизобразительность производящей основы не указывается, но дальнейший, более глубокий, этимологический анализ позволяет обнаружить, что данное слово или его корреляты из родственных языков возводятся к германским и далее индоевропейским корням, называемым звукоизобразительными (*schallmalend, Schallwurzel*), звукоизобразительного происхождения (*schallmalenden Ursprung*) [Pokorny, 1959, Klein, 1966 – 1967].

Примерами таких RL-глаголов могут послужить *whimper* «хныкать, жалобно ныть (о детях)», который возводится к германскому звукоизобразительному корню **hwi-* [Kluge, 1975] и индоевропейской звукоизобразительной основе **uai-* «плач, стенание» [Pokorny, 1959, Klein, 1966 – 1967], *bluster* «бушевать, реветь, неистовствовать (о буре, шторме)», который, наряду со скандинавскими коррелятами: исландским *blása* «дуть; дуть в трубу» и шведским *blåsa* «звучать», восходят к общегерманской основе **bla-*, индоевропейской **b^hla-* «дуть, раздувать, набухать», неоднократно отмеченной как звукоизобразительная основа [Pokorny, 1959, Klein, 1966 – 1967, Johannesson, 1951 – 1954], *buffle* «озадачивать» и его, предположительно, производящая основа *buff* «говорить запинаясь, выдыхая

воздух резкими толчками; смягчать удары; наносить удары по мягкому телу», возводятся к звукоизобразительной индоевропейской основе **b(e)u-*, *b^h(e)u-* «надуваться, пухнуть» [Pokorny, 1959, Klein, 1966 – 1967] и др.

Иногда звукоизобразительность индоевропейской основы не указывается лексикографическими источниками, но основа признается рефлексом ностратического дескриптивного (т. е. звукоизобразительного) корня [Иллич-Свитыч, 1971, 1976, 1984], например, в случае с глаголом *sparkle* «выбрасывать искры, маленькие частички; искриться; переливаться», который возводится к индоевропейской основе **sper(e)g-*, *g*-расширению корня **(s)per-* «рваться, ломать» [Pokorny, 1959, Skeat, 1935, Klein, 1966 – 1967], индоевропейскому рефлексу ностратического дескриптивного *p'är'la* «рвать, ломать, расщеплять».

Подобным примером может выступить и этимология глагола *blunder* «грубо ошибаться; допустить промах; напутать» из среднеанглийского *blondren*, фреквентативного образования от исландского *blonda* «дремать» со значением «продолжать дремать, быть сонным и бестолковым». Сема со значением «путать, смешивать» дает основания, как полагает В. Скит [Skeat, 1935], считать их родственными *blend* и возвести к индоевропейской основе **blendh-* «путать, смешивать, ошибаться, плохо видеть», которую В. М. Иллич-Свитыч называет индоевропейским рефлексом ностратического *bul* «влажный осадок, муть», вероятно, дескриптивного [Иллич-Свитыч, 1971, 1976, 1984].

2.3. ЗИ-происхождение RL-глаголов, установленное методом ФСА

В исследованном материале присутствуют также RL-глаголы, возводимые к индоевропейским основам, звукоизобразительность которых предполагается фоносемасиологами [Климова, 1986, Пономарева, 1991]. Таковыми являются, к примеру, основа **suēi-* «гнуть, сгибать, махать, веять» – источник глаголов *swabble* «издавать плещущий звук при раскачивании, встряхивании (о жидкости)», *swingle* «качать, размахивать», *swimble* «чувствовать головокружение», *swaver* «шататься, трястись», основа **uer-* «гнуть, крутить, вертеть» – источник глаголов *warble* «поворачиваться, вертеться, кружиться», *wrangle* «гневно ссориться, шумно и яростно спорить», *wringle* «сплестать(ся), скручивать(ся); обвивать, плести», основа **(s)ker⁴-* «резать» – источник глаголов *scribble* «чесать шерсть», *shirl* «подстригать большими ножницами», *scowl* «смотреть, нахмурив брови; смотреть зло и угрюмо», родственные основы **slēb-* «свободно, вяло свисать», **(s)leu-*, **(s)leg* «слабый, вялый» – источники глаголов *slagger* «слоняться без дела, мешкать, медленно или неумело работать», *loiter* «бездельничать; мешкать, медлить», *slobber* «ест неаккуратно, пускать слюни» и др. Семантика указанных индоевропейских основ

сигнализирует об их звукоизобразительном характере. В случае с несколькими одинаковыми основами с разными значениями, как **(s)ker*¹- «сморщиться; шершавая кожа», **(s)ker*²- «прыгать», *sker*³- «вертеть, гнуть, делать кривым», *sker*⁴- «резать», *sker*⁵- «издавать резкий звук» предполагается не этимологическая омонимия, а распад полисемии с исходным звукоподражательным корнем и последующим развитием семантики: «издавать резкий звук» – «скрести, царапать» – «резать» [Климова, 1986].

В исследованном нами материале 217 звукоизобразительных RL-глаголов имеют пометы «происхождение неясно, этимология неизвестна» (*origin obscure, etymology unknown*), которые весьма часто скрывают звукоизобразительное происхождение слов, как подтверждают специально проведенные исследования [Климова, 1986, Пономарева, 1991].

Примерами таких RL-глаголов могут выступить *hamper* «затруднять, стеснять движения; препятствовать», *tramble* «перекатываться; свалиться, упасть», *wrangle* «сплетать(ся), скручивать(ся); обвивать, плести», *crizzle* «становиться шершавым, неровным (о поверхности), морщиться», *hunker* «сидеть на корточках», *skirl* «стремительно лететь или мчаться в вихре», *slotter* «загрязнять; расплескивать жидкость», *wheedle* «подольщаться к кому-либо; убажывать; выманывать лестью», *dringle* «проводить время в лености, слоняться без дела; медленно вытекать по капле», *piggle* «заниматься пустяками» и др. Использование МФСА позволило подтвердить звукоизобразительную природу таких глаголов.

В процессе исследования 381 глагол не получил подтверждения своего звукоизобразительного происхождения, к примеру, *stipple* «изображать пунктиром, штрихом; гравировать в пунктирной манере», *soother* «упрашивать, задабривать; уговаривать, лстить», *wilder* «сбивать с пути; уводить в сторону; заблудиться», *ransack* «обыскивать, обшаривать (дом и т. д.); грабить», *masker* «озадачивать, смущать, сбивать с толку», *finagle* «мошенничать, обманывать, дурачить» и др. При современном состоянии этимологических изысканий не удалось квалифицировать эти глаголы как звукоизобразительные, но изучение этих, условно обозначенных как «незвукоизобразительные», RL-глаголов представляется перспективным в рамках этимологической фоносемантики.

Таким образом, проведенное исследование показало, что подавляющее число английских RL-глаголов (1052 из общего числа 1433) являются звукоизобразительными по происхождению, см. также [Бартко, 2002], что, с нашей точки зрения, указывает на звукоизобразительную природу RL-формантов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартко Н. В. Английские звукоизобразительные RL-глаголы: Фоносемантический анализ, дис. канд. наук, СПб., 2002.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. Дис. докт. наук. Ленинград, 1980.
- Воронин С. В. О методе фоносемантического анализа // Лингвометодические аспекты семантики и прагматики текста / Ред. кол.: Р. Б. Лебедева, М. Н. Кострикин, И. Ф. Шамара. Курск, 1990.
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь. М., 1971, 1976, 1984.
- Климова С. В. Глаголы «неясного происхождения» в Сокращенном Оксфордском словаре. (Элементы этимологической фоносемантики): дис. канд. наук, Ленинград, 1986.
- Левицкий В. В. Сравнительно-этимологический словарь германских языков. Черновцы, 1994.
- Ляхнович Т. Л. Принципы построения морфемно-грамматического словаря русских глаголов: Автореф. дис. канд. наук., М., 1990.
- Пономарева С. В. Фоносемантический анализ лексики: этимологический аспект. (на материале англоязычной научной фантастики), дис. канд. наук, СПб., 1991.
- Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / W. Pfeifer. Berlin, 1989. Bd. 1 – 3.
- Falk H., Torp A. Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch. Oslo/Bergen, 1960. Bd. 1-2.
- Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1948. Bd. 1 – 2.
- Johannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951-1954.
- Klein E. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Amsterdam, 1966 – 1967. Vol. 1 – 2.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, New York, 1975.
- Partridge E. Origins. A Short Etymological Dictionary of Modern English. London, 1961.
- Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959. Bd. 1- 2.
- Skeat W. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1935.
- The Oxford English Dictionary. 2^d Ed / J. S. Simpson, E. S. C. Weiner. Oxford, 1989. Vol. I – XX.
- The Oxford Dictionary of English Etymology / C. T. Onions. Oxford, 1982.
- Wedgwood H. A Dictionary of English Etymology. London, 1872.

Bartko, N. V.

National Research University of Electronic Technology «MIET»

ON ETYMOLOGY OF ENGLISH ONOMATOPOEIC AND SOUND SYMBOLIC RL-VERBS

The etymology of English onomatopoeic and sound symbolic RL-verbs is considered. The etymological data from different dictionaries are investigated. The research material taken from the 2^d edition of the Oxford English Dictionary is analysed. The results of the research are presented and discussed on numerous examples.

Sound symbolism, sound imitation, etymology, Indo-European root, phonosemantics, RL-formatives, RL-verbs

УДК 81`23

М. Г. Вершинина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ver.m.g@yandex.ru

ЭКСПЛИКАЦИЯ МУЗЫКОФОНОСФЕРЫ В РУССКОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Восприятие музыки рассматривается в аспекте фоносемантики на основе данных анализа семантического поля «Музыка» и ассоциативного поля «Музыка», полученного в результате психолингвистического эксперимента. Фоносемантическое поле «Музыкафоносфера» воссоздает малую часть звуковой картины мира носителя русского языка, и несмотря на то что сфера музыки мыслится как звуковая среда, она представлена иконическими знаками фрагментарно.

Музыкафоносфера, фоносфера, звуковая картина мира, фоносемантическая картина мира, восприятие музыки

Восприятие музыки интересует исследователей в различных аспектах: рассматриваются музыкальные предпочтения как часть социальной идентификации [Полянская, Каргина, 2018, с. 187 – 194], психолого-педагогические закономерностей восприятия музыки [Лобова, 2018, с. 133 – 137], этапы восприятия [Комурджи, 2018, с. 132 – 135], в психолингвистических работах на экспериментальном материале описываются основные направления ассоциирования в структуре поля «музыка», так, В. Д. Черняк [2013] рассматривает ассоциативное поле «музыка» как один из значимых фрагментов лексикона языковой личности.

Фоносемантический аспект восприятия музыки представляет особый интерес, так как музыка – это звуковая среда, на материале которой становится возможным проследить связь фрагментов фоносферы с фоносемантической картиной мира носителя русского языка. Согласно исследованию восприятия фоносферы носителями диалектной речи и ее отражения в звуковой картине мира диалектоносителя [Вершинина, 2013, с. 60 – 62] музыкафоносфера представлена в фоносемантической звуковой картине мира фрагментарно, если не сказать бедно. Возникает вопрос, слабая проявленность музыкафоносферы в диалектной звуковой картине мира связана с особенностями диалектной речи и восприятия музыки диалектоносителем или же данная звуковая сфера имеет особенности экспликации в звуковой

картине мира вообще? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос были проанализированы фоносемантическое поле «Музыкафоносфера» (часть семантического поля «Музыка») на материале русского литературного языка и результаты ассоциативного цепочечного эксперимента, направленного на формирование ассоциативного поля «Музыка».

Для составления семантического поля «Музыка» из толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *методом* сплошной выборки было отобрано 448 единиц с семантическим компонентом «музыка». В ходе анализа было выявлено, что фоносемантическое поле «Музыкафоносфера» в толковом словаре Ожегова-Шведовой представлено 41 звукоподражательной единицей, что составляет 9% от всего количества единиц с семой «музыка». Так, фоносемантическое поле «Музыкафоносфера» включило в себя следующие семантические группы: 1) музыкальные инструменты (33 %): *барабан, бубен, труба*; 2) термины и понятия (19 %): *созвучие, подголосок, присвист*; 3) исполнители (18%): *ударник*; 4) глаголы действия (11%): *голосить, дудеть*; 5) характеристика голоса/музыки (10%): *громкий, звонкоголосый*; 6) танец или музыка в ритме танца (3%): *гопак, трепак*; 7) специалисты, работающие со звуком (1%): *шумовик*; 8) обработка звука (1%): *звукозапись*; 9) музыкальные произведения (1 %): *мюзикл*.

Ядром фоносемантического поля «музыкафоносфера», эксплицированного ономатопами, стала семантическая группа «музыкальные инструменты» (33%). А отношение фоносемантического поля «музыкафоносфера» к семантическому полю «музыка» позволяет говорить о слабой представленности данной звуковой сферы в звуковой картине мира носителя русского языка.

На следующем этапе исследования был проведен ассоциативный *эксперимент*. В эксперименте приняли участие студенты Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, обучающиеся на четырех факультетах: филологическом (далее – ФФ), математическом (далее – МатФ), музыки (далее – МузФ) и физической культуры (далее – ФФК), а также студенты факультета прикладной математики и механики Пермского национального исследовательского политехнического университета (далее ФПММ) – всего 92 информанта в возрасте от 18 до 24 лет по 23 человека на одну специальность. В качестве стимула информантам было предложено слово «музыка». В результате было получено 2527 реакций: ФФК – 485 реакций, МатФ и ФПММ – 503, ФФ – 1088 и МузФ – 451. Наибольшее количество реакций дали студенты филологического факультета (в среднем 47

на человека), наименьшее – студенты музыкального факультета (в среднем, 19 – 20 на человека).

Полученные реакции образовали развернутое ассоциативное поле «Музыка», включающее в себя 20 полей, среди которых «человек, личность», «восприятие», «музыкальные инструменты», «терминология», «деятельность», «пространство», «время», «бытие» и др. и субполей. Так, поле «Человек, личность» представлено субполями «исполнитель», «группа исполнителей», «свойства личности», «тело», «конкретный композитор», «конкретный исполнитель» и др. Среди полученных реакций звукоподражательную природу имеют 169 единиц, что составляет 6,7% от общего их количества.

Если ассоциативное поле «Музыка» само имеет достаточно развернутую структуру и включает в себя сложную систему полей и субполей, то фоносемантическое поле «Музыкафоносфера» представлено всего 6 полями: «музыкальные инструменты» (*балалайка, барабан, колокольчики*), «звуки» (*скрип, шум, крик*), «природа» (*жужжание, журчание, сверчок*), «звуковые устройства» (*звонок, свисток*), «обработка звука» (*звукозапись*).

Сравнение данных ассоциативного фоносемантического поля «Музыкафоносфера» с данными фоносемантического поля «Музыка» позволяет отметить следующее: ядро и периферия обоих полей совпадают («музыкальные инструменты» – «обработка звука»), фоносемантическое поле находится на периферии семантического и ассоциативного полей, несмотря на звуковую природу исследуемой сферы.

Полученные данные позволяют говорить о том, что музыка, эксплицированная в языке, обладает иконическими свойствами только тогда, когда в качестве ее денотата выступают источники звука (музыкальные инструменты или голос человека) либо она вызывает ассоциации с природными звуками. Все это позволяет сделать вывод, что музыкальная звуковая среда воспринимается человеком не столько в качестве звукового пространства, сколько в качестве семиотического, искусственного образования.

При сравнении количества ономастов, данных информантами разных факультетов, была выявлена следующая тенденция. Студенты факультета физической культуры дали 8% реакций, имеющих звукоподражательную природу, а студенты факультета музыки – 4%, то есть в 2 раза меньше, то есть наименьшую представленность имеет фоносемантическое поле «Музыкафоносфера», сформированное на основе реакций информантов факультета музыки. Данное соотношение можно проинтерпретировать тем,

что люди, которые не занимаются музыкой профессионально, воспринимают музыкафоносферу как нечто конкретное и используют в речи больше иконических знаков по сравнению с людьми, занимающимися музыкой профессионально и воспринимающими музыку как семиотический конструкт.

Таким образом, несмотря на то что сфера музыки непосредственно связана со звуком, в сознании человека она отражается не столько в качестве звучащей среды, имеющей иконическую природу, сколько в качестве семиотического образования, осмысляемого посредством единиц неономатопозитической природы.

ЛИТЕРАТУРА

- Комурджи Р.З. Проблема восприятия инструментальной музыки // Манускрипт. 2018. №7 (93). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vozpriyatiya-instrumentalnoy-muzyki> (дата обращения: 21.03.2022).
- Вершинина М. Г. Диалектная звуковая картина мира: социофоносфера (на материале пермских говоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 60–62.
- Лобова Л.Г. Специфика и закономерности восприятия музыки // АНИ: педагогика и психология. 2019. №2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-zakonmernosti-vozpriyatiya-muzyki> (дата обращения: 21.03.2022).
- Полянская Е.Н., Каргина Н.В. Музыкально-стилевые предпочтения российских студентов // Знание. Понимание. Умение. 2018. №1. URL: <https://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/664> (дата обращения: 21.03.2022).
- Черняк В. Д. Современная музыка в спектре ассоциаций языковой личности / В. Д. Черняк // Урал. филол. вестн. Серия «Психолингвистика в образовании». – 2013. – № 4. С. 110 – 115.

Vershinina, M. G.

Perm National Research Polytechnic University

EXPLICATION OF THE MUSIC PHONOSPHERE IN THE RUSSIAN SOUND PICTURE OF THE WORLD: SEMANTIC AND PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS

The perception of music is considered in the aspect of phonosemantics based on the results of the analysis of the semantic field 'Music' and the associative field 'Music' obtained because of a psycholinguistic experiment. The phonosemantic field 'Music phonosphere' recreates a small part of the sound picture of the world of a native speaker of the Russian language, and even though the sphere of music is thought of as a sound medium, it is represented by iconic signs in fragments.

Music phonosphere, phonosphere, sound picture of the world, phonosemantic picture of the world, perception of music

УДК 81'37

А. Н. Ливанова

ORCID 0000-0002-4694-6411

Санкт-Петербургский государственный университет,

alex_livanova@yahoo.com

ЗАМЕНА НАЧАЛЬНОГО /P/ НА /T/ В ОДНОМ НОРВЕЖСКОМ СЛОВЕ

*В статье рассматривается трактовка норвежскими лингвистами замены начального /p/ на /t/ в слове *pisse* «писать» как эвфемистической, влекущей за собой снижение отрицательной оценочности этого слова и появление у него возможности использования в нейтральном функциональном стиле. Этот вопрос актуализовался в норвежском обществе в связи с проведением лингвистической экспертизы в суде. Предлагается отличный от высказанного норвежскими лингвистами взгляд на механизм этого явления.*

Фоносемантика, начальный согласный, эвфемизация, детский язык, норвежский язык

Во всех германских языках, насколько известно автору, представлены соответствия норвежскому слову *pisse* «мочиться» и производные от него. Этимологи относят эти образования к звукоизобразительным, см., напр., словарь Флакман [2016, с. 122]. Как исходно оноματοпоэтическое образование, заимствованное в германские языки из романских, это слово аттестуется в надежном этимологическом словаре датского и норвежского языков [Falk, Torg, 1991]. Новейший норвежский этимологический словарь [De Carona, 2013, с. 102] уточняет, что источник заимствования – латынь. В русский язык слово «писать», по мнению Фасмера [1987], также заимствовано из французского или итальянского: «ономатопоэтического образования из речи кормилиц» [Фасмер, 1987]. Последнее важно.

Наряду с этим глаголом сниженного регистра в норвежском языке употребляется и сходный по звучанию глагол *tisse*. Так же обстоит дело в близкородственных континентальных скандинавских языках. Для датского языка корпусной словарь [Den Danske Ordbog, 2021] сообщает, что *pisse* является, собственно, «очень неформальным» звукоподражательным словом, попавшим в язык, вероятно, из старофранцузского *pissier* через посредство средненижненемецкого *pissen*. Для шведского словарь [Svenska Ordbok, 2021] также указывает на звукоподражательное происхождение *pissa* и приводит вариант *kissa* как его эвфемистическую замену.

Как эвфемизм трактуется и норвежское *tisse*, как в уже упомянутом этимологическом словаре [De Caprona, 2013, 112], так и в авторитетном сетевом словаре [Det Norske Akademis Ordbok, 2017]. Таким образом, подстановка переднеязычного смычного вместо билабиального, по мнению авторов словарей, приводит к определенному семантическому сдвигу: качественной смене оценочного компонента.

Внимание публики было вначале привлечено к этому, казалось бы, малозначительному лингвистическому курьезу выступлениями на телевидении, а затем и публикациями в прессе бергенского профессора Гуннстейна Аксельберга. В его выступлениях и статьях акцент был сделан на гендерных отличиях в употреблении указанных глаголов: мол, *pisse* используется в основном мужчинами, а *tisse* – женщинами [Gilstad, 2017].

На первый взгляд так и есть. В одной из последних книг популярного писателя Эрленда Лу «Ад» [Loe, 2019, с. 71 – 72] героиня книги Ракель употребляет однокоренное существительное с /t/ – *rødt tiss* «красная моча», а герой, Сатана, с /p/ – *raudt piss*.

Однако гораздо более значительный интерес вызвало использование выводов профессора Аксельберга другим известным языковедом Сьюльфестом Лумхеймом, привлеченным в качестве эксперта к судебному разбирательству, где он должен был высказать свое мнение по поводу того, мужчиной или женщиной была написана анонимная записка с угрозами. Эксперт решил, что женщиной, и одним из аргументов было использование в записке глагола *tisse*, который, по его утверждению, мужчины употребляют только в разговоре с детьми [Vedeler, 2020].

К дискуссии тотчас подключились другие известные лингвисты. Первой выводы Лумхейма подвергла сомнению писатель и публицист Хелене Ури, указав, что на употребление /p/ или /t/ влияют и другие факторы, как то: диалект говорящего (здесь надо отметить, что диалектная речь в Норвегии престижна и широко распространена во всех сферах), ситуация, а так же о ком идет речь. Ури сослалась на проведенное университетом Бергена совместно с Национальной библиотекой исследование художественных произведений, показавшее, что мужчины чаще всего употребляют глагол *pisse*, однако *tisse* практически одинаково частотен в произведениях авторов как мужского, так и женского пола [Vedeler, 2020].

Не удержались от комментариев профессор Улаф Хюсбю, дополнивший картину подробностями из истории языка и диалектных студий [Husby, 2020], и профессор Финн-Эрик Винье, указавший, что врачи-урологи, обращаясь к своим пациентам-мужчинам, употребляют *tisse* [Vinje, 2020].

Подводя итоги дискуссии, ее участники пришли к выводу, что форма *tisse* в формальных ситуациях более приемлема, и в первую очередь она используется в коммуникации с детьми. В качестве одного из аргументов приводилась детская книга с картинками *Steder å tisse* «Места, где пописать» писателя Свейна Нюхуса, и сам автор, гордый тем, что его книга нашла применение в нашумевшем судебном разбирательстве, настаивал в своем блоге на том, что мужчины используют слово *tisse* только тогда, когда обращаются к детям [Nyhus, 2020].

Датские информанты рисуют ту же картину: *pisse* – грубое слово, которым пользуются мужчины в разговорах между собой; *tisse* – слово нейтрального регистра, этим словом пользуются дети, но также и взрослые в приличном обществе.

Обсуждая в подробностях стилистические особенности двух глаголов и сходясь во мнении о грубости *pisse* и допустимости *tisse*, участники дискуссии, однако, не пытаются прояснить, каким же образом замена начального губного смычного на переднеязычный столь сильно меняет оценочность рассматриваемого слова. Вернее, единственную попытку объяснить это предпринял первым обративший внимание на данные глаголы профессор Аксельберг, указав, что *pisse* более вульгарно, а *tisse* более женственно, поскольку «Мы выговариваем *pissa* сомкнув губы. Потом *p* взрывается. Это взрывной звук. *Pissa*. Когда мы произносим *tissa*, наши губы не сомкнуты. Язык поднят к нёбу. Тогда получается *tissa*. Никаких взрывных звуков. Этот звук не такой мужиковатый. *Tisse* более мягкое и женственное слово. Тоненькая струйка – и мощная струя. Журчание и сильный напор» [Gilstad, 2017].

Аргументация не представляется убедительной. Можно согласиться лишь с тем, что, как пишут исследователи детского языка [Cassani, Chuang, Ваауен, 2020, с. 622], «первая фонема слова является надежным предсказателем оценочности самого слова, лучшим, чем последующие фонемы», то есть изменения оценочности скорее всего можно ожидать при замене первого звука в слове. Но почему именно /p/ на /t/?

Известный норвежский фонетист и фонолог Арне Ванвик, наблюдавший за языковым развитием дочери, указывает на появление в ее репертуаре в хронологическом порядке следующих согласных звуков: на этапе гуления – [w], затем гортанной смычки, с пяти недель [m] [Vanvik, 1971, с. 270]. Однако гуление – это еще не собственно развитие речи. Характер звуков при гулении определяется положением тела. Собственно речь начинает развиваться самое раннее с четырех месяцев, и в этом возрасте появляются сначала передние смычные, как губные, так и переднеязычные [см. Нøier Kjølaas, 2016]. У дочери Ванвика в пять месяцев

появились [b], [d] и [p], в шесть месяцев [t]. В десять с половиной месяцев она произносила [dis(ə)bətə] *tissepotte* «ночной горшок» [Vanvik, 1971, с. 271].

В другой из немногих научных книг, посвященной развитию языковых навыков у норвежских детей, со ссылкой на работы Романа Якобсона утверждается, что первыми согласными звуками, осваиваемыми детьми, являются губные смычные /b/ или /p/, а также их носовое соответствие /m/, и только на следующем этапе появляются другие смычные, сначала /t/ и /d/, затем /k/ и /g/ [Pedersen, 1997, с. 65].

Не освоив полностью всю систему, дети имеют тенденцию заменять неосвоенные звуки освоенными, произнося, например, /top/ вместо /kop/ или /tate/ вместо /kake/ [там же, с. 66]. Кроме того, новые согласные появляются в первую очередь в начальной позиции, причем сочетания согласных даются детям сложнее, и первый согласный сочетания нередко опускается. Характерно, что автор приводит в пример слово «стул» /stul/, произносимое как /tul/, снова с начальным /t/ [там же, с. 67]. Стоит отметить, что начальное сочетание /st/ чрезвычайно частотно в германских языках.

Таким образом, можно было бы предположить в языке детей появление первым глагола, начинающегося на /p/. Однако большинство слов дети усваивают из языка говорящих с ними взрослых. Слово *tissepotte* [dis(ə)bətə] «горшок» попало в репертуар дочери Ванвика явно из языка взрослых, сюсюкающих с детьми, используя так называемые *nursery words*. Можно предположить, что, когда взрослые обращаются к младенцам и коверкают язык, умильно складывая губы в «куриную гузку», начальные согласные слов имеют тенденцию превращаться в переднеязычные, как смычные, так и сибиллянты (при этом нередко палатализованные). Ведь губы вытянуты далеко вперед в характерной форме, что касается коммуникации взрослых с детьми как на русском, так и на других языках. Так, слово *тютю*, обозначающее балетную пачку, заимствовано из французского *tytu*, представляющее собой детское слово, исходно *sisci* (с начальным /k/) от *cul* «попка».

Подводя итог, стоит отметить, что в самом начале статьи говорилось о том, что предположительный первоначальный источник рассматриваемых слов – язык кормилиц. Для слов детского языка положительная оценочность закономерна, и, вероятно, она переносится на начальный согласный /t/.

ЛИТЕРАТУРА

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Том III.
 Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: Издательство РХГА, 2016.

- Cassani G., Chuang Y., Baayen R. H. On the semantics of non-words and their lexical category // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2020, Vol. 46, No. 4. С. 621 – 637.
- De Caprona Y. Norsk etymologisk ordbok. Oslo: Kagge Forlag AS, 2013.
- Den Danske Ordbog, 2021. URL: <https://ordnet.dk/ddo/%20ordbog?query=pisse> (дата обращения: 15.03.2022).
- Det Norske Akademis Ordbok, 2017. URL: <https://naob.no> (дата обращения: 11.11.2021).
- Falk H., Torp A. Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. Oslo: Bjørn Ringstrøms Antikvariat, 1991.
- Gilstad H. Pisspreik av professor? En uhøytidelig undersøkelse om språkbruk. URL: <http://forskning.no/sprak/2017/03/menn-sier-pisse-kvinner-sier-tisse-spraksjov-linda-eide>
- Høier Kjølås J. Tre forelesninger om kommunikasjon. Del 2 av 3. 2016. URL: <https://docplayer.me/215240-Tre-forelesninger-om-kommunikasjon-av-jorun-hoier-kjolaas-hogskolen-i-tromso-del-2-av-3.html> (дата обращения: 16.04.2020).
- Husby O. Pess <https://sprakblog.wordpress.com/2020/10/23/pess/> (дата обращения: 17.02.2021).
- Loe E. Helvete. Oslo: Cappelen Damm, 2019.
- Nyhus S. "Steder å tisse" i Oslo tingrett. URL: <https://sveinnyhus.blogspot.com/2020/10/steder-tissei-oslo-tingrett.html> (дата обращения: 18.10.2020).
- Pedersen S. Språk og språkutvikling hos barn. Oslo: Det Norske Samlaget, 1997.
- Svenska Ordbok, 2021. URL: <https://svenska.se/tre/?sok=pissa&pz=2> (дата обращения: 15.03.2022).
- Vanvik A. The phonetic-phonemic development of a Norwegian child // Norsk Tidsskrift Sprogvidenskap 24, 1971. С. 269 – 325.
- Vedeler L.M. Uenige om bruken av ordet tisse. URL: https://www.nrk.no/kultur/uenige-om-bruken-av-ordet_tisse_-1.15206839 (дата обращения: 11.11.2020).
- Vinje F.-E. Om å tisse og sånt. URL: <http://www.finnerikvinje.no/index.html> (дата обращения: 11.11.2020).

A. Livanova

Saint Petersburg State University

CHANGE OF INITIAL /P/ TO /T/ IN A CERTAIN NORWEGIAN WORD

The article discusses the Norwegian linguists' treatment of the replacement of the initial /p/ by /t/ in the word pisse 'to piss' as euphemistic, resulting in the reduction of the negative value of this word and making possible its usage in a neutral functional style. This minor issue has been brought up to attention in Norwegian society to a case of linguistic expertise in court. The article offers a different view of the mechanism of this phenomenon from that expressed by Norwegian linguists.

Phonosemantics, initial consonant, euphemization, nursery words, Norwegian language

УДК 81'342.4

В. Н. Малышева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

malvaleriam@gmail.com

СЕМА «СЛОМАННОЕ» КАК ЦЕНТР ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ФОНЕСТЕМНОЙ ГРУППЫ BR- АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье проводится фоносемантический анализ слов фонестемной группы BR-, взятых методом сплошной выборки из этимологических словарей. В результате исследования были выявлены лексико-семантические подгруппы фоносемантического поля фонестемной группы, проведен подробный анализ ее центральной подгруппы «сломанное» и определены слова, занимающие позиции ядра, периферии и сателлитов данной подгруппы поля.

Фонестемы, фоносемантика, фоносемантическое поле, иконичность, этимология

Феномен фонестемного звукового символизма изучается в мировой лингвистике уже почти столетие, но до сих пор остается дискуссионным вопросом фоносемантики. Термин «фонестема», предложенный Дж. Р. Фёртом [Firth, 1930], по-прежнему не имеет однозначной трактовки, актуальным остается вопрос определения критериев выделения фонестемы. Появление всё большего числа материалов [Sadowski, 2001; Smith, 2016; Abelin, 2015; Willemsen & Miltersen, 2020] на материале разных языков способствует уточнению понятия.

Статус фонестемы остается дискуссионным: среди исследователей по-прежнему нет единства в том, считать ли подобные форманты фонемами, морфемами или единицами с особым статусом. В данной работе фонестема понимаются как «сочетание фонем, общее для группы слов и имеющее общий элемент значения или функцию». Такая трактовка ранее предлагалась рядом авторов [Михалев, 2018; Флакман, 2016; Householder, 1946].

В данной статье приводятся результаты исследования явления фонестемного звукового символизма на материале слов фонестемной группы BR- английского языка. *Задачи* исследования состояли в отборе слов, входящих в группу по семантическому принципу; в проведении их классификации и выделении повторяющихся сем; анализе этимологии слов, формирующихся в подгруппы в случае наличия повторяющейся семы; исследовании динамики развития группы; построении фоносемантического поля, исследовании его состава и динамики развития. В статье приводится часть результатов исследования – приводится описание подгруппы, содержащих сему «сломанное».

Методом сплошной выборки из этимологических словарей: *Oxford English Dictionary*, *Online Etymology Dictionary*, «Словаря английской звукоизобразительной лексики» [Флакман, 2016] – были отобраны 146 слов с сочетанием BR- в анлауте. В выборку не включались имена собственные и этнонимы. Этимологические дублиеты определялись как отдельные слова; латинские и греческие корни, послужившие основой для образования групп однокоренных слов, фиксировались как одно вхождение.

На современном этапе развития английского языка выделены следующие подгруппы: «резкое, внезапное» (6 слов), «громкое, раздражающее» (10 слов), «острое, колючее» (16 слов), «сломанное» (7 слов). Слова, содержащие как минимум одну из перечисленных сем на современном этапе развития английского языка, включаются в число слов фонестемной группы BR-. Такие слова составили 25% от общего количества (37 слов). Среди оставшейся группы слов отмечаются другие повторяющиеся признаки. В частности, выделяется также группа слов, этимологически связанных с и.-е. корнем **b^hreu-* «кипятить, пузыриться, пениться, жечь» (13 слов), а также с и.-е. корнем **gw^her-* «нагревать» (4 слова). Кроме того, выделяется группа заимствованных из французского языка слов, связанных с корнем *bra-* со значением, связанным с рукой (6 слов). Вне зависимости от содержания приведенных сем выделено 18 слов (12% от общего числа) с негативной коннотацией.

Слова фонестемных групп в рамках подгрупп образуют *фоносемантические поля*, некоторые слова находятся на пересечении полей. Принцип поля позволяет сгруппировать объекты, имеющие общий признак, и представить их понятийное, предметное и функциональное сходство.

А. Б. Михалев замечает особенность фоносемантического поля: «его взаимосвязь с другими фоносемантическими полями, входящими в семантику того же морфемотипа, и формирование фоносемантического пространства с центробежной полевой структурой» [Михалев, 2018, с. 230].

Для описания позиции слова в рамках поля используется три варианта его положения: в ядре, на периферии и на позиции сателлита.

Согласно трактовке Михалева [2018], генетическое *ядро* образовано звукоизобразительными значениями, предоставляемыми семантическим потенциалом составляющих звуков [Михалев, 2018, с. 214]. К *периферии* относятся значения, закономерно сопровождающие ядерные и/или развивающиеся из них по определенным моделям. Такими моделями могут быть понятие результата по отношению к процессу, развитие противоположного значения, расширение значения и перенос значения по смежности [Михалев, 2018, с. 224 – 225].

Понятие «*сателлит*» (от лат. Р.п. *satellitis* – «сообщник, спутник») введено нами для описания положения значения, приближающегося к границе фоносемантического поля, но на данном этапе развития языка находящееся за его пределами. К сателлитам также мы относим слова, которые семантически удалились от ядра настолько, что вышли за границу периферии слова.

Рассмотрим структуру анализируемой фонестемной группы.

Из списка современных слов группы BR- в анлауте можно выделить 32 слова, которые существуют с древнеанглийского периода. Среди них 7 слов восходят к и.-е. корням **b^hreu-* «кипятить, сжигать» и **gw^her-* «кипятить» (*breed* «давать потомство, держать в тепле», *brew* «готовить путем смешивания и кипячения», *bride* «невеста», предположительно ввиду обязанности по приготовлению пищи, *brood* «выводок», *broth* «бульон»; *brand* «огонь, головешка, разрушение огнем», *brimstone* «сера в твердом состоянии»), 3 слова, содержащих сему «сломанное» (*breach* «нарушение, брешь, пролом, разрыв», *break* «ломать», *bruise* «синяк, вмятина, ушибить, измельчать, толочь»), и 4 слова, которые объединяет понятие «свет» (*brass* «латунь», *brazen* «латуневый», оба – в связи со способностью тщательно натертого металла отражать и усиливать свет; *bright* «яркий, светлый», *brighten* «освещать, светлеть»). Совокупно это 41% от общего числа слов группы. Их объединяет сема тепла, горения, которое приводит к выделению света и разрушению объекта, потере им прежних качеств («сломанное»). В этот период уже существует одно слово со значением «резкое, внезапное» и 3 слова, объединенных семой «острое, колючее»: *bramble* «куст ежевики», *bristle* «щетина», *broom* «кустарник, куст ежевики». Другие слова не поддаются однозначной группировке.

Подгруппа слов, содержащих сему «сломанное», выделена в данном исследовании как центральная подгруппа слов фонестемной группы BR- ввиду ряда причин. Эта подгруппа сохраняется с периода древнеанглийского языка по настоящее время, она семантически связана с группой слов, объединенных семой тепла и горения как результат избытка этих процессов, а также с подгруппами, сформировавшимися на более поздних этапах. «Сломанное» сопровождается приобретением свойств *острый* и *колючий* на границе слома, процесс ломания сопровождается громким звуком, и происходит резко. Эта группа предположительно могла стать связующим звеном для слов, для слов собственно английских и заимствованных из других языков.

Ядро подгруппы слов, содержащих сему «сломанное», сильнее других современных подгрупп фонестемной группы BR- связано с составом фоносемантических полей группы еще в период древнеанглийского языка.

В нее входят следующие слова: *brake* «тормоз», *brash* «хрупкий, ломкий, дерзкий, наглый, бестактный», *breach* «нарушение, брешь, пролом, разрыв», *bread* «хлеб», *break* «ломать», *brittle* «хрупкий, ломкий», *bruise* «синяк, вмятина, ушибить, измельчать, толочь». Слова *brash*, *breach*, *break*, *brittle*, *bruise* восходят к и.-е. **b^hreg-* «ломать» [Online Etymology Dictionary], их звукоизобразительное происхождение указано в «Словаре английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» [Флакман, 2016], что соответствует разграничению, предложенному Михалевым [2018]. Слово *breach* также можно отнести к ядру поля ввиду сохранения семы «сломанное» еще с древнеанглийского периода (ср. др.-англ. *bryce* «перелом, акт слома»). Кроме того, в процессе развития слово *breach* подверглось влиянию ст.-фр. *breche* «брешь, разрыв», которое, в свою очередь, было заимствовано из франкского или другого германского языка, происходящего от и.-е. **b^hreg-* «ломать» [Online Etymology Dictionary].

Слово *brake* «тормоз» является развитием ср.-нид. слова *braeke* со значением «льняной тормоз», этим словом, в том числе, называли инструмент, которым били по загрубевшим стеблям льна, чтобы выпустить волокна. Этим же словом называли кольцо, за которое можно было вести быка. Под влиянием французского корня *bras* «рука» к XV в. *brake* стало использоваться в значении «ручка, рычаг», а также «ограничитель». С XVIII в. слово фиксируется в значении «применить тормоз к колесу». Современное слово *brake* удерживается в периферии поля, вероятно, ввиду омонимичности со словом *break* и переносом значения с действия на результат. Кроме того, целесообразно определять место этого слова на пересечении с периферией поля «острое, колючее» ввиду вытянутой формы предмета.

К периферии же относится и слово *bread*, так как в современном английском сема «сломанное» содержится только в значении «кусочек хлеба» (перенос значения с процесса на результат), в то время как основное значение принадлежит лексико-семантическому полю «пища». Этимология слова показывает путь его удаления от ядра: др.-англ. *bread* «кусочек, крошка, порция; хлеб» возводится, по мнению разных источников, к одному из двух общегерманских корней – общег. **brautham*, происходящего от и.-е. **b^hreu-* «кипятить, пузыриться, жечь» в связи с действием закваски [Watkins, 2000], или **braudsmon-* «фрагменты, кусочки», так как значение слова подчеркивало его частичность, фрагментарность [OED, 1989]. В качестве аргумента в пользу второй трактовки OED приводит сравнение с див. *brosma* «крошка», др.-англ. *breotan* «разбиться на кусочки» и словенск. *kruh* «кусочек», используемое в значении «хлеб». К XII в. слово *bread* заменило др.-англ. слово *hlaef*, которое

было основным для обозначения хлеба и которое со временем, наоборот, стало использоваться для обозначения части хлеба и приобрело вид *loaf* в результате закономерных фонетических изменений.

Следующие слова с BR- в анлауте определяются нами как слова-сателлиты фоносемантического поля «сломанное»: *brack*, *brain*, *bran*, *brand*, *brave*, *breeches*, *breccia*, *bribe*, *brick*, а также группа *brief* (*breve*, *brevity*, *brevity*, *breviary*), *brioche*, *brothel*, *brute*.

Так, слово *brain* с др.-англ. периода фиксируется в значении «мозг», и его происхождение точно не определено. По версии Либермана [Lieberman, 2008] оно может восходить к и.-е. **b^hragno* «нечто сломанное». *Brand* в значении «клеймо» восходит к и.-е. «нагревать» и сохраняет следы переноса значения с процесса (нагрев) на инструмент и результат его применения (появление метки ввиду травмирования поверхности). Однако новые значения развивают сему знака, а не разрушения. Слово *breccia* «брекчия, горная порода, сложенная из угловатых обломков» заимствовано из итальянского языка в XVIII в., слово *brioche* «бриошь, сладкая булка» – из французского языка в XIX в. Оба слова происходят от общег. **brekan* «ломать». Слова остались на этапе грамматической ассимиляции, «иная» внешняя форма ограничивает их от свободного вхождения в поле. Тем не менее, этимологическое родство сближает их с этим полем, в особенности *breccia*, в значении которого есть семантика сломанного, которая, впрочем, может быть заметна только для специалистов области употребления слова. Аналогично *breeches* «бриджи» только этимологически указывает на связь с семой «сломанное», в данном случае – «раздвоенное». В *brick* предположительно можно наблюдать развитие срнид. *bricke* «фрагмент, отломившийся кусок», но на современном этапе сохраняется только значение части, элемента. Группа *brief* восходит к лат. *breve* «короткий» и его производным и сближается с полем «сломанное» через понимание короткого и обрывистого.

Расширение числа слов группы BR- произошло, в том числе, за счет заимствований, при этом 38% слов так или иначе связаны в своей истории с французским языком. Примечательно, что в др.-англ. период в группе BR- не было слов с отрицательной коннотацией. Такие слова фиксируются с XIV в. до XIX в., но утверждать, что процесс завершен, было бы преждевременно. На основании наличия этого признака в качестве сателлитов определяются слова *brack* «никчемный», *bran* «шелуха», *brave* «смелый» (изначально «дикий, жестокий»), *bribe* «взятка» (изначально «красть, украденная вещь»), *brothel* «бордель» (изначально «низкий, сломанный человек»), *brute* «грубый, хам». Примечательно, что наличие вибранта /r/ в качестве стержневого

элемента своей фонетической структуры, по мнению С. В. Воронина, обуславливает выделение «особой разновидности звукоподражательных слов, обозначающих различные виды резких (неприятных, раздражающих, дрожащих) звучаний реальной действительности» [Воронин, 2004, с. 35]. Вероятно, именно ассоциация с этим свойством объясняет рост числа слов с негативной коннотации в рассматриваемой группе слов.

На основании результатов исследования можно заключить, что следует определять фонестемную группу BR- следует выделять как выражающую значение «сломанное; резкое, внезапное; громкое, раздражающее; острое, колючее». Лексико-семантическая группа «сломанное» является центральной для фоносемантического поля, так как представляет собой группу слов, связывающую состав группы в диахронии и синхронии. Ядро этой группы представлено звукоподражательными словами, восходящими к общему корню. На периферии поля находятся слова, к современному этапу утратившие значение «сломанное» как основное. Ряд слов находятся на позиции сателлитов и только приближаются к полю ввиду наличия неявной этимологической связи или негативной коннотации, основанной на сломе духовной или материальной целостности.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин В. А. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб., 2004.
- Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля. Пятигорск, 2018.
- Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб., 2016.
- Abelin Å. Phonaesthemes and sound symbolism in Swedish brand names. *Ampersand*, 2, 2015. P. 19 – 29.
- Householder F. On the Problem of Sound and Meaning, an English Phonestheme. 1946.
- Lieberman A., *Analytic Dictionary of English Etymology*, University of Minnesota Press, 2008.
- Oxford English Dictionary*. Oxford, 1989.
- Online Etymology Dictionary, <https://www.etymonline.com> (дата обращения 20.03.2022).
- Sadowski P. The sound as an echo to the sense. The iconicity of English *gl-* words. In O. Fischer & M. Nänny (Eds.), *The Motivated Sign. Iconicity in language and literature 2* (pp. 69–88). Amsterdam/Philadelphia. 2000.
- Smith C. A. Tracking semantic change in *fl-* monomorphemes in the *Oxford English Dictionary*. 2016.
- Watkins C., ed., *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots*, 2nd ed., Houghton Mifflin Co., 2000.
- Willemsen J. & Miltersen E. H. The expression of vulgarity, force, severity and size. Phonaesthetic alternations in Reta and in other languages. *Studies in Language*, 44:3, 2020. P. 659 – 699.

Malysheva V. N.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

WORDS WITH SEME “BROKEN” AS THE CENTRE OF PHONOSEMANTIC FIELD OF THE ENGLISH PHONAESTHETIC GROUP “BR-”

This talk is a summary of the research on the phonosemantics analysis of English phonaestheme BR- in English etymological dictionaries. The study demonstrated the list of the lexico-semantic groups within the phonosemantic field of the phonaestheme group, a thorough analysis of its central subgroup “broken”. Nuclear and peripheral words have been determined as well as a number of satellite words.

Phonaesthemes, phonosemantics, phonosemantics field, iconicity, etymology

УДК 811.58

А. А. Пруцких

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
proutskikh@yahoo.com*

Т. А. Пруцких

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
pruta@mail.ru*

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОЛОДЕЖНОГО КИТАЙСКОГО СЛЕНГА

В статье рассматривается звукоизобразительный характер особого социокультурного феномена – молодежного сленга – на материале китайского языка. Результаты исследования подтверждают наличие фоносемантической связи между китайскими лабиальными финалями и пейоративностью. Краткий обзор словарных дефиниций и причин употребления сленга позволяет рассматривать сленг как лингвокультурологическую единицу, которая результативно функционирует в современной речи.

Фоносемантика, пейоративность, лабиальные финали, молодежный сленг, китайский язык, лингвокультурология

Человек любопытен по своей природе – всегда чрезвычайно интересно открывать что-то новое, неизведанное, мало изученное, секретное. В данной работе мы подойдем к рассмотрению уникального социокультурного

феномена, о статусе в языке которого продолжают вести споры лингвисты всего мира – сленга, с позиций фоносемантики – сравнительно молодой науки языковедческого цикла, вызывающей скептицизм и критику у некоторых представителей лингвистического научного сообщества. Как все мы знаем, в споре рождается истина, и фоносемантические исследования экспериментальным путем продолжают доказывать, что язык имеет не только смысловую составляющую, но и скрытые фонетические импульсы воздействия.

Традиции лингвистического повествования требуют обязательной работы с терминами, поэтому сначала проанализируем базовое понятие «сленг». Кроме английского слова сленг (*slang*) молодежь также активно использует французские лексемы жаргон (*jargon*) и арго (*argot*), причем «жаргонизм», «арготизм» и «сленгизм» часто выступают как синонимы и в научном дискурсе, и в лингвистических словарях. Ниже представлены словарные определения сленга в английском, русском и китайском языках (Определения сленга (*slang*, 俚语)):

(1) *Oxford English Dictionary* (Оксфордский словарь английского языка): ‘Language of a highly colloquial type, considered as below the level of standard educated speech, and consisting either of new words or of current words employed in some special sense’ («Язык очень разговорного типа, относящийся к уровню ниже уровня стандартной образованной речи и состоящий либо из новых слов, либо из имеющихся слов, употребляемых в каком-то особом значении»);

(2) *Oxford Dictionary of Modern Slang* (Оксфордский словарь современного сленга): ‘The slang of English is English with its sleeves rolled up, its shirtails dangling and its shoes covered in mud’. («Сленг английского языка – это английский в рубашке с закатанными рукавами и со свисающими полами в грязных ботинках»);

(3) *Словарь лингвистических терминов*: 1) разговорный вариант профессиональной речи; 2) элементы разговорного варианта той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или вообще в речь людей, не имеющих прямого отношения к данной группе лиц, приобретают в этих языках особую эмоционально-экспрессивную окраску;

(4) 俗话, 方言。新五代史·王彦章传: 彦章武人, 不知书, 常为俚语, 谓人曰: “豹死留皮, 人死留名”。 «Простонародная речь, диалект. В истории новых пяти династий в биографии Ван Яньчжана говорится, воин

Яньчжан не обучен грамоте, часто использует сленг (просторечия), обращаясь к людям: «Леопард умирает, остается шкура; человек умирает, остается имя»;

(5) 现代汉语词典: 通俗的口语词, 常常有方言性。如北京话中的“么蛾子 (馊主意, 怪花样)”。 «Популярные разговорные слова, часто обладают характеристиками диалекта. Например, в пекинском диалекте «крошечный мотылек» (нелепая идея, удивительный узор, странный трюк)».

Представленные определения позволяют обратить внимание, что в российской и европейской лингвокультурах сленг относят к категории разговорного или профессионального языка, а в китайском языке к данным значениям добавляется характеристика диалекта, поскольку это исключительно важная составляющая китайского языка.

Метафоричность сленга проявляется в английском языке в образе неряшливого англичанина, тогда как в английской традиционной культуре джентльмен должен быть безупречен, в древнекитайском языке в образе малограмотного, но смелого воина, прославляющего имя предков, а в современном китайском языке появляется образ крошечного насекомого, с которым может быть связано что-то неожиданное и необычное. Уместно вспомнить одну известную китайскую легенду о бабочке/мотыльке, в которой даосский философ Чжуан-цзы размышляет во сне: «Являюсь ли я человеком, которому снится, что он бабочка? Или я бабочка, которой снилось, что она человек?» [庄周梦蝶]. Тесная связь современности с древностью, сохранение богатого, многовекового опыта, проверенных временем традиций и правил, в большинстве своем соблюдающихся и по сей день – одна из основных характеристик высоко контекстуальной культуры, к которой относится Китай [Холл, 1976, с. 91].

Подтверждая идею культурно-национальной окраски сленга, В. А. Хомяков [1980, с. 43] отмечает, что сленг «отражает в своей семантике процесс развития культуры народа, фиксирует и передает от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы». Можно сказать, что он является фрагментом языковой картины мира, во всем своем многообразии и изменчивости, ведь сленговые выражения возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему свое субъективное отношение.

Почему же вообще используют слэнг? Это такой естественный вопрос, который мог бы задать даже ребенок, но на который так трудно ответить. Существуют множество причин для использования слэнга, которые еще в 1933 году в своей книге «Слэнг сегодня и вчера» (*Slang To-Day and Yesterday*)

обозначил Эрик Партридж [Partridge, 1933, 1935, 1950, 1954], ссылаясь на итальянского путешественника Альфредо Найсфоро (Alfredo Niceforo): «просто для удовольствия; как упражнение в остроумии или в юморе; чтобы отличаться от других; быть живописным; гарантированно привлечь к себе внимание; избежать клише, быть кратким и лаконичным; для обогащения языка; придать конкретности абстрактному; уменьшить горечь отказа, отклонения, неприятия; снизить торжественность, напыщенность, чрезмерную серьезность разговора; смягчать трагедию, облегчить или приукрасить неизбежность смерти или безумия; найти общий язык со своей аудиторией; для простоты и удобства общения; стимулировать установление долгосрочных дружеских или интимных отношений; показать, что человек принадлежит к определенной школе, роду занятий, профессии или социальному классу; чтобы «быть в мейнстриме, в теме» или установить контакт; показать или доказать, что кто-то не «в теме», не «в курсе дела»; быть тайным – непонятым для окружающих» [Partridge, 1954, с. 6 – 7].

И хотя с момента обозначения Эриком Партриджем причин употребления сленга прошло уже более 80 лет, основные цели его использования не изменились, это номинирование реалий, экспрессивная окраска речи, креативность в словообразовании, языковая игра. Сленг служит для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, юмора, точности, краткости, образности, для самовыражения, а также чтобы избежать штампов, клише [Мизюрина, 2013, с. 109].

Вслед за изменениями, происходящими во всех сферах человеческой жизнедеятельности, в языке появляются новые лексические единицы, называющие новые социальные явления и реалии. Более того, у молодого поколения формируется особая молодежная субкультура, включающая определенную систему ценностей, норм поведения, собственную статусную структуру, новые источники информации и каналы коммуникации, и, как следствие, свой подъязык, характеризующийся метафоричностью, стремительной изменчивостью, диффузностью и открытостью границ.

Когда-то Д. Р. Киплинг сказал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись», однако современная история доказывает обратное, и новое поколение китайцев, рожденное после начала периода реформ и открытости (1978 г.), становится свидетелем сближения китайской и западной культур. Представители поколения 90-х жили, учились и работали на Западе, испытав на себе значительное влияние иностранной культуры. Так,

владение иностранным языком становится не только конкурентным преимуществом на рынке труда, но и требованием нового времени и показателем прогрессивности, образованности и интеллигентности. А показателем высокого уровня владения иностранным языком в практикоориентированной лингвистике можно считать освоение сленга и изучение его функционально-прагматических особенностей.

Для нас объектом исследования является звукоизобразительность китайского молодежного сленга, как слоя широко распространенной эмоционально-экспрессивной лексики. Это позволит продолжить цикл исследований взаимосвязи между лабиальными звуками и значением отрицательности на материале китайского языка (художественного текста, счетных слов, экспрессивных лексических единиц, заимствований и др.). Совсем неслучайно акцент приходится на пейоративность, которую можно отнести к одной из наиболее характерных особенностей сленга – ведь «в жизни плохое гораздо более многолико, чем хорошее, поскольку оно отвечает неограниченным возможностям отклониться от нормы, а хорошее сообразуется с нормой» [Арутюнова, 1999, с. 245].

Для фоносемантического анализа языковой материал был отобран методом сплошной выборки (150 стр.) из словаря современного китайского сленга [最近中国俚语, 2001] по принципу негативно-отрицательного значения слов. Получилось несколько групп с определенной тематикой, в каждой из которых разное количество слов. Отобранные слова прошли дополнительную проверку на актуальность и частоту применения у носителей языка (3 человека), в результате чего часть слов была «отбракована», но и добавились несколько слов.

Группа 1. Характеристика людей

惨cǎn «жалкий, убогий, несчастный»

糙cāo «невежливый, грубый», «неотёсанный»

吃货chīhuò «ничтожество, никчемный человек»

吃软饭chī ruǎn fàn «альфонс, мужчина, живущий за счет женщин»

臭chòu «вонючий», «тупой, глупый»

低能儿dīnéng ér «неспособный, идиот, умственно отсталый»

屌丝diǎo sī «никчемный, бесперспективный человек»

杠头gàng tóu «упрямый, упертый, догматичный»

Группа 2. Действия

暴打**bào dǎ** «жестоко избивать»

碴**chá** «драться, ругаться»

吵吵**chǎo chao** «болтать, шуметь»

炒鱿鱼**chǎo yú yú** «увольнять с работы»

吃醋**chī cù** «есть уксус», «ревновать, завидовать»

搓火**cuō huǒ** «сердиться, гневаться, быть нетерпеливым»

掉链子**diào liàn zi** «бросить цепь», «ошибаться, иметь проблемы»

逗咳嗽**dòu ké sòu** «мстить, ссориться»

Группа 3. Характеристика качества

柴**chái** «дрова», «плохого качества»

操蛋**cāo dàn** «плохой, безобразный, никакой, чертов (ругат.)»

痴**chī** «глупый, тупой»

撮堆儿**cuō duīr** «нагромождения», «барахло, дешевка»

犯不着**fàn bu zhuó** «бесполезный, лишний, ненужный»

反动**fǎn dòng** «плохо, не следовало так делать»

艮**gèn** «упрямый, упёртый, жесткий»

荤的**hūn de** «грязный, вульгарный, пошлый»

Группа 4. Обзывательства, ругательства

白菜**bái cài** «идиот»

大款**dà kuǎn** «толстосум, богач»

二百五**èr bǎi wǔ** «идиот, дурак»

富二代**fù èr dài** «the second-generation rich», «мажор»

菜鸟**cài niǎo** «дурак, тупица, простофиля; новичок»

青蛙**qīng wā** «парень с некрасивой внешностью»

大迷糊**dà mí hú** «зануда»

叫兽**jiào shòu** «(презрит.) так называемый профессор»

Фонетический анализ данной лексической группы показывает высокий процент лабиальных звуков (китайских инициалей и финалей): из 66 слов лабиальные встретились в 43, что составляет 65%. Полученные результаты подтверждают наличие смысло-звуковой корреляции между лабиальностью и отрицательной коннотацией в молодежном китайском сленге.

Звукоизобразительность языка особенно ярко проявляется в момент появления новых языковых единиц – в поэзии, в литературном жанре фэнтези, в детском словотворчестве, в сленге – что подтверждает предположение С. В. Воронина о примарной мотивированности языкового знака [Воронин, 2006, с. 145]. Процесс словосложения бесконечен, что позволяет говорить о непрерывном обновлении и развитии словарного состава языка, но только в диахронии можно рассматривать продолжительность жизни и характеристику деятельности слов.

Сленговые слова постоянно вызывают споры в обществе о том, хорошо или плохо они влияют на язык. Китайская общественность в лице лингвистов, социологов, писателей, журналистов всерьез обеспокоена наметившейся тенденцией к жаргонизации современного китайского языка, особенно в молодежной среде, поскольку многие сленговые слова и выражения носят вульгарный, оскорбительный, агрессивный характер. Китайские ученые призывают к разумному, коммуникативно оправданному и целесообразному использованию сленга в речи [Ван, 2017, с. 255]. С этим трудно не согласиться – китайцы обязательно найдут «золотую середину», как они умеют это делать во всем.

Полученные результаты нашего исследования являются предварительными, поскольку в перспективе следует проанализировать весь объем используемого словаря, необходимо привлечь дополнительные библиографические источники, а также провести подробный мониторинг интернет-сленга. Адекватность, актуальность и достоверность изучаемого языкового материала должно проверять на носителях языка с помощью психолингвистических методик опроса и анкетирования, позволяющих моделировать реальные речевые ситуации и верифицировать выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Язык русской культуры, 1999.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Ван Сихуа Русские и китайские молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и объект научного исследования // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Мизюрина Т. В. «Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 73. 2013. № 1 (292).
- Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1980.

Ayto J. *The Oxford Dictionary of Slang*. Oxford University, Press, 2000.

Hall E. T. *Beyond Culture*. URL: https://monoskop.org/images/6/60/Hall_Edward_T_Beyond_Culture.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

The Oxford Dictionary of Modern Slang Oxford: Oxford UP, 1996.

Partridge E. *Slang Today and Yesterday*. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766/page/n3/mode/2up> (дата обращения 10.03.2022).

古代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2012 [Словарь древнего китайского языка. Пекин: Шану Иьшугуань, 2012].

现代汉语词典. 北京: 华语教学出版社, 2011 [Словарь современного китайского языка. Пекин: изд-во Huayu Jiaoxue, 2011].

庄周梦蝶: 百度百科 [Сон Чжуан-цзы о бабочке: Baidu Baike] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BA%84%E5%91%A8%E6%A2%A6%E8%9D%B6/5957691> (дата обращения 20.03.2022).

最近中国俚语: 汉英对照/李淑娟, 颜力钢编. 北京: 新世界出版社, 2001 [Современный китайский сленг: китайский-английский / Li Shujuan, под редакцией Yan Ligang. Пекин: New World Press, 2001].

Prutckikh, A. A.; Prutckikh, T. A.

Saint Petersburg State University of Economics

PHONOSEMANTIC ANALYSIS OF YOUTH CHINESE SLANG

The article deals with the sound-pictorial nature of a special socio-cultural phenomenon – youth slang – on the material of the Chinese language. The results of the study confirm a phonosemantic connection between Chinese labial finals and pejorativity. A brief review of dictionary definitions and the reasons why slang is employed present slang as a linguocultural unit that effectively functions in modern speech.

Phonosemantics, pejorativity, labial finals, youth slang, Chinese language, linguoculturology

УДК: 81`34: 811.113.5

А. С. Романько

Санкт-Петербургский государственный университет

msromanko@mail.ru

ЗВУКООБОЗНАЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются языковые особенности описания фоносферы города в норвежском языке. Исследование проведено на материале романа норвежского писателя Ларса Соби Кристенсена «Отголоски города. Эвальд и Май» (1953, Lars Saabye Christensen). По итогам данной работы банк материалов составил около ста слов и выражений, характеризующих звукоферу Осло послевоенного времени. Полученные примеры позволили предложить классификацию рассмотренных звукообозначений в разных аспектах: как лингвистических, так и референциальных – а также сделать выводы об основных способах репрезентации аудиальной среды в художественной литературе.

Фоносемантика, фоносфера, звукообозначение, оноματοп

В фокусе данной статьи находятся особенности описания шумов и различных звуковых явлений в городской среде на основе романа современного норвежского писателя Ларса Соби Кристенсена «Отголоски города. Эвальд и Май» (Lars Saabye Christensen *Byens spor. Ewald og Maj*).

Цель исследования заключается в детальном описании звуковых явлений в городской среде и выявлении способов их отражения в романе. В процессе работы были решены следующие задачи:

1. Выборка релевантного языкового материала в романе Кристенсена, их анализ и классификация;
2. Характеристика выявленных средств передачи звуков в романе;
3. Описание и классификация основных языковых особенностей норвежского языка при характеристике звуковой среды.

Методы исследования: сравнительно-языковой анализ, лингвистический анализ романа Л. С. Кристенсена, метод сплошной выборки из рассматриваемого произведения для анализа и иллюстрации тезисов и теоретических положений.

По итогам данного исследования был составлен банк материалов слов и выражений, описывающих звуковую картину Осло послевоенного времени. При дальнейшей обработке полученные примеры были классифицированы по

различным критериям: источник звука, стилистические и художественные особенности, части речи.

В ходе работы было выявлено, что большая часть найденных в романе звуковых источников носит антропогенный характер, это является ожидаемым, поскольку объектом изучения была городская среда, в которой человек и его жизнедеятельность — главный источник звучания. Эта обширная группа, в свою очередь, делится на подгруппы:

1. звуки, сопровождающие совершение каких-либо действий (норв. *de klapper i hendene* «они хлопают в ладоши»);
2. физиологические звуки (норв. *Alle hoster i september* «все кашляют в сентябре»);
3. звуки, передающие эмоции (норв. *Snart kan man høre latter* «вскоре можно услышать смех»);
4. звуки речи и обозначение голоса (норв. *praten går lavt* «разговор затихает»).

Вторую многочисленную группу составили примеры описания социофоносферы, т.е. различные искусственные звуки, издаваемые музыкальными инструментами, звуковыми сигналами и шумы технического происхождения (норв. *preludiumet lyder* «звучит прелюдия», *klokkene ringer i kapellet* «колокола звенят в часовне», *musikken blir avbrutt av sirener* «музыка прерывается сиренами»).

С другой стороны, анализ собранного материала с точки зрения *частеречной принадлежности* показывает, что фоносфера характеризуется в основном за счет глаголов, обозначающих звучания тех или иных действий.

Многие из этих глаголов являются глаголами говорения или звукоподражаниями (норв. *hvisker* «шепчет», *mumler* «бормочет», норв. *stønner* «стонет»). Факт преобладания глаголов в обозначении различных шумов может быть объяснен тем, что звуки сопровождают какое-либо действие, которое в языке, как правило, обозначается глаголом.

Также представляется важным отметить, что при описании звукового облика окружающей обстановки автор активно использовал различные тропы, делая свои описания более образными. Олицетворения оказались наиболее частотными, практически 50% от найденных примеров с употреблением тропов: (норв. *vinduene skalv* «окна дрожали»; *munnen lager en lyd* «рот производит звук»; *etasjene holder pusten* «этажи задерживают дыхание»; *veggene snakker ikke, til og med klokken hviler mellom slagene* «стены не разговаривают, даже часы отдыхают между ударами»).

Сравнения в данной связи тоже были продуктивной группой: (норв. *lyden av pusten hans ligner en fløyte* «звук его дыхания напоминает игру на флейте»; *Ewald slutter å plystre som ligner melodien fra radioen, Gymnopédie nr. 1* «Эвальд перестает насвистывать подобно мелодии из радио, Гимнопедии 1»; *sirenene ligner en slags stillhet* «сирены напоминают своего рода тишину»).

Наименьшие по численности подобранного материала были группы, в которые вошли метафоры (норв. *lydene strammes til knuter som aldri vil løsne* «звуки затягиваются в узлы, которые никогда не развяжутся»; *hun ler ikke, hun bare gurgler* «она не смеется, а только булькает»; *dråpene hamrer* «капли дождя молотят») и гипербола: (норв. *han fremfører den så høyt at hele gården kan høre det* «он исполняет это так громко, что его слышит вся ферма»).

Кристенсен пользуется еще одним важным лексическим свойством – синонимией: норв. *snakke, prate* «разговаривать», «болтать»; норв. *skrike, rope* «кричать»; норв. *bråk, støy* «шум»; норв. *dunke, banke* – «стучать». Также автор использует литературный прием, который характерен для норвежского языка в целом, – усиление перечислением. Он характеризуется тем, что рядом находятся слова, в большей или меньшей степени, являющиеся синонимами. В романе Кристенсена в контексте изучаемой темы можно привести следующий пример: норв. *Bunter av bråk slynges og buktes hit og dit* *связки шумов извиваются и вьются тут и там.*

При характеристике звуковой среды стоит обращать особое внимание на использование звукоподражаний или оноματοпов. Большую часть слов этой группы составляют глаголы, поскольку именно действия человека, животных или неодушевленных предметов, как правило, сопровождается каким-либо звуком. С точки зрения фоносемантики, ключевой особенностью оноματοпов является фонетическая мотивированность, т.е. тесная связь плана выражения и плана содержания.

Важно заметить, что многие глаголы, по своему происхождению звукоподражательные, в процессе десемантизации, т.е. утраты словом лексического значения, перестали восприниматься как ономаты. Этому явлению есть несколько причин. Во-первых, многие глаголы в ходе эволюции языка развили переносные значения, а первичные значения, которые были фонетически мотивированы, т.е. в них отражалась связь звучания и выражения, утратили свою актуальность и стали использоваться меньше или вовсе вышли из употребления. Во-вторых, отражение естественного звучания в языке условно, поэтому в сознании человека эта связь медленно разрушалась.

В романе Кристенсена большая часть звукоподражательных глаголов относится к глаголам говорения. Рассмотрим конкретные примеры: норв. *hvisker* «шепчет», норв. *mumler* «бормочет», норв. *stønner* «стонет». Глагол норв. *skrike* «кричать» в данной группе является наиболее продуктивным – на страницах романа он встречается 15 раз.

Кроме этого, к ономатомам относятся и некоторые другие глаголы: норв. *alle hoster* «все кашляют», норв. *vinduene skalv* «окна дрожали», норв. *radioen knitrer* «радио потрескивает», норв. *dråpene hamrer* «капли дождя колотят», норв. *de bråker* «они шумят», норв. *hun banker* «она стучит».

Звукоподражательный характер имеют не только глаголы, но и междометия. Как правило, они многозначны, и многие из них имеют прямые эквиваленты в русском языке. Так, в произведении Л. С. Кристенсена встречаются следующие примеры: норв. *huff* «уф», данное междометие выражает чувство утомления, недовольства, норв. *hm* «хм», этот пример является отражением задумчивости или скептического, в некоторых случаях иронического отношения говорящего, норв. *bank bank* «тук-тук».

В заключение представляется важным отметить, что деление выбранных примеров на группы в значительной степени условно, поэтому некоторые из них иллюстрируют сразу несколько явлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П. Норвежская лексикология. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994.
- Бродович О. И., Швецова Н. Н. Звукоизобразительность и диалектология: взаимовыгодное сотрудничество // Проблемы фоносемантики: Тезисы выступлений на совещании. Отв. ред. Ю.А. Сорокин. М.: Изд-во ИЯ АН СССР, 1989.
- Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания, 6., 2000.
- Вершинина М. Г. Фоносемантическая звуковая картина мира: URL: <http://liconism.ru/laboratoriyadictionaries/terminologicheskaya-laboratoriya/610-fonosemanticheskaya-zvukovaya-kartina-mira.html> (дата обращения: 13.10.2021).
- Вершинина М. Г. Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров): дис. канд. филол. наук, Пермь, 2013.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982.
- Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.
- Курашкина Н. А. Звукообозначения как репрезентация звукоосферы в языке (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Уфа, 2007.

- Курашкина Н. А. К проблеме создания универсальной классификации слов-звукообозначений (аналитический обзор) // Языковые и речевые единицы в разных языках: Сборник научных статей. Уфа: РИО БашГУ, 2006.
- Лингвистический энциклопедический словарь, ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
- Михалёв А. Б. Фоносемантика и языковая картина мира // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Березинские чтения. Вып.15. М.: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1976.
- Словарь лингвистических терминов, ред. Л. А. Брусенская, Г. Ф. Гаврилова и др. URL: <http://metropolys.ru/artic/17/06/t-030812256.html> (дата обращения: 02.02.2022).
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, пер. с фр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию, пер. с фр. М.: Прогресс, 1977.
- Фоносемантическая звуковая картина мира: URL: <http://liconism.ru/laboratoriyadictionaries/terminologicheskayalaboratoriya/610-fonosemanticheskaya-zvukovaya-kartina-mira.html> (дата обращения: 05.02.2022).
- Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Christensen L. S. Byens spor. Ewald og Maj. URL: https://snl.no/Lars_Saabye_Christensen (дата обращения: 03.02.2022).

Romanko A. S.

Saint Petersburg State University

SOUND DESIGNATIONS OF THE URBAN ENVIRONMENT IN NORWEGIAN LANGUAGE

The article deals with the linguistic features of the description of the city's phonosphere in the Norwegian language. The study was conducted on the material of the novel by the Norwegian writer Lars Soby Christensen "Echoes of the city. Ewald and May" (1953). As a result of this work, the database of materials amounted to about a hundred words and expressions characterizing the sound sphere of Oslo in the post-war period. The obtained examples made it possible to propose a classification of the considered sound designations in different aspects: both linguistic and referential, as well as to draw conclusions about the main ways of representing the auditory environment in fiction.

Phonosemantics, phonosphere, sound designation, onomatopoe

УДК 81-26, 811.111, 372.881.111.1, 378.147.34

Ю. Г. Седёлкина

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID 0000-0001-6091-5710

y.sedelkina@spbu.ru

В. Л. Матинова

Санкт-Петербургский государственный университет

st095497@student.spbu.ru

К ВОПРОСУ О ДЕИКОНИЗАЦИИ: НЕМОТИВИРОВАННАЯ ВИЗУАЛЬНАЯ ПЕРЦЕПЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ОНОМАТОПЕИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

На материале аутентичного романа Ч. Диккенса «Оливер Твист» исследуется влияние ономапии на восприятие английской лексики носителями русского (N=9) и китайского (N=10) языков в процессе экстенсивного чтения. Результаты показали, что опора на ономапию помогает учащимся устанавливать соответствия между формой и значением слова. Отличительной чертой данного исследования является рассмотрение влияния стадий деиконизации звукоподражательного слова (постепенного ослабления звуко-смысловой связи) на процесс семантизации. Выделяются общие черты для носителей обоих языков и специфичные для каждого.

Фоносемантика, английская ономапия, деиконизация, экстенсивное чтение, лингводидактика

При экстенсивном чтении, предполагающем чтение про себя больших объемов художественного текста, происходит восприятие и запоминание ключевой лексики через понимание сюжета, что приводит к произвольному усвоению иностранного языка [Pigada, Schmitt, 2006; Day, 2015]. Этому процессу в определенной степени содействует мысленное озвучивание «саундтрека» романа во внутренней речи читателя [Урываев, Шулекина, 2016]. Предположительно, наличие в тексте звукоподражательных слов, содержащих систематические звуко-смысловые связи, должно облегчать семантизацию иноязычной лексики при чтении [Karina, 2017].

Эта гипотеза опирается на кросс-лингвистические основания звукоизобразительности о том, что иконические свойства могут быть общими для слов в неродственных языках. Несмотря на то, что фонетическая форма звукоизобразительных слов зависит от языковой картины мира носителей того или иного языка, они обладают определенным сходством в разных языках

[Шляхова, 2019]. Поэтому опора на звукоизобразительность вообще, и на оноματοпею в частности, может дать потенциальное преимущество в понимании незнакомых или иностранных слов.

Если говорить об ономатопах, то уже накоплен объем исследований их лингводидактического потенциала. Эту лексику часто относят к так называемой «зоне языкового комфорта», поскольку звуковая символика облегчает понимание значений новых слов. Это объясняет ее эффективность в процессе овладения родным языком, а также в логопедической и коррекционной практике [Румянцева, 2004].

Хотя использование оноματοпеи в практике обучения иностранным языкам остается недостаточно изученным, есть сведения о том, что опора на фоносемантические ассоциации способствует расширению словарного запаса при изучении немецкого языка на любом уровне подготовки [Шестакова, 2013]. Создание ассоциативно-вербальных групп способствует совершенствованию владения лексическим составом английского языка на старшем этапе обучения [Дебердеева, Арабидзе, 2021]. Также, есть исследование опоры на оноματοпею при обучении носителей китайского языка русскому [Цзи, 2021].

Цель данного исследования заключалась в том, чтобы проследить визуальное восприятие английской оноματοпеи в процессе экстенсивного чтения романа Ч. Диккенса «Оливер твист» (Dickens, *Ch. Oliver Twist*) носителями русского и китайского языков (около 60 стр. печатного текста в неделю на протяжении 12 недель). Отличительной особенностью анализа корпуса материала стал учет стадий деиконизации (СД) оноματοпов, а именно, степени постепенной утраты словом естественной звуко-смысловой связи с денотатом [Флакман, 2015]. Мы постарались выяснить, зависит ли процесс семантизации незнакомых слов от их СД.

Испытуемыми выступили студенты 2 и 3 курсов филологического факультета СПбГУ – носители русского (N=9) и китайского (N=10) языков с уровнем владения английским языком B1+ (по шкале CEFR). Им было дано следующее задание: *Make your personal vocabulary list featuring key characters and events (3 – 5 items each)*. Иными словами, при чтении романа учащиеся составляли индивидуальные лексические списки по содержательному признаку – ключевые характеристики сюжета, отличительные черты действующих лиц и пр.

В результате было получено 228 индивидуальных лексических списков студентов, которые составили 2 корпуса материала (от носителей русского (N=862) и китайского (N=1823) языков) общим объемом 2685 коллокаций.

При их анализе был использован метод механической выборки, посредством которого велся подсчет коллокаций, содержащих ономатопы. Несмотря на разницу в размере корпусов, количество ономатопов в них оказалось примерно одинаковым. Списки представлены ниже, в сводном списке ономатопов, выделенных носителями русского и китайского языков. Слова, отмеченные жирным шрифтом, совпадают в обоих корпусах (N=14):

Ономатопы, выделенные носителями русского языка (всего 28) – *beat, burst, chink, chuckle, clatter, cough, cry, flush, growl, hoarse, howl, husky, jingle, mutter, pipe, roar, rush, scratch, scream, shriek, shrill, shuffle, sob, sound, tick, trumpet, weep, whisper*.

Ономатопы, выделенные носителями китайского языка (всего 32) – *beat, burst, chuckle, clash, crash, cry, drop, flush, growl, hoarse, howl, husky, kick, knock, pipe, roar, rush, rustle, scratch, scream, screech, scrub, shrill, shuffle, sneeze, sniff, sound, swallow, tap, thrash, weep, whistle*.

Ономатопы анализировались по следующим характеристикам:

1. количество употреблений в корпусе,
2. количество повторов в романе,
3. принадлежность к классу / гиперклассу ономатопов,
4. стадия деиконизации.

Каждый корпус содержит чуть меньше 10% контекстных употреблений выделенных ономатопов – 8,9% и 9,3% от корпусов, носителями русского и китайского языков было выделено 28 и 32 ономатопа соответственно. Та же тенденция наблюдается и в тексте романа – ономатопы, выделенные каждой группой студентов, встречаются в нем примерно 700 раз – 705 и 728 словоупотреблений ономатопов, выделенных носителями русского и китайского языка соответственно.

Что касается различных классов ономатопов, мы рассматривали отдельно классы инстантов (*kick, knock, cough*), обозначающих краткие звучания, континуантов (*weep, sound, whistle*), обозначающих длительные звучания,

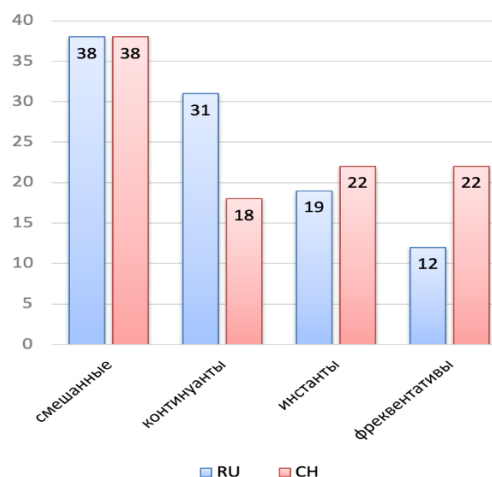

Рисунок 1. Процентное распределение ономатопов, передающих различные типы звучания, в корпусах, выделенных носителями русского (голубой) и китайского (красный) языков.

и фреквентативов (*roar, hoarse, growl*), обозначающих диссонансные звучания. Ономатопы, передающие комбинацию различных типов звучаний (*cry, burst, scream*), мы объединили в одну группу, которую обозначили «смешанные». Ожидаемо, что эта группа по объему оказалась самой многочисленной в обоих корпусах, но доли этой группы в каждом корпусе одинаковы – 38%.

Среди 14 слов, совпадающих в обоих корпусах, почти половина (N=6) обозначают смешанные звучания. Примечательно, что носители русского языка в два раза чаще, чем носители китайского, обращают внимание на английские континуанты. Совершенно противоположная ситуация с фреквентативами – они почти в два раза заметнее для носителей китайского языка. На английские инстанты обе группы испытуемых реагировали примерно одинаково. Результаты представлены на рисунке 1.

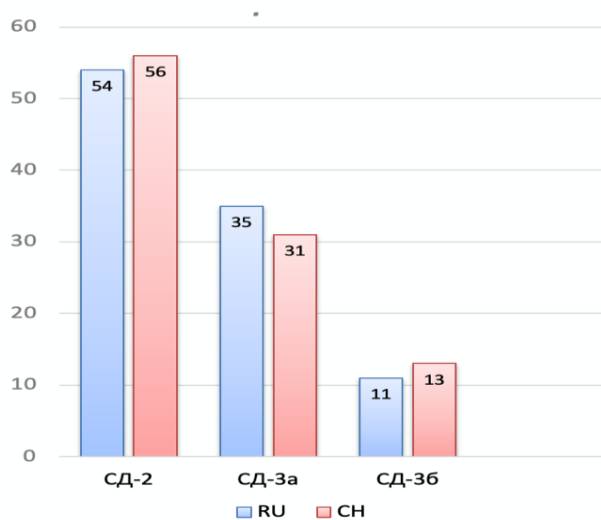

Рисунок 2. Процентное распределение ономатопов, выделенных носителями русского (голубой) и китайского (красный) языков, по стадиям деиконизации (СД).

Анализируя СД, было обнаружено, что обе группы студентов выделили только ономатопы на СД-2 и СД-3, причем доли каждой группы идентичны в обоих корпусах. К СД-2 относятся слова с сохранившейся звуковой семантикой, но уже ассимилированные языковой системой (*weep, sniff, swallow*). На СД-3 находятся ономатопы подвергшиеся либо фонетическим изменениям (3а) (*knock, burst*), либо семантическим (3б) (*kick, thrash*).

Результаты представлены на рисунке 2.

Можно сделать вывод, что ономатопы с явной естественной связью между фонетической формой и значением, но уже занявшие свое место в системе частей речи и играющие полнозначную роль определенного члена предложения, занимают более половины от обоих корпусов. Это говорит об их однозначной привлекательности для учащихся не зависимо от их родного языка.

Более трети в каждом корпусе занимают фонетически измененные ономатопы, но по-прежнему имеющие прочную связь со звуковым денотатом. Как только эта связь слабеет, и онома топ приобретает новые значения, он становится менее заметным для не-носителя языка.

Это коррелирует с результатами психосемантического исследования визуального восприятия русскоязычными респондентами английской звукоизобразительной лексики, которое показало, что слова на СД-2 опознавались статистически значимо быстрее, чем слова на СД-3 [Tkacheva, et. al, 2021]. Среди слов, совпадающих в обоих корпусах, половина (N=7) находятся на СД-2 (*chuckle, growl, husky, rush, scratch, scream, shrill, weep*), 5 слов – на СД-3а (*beat, burst, cry, hoarse, roar*), и только одно – на СД-3б (*shuffle*).

Предварительные выводы можно сделать относительно общих тенденций для носителей обоих языков и специфичных для каждого языка. Что касается общего, то однозначно можно заключить, что независимо от родного языка при учебном экстенсивном чтении почти 10% воспринимаемой учащимися лексики является звукоподражательной.

Более трети этой лексики имитирует смешанные звучания, и около пятой части – краткие звучания (инстанты). Более 80% в каждом корпусе занимают ономатопы, ассимилированные языковой системой и сохраняющие явную звуко-смысловую связь с денотатом, что говорит об их значимости в семантизации незнакомых слов. Различия же касаются исключительно типа звукового денотата. Для носителей русского языка более заметны континуанты, а для носителей китайского – фреквентативы, что, вероятно, связано с различиями в языковых картинах мира носителей этих языков.

Исследование проводится в рамках проекта «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка» (РФФИ, проект № 20-013-00575 А)

ЛИТЕРАТУРА

- Дебердеева Е. Е., Арабидзе Н. Т. Формирование лексических навыков на примере звукоподражаний английского языка // Вестник Таганрогского института имени АП Чехова. 2021(1)
- Румянцева И. М. Психология обучения иноязычной речи: Психотерапевтический подход: дис. д-ра психол. наук: 19.00.07 / И. М. Румянцева. – М., 2004.
- Урываев Ю. В., Шулекина Ю. А. Мозговые алгоритмы чтения // Инновационная наука. 2016. №1-2 (13)
- Флакман М. А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2015.
- Цзи П. Вопросы обучения китайских студентов звукоподражаниям русского языка на занятиях по РКИ // Terra Rusistica. 2021

- Шестакова О. В. Звукоподражательные слова при обучении немецкому языку // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2013. №2.
- Шляхова С. С. О состоянии фоносемантики в России. Статья вторая. Фоносемантические конференции. Фундаментальные исследования. Программное обеспечение (технологии Hi-Hume) // Вопросы психолингвистики. 2019. №1 (39).
- Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment – Companion volume, Council of Europe Publishing, Strasbourg, 2020 [available at www.coe.int/lang-cefr]
- Day R. R. Extending extensive reading // Reading in a Foreign Language. 2015 Oct 1; 27(2).
- Dickens C. Oliver Twist: The Parish Boy's Progress. L'Edition numérique européenne; 2014.
- Karina M. D. English Onomatopoeia in Children's Book: Types and Readers' Understanding. Yogyakarta: Universitas Sanata Dharma. 2017.
- Pigada M., Schmitt N. Vocabulary acquisition from extensive reading: A case study // Reading in a foreign language. 2006 Apr; 18(1).
- Tkacheva L., Flaksman M., Nasledov A., Sedelkina Y., Lavitskaya Y. Iconicity and Second Language Visual Perception: A Psycholinguistic Study of English Imitative Words at Different De-iconization Stages // Mathematics. 2021 Jan;9(12):1331.

Sedelkina, Yu. G.; Matinova V. L.

Saint-Petersburg State University

ON A PROBLEM OF DE-ICONIZATION: NON-MOTIVATED VISUAL PERCEPTION OF ONOMATOPOEIA IN A LITERARY TEXT BY FOREIGN LANGUAGE STUDENTS

The present research discusses the role of onomatopoeia in the semantization of English vocabulary by native Russian (N=9) and Chinese (N=10) speakers in the extensive reading activity of full unabridged version of authentic English novel "Oliver Twist" by Ch. Dickens. The results have demonstrated that onomatopoeia helps foreign students establish form-meaning mappings. As different from other studies that explore iconicity, our research takes into consideration the stages of de-iconization (the loss of iconic quality). Language-general and language-specific features have been identified.

Phonosemantics, English onomatopoeia, de-iconization, extensive reading, linguodidactics

УДК 81-112

М. А. Флакман

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),*

Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана,

ORCID: 0000-0002-8258-4825

maria.alexeevna@gmail.com,

Mariia.Flaksman@anglistik.uni-muenchen.de

ДЕИКОНИЗАЦИЯ И (РЕ)ИКОНИЗАЦИЯ – ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ?

В статье рассматривается явление реиконизации звукоизобразительной лексики и его связь с такими аномалиями исторического развития звукоподражаний и звукосимволизмов, как вторичный звуковой символизм и фонетическая инерция. Реиконизации рассматривается как процесс противопоставляемый деиконизации (феномену постепенной утраты иконической связи между фонетическим обликом ЗИ-слова и его денотатом под воздействием фонетических изменений и семантических сдвигов).

Звукоизобразительность, иконичность, этимология, деиконизация, реиконизация, вторичный звуковой символизм, звукоподражания, фоносемантика

Изучение этимологии звукоизобразительной лексики (далее ЗИ) даёт интересные результаты: ЗИ-лексика, представленная в лексиконе звукоподражаниями и звукосимволическими словами, не является изолированной. Как показал ряд исследований [Афанасьев, 1984; Флакман, 2015], ЗИ-слова подвержены как фонетическим, так и семантическим изменениям. Морфологические изменения также характерны для ЗИ-лексики [Бартко, 2002; Петухова, 2002]. Эти изменения могут быть настолько значимыми, что для определения звукоизобразительной природы слова может потребоваться специальный анализ [Климова, 1986; Козлова, 2017; Воронин, 2006]. Несмотря на индивидуальные особенности развития ЗИ-слов, прослеживается общая тенденция эволюции ЗИ-лексики. Она заключается в постепенной *деиконизации*, т.е. в утрате изначальной смысло-звуковой связи под воздействием фонетических изменений и семантических сдвигов [Флакман, 2015]. В статье рассматривается противоположный деиконизации процесс – процесс *реиконизации*, наблюдаемый у отдельных ЗИ-слов.

Реиконизация рассматривается в связи с такими явлениями, как вторичный звуковой символизм и фонетическая инерция.

1. Материал и методы исследования

Исследование проводится на материале «Словаря английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении» [Флакман, 2016], содержащем 1496 словарных единиц. Методы, использованные в исследовании – этимологический и фоносемантический анализ.

2. Реиконизация – определение и виды

Прежде, чем начать рассматривать явление реиконизации ЗИ-лексики, сначала необходимо дать ему определение. Сформулируем его следующим образом:

Реиконизация – это восстановление ранее утраченной смысло-звуковой корреляции у звукоизобразительного слова.

Предлагаем выделять фонетическую и семантическую реиконизацию:

Фонетическая реиконизация – это восстановление формы ЗИ-слова под влиянием его значения.

Семантическая реиконизация – это восстановление значения ЗИ-слова под влиянием его формы.

Третьим подвидом реиконизации (несколько условно) можно было бы считать фонетико-семантическую реиконизацию (или «случайный (вторичный) звуковой символизм» – см. ниже), однако, с нашей точки зрения, более правильно было бы его обозначить не термином «реиконизация», а термином «иконизация», так как «реиконизация» подразумевает восстановление утраченной смысло-звуковой связи, а «вторичный звуковой символизм» – возникновение новой.

2.1. Фонетическая реиконизация

Примером фонетической реиконизации в английском языке может послужить *puff* /pʌf/ ‘to blow out (air, one's breath, smoke, etc.), esp. in a short abrupt blast or blasts’ [OED]. Это, по классификации С. В. Воронина [2006], звуко-символизм-интракинесемизм, т.е. ЗИ-слово, имитирующее выдох, в данном случае, посредством лабиальных. Слово восходит к др.-англ. *pyffan* < **pyfian*, где иконическая смысло-звуковая корреляция «движение губ при выдохе ↔ движение губ при произнесении слова» прослеживается наиболее отчётливо – C^{lab}V^LC^{lab}_{fric}). При переходе в среднеанглийский период происходит закономерное фонетическое развитие у > u по юго-западному диалекту. Однако указанный фонетический переход, в отличие от более ожидаемого перехода у > i по восточно-центральному диалекту, укрепляет смысло-звуковую корреляцию *pyffan*, вместо того, чтобы окончательно её

утратить (как было бы в случае перехода $y > i$). Примечательно, что среднеанглийском *puffen* полностью вытесняет параллельно существовавший *piffen* [OED]. Таким образом, выбор более иконичного (соответствующего изначальной смысло-звуковой корреляции) варианта при становлении нормы является случаем (фонетической) реиконизации.

2.2 Семантическая реиконизация

Примером семантической реиконизации является смысловое развитие английского *rhubarb* «ревень» ('the long, fleshy, typically pale-red leaf-stalks of garden rhubarb, which are cooked and eaten when young and tender, usually being treated as a fruit and stewed with sugar, used as an ingredient in pies, made into jams' [OED]). Как отмечает OED, это слово было заимствовано из французского и, в свою очередь, восходит к греческому составному существительному, одна из частей которого (*βάρβαρον*) является звукоподражанием невнятной речи иностранцев (ср. рус. *варвар*, восходящее к тому же корню). Название растения (*rhubarb*) было, таким образом, полностью деиконизировано на момент заимствования в английский язык. Тем не менее, в XX в. Словарь OED регистрирует появление следующих, новых, значений у слова:

(1958): 'to mumble (words or phrases) in the manner of actors in a crowd scene, also: to mumble (one's way) through something';

(1962): 'of an actor or actors: to repeat the word 'rhubarb' so as to represent an indistinct conversation or the noise of a crowd. Also more generally: to make a murmurous background noise; to converse indistinctly, to mumble'.

Таким образом, только на основании «экзотической» формы, *rhubarb* снова приобрело значение, связанное со звуком («невнятная речь», «шум голосов»).

3. Реиконизация и ренатурализация

А. Ю. Афанасьев [1984], исследуя семантическую эволюцию звукоподражательной лексики английского языка, отмечает сходный процесс, который исследователей называет «ренатурализацией».

Под «ренатурализацией языкового знака» Афанасьев понимает «появление значений слова, вызванных ассоциацией с их фонетическим обликом» [Афанасьев 1984, с. 145]. Исследователь отмечает, что в семантических микросистемах звукоподражательных слов, значения которых находятся на определённых уровнях относительной денатурализации, появляются звуковые значения, «онтологически идентичные звуковым базисным значениям», то есть таким образом происходит «восстановление» некогда частично утраченной примарной мотивированности слова [Афанасьев

1984, там же]. В качестве примера он приводит слово *ritr*, которое изначально (ок. 1000 г.) имело значение «звук от удара», ныне вышедшее из употребления. Далее слово получило нормальное смысловое развитие *звук удара* → *предмет* («помпа» (ок. 1400 г.)) и далее *предмет* → *действие* («выкачивать воду помпой (1676г.)). Однако в 1883 году, *ritr* снова приобрело значение, связанное со звуком.

Таким образом, понятие «ренатурализация», предложенное Афанасьевым, частично пересекается с вводимым нами понятием «реиконизация». В нашем случае, «ренатурализация» по Афанасьеву совпадает с выделяемым нами подвидом реиконизации – с семантической реиконизацией.

4. (Ре)иконизация и вторичный звуковой символизм

Ещё одним близким к реиконизации, но не полностью тождественным ей явлением, ранее описанным в лингвистике, является «вторичный звуковой символизм». В предисловии к «Этимологическому словарю германских языков» В. В. Левицкий [2000, с. 61] даёт ему следующее определение:

Вторичный звуковой символизм — это явление, когда звучание слова и его значение, развиваясь по своим законам, случайно достигают точки, где между обеими сторонами слова возникает структурное сходство.

То есть, вторичный звуковой символизм можно было бы также определить как «случайный» звуковой символизм, или «иконизацию».

В исследованном нами материале наблюдается некоторое количество таких случаев (22 из 1496 ЗИ-основ, анализируемых в работе).

Наиболее известным примером является семантическое развитие слова *bead* «бусинка, бисерина, капля, пузырёк воздуха», восходящее к др.-англ. *gebēd* «молитва, просьба». Семантическое развитие двигалось по пути сужения значения: «молитва» → «чётки» → «бусинка». Параллельно шло фонетическое развитие слова – сужение корневого гласного в ходе Великого Сдвига Гласных (ε: > e: > i:). Таким образом, в ходе закономерного и (подчеркнём) независимого фонетического и семантического развития изначально не-звукоизобразительное *bead* приобрело смысло-звуковую корреляцию «i ↔ маленькое», отмечавшееся рядом исследователей [Воронин, 2006; Jespersen, 1933].

Таким образом, вторичный звуковой символизм – это явление, схожее с реиконизацией. Реиконизацию можно считать частным случаем вторичного звукового символизма.

Если при вторичном звуковом символизме иконическая связь возникает у не-ЗИ слова (своего рода «случайная» иконизация), при реиконизации

возникает заново у ЗИ слова, ранее утратившего эту связь (третий, гипотетически выделяемый нами подвид – фонетико-семантическая реиконизация также можно классифицировать как «случайный звуко-символизм» у деиконизированного ЗИ-слова).

4. Причины реиконизации. Звукоизобразительная инерция, народная этимология и стремление к экспрессивности

Необходимо подчеркнуть, что реиконизация и вторичный звуковой символизм – это редкие явления (встречаются у 2% слов из исследованного нами корпуса).

Основной причиной возникновения реиконизации, с нашей точки зрения, является «давление системы», то есть сам факт существования массы ЗИ-слов (как окказиональных, так и узуальных), оказывающих влияние на восприятие иконичности в языке в целом.

Это давление, по всей видимости, сохраняется в диахронии.

С. В. Воронин в работе «Основы фоносемантики» сформулировал закон звукоизобразительной (этимологической) инерции [Воронин, 2006, с. 190]:

Звукоизобразительная инерция – это явление, когда звукоизобразительная функция фонемы сохраняется в диахронии дольше, чем фонетическое качество фонемы.

В качестве примера действия закона Воронин приводит сохранение ЗИ-функции передачи округлости у английского /ʌ/ < /ʊ/ и сохранение ЗИ-функции передачи чистого диссонанса дрожащего звучания у /ɪ/ (невибранта) < /r/ (вибранта) [Воронин, 2006, с. 190].

Именно этим свойством ЗИ лексики в целом, с нашей точки зрения, и объясняется сохраняющееся влияние формы на значение и значения на форму в ЗИ словах.

Рассматривая вторичный звуковой символизм, нельзя не отметить его сходства с *народной этимологией* (ложно понимаемым происхождением слова, которое может привести к изменению его фонетического облика). Искривление формы слова под влиянием ассоциаций с другими словами особенно часто наблюдается у заимствованных слов или слов с малой частотностью употребления.

Например, слово *bosh* /bɒʃ/ «пустая болтовня, ерунда, бессмыслица, чепуха» ('contemptible nonsense, 'stuff'; trash; foolish talk or opinions' [OED]) является заимствованием XIX века из турецкого. Исходное значение слова – «пустой» (< Turkish *bosh* 'empty, worthless' [OED]). Современное значение, связанное со звуком, слово приобретает только в английском и под влиянием своей «экспрессивной» формы (ср. *tosh* «абсурд, вздор, ерунда»).

Третьей причиной реиконизации (в большой степени включающей в себя первые две) является, с нашей точки зрения, *общее стремление языка к экспрессивности*, особенно ярко появляющейся в маргинальных жанрах – сленге, разговорной речи и речи, обращённой к детям.

В последнем случае мы имеем дело с примерами прямой *иконизации*, т.е. с созданием экспрессивных, иконических лексем из слов общего лексикона нейтральной окраски.

Примеры создания ЗИ-лексики из лексики нейтральной в так называемой «детской речи» (*nursery words*) отмечает В. А. Иванов [2022] в языках финно-угорской языковой семьи. Например, исследователь отмечает создание следующих экспрессивных редупликативных образований в речи, обращённой к детям в удмуртском языке: *peper* и *bebej* из *č'eber* «красивый», *č'imi* и *mimi* из *s'in'* «глаз», *kəkin'* и *kiki* из *ki* «рука» и *koko* из (*kureg*)*puz* «яйцо» [там же], ср. рус. *бо-бо* из *боль*, *больно*.

Таким образом, (ре)иконизация и/или вторичный звуковой символизм, хотя и являются маргинальными явлениями, представленными единичными примерами, всё же оказывается системной, связанной с общим стремлением языка к иконичности в случаях и ситуациях, требующих экспрессивности.

5. Деиконизация

Деиконизация, напротив, является общераспространённым явлением. Изучение всей совокупности ЗИ-лексики английского языка показало [Флакман, 2015], что с течением времени все слова (кроме приведённых выше отдельных исключений) *теряют* иконичность с течением времени.

Сначала происходит переход от междометных, экспрессивных звукоизображений (таких как *brr!* *zzz!* *mwah!*) к полнозначным ЗИ-глаголам, существительным, прилагательным, таким как *to buzz*, *to crash*, *to boom* (переход от первой стадии деиконизации (СД) ко второй).

Далее происходит или изменение формы под воздействием регулярных фонетических изменений (переход на СД-3а, например, др.-англ. *hlahhan* > *laugh* /la:f/ «смеяться») или расширение значения с утратой первоначального, связанного со звуком/артикуляционным жестом (переход на СД-3б, например, англ. *clip* «резкий звук, щелчок» → «отрезать со щелчком» → «что-то отрезанное, клип»).

Когда ЗИ-слово достигает последней стадии деиконизации (СД-4), оно полностью утрачивает иконическую связь между формой и значением.

Стоит подчеркнуть, что создание слова на современном этапе развития языка может происходить на СД-2, минуя первую, междометную стадию.

Переход СД-1 → СД-2 сопровождается фонетической, морфологической и синтаксической нормализацией.

Причиной деиконизации ЗИ-лексики является эволюционное изменение языка в целом, неизбежное и необратимое.

6. Противоречит ли реиконизация деиконизации?

Реиконизация и деиконизация, хотя и являются разнонаправленными процессами, не противоречат друг другу и не являются взаимоисключающими.

Деиконизация – это системный процесс перехода от более иконичного к более конвенциональному. Она обусловлена самой природой языковых изменений: фонетические законы, семантические и морфологические изменения, затрагивающие всю лексику, «автоматически» приводят к снижению иконичности, к ослаблению связи «по подобию» между формой и значением [Flaksman, 2017]. При переходе с первой стадии деиконизации на вторую происходит «сосюрковский» переход от «речи к языку», встраивание ЗИ-слова в систему языка; дальнейшие процессы ослабления иконической связи между формой и значением – всего лишь «побочный эффект» от диахронического развития языковой системы.

(Ре)иконизация – явление спорадическое, во многих случаях, как мы убедились на рассмотренных в статье примерах, случайное и непредсказуемое. (Ре)иконизацию можно сравнить с созданием новых ЗИ-слов (полнозначных слов и междометий) из уже имеющегося языкового материала.

Выводы

Рассмотрение двух разнонаправленных процесса – деиконизации и реиконизации – показало, что иконичность в языке является динамическим, не-статичным явлением. Утрата иконичности (деиконизация) обусловлена общим эволюционным развитием языка как (абстрактной, конвенциональной) системы. Случайное, спорадическое, приобретение иконичности (иконизация) или восстановление утраченной ранее иконичности словами, деиконизированными до определённой степени (реиконизация), является общим проявлением заложенной в языке тяги к экспрессивности.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Ю. Вопросы семантической эволюции лексики (на материале английских звукоподражательных существительных). канд...дис. Л., 1984.
- Бартко Н. В. Английские звукоизобразительные RL-глаголы: фоносемантический анализ. канд...дис. СПб., 2002.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.

- Иванов В. А. Детские слова (*nursery words*) с точки зрения звукоизобразительности (на материале финно-угорских языков) // Материалы 50й Международной научной филологической конференции им. Л.А. Вербицкой, 17 марта 2022г. в СПбГУ. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/45/structure/ivanov> (дата обращения: 20.03.2022).
- Климова С. В. Глаголы неясного происхождения в сокращенном Оксфордском словаре (элементы этимологической фоносемантики). канд...дис. Л., 1986.
- Козлова Т. О. Принцип иконичности и его реализация в лексике индоевропейского праязыка. докт...дис. Киев, 2017.
- Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: в 3 т. Черновцы: Рута, 2000.
- Петухова Е. В. Морфологическое и конверсионное словообразование от звукоподражательных основ в английском языке. канд...дис. Курск, 2001.
- Флакман М.А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка. канд...дис. СПбГУ, 2015.
- Флакман М.А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: НОУ ВПО «Институт Иностранных языков», Изд-во РХГА, 2016.
- Flaksman M. Iconic treadmill hypothesis – the reasons behind continuous onomatopoeic coinage // *Dimensions of Iconicity* [ILL 15], Eds. Bauer, M., Zirker, A., Fischer, O., and Ljungberg Ch. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 15 – 38.
- Jespersen O. Symbolic Value of the Vowel i // *Linguistica*, 1933. P. 283 – 303.
- OED – The Oxford English Dictionary (3d edition). URL: <https://www-oed-com.emedien.uni-muenchen.de/> (дата обращения: 20.03.2022).

Flaksman M. A.

St. Petersburg State Electrotechnical University 'LETI',

Ludwig-Maximilians-Universität München

**DE-ICONIZATION AND (RE)ICONIZATION –
TWO SIDES OF THE SAME COIN?**

The article addresses the problem of distinguishing two similar processes seemingly excluding each other – de-iconization and re-iconization. De-iconization is a gradual loss of iconic link between form and meaning of an imitative word (due to regular sound changes and semantic shifts). Re-iconization is viewed in connection to such 'anomalous' phenomena in language iconicity studies as secondary sound symbolism and phonetic inertia.

Iconicity, etymology, de-iconization, re-iconization, secondary sound symbolism, onomatopoeia, phonosemantics

УДК 811.521.

С. В. Чиронов

МГИМО МИД России

s.chironov@inno.mgimo.ru

ЯПОНСКИЕ ИДЕОФОНЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается семантическая структура японских ономастов со значением психической реальности. Особенностью их является символический континуум, захватывающий и сенсорные син- и кинестетические зоны. Это даёт повод говорить о сенсорной укоренённости данных иконических единиц как особенности концептуализации ментальных явлений среди носителей японского языка.

Японский язык, идеофон, семантическое развитие, метафора

Теоретический посыл о поэтапной «интернализации» звуков речи в звукосимволическом словопроизводстве [Jaynes, 1976] преломляется в разделении идеофонов на фономимы (звукоподражания), феномимы (символическое описание иных сенсорных ощущений) и психомимы (обозначения физиологических, психологических состояний субъекта, характеристик отношений между субъектами и самих внешних субъектов) [McVeigh, 1996].

Применительно к японскому языку это находит отражение в традиционном делении идеофонов на *giongo*, *gitaigo* и *gijoogo* (примерно соответствующие трём заявленным категориям). Фоносемантические механизмы, работающие в первых двух, получили достаточное освещение в специальной литературе [Воронин 1979]. В несколько ином разрезе проблема ставится в психомимах, где работают механизмы переноса, транслирующие в психическую реальность, недоступную непосредственному наблюдению, шаблоны, или паттерны, применяемые в силу действия кинестетических или иных закономерностей на более ранних стадиях переосмысления акустических стимулов. Фактически на этом этапе речь идёт о разновидности «метафор», конкретный набор которых (если не универсальный арсенал когнитивных механизмов) определяет часть психолингвистического «портрета» общности носителей того или иного языка.

Чёткая формальная ограниченность класса идеофонов в японском языке (хотя и ставимая под вопрос [Ватанабэ, 1999]) определяет высокую степень выявленности и общей исследованности психомимов в ряду прочих единиц.

Однако исследования конкретных единиц или их групп, в первую очередь – их семантической структуры – пока неравномерны и фрагментарны. Так, можно выделить достаточно прагматически ориентированные работы по описанию боли [Ueda, 2012; Shirai, 2019] – сферы, где весьма явно прослеживаются аналогии с кинестетическими обозначениями динамических воздействий. Сугубо практический характер носят работы, посвящённые обозначениям тактильно-вкусовых ощущений [Hanada, 2020; Doizaki, 2013; Kato, 2012]. Из работ по отдельным психонимам выделяется преимущественно количественное исследование по *sukkiri* [Co, 2013]; на стыке лингвистики и управленческой теории позиционируются статьи по *wakuwaku* [Накадзато, 2004; Inoue, 2020]. Относительно полно исследован класс психонимов с точки зрения формальных, а также аспектуальных его характеристик в работе Н. Ёсинаги [2016].

В последней работе, в частности, совершенно справедливо отмечается, что единицы данного класса используют все основные структурные модели японских идеофонов (имеющих чёткую формантную структуру [Чиронов, 2004]) – CV', (C1V1C2V2) x 2, C1V1 (N/V1) C2V2 + ri.

Из этого, хотя такое и не указывается эксплицитно автором, следует, во-первых, незадействованность остальных структурных моделей, передающих, как известно, определённые аспектуально-динамические характеристики изображаемых процессов (по-видимому, менее релевантные для психофизиологических состояний).

Во-вторых, из этого же можно сделать вывод об относительно ограниченной вариативности структуры подобных единиц, снижения продуктивности использования моделей *ad hoc*, как, например, с изображением звуков и динамических процессов. Это, в свою очередь, безусловно, говорит о высокой степени лексикализации таких единиц.

При этом, тем не менее, единицы остаются встроенными в общую систему фоносемантических закономерностей, действующую в современном японском языке, а кое-где даже умудряются «затянуть» на свою орбиту – или, во всяком случае, восстановить стёрший иконический потенциал единиц, поступивший в основной лексический фонд языка, как, например, с *assari* = *легко* ↔ <asa> = *мелкий* [Чиронов, 2019].

Встроенность в упомянутую систему проявляется, среди прочего, в интересной закономерности, когда именно к психонимам тяготеют единицы с отсутствующим инициальным согласным C1, символически ответственным за описание свойств активного тела при взаимодействии / изначального состояния меняющейся субстанции. Как явствует из широкого

распространения единиц типа *ozuozu*, *unzari*, *ukkari*, ментальная реальность в буквальном смысле ощущается как появившаяся *ex nihil*, не имеющая конкретных внешних стимулов.

Именно выявлению подобных связей, представлений, стоящих за механизмами репрезентации психофизиологических явлений в идеофонах, и будет посвящён краткий разбор ниже. Для него мы используем несколько единиц с различными структурными моделями [Атода, 1995]. Материалом служат примеры из корпуса [Kotonoha], которые далее в тексте особо не помечаются.

Идеофон ***mutto*** (*надутый, сердитый*) относится к минимальной модели CV', представители которой в глагольном употреблении (с лёгким глаголом *suri*), распадаются на способные описывать моментальные и процессные события, ср. *zotto-shita* = *содрогнулся*, но *mutto-shiteiru* = (*сидит*) *насупленный*.

Объектом описания становятся *kao* = *лицо* (19 вхождений), *hyoojoo* = *выражение лица* (7) и даже *koe* = (4), причём в последнем случае описывается не сам акустический феномен, а доносимый психологический эффект: 私もやっぱり疑われてるんだ」大木さんは、むっとした顔で下を向いた。= *Всё-таки вы меня подозреваете!* – *Ооки опустил помрачневшее лицо*.

Инициальный /m/ в японских идеофонах принято считать ответственным за изображение «подавления» и «расплывчатого» [Hamano, 1999; Hamano, 2014]. Это вполне согласуется с феномимами с этим же «ядром», описывающими спёртый, душный воздух: 列車内のむっとした空気 = *спёртый воздух в вагоне*; 下看板の空気はいつもむっとしている = *на нижней палубе всегда духота*; ср. также присутствие этого звуко-символического компонента в глаголе *musebi* – *тяжело дышать; застревать в горле*.

Духота связывается с влажностью: 雨上がりでむっとするような夕方 = *вечером после дождя немного парит*; и вызывает комплексы не самых приятных ощущений: 濃く繁った緑で風が遮られているせいか、むっとするような湿気が肌に迫ってきた = *Воздух не проходит через густо разросшиеся заросли, и, наверное, из-за этого к коже так и липнет удушливая влага*.

Отрицательное отношение субъекта связывается с тем, что дыхательный дискомфорт оказывается увязан с ощущением гниения, нечистоты, что даёт в результате намёк на удушье, дурноту: むっとするほど暑い = *жара такая, что прямо дурно*; むっとするような不潔な暑さ = *нечистая какая-то жара, от которой не продохнуть*; 籠えた臭いがむっと漂った = *донёся какой-то*

тухловатый запах; 小笠原は、茶室の障子を開いた。むっとするほど腥い臭気が夜風に乗って鼻に迫ってきた。「...血臭...」 = *Ogasawara отодвинул раздвижную стенку чайной. В темноте в нос ударил густой, сырой запах, от которого спирало дыхание. «Кровью как несёт...»*

Именно последний момент – общий намёк на некие общие проблемы с дыханием, без конкретизации их физиологических проявлений (для которых в достатке припасены отдельные идеофоны), на наш взгляд, служит, с одной стороны, мостиком, на основе которого вслед за физиологической реинтерпретацией сенсорного образа развивается значение психологической характеристики на более высоком уровне абстракции. С другой стороны, такая увязка с наглядным сенсорно-физиологическим образом, да ещё и с ясной ценностной составляющей (грязь, нечистота) лишь усиливает эффект использования идеофона в описании человеческого взаимодействия.

Примером модели (C1V1C2V2) x 2 является обозначение сильной усталости *kutakuta*. Подобные редупликаты обычно описывают состояние и встречаются в составе предиката со связкой или в результативной конструкции с глаголом, управляющим в таком случае падежным показателем *-ni* (в корпусе из всего 141 вхождений 24 с *tsukareru* = *устать* и 1 с *kutabireru* = *измотаться*). Объектом описания, судя по корпусу, может быть не только сам субъект, но и его тело (*karada/mi* – 7), ноги (*ashi* – 4): 連休明けなこともあって、体も気分もくたくた = *первый день после длинных выходных, морально и физически вымотан*.

Метафорический путь к формированию образа прозрачен: кроме усталости по этой же модели идеофон употребляется для описания разваренного (3 – с *nikoti* = *разварить*): 砂糖水でくたくたに煮込んだコンポート = *компот с разваренными в сиропе фруктами*. Существует и процессная интерпретация, с употреблением не с *-ni*, а с *-to* как маркером обстоятельства образа действия: 百姓達はびっくりして、くたくたと膝が砕けてみんな坐って終わった。 = *У изумлённых простолюдинов, как ватные, подкосились колени, и они осели на пол*.

Редка определительная версия употребления с описанием свойств предмета: くたくたとしたやわらかいワンコのぬいぐるみ = *мягонькая плюшевая собачка*. Нюансы протекания действия «берут на себя» вариативные структурные реализации, как, например, мгновенность характер в *kutatto*: 力を失った身体をくたっと倒れ込ませていく。 = *Тело, как будто из него вынули стержень, безвольно обмякло*; см. также стремительную эскалацию процесса в *kutakutatto*: 私はスーッと全身から血の気がひき、くたくたっと

へたりこんでしまったのです = У меня кровь отлила от всего тела одновременно, и я рухнул на пол, как мешок.

Примечательно, что близкие по составу идеофоны изображают либо процесс (кипение, *kotokoto*), либо состояние предмета (мятое, *kuchakucha*), не получая развития в область описания психофизиологических явлений. Напротив, единица ***guttari*** используется только для описания либо безвольно обвисших частей тела, либо – куда чаще – для крайней усталости, см. сочетаемость с *trukareru* = *уставать* (15), *motarekakarui* = *завалиться* (2), *taoreru* = *рухнуть* (2): ソファにぐったり座り込んで = *плюхнулась в кресло без сил*; 「うっ」と、小さく息を吐いて、香織はその場にぐったり崩れた = *легонько протонав, Каори так и осела на месте*. В примерах последнего типа слово функционирует всё больше как наречие степени, усиливая очень ограниченный круг описаний фиксированных ситуаций, что соответствует представлению о ряде идеофонов как о «словах-жестах» или даже сильно конвенционализированных «украшениях».

К той же структурной модели, что и *guttari*, относятся и остающиеся две единицы в нашем разборе, входящие с двумя первыми (группами) в отношения, напоминающие антонимию в произвольно мотивированной лексике. Из них для ***sappari*** рассматриваемый тип употребления – как описание психофизических состояний – относительно более редок: в основной, наречной функции это наречие степени. Как предикат и определение, однако, оно означает ощущение свежести, прозрачности и лёгкости. В первую очередь это связано с мытьём, но не только: 銭湯で汗をながして、さっぱりして帰る = *попариться в бане и вернуться домой освежённым*; シャワーに入っさっぱりした方がいいわ = *лучше сходи в душ освежись!* Ср. 仕事を片づけてさっぱりした = *вот облегчение: работа сделана*. См. с отрицанием: 気が沈む、憂うつ、さっぱりしない = *тоска, подавленность, тяжесть*.

В описании характера субъекта означает чёткость и приветливость: 外国で仕事をしていただけあって、さっぱりしているし、知性もある。= *Этот человек работал за границей, налицо и простое обхождение, и интеллектуальность*.

В описании вещей, их восприятия указывает на свежесть, простоту и ясность, в синонимичных рядах с предикатами *akarui* = *светлый*, *hareyakana* = *лучистый*, *wakawakashii* = *моложавый*, *kazaranai* = *без украшений*.

Кроме психологических состояний слово описывает также простой, чёткий, прозрачный вкус: コーヒーと砂糖だけの、ごまかしのないさっぱり

したおいしさです = *просто кофе и сахар, никакого обмана, всё ясно и вкусно*; 脂ののった焼き肉とさっぱりしたフレッシュ野菜 = *жареное мясо с жирком и просто свежие овощи*; ср. с отрицанием: かすを漉さないので、豆腐の味がさっぱりしません = *тофу не процежен и оттого вкус какой-то мутный*.

Между двумя значениями прослеживается связь, укоренённая в жизненной среде японцев: ジュースみたいな味だったけど、暑い時はさっぱりしていいかも = *на вкус вроде сока, то что надо, чтобы освежиться в жаркий день*.

Родственников у этой единицы среди доступных наблюдению идеофонов почти нет, не считая *sabasaba* (о беспроблемном, лёгком, ненатужном протекании действий или характере) и, возможно, *sawayaka* = *свежий*. Есть сходство и с более отдалёнными единицами типа *<sara>* – *нелипкое, рассыпающееся*, означающее также *решительное, ловкое и спорое* действие. Обращает на себя внимание связь на уровне «ядер» и их «перевёртышей» (характерна для описания статичных состояний и монотонных процессов) с семьёй обозначений сухого, хрустящего, свежего: *<shaku>*, *<pasa>*. Все они, однако, лишены психофизических элементов в своих денотатах.

Если положительные ощущения в *sappari* показательно связаны со свежестью, прозрачностью и чистотой (отсутствием грязи, груза), то для *sukkiri* характерен акцент на концентрацию и чёткость, соответственно широко признаваемому различному символизму гласных /a/ и /i/. Слово чаще характеризует явленный предмет, см. *atama* = *голова* (14), *kibun* = *состояние* (11), *kimochi* = *настроение* (10), *kokoro* = *душа*, *karada* = *тело*, *i* = *желудок* (4).

Испытываемое субъектом облегчение связано с устранением конкретной помехи как для когнитивных, социальных явлений («высказал своё мнение», «разобрался с непонятной деталью», «отомстила мерзкому типу», «сходила на могилу к отцу»), так и для деятельности желудка («вырвало»), ср. наоборот: ウイスキーを飲んで朝を迎えるとどういうわけか頭の中がすっきりと = *хотя с утра пил виски, но почему-то голова оставалась ясной*. См. также новый акцент в эффекте омовений: 七時過ぎに起き出して、頭がすっきりするまでシャワーを浴びた = *Проснулась после семи и стояла в душе, пока в голове не прояснилось*.

В описании вкуса акцент делается не на свежести, прозрачности, а на сильном, «конкретном» вкусе: 微粉とチャフのない豆で抽出したコーヒーは、口当たりがすっきりとしていて、雑味がなく、とてもおいしかった = *кофе из чистых бобов, без частичек и мусора, вкус отличный, очень крепкий*

и без примесей.

Особенность ряда образов здесь – присутствие визуальной составляющей: パソコンのしすぎで目がシパシパします。一発で目がすつきりして眠気も吹っ飛ばすような目薬をしりませんか。= Глаза устали от компьютера? Одной каплей восстанавливаем **чёткость** и заодно напрочь отгоняем сонливость!

Слово обозначает чёткие, лаконичные формы: これをやると、おなかの脂肪が取れて、ウエスト・ラインがすつきりしますよ = если это делать, жир уйдёт и талия **постройнеет**; 一重瞼の目元がすつきり涼しいスチュワーデス = стюардесса с **чёткой** формой прохладных глаз. Притом идеал и прототип – чёрный силуэт без украшений: これがなかったら、どんなに黒の姿がすつきりすることか = без этого чёрный **абрис** был бы идеален; 黒の靴には黒のタイツの方がすつきりするし、茶色の靴には合いません疲れが取れる = к чёрным туфлям стильно будет чёрные узкие брюки, коричневая обувь уже не пойдёт. Тесно связанным со зрением следует считать и понимание, см. с антонимичным выражением: 各種の文学辞典でもストーリーがすつきりと説明されており、構想に一点の曇りもない = в словарях **чётко** описан сюжет, не остаётся ни одного туманного места. Описания моды параллельны и требованиям к литературному стилю: “which are” を使ってもよいが、文章のスタイルを考えれば、ない方がすつきりする = можно, конечно, оставить «which are», но стиль **изящнее** без них. Кстати, именно с визуальной репрезентацией связан единственный идеофон с тем же ядром – *sukitto*, описывающий одиночно, прямо (стройно) стоящий предмет.

В описании динамических процессов слово как наречие усиливает глаголы устранения и исчезновения: 疲れが取れる = **избавиться от усталости**, 小物が収まる = **вещицы укладываются** (в коробку), アルコールが抜ける = **алкоголь выветривается**. Связь с психикой исчерпывающе обыгрывает пример: いろいろ買い物して 楽しかった♪そのせいか、心がすつきり ★財布もすつきり★ = Круто пошопились! На душе – **лёгкость**. И в пустом кошельке – тоже))

Частотность использования *sappari* и *sukkirī* в коммерческой маркировке разная: если первое подыгрывает идеалу беззаботного потребительского счастья в «расслабухе», то второе, напротив, обещает требующуюся востребованную высококонкурентным обществом энергичную сконцентрированность. Как же это сочетается с обозначенным семантическим компонентом «устранения»? Набравшись (возможно, излишней) смелости,

можно предположить, что не последнюю роль здесь играет многовековая игра японской культуры с понятием пустоты – вплоть до дзенского стремления к «ничто»: см. среди вербализованных причин описываемого состояния такие, как «насмотрелась на небо над Хоккайдо», «коротко постриглась» и даже «нацепила холодное ожерелье».

Промежуточные выводы, которые позволяет сделать сказанное, носят разнонаправленный характер. С одной стороны, выявленное «прорастание» метафор в сенсорные образы позволяет говорить об относительно высокой степени, по крайней мере, на данный момент, «сенсорной укоренённости» концептуализаций психических и ментальных реалий у носителей японского языка. С другой стороны, мы видим, что идеофоны, отображающие ментальную реальность, в ещё большей степени, чем в случае с фоносемантическим отражением физиологических явлений, всё заметнее отрываются от основного массива, на котором действует – или же конвенционально допускается к действию сумма звуко-символических механизмов.

Ползучая лексикализация этих единиц, среди прочего, означает и то, что их место в авангарде выразительной, интенсивной, эффектной лексики занимают новообразования, в том числе (если не преимущественно) меньше придерживающиеся структурного канона «традиционных японских ономаатопов»: *bibir-u* = «трястись, дрейфить», *rarir-u* = «тащиться, быть под кайфом» и другие.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронин С.В. Основы фоносемантики. 2-е изд. М.: Ленанд, 2006 [1979].
- Чиронов С. В. Звуко-символизм и японский идеофон: феномен и класс // Материалы VII межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы языкознания». Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2019 г. СПб, ЛЭТИ. 2019. С. 271–277.
- Чиронов С. В. Ономаатопэтические слова в современном японском языке: Проблемы функционирования. Дисс. канд. филол. н. М. 2004.
- Doizaki R. et al. Product recommendation method based on onomatopoeia expressing texture // The Second Asian Conference on Information Systems. 2013. С. 610–617.
- Hamano, S. The Sound-Symbolic System of Japanese. CSLI Publications, 1998.
- Hanada M. Food-texture dimensions expressed by Japanese onomatopoeic words // Journal of texture studies. 2020. vol. 51. No. 3. p. 398–411.
- Inoue R., Maeno T. A Study of “Waku-Waku” at Work // Emotional Engineering, Vol. 8. Springer, Cham, 2020. p. 115–134.
- Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston, Mariner. 1976.
- Kato A. et al. Extraction of onomatopoeia used for foods from food reviews and its application to

- restaurant search //Proceedings of the 21st International Conference on World Wide Web. 2012. p. 719–728.
- McVeigh B. Standing stomachs, clamoring chests and cooling livers: Metaphors in the psychological lexicon of Japanese // Journal of Pragmatics. 1996. Vol. 26. No 1. p. 25–50.
- Shirai M., Soshi T. Why is heartache associated with sadness? Sadness is represented by specific physical pain through verbal knowledge //Plus one. 2019. No. 14/5. p. 216–231.
- Ueda Y., Shimizu Y., Sakamoto M. System construction supporting communication with foreign doctors using onomatopoeia expressing pains // The 6th International Conference on Soft Computing and Intelligent Systems. IEEE, 2012. P. 508 – 512.
- Атода 1995: 阿刀田稔子、星野和子「音語擬態語使い方辞典—正しい意味と用法がすぐわかる」創拓社; 第2版 1995.
- Ватанабэ 1999: 渡部 正理「川をなぜカワというか」新人物往来社.1999,
- Ёсинага 2016: 吉永尚. 心身の状況を表す擬態語動詞についての素性分析 //園田学園女子大学論文集. 2016. No. 50. p. 21 – 28.
- Kotonoha: KOTONOHA「現代日本語書き言葉均衡コーパス」 少納言. URL <https://shonagon.ninjal.ac.jp/> (дата доступа 20.02.2022).
- Накадзато 2004: 中里理子「オノマトペの意味縮小:「わくわく」を例に」『上越教育大学研究紀要』2004. 23/2. p. 842-830.
- Со 2013: 曹金波 コーパスを利用したオノマトペのコロケーション考察:「すっきり」の意味用法を中心に //北星学園大学文学部北星論集. 2013 (51) No. 1. p. 45 – 57.
- Хамано 2014: 浜野祥子『日本語のオノマトペ』くろしお出版2014. 180 p.

Chironov, S.V.

MGIMO University

s.chironov@inno.mgimo.ru

JAPANESE IDEOPHONES EXPRESSING MIND STATES AND FEATURES OF THEIR SEMANTIC DEVELOPMENT

This corpus-based paper focuses on the semantic transition in Japanese onomatopoes expressing mind states. Mental reality in them is expressed iconically through metaphor derived from acoustic to synaesthetic patterns. We posit that a manifest connection between the mental and the physical here constitutes one of the peculiarities of the lexical stock of contemporary Japanese.

Japanese language, ideophones, semantic transition, metaphor

ТЕРМИНОЛОГИЯ ПАНДЕМИЙНОЙ ЭПОХИ: МЕДИЦИНА, ФАРМАКОЛОГИЯ, ИНЖЕНЕРНОЕ ДЕЛО

УДК 811.111 + 811.161.1

К. А. Давыдова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина),
kiradawydova@yandex.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО И РУССКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ)

В статье рассматривается понятие «дискурс», а также социальная реклама как жанр рекламного дискурса. Исследуются лингвостилистические средства слоганов социальной рекламы, посвященных пандемии COVID-19. Выявлены морфологические, фонетические, синтаксические особенности, тропы и фигуры речи текстов англоязычной и русскоязычной некоммерческой рекламы. В ходе исследования проанализированы цели использования языковых приемов в слоганах социальной рекламы.

Рекламный дискурс, социальная реклама, лингвостилистические средства, коммуникативная цель

На данном этапе развития общества реклама служит объектом исследования многих ученых и рассматривается в рамках различных областей науки. Повышенный интерес к изучению рекламы объясняется тем, что сегодня реклама не только участвует в стимуляции торговли товарами и услугами, но и выполняет ряд значимых функций, влияя на мотивационно-поведенческую сферу реципиентов и оказывая воздействие на мировосприятие человека.

При определении понятия «реклама» многие исследователи обращаются к термину «дискурс» [Cook, 1992; Чернявская, 2001; Карасик, 2002].

Так, Н. Д. Арутюнова под «дискурсом» понимает «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова, 1990]. М. Н. Макеева также пишет о том, что дискурс включает в себя экстралингвистические факторы – прагматические, социокультурные, психологические [Макеева, 2012, с. 48 – 54]. Поскольку язык не может быть рассмотрен как изолированный объект в отрыве от контекста, Г. Кук рассматривает рекламу как дискурс [Cook, 1992, с. 3].

Согласно точке зрения Е. С. Михайловской, каждый вид дискурса имеет ментальные, методологические, содержательные, лингвистические особенности, которые служат границами того или иного дискурса. Исследователь перечисляет такие особенности рекламного дискурса, как массовая аудитория, групповой получатель сообщения, анонимность отправителя сообщения, опосредованность коммуникации между участниками, наличие физической и временной дистанции между отправителем и получателем сообщения [Михайловская, 2017, с. 152 – 156].

О. В. Звада и Л. В. Кузнецова полагают, что с дискурсивной точки зрения тексты социальной рекламы характеризуются особым оформлением и содержанием [Звада, Кузнецова, 2019, с. 40].

Базовым элементом рекламного текста является слоган. Е. В. Юрьева выделяет параметры, которыми характеризуется слоган социальной рекламы как субжанр рекламного дискурса. К их числу автор относит коммуникативную цель, образ адресата, образ адресанта, коммуникативную ситуацию и языковое воплощение. Для достижения коммуникативной цели – оказания влияния на адресата – адресант выбирает лингвистические и экстралингвистические средства, учитывая особенности адресата: пол, возраст, общественный статус, уровень образования, пресуппозиционное поле [Юрьева, 2016, с. 116 – 119].

Совершенная языковая форма, которая всецело раскрывает идею и замысел рекламного слогана, в первую очередь определяет ценность рекламного текста. Т. И. Черемисина отмечает, что языковой потенциал текстов некоммерческой рекламы недостаточно изучен с лингвистической точки зрения, однако, автор подчеркивает, что тексты социальной рекламы являются примером эффективного использования средств языка. В текстах данной направленности сосредоточен спектр средств выразительности на всех языковых уровнях [Черемисина, 2016, с. 178 – 179].

Согласно Д. Э. Пейсаховой, с момента зарождения социальной рекламы данный вид рекламы играет особую роль в функционировании общества [Пейсахова, 2020, с. 78]. Обострение социальной проблемы, по мнению Е. В. Юрьевой, приводит к возникновению коммуникативной ситуации [Юрьева, 2016, с. 119].

В 2019 году мир столкнулся с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, что привело к созданию социальной рекламы по данной тематике.

Для проведения настоящего исследования были отобраны 80 слоганов социальной рекламы, размещенные на сайтах государственных и общественных организаций. Были проанализированы используемые

в текстах слоганов морфологические, синтаксические, фонетические средства, а также тропы и фигуры речи. Лингвистические приемы слоганов англоязычного и русскоязычного дискурса периода пандемии COVID-19 были изучены с целью выявить наиболее эффективные средства воздействия на адресата при обострении социальной проблемы. В работе использовались метод дискурсивного анализа, метод направленной выборки, метод дефиниционного анализа, метод стилистического анализа, а также метод сопоставительного анализа.

При рассмотрении слоганов социальной рекламы особое внимание стоит уделить морфологическим особенностям рекламных текстов. Часто в слоганах используются глаголы в повелительном наклонении: *Не выходите из дома на горячую голову. Температура – еще один повод остаться дома!* [Московский транспорт. <https://transport.mos.ru>], *Join the millions already vaccinated* (рус. «Присоединяйся к миллионам вакцинированных») [NHS England. <https://www.nhs.uk>].

Стиранию границ между адресантом и адресатом способствует употребление в слоганах фразовых глаголов: *Together we can beat this and put real pants on again* (рус. «Вместе мы можем его победить и снова надеть нормальные брюки») [Veterans Coalition for Vaccination. <https://teamrubiconusa.org/vcv>]. Использование редуцированных форм английских глаголов также служит цели сделать слоган доступным широкому кругу читателей: *Don't let a coffee cost lives* (рус. «Не позволяй стакану кофе стоить тебе жизни») [NHS England. <https://www.nhs.uk>].

Местоимения рекламных слоганов характеризуются особым функционированием. Местоимение первого лица единственного числа используется для обозначения адресанта, выражает экспертное мнение: *I've armed myself for my country* (рус. «Я вооружился ради своей страны») [Official Australian Government information. <https://www.australia.gov.au>]; *Я сделал прививку от Covid-19. Советую и Вам!* [Официальный сайт Мэра Москвы. <https://www.mos.ru>]. Местоимение второго лица обозначает адресата, которого адресант вовлекает в диалог: *You need two doses for maximum protection* (рус. «Тебе нужны две дозы для лучшей защиты») [NHS England. <https://www.nhs.uk>]; *Я дома! А ты?* [Стопкоронавирус.РФ. <https://стопкоронавирус.рф>]. Местоимение первого лица множественного числа объединяет адресанта и адресата: *Вирус, который мы победим вместе!* [Стопкоронавирус.РФ. <https://стопкоронавирус.рф>], *We can do it! Our goal: 1 million COVID vaccines in January* (рус. «Мы можем сделать это! Наша цель:

1 миллион вакцинированных от коронавируса в январе») [NYC Health. <https://www1.nyc.gov>].

В слоганах социальной рекламы действует правило: при помощи минимума слов передать максимум информации. Компрессии языковых средств, наглядности информации способствуют числительные: *The vaccine reduces chances of hospitalization by 85%* (рус. «Вакцинация снижает шансы быть госпитализированным на 85%») [NHS England. <https://www.nhs.uk>]; *Сопротивление воздуха. Мы увеличили воздухообмен на 30%, чтобы снизить темпы распространения коронавируса* [Московский транспорт. <https://transport.mos.ru>].

Прилагательные, стоящие в сравнительной и превосходной степени, повышают мотивацию адресата вакцинироваться: *Добавьте тело в антитело. Лучшая защита – это вакцинация*; [Московский транспорт. <https://transport.mos.ru>]; *Getting vaccinated is the best way to protect yourself from COVID-19* (рус. «Вакцинация – лучший способ защитить себя от коронавируса») [NYC Health. <https://www1.nyc.gov>].

Синтаксические средства слоганов призваны привлечь внимание читателя, придать высказыванию динамичность и эмоциональность. В слоганах находят выражение восклицательные предложения: *Маски будут сброшены! Если мы все сделаем прививку!* [Стокоронавирус.РФ. <https://стопкоронавирус.рф>]; *Get vaccinated, save lives!* (рус. «Вакцинируйтесь, сохраните жизни») [Forum of International Respiratory Societies. <https://firsnet.org/>]. Вопросительные предложения вовлекают адресата в диалог с адресантом: *Готов сыграть в игру?* [Городской центр медицинской профилактики. <https://gcmp.ru>]; *Did your part?* (рус. «Внес свой вклад?») [AIDS Healthcare Foundation. <https://www.aidshealth.org>].

Часто встречается рифма – фонетическое средство, которое способствует эффективному запоминанию информации. Например: *Say it, don't spray it* (рус. «Скажи это, не распыляй») [International Vaccine Institute. <https://www.ivi.int>]; *Не сомневайся – прививайся* [Роспотребнадзор. <http://78.rospotrebnadzor.ru>].

В дискурсе социальной рекламы периода пандемии нередко используются тропы. В текстах некоммерческой рекламы высокой частотностью обладает олицетворение. Неодушевленные предметы и явления наделяются человеческими способностями. Создатель слогана *Coronavirus takes the train too* (рус. «Коронавирус тоже едет поездом») стремится напомнить о необходимости соблюдать меры предосторожности в общественном транспорте [NHS England. <https://www.nhs.uk>]. Для усиления производимого на читателя эффекта в русскоязычных слоганах также

используется олицетворение: *Вирус скидок не делает. Сделай прививку!* [Госуслуги. <https://uslugi.mosreg.ru>].

В англоязычном рекламном дискурсе для воздействия на широкую читательскую аудиторию применяется метонимия: *New York City is coming back strong with COVID-19 vaccines* (рус. «Нью-Йорк снова станет сильным с вакцинами от COVID-19»); *Vaccines are here, Minnesota. Brighter days are ahead* (рус. «Вакцина готова, Миннесота. Нас ждут светлые дни») [NYC Health. <https://www1.nyc.gov>; State of Minnesota. <https://mn.gov>]. В данных примерах метонимия строится по принципу «населенный пункт – жители», способствуя восприятию проблемы при помощи связи «общее – частное».

Гипербола побуждает читателя изменить свое отношение к явлению. Используя данный троп, создатель усугубляет проблему. Например: *Every 20 seconds is making a difference* (рус. «Каждые 20 секунд имеют значение») [NHS England. <https://www.nhs.uk>]. В тексте речь идет о необходимости качественно мыть руки; *Соблюдайте дистанцию. 2 метра спасают жизнь* [Стопкоронавирус.РФ. <https://стопкоронавирус.рф>].

В текстах социальной рекламы находят языковое выражение многочисленные фигуры речи. Так, анафора оказывает эффективное воздействие на адресата. Повтор слов, из которых состоит слоган, способствует лучшему запоминанию информации: *Останься дома, останься в безопасности; Coronavirus. Anyone can get it. Anyone can spread it* (рус. «Коронавирус. Любой может его подхватить. Любой может его передать») [Стопкоронавирус.РФ. <https://стопкоронавирус.рф/>; NHS England. <https://www.nhs.uk>].

В слоганах социальной рекламы используется градация – стилистическая фигура, основанная на том, что каждое последующее слово усиливает значение предыдущего: *Сделай правильный выбор! Защити себя, семью, Кузбасс!* [Минздрав Кузбасса. <https://ako.ru/>]. При помощи градации адресант демонстрирует масштаб проблемы и ее актуальность для всех членов общества.

Другое стилистическое средство, парцелляция, также оказывает языковое воздействие на адресата: *Предупредить. Защитить. Привить.* [Городской центр медицинской профилактики. <https://gcmpr.ru>]. Предложение становится более экспрессивным за счет превращения однородных членов предложения в самостоятельные предложения, несущие определенную смысловую нагрузку.

В слоганах употребляется игра слов: *Roses are red, COVID levels are too, vaccines will make you immune after shot number two* (рус. «Розы красные,

уровень заболеваемости коронавирусом тоже, вакцина сделает вас невосприимчивым, после второго укола поможет») [Harris County Public Health <https://www.staysmartdoyourpart.com>]. В примере обыгрывается значение прилагательного *red* (рус. «красный»). Словарное значение лексической единицы *red* раскрывается в сочетании *red roses* (рус. «красные розы»), переносное значение – в сочетании *red level* (рус. «красный уровень»). На плакате: *Не попадай под волну, используй маску* изображен серфер, покоряющий большую волну [Сайт администрации Санкт-Петербурга. www.gov.spb.ru]. Таким образом, употребляются разные значения единицы «волна»: прямое значение «водяной вал» и переносное значение «резкий рост заболеваемости».

Распространенное явление при создании текстов социальной рекламы – использование идиоматических выражений, фразеологии. *Take your best shot* (рус. «Покажи лучшее, на что ты способен») [Houston Health Department. <https://www.houstontx.gov>]. В данном примере автор слогана обращается к идиоматическому выражению “give something one’s best shot” (рус. «очень постараться что-либо сделать»). В слоганах русскоязычного дискурса заострить внимание читателей на проблеме помогают фразеологические единицы: *Вагон дел. Наши сотрудники дезинфицируют 100 % вагонов перед отправлением* [Московский транспорт. <https://transport.mos.ru>]. В этом примере адресат замечает видоизмененное устойчивое сочетание «вагон и маленькая тележка».

Нередко в слоганах встречаются паремии – пословицы и поговорки. Слоган *Один в поле воин* основан на пословице «Один в поле не воин» [Сайт администрации Санкт-Петербурга. www.gov.spb.ru]. Автор видоизменяет пословицу, показывая, что от усилий каждого человека зависит исход борьбы с вирусом. В тексте рекламы *For staying safe there’s no place like home* (рус. «Чтобы оставаться в безопасности, нет места лучше, чем дом») используется пословица “There’s no place like home” (рус. «В гостях хорошо, а дома лучше»), что напоминает читателям о важности самоизоляции в условиях распространения коронавируса [NHS England. <https://www.nhs.uk>]. Другим примером употребления пословицы может послужить слоган *A leopard can’t change its spots, but you can change your mind about the vaccine* (рус. «Леопард не может изменить свои пятна, но вы можете изменить свое мнение о вакцине») [NHS England. <https://www.nhs.uk>]. В слогане обыгрывается пословица “A leopard can’t change his spots” (рус. «Человек не может изменить свою природу»).

В текстах социальной рекламы используются аллюзии к известным социокультурным феноменам. Например: *We can do it! Our goal: 1 million COVID vaccines in January* (рус. «Мы можем сделать это! Наша цель: 1 миллион вакцинированных от коронавируса в январе») [NYC Health. <https://www1.nyc.gov>]. В примере присутствует реминисценция американского плаката времен Второй мировой войны “We can do it!”. Адресат обнаруживает отсылку к цитате из фильма А. Балабанова «Брат 2» в примере: *В чем сила, медбрат? – В вакцине!* [Московский транспорт. <https://transport.mos.ru>].

Языковые средства в текстах социальной рекламы часто дополнены психологическими приемами. Негативное отношение к проблеме формируется при помощи приема «апелляция к страху». Иногда составители слоганов пренебрегают речевой этикой для создания максимального эффекта: *We're sure it's good, but is grandma's pumpkin pie really to die for?* (рус. «Мы уверены, он хороший на вкус, но правда ли стоит умирать ради бабушкиного пирога?»); *I won't stop until you stop breathing* (рус. «Я не перестану, пока ты не перестанешь дышать»), – обращается коронавирус к пожилым жителям города Нью-Йорк [NHS England. <https://www.nhs.uk>; NYC Health. <https://www1.nyc.gov>]. Наоборот, для создания положительного отношения к явлению адресант апеллирует к авторитету. *Я сделал прививку, а вы?»*, – обращается В. Машков [Госуслуги. <https://uslugi.mosreg.ru>].

Таким образом, с дискурсивной точки зрения социальная реклама – активно развивающийся жанр. Согласно результатам исследования, создатели слоганов придают большое значение выбору языковых средств. Анализ морфологических средств слоганов показал, что для побуждения читателей к действию используются глаголы в форме императива. Различные функции приобретают местоимения: выражение экспертного мнения, обозначение адресата, сближение адресанта и адресата. Прилагательные используются для того, чтобы дать оценку описываемым явлениям. Компрессию языковых средств обеспечивают числительные. Средства экспрессивного синтаксиса вовлекают адресата в диалог и придают слогану динамичности. Фонетические средства способствуют фиксации информации в памяти адресата. Одни тропы усиливают производимый эффект рекламного сообщения, а другие позволяют адресанту сформулировать коллективное обращение ко всем членам общества. Для привлечения внимания читателей к проблеме создатели слоганов используют игру слов, фразеологические единицы, аллюзии.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Звада О. В., Кузнецова Л. В. К вопросу об особенностях дискурса социальной рекламы // Вестник ВУиТ. 2019. №1. С. 39 – 45.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Макеева М. Н. К вопросу о месте рекламы: стиль vs дискурс // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. №5. С. 48 – 54.
- Михайловская Е. С. Типологические характеристики рекламного дискурса (на материале рекламных статей). Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4–1. С. 152 – 156.
- Пейсахова Д. Э. Функции социальной рекламы в обществе // Хроноэкономика. 2020. №4 (25). С. 77 – 81.
- Черемисина Т. И. Лингвистические особенности англоязычной социальной рекламы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. №13 (752). С. 178 – 189.
- Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб.: Издательство СПбГУЭФ. 2001. С. 11 – 22.
- Юрьева Е. В. Слоган социальной рекламы как субжанр рекламного дискурса // вестник волгоградского государственного университета. Сер. 2: языкознание. 2016. Т. 15. №4. С. 114 – 121.
- Cook G. The Discourse of Advertising. L.: Routledge, 2001.
- Городской центр медицинской профилактики. ГЦМП. URL: <https://gcmr.ru> (дата обращения 12.03.2022).
- Госуслуги. URL: <https://uslugi.mosreg.ru> (дата обращения: 12.03.2022).
- Минздрав Кузбасса. URL: <https://ako.ru/> (дата обращения: 12.03.2022).
- Московский транспорт. URL: <https://transport.mos.ru> (дата обращения: 12.03.2022).
- Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru> (дата обращения: 12.03.2022).
- Роспотребнадзор. URL: <http://78.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 12.03.2022).
- Сайт администрации Санкт-Петербурга. URL: www.gov.spb.ru (дата обращения 12.03.2022).
- Стопкоронавирус.РФ. URL: <https://стопкоронавирус.рф/> (дата обращения: 12.03.2022).
- Harris County Public Health. URL: <https://www.staysmartdoyourpart.com> (дата обращения: 12.03.2022).
- Houston Health Department. URL: <https://www.houstontx.gov> (дата обращения: 12.03.2022).
- Forum of International Respiratory Societies. URL: <https://firsnet.org/> (дата обращения: 12.03.2022).
- International Vaccine Institute. URL: <https://www.ivi.int> (дата обращения: 12.03.2022).
- NHS England. URL: <https://www.nhs.uk> (дата обращения: 12.03.2022).
- NYC Health. URL: <https://www1.nyc.gov> (дата обращения 12.03.2022).
- Official Australian Government information. URL: <https://www.australia.gov.au> (дата обращения 12.03.2022).
- Veterans Coalition for Vaccination. URL: <https://teamrubiconusa.org/vcv> (дата обращения: 12.03.2022).

Davydova, K. A.

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

**A LINGUISTIC AND STYLISTIC STUDY OF ENGLISH AND RUSSIAN
PUBLIC SERVICE ADVERTISING (BASED ON THE PANDEMIC
PERIOD'S ENGLISH AND RUSSIAN DISCOURSE)**

The concept of “discourse” and public service advertising as a genre of advertising discourse are considered in the article. Linguistic and stylistic features of public service advertising slogans dedicated to COVID-19 are studied. Morphological, phonetic, syntactic features, tropes and figures of speech of English and Russian texts of non-commercial advertising are revealed. In the study the purposes of using language techniques in public service advertising are analyzed.

Advertising discourse, public service advertising, linguistic and stylistic features, communicative purpose

УДК 81'42

В. И. Торгашов

Волгоградский государственный университет,
vtorgashov@volsu.ru

**УПОТРЕБЛЕНИЕ СОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В ТЕКСТАХ
О НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ
В АМЕРИКАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ**

В статье рассматриваются случаи употребления сокращенных и сложносокращенных слов в текстах американских газет, посвященных коронавирусной проблематике, дается их классификация, определяются наиболее употребительные типы сокращений. Также анализируются неологизмы, созданные на их основе. Согласно результатам исследования, наиболее распространенным типом аббревиатур в текстах указанной тематики является инициализм.

Сокращенные слова, сложносокращенные слова, аббревиатуры, неологизмы, усечения, инициализмы, акронимы

Последнее время главные новости как на международном, так и на местном уровне связаны с распространением, последствиями и борьбой с новой коронавирусной инфекцией. Возникнув в Китае на рубеже

2019/2020 годов, новая инфекция распространилась по всему миру и переросла в пандемию. Это явление не могло не найти отражения во всех основных языках мира, так как язык, в силу своей основной функции – коммуникативной, призван отражать реалии действительности. Прежде всего, это явление сказалось на лексической системе языка. Наряду с уже имеющиеся в языке аббревиатурами, в текстах, освещающих результаты распространения коронавируса и борьбы с ним, широко используются неологизмы.

В своей работе мы попытаемся выявить случаи употребления таких лексических единиц, классифицировать их в зависимости от типа сокращения и определить наиболее распространенные типы сокращений. Источником материала исследования послужили тексты о пандемии, вызванной распространением коронавируса, опубликованные в центральных и местных американских печатных изданиях общественно-политической направленности. Было проанализировано около 120 газетных статей. Для отбора примеров использовался метод сплошной выборки, с дальнейшим исключением лексических единиц, не относящихся непосредственно к области описания болезни, организации лечения и профилактики. В ходе исследования также были задействованы следующие методы: семантический анализ, контекстуальный анализ и элементы количественного анализа.

Традиционно сокращенные слова (*abbreviations*) в английском языке делятся на простые сокращения, или усечения (*clippings*), и сложносокращенные слова, или слияния (*blends*). Также выделяются аббревиатуры, образованные из начальных букв словосочетания (*initialisms*). Последние, в свою очередь, принято подразделять на акронимы (*acronyms*), произносимые как отдельное слово, и алфаветизмы (*alphabetisms*), которые произносятся как последовательность отдельных букв. Они также относятся к сложносокращенным словам. [Арнольд, с. 187 – 191; Ljung, с. 153 – 164].

После выявления новой коронавирусной инфекции в прессе появилось большое количество материалов, посвященных различным сторонам этого явления: быстрому распространению, тяжести протекания заболевания, высокой смертности, профилактическим мерам, диагностированию и лечению, разработке вакцин против коронавируса, вакцинированию населения. Для того чтобы рассказать читателю о ситуации с пандемией, журналистам приходится использовать базовую терминологию, связанную с острыми инфекционными заболеваниями нижних дыхательных путей.

Наиболее распространенным термином для обозначения непрекращающейся пандемии является неологизм *COVID*, представляющий собой сложносокращенное слово, которое расшифровывается следующим

образом: *Coronavirus disease* – «коронавирусная инфекция» (заболевание). При образовании этого акронима использованы начальные буквы латинских основ *corona* и *virus*, входящих в состав сложного слова.

Обычно термин COVID употребляется вместе с числительным 19, которое, в свою очередь, представляет собой сокращенную форму написания числительного 2019, указывающего на год возникновения инфекции. Встречаются различные варианты написания этого термина. Как правило, отдельное издание придерживается какой-либо одной формы. Так, в большинстве газет и журналов употребляется вариант со всеми прописными буквами: *Granger tests positive for COVID-19* «У Грэнджера положительный тест на ковид» [Munoz, с. A2]. В нескольких изданиях принята орфографическая форма, начинающаяся с заглавной буквы: *Crush of Covid-19 Patients Strains U.S. Hospitals* «Американские больницы переполнены пациентами с ковид-19» [Evans, с. A1]. И последний вариант, представленный исключительно в газете “The Washington Post”, предполагает написание этого термина со строчной буквы, т. е. как обычного нарицательного имени существительного: *Some patients acquire covid-19 in hospitals* «Несколько пациентов заразились ковидом-19 в больницах» [Jain, с. E2].

В заголовке статьи *Eric: Free COV pills available* «Эрик (Адамс, мэр Нью-Йорка): доступны бесплатные лекарства против ковида», опубликованной в газете “The New York Post”, встречается сокращение COV. Очевидно, оно представляет собой усеченную форму акронима COVID-19, поскольку в тексте используется полная форма в той же синтаксической функции: *New York City will offer free, same-day home delivery of COVID-19 antiviral medications* «Власти Нью-Йорка предлагают бесплатные противовирусные препараты против ковида с доставкой на дом в день обращения» [Roberts с. 15].

Термин *coronavirus* известен медицинской науке около 70 лет, и существует традиционная форма его сокращенного написания – *CoV*. [Webb, 2016, с. 91]. Именно это сокращение первоначально было использовано для обозначения нового вируса: 2019-nCoV, где *n* расшифровывается как *novel* «новый» и указывает на новизну варианта вируса: *In magnitude, scale and velocity, this coronavirus, known as 2019-nCoV, is too big a problem for any one team to solve* «Принимая во внимание тяжесть протекания заболевания, скорость распространения, этот коронавирус, известный как 2019-nCoV, представляет проблему для решения какой-то отдельной группы ученых» [Leung, с. 1]. Этот вариант использовался только в течение короткого периода

на начальном этапе распространения коронавируса и впоследствии был вытеснен другим термином.

В книге «Общество и пандемия. Опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России» приводится хронология событий, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции и дата 7 января 2020 года отмечена следующим событием: «Китайские ученые установили возбудителя болезни – коронавирус 2019-nCoV» [May, 2020, с. 15].

В природе существует несколько сотен коронавирусов и только семь могут вызвать инфекцию у людей, причем четыре из них заканчиваются обычной простудой, а оставшиеся три приводят к таким заболеваниям как SARS, MERS и COVID-19 [Heather, 2020, с. 285]. Первые две аббревиатуры переводятся на русский язык как «тяжёлый острый респираторный синдром» и «ближневосточный респираторный синдром» (*Middle-East respiratory syndrome*). Первый случай тяжёлого острого респираторного синдрома был вызван вирусом SARS-CoV и выявлен в Китае в 2002 году. Так как КОВИД является разновидностью тяжёлого острого респираторного синдрома, то вызывающий его вирус, получил порядковый номер 2.

Несмотря на то, что в некоторых источниках утверждается факт использования нескольких наименований и устойчивых аббревиатур этого вируса: *2019 Novel Coronavirus*, *2019-nCoV*, *SARS-CoV-2*, *Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2* [Мизинцева, 2020, с. 8], анализ публицистических текстов выявил многократное превышения употребления термина *SARS-CoV-2* по сравнению как с полным названием вируса, так и с первоначальным вариантом *2019-nCoV*. В 2012 году в Саудовской Аравии была зафиксирована первая вспышка Ближневосточного респираторного синдрома, причиной которого стал вирус MERS-CoV [Heather, 2020, с. 290].

Аббревиатуры, обозначающие предыдущие версии респираторного синдрома упоминаются в материале газеты “The Los Angeles Times”. Обсуждая возможные средства лечения ковида, автор статьи отсылает читателя к опыту борьбы с острым респираторным заболеванием и упоминает существующий лекарственный препарат Chloroquine «Хлорохин»: “It’s been shown to be effective against viral infections such as severe acute respiratory syndrome (SARS) and Middle East respiratory syndrome (MERS)” «Препарат показал эффективность при лечении острого респираторного синдрома (SARS) и ближневосточного респираторного синдрома (MERS)». [Khan, с. A2]

В Южно-Африканской Республике в ноябре 2021 впервые идентифицировали штамм коронавируса, получившего название 15-ой буквы греческого алфавита, омикрон. В большей части газет и журналов

употребляется полное написание этого термина с заглавной буквы: *How did Omicron variant originate?* «Откуда появился омикрон?» [Healy, с. А1]. Однако в некоторых изданиях встречается вариант, начинающийся со строчной буквы: *California reported the first omicron case in the U.S.* «В Калифорнии сообщили о первом случае заражения омикроном» [Howell, с. А3]. В заголовке издания “The New York Post” нами было зафиксировано использование усеченной формы названия этого варианта инфекции: *THE WINTER OF ‘OM’ DISCONTENT* «Зима и омикрон вызывают недовольство» [Hicks с. 4].

В дни, когда количество выявленных случаев заболевания Омикроном в США превышало миллион в сутки, на первой полосе этого же номера газеты выделялся крупный заголовок, состоящий из одного слова и передающий всю тяжесть ситуации: *OMICRUSH* (Ibid.). Данная новая языковая единица представляет собой результат такого способа словообразования, как блендинг, состоящая из части одной лексемы и полного слова: *Omicron* + *crush*, последнее переводится как «разрушение, сокрушительный удар».

В начале 2022 года появились первые сообщения из Израиля о выявленных случаях одновременного заражения гриппом и коронавирусом. Для обозначения этого явления в СМИ стал использоваться термин *flurona*, представляющий собой сложносокращенное слово, образованное путем слияния конечно-начального усечения (синкопа) *-flu-* от *influenza* – «грипп» и начальным усечением (аферезис) *-rona* первого элемента сложного слова *coronavirus*: *Last week Israel confirmed its first case of ‘flurona,’ in an unvaccinated woman* «На прошлой неделе в Израиле подтвердили первый случай *флуроны* у невакцинированной женщины» [Nierenberg, с. 4].

Как известно, самым надежным профилактическим средством от инфекции является массовая вакцинация населения. Тем не менее, во многих странах эта тема стала яблоком раздора и привела к разделению обществ на сторонников вакцинации и ее противников, со множеством демонстраций и других протестных акций. Отсюда вполне понятен интерес публицистов к этой проблеме. В своих текстах они часто прибегают к усеченному термину *vax/vaxx* от *vaccine* «вакцина», *vaccination* «вакцинация» или *vaccinate* «вакцинироваться». В зависимости от формы и контекста сокращение в предложении может выполнять функцию подлежащего/дополнения, сказуемого или определения: *1 in 4 won’t get vax: poll* «Опрос показал, что четверть респондентов не будут вакцинироваться» [Campanile, с. 8]. *Not that I felt unsafe on my flight. I was vaxxed and masked* «Не то, чтобы я не чувствовал себя в безопасности. Я вакцинировался и был в маске» [Kelly, с. А16]. *New York City has administered more than 5.9 million*

coronavirus vax doses «В Нью-Йорке использовали более 5,9 миллиона доз вакцины» [Musumeci, с. 5].

Данная усеченная форма оказалась очень продуктивной с точки зрения словообразования. На ее основе появилась такая производная, как *vaxxer*. Результаты проведенного исследования говорят о том, что эта лексема употребляется только с приставкой *anti-*: *Anti-vaxxers should not expect compassion if they fall ill* «Антиваксеры не должны рассчитывать на сострадание, если они заразятся» [Tomlinson, с. B6]. В следующих двух примерах вновь образованные лексемы, несмотря на структурные различия, имеют одно и то же значение – «паспорт вакцинации»: *Soon, Chicago plans to offer a vaccination passport, or Vax Pass* «Чикаго планирует ввести паспорта вакцинации» [Glanton, с. D2]. *Buttigieg: No 'vax-port' law* «Буттиджич заявил о том, что не планируется принимать закон о введении паспортов вакцинации» [Meyer, с. 6].

Для того чтобы охватить большую часть населения, в торговых центрах и других общественных местах стали открываться *vax sites* – «пункты вакцинации»: *It might be wise to laminate that CDC card you get when leaving the vax site* «Сертификат, полученный в пункте вакцинации лучше заламинировать» [Peterson, с. D6]. Разработчики противокоронавирусных препаратов охотно используют это сокращение в названиях своих продуктов: *Covax*, *Novavax*. Неудивительно, что компания “Oxford Languages”, занимающаяся изданием “Oxford English Dictionary”, выбрала *vax* словом 2021 года: “*Vax*” is Oxford’s 2021 word of the year [Schuessler, с. 6].

В текстах американских печатных СМИ, посвященных пандемии, часто встречаются сокращенные слова, обозначающие названия организаций, которые принимают участие в борьбе с ее распространением. Среди аббревиатур международных организаций чаще всего встречаются *UN* – «Организация Объединенных Наций», *WHO* – «Всемирная организация здравоохранения», *UNICEF* – «Детский фонд ООН». На национальном уровне вопросами пандемии занимаются следующие организации, название которых в газетных статьях представлено сокращенной формой: *CDC* (*Centers for Disease Control*) «центры по контролю заболеваний», *FDA* (*Food and Drug Administration*) «Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов», *EPA* (*The U.S. Environmental Protection Agency*) «Агентство по охране окружающей среды США», *NIH* (*National Institutes of Health*) «Национальные институты здоровья». Ряд американских университетов также представлен аббревиатурой: *UCLA* (*The University of California, Los Angeles*) «Калифорнийский университет, Лос-Анджелес»,

NYU (*New York University*) «Нью-Йоркский университет», UP (*The University of Pittsburgh*) «Питтсбургский университет», UW (*The University of Washington*) «Вашингтонский университет», и др.

Как видно из приведенных примеров, в текстах, посвященных коронавирусной инфекции, употребляется большое количество сокращенных слов. Большая их часть представлена инициализмами. Но наиболее яркой стилистической окраской обладают усечения, например, *vax*, усеченная форма акронима *COV*, и бленды, такие как *flurona* и *omicrush*. Несмотря на то, что ряд аббревиатур представляет собой окказионализмы, какой-то процент из них уже стал частью общей лексики, причем некоторые сокращения способны к дальнейшему словопроизводству.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта, 2012.
- Мизинцева М. Ф. Пандемия COVID-19. Биология и экономика. Специальный выпуск: информационно-аналитический сборник. М.: Издательство Перо, 2020. – 110 с.
- May В. А. Общество и пандемия. Опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. М: ИПК Парето-Принт, 2020.
- Campanile С. 1 in 4 won't get *vax*: poll // *The New York Post*, 04.02.2021.
- Evans M. Crush of Covid-19 Patients Strains U.S. Hospitals // *The Wall Street Journal*, 04.01.2021.
- Glanton D. Let's pay people to get covid vaccine if that's what it takes // *The Daily Gazette*, 16.05.2021.
- Healy M. How did Omicron variant originate? // *The Los Angeles Times*, 03.12.2021.
- Heather E. Plagues, Pandemics and Viruses: From the Plague of Athens to Covid-19. Canton, MI: Visible Ink Press, 2020.
- Hicks N. The winter of 'Om' discontent // *The New York Post*, 04.01.2022.
- Howell T. Biden vows no more virus lockdowns or mandates // *The Washington Times*, 12.03.2021.
- Jain M. Some patients acquire covid-19 in hospitals // *The Washington Post*, 05.01.2021.
- Kelly J. Strangers on a plane: Vaxxed and masked, I recently rejoined humanity // *The Washington Post*, 24.05.2021.
- Khan A. A look at existing drugs // *The Los Angeles Times*, 24.03.2020.
- Leung G. Coronavirus and the big question // *The New York Times*, 12.02.2020.
- Ljung M. Making Words in English. Lund, Sweden: Studentlitteratur, 2003.
- Meyer D. Buttigieg: No 'vax-port' law // *The New York Post*, 12.04.2021.
- Munoz G. Granger tests positive for COVID-19 // *The Washington Times*, 05.01.2021.
- Musumeci N. Your shot at unmasking // *The New York Post*, 23.04.2021.
- Nierenberg A. Can You Get the Flu and Covid at the Same Time? // *The New York Times*, 07.01.2022
- Peterson B. Protection Doesn't Make Perfect // *The Wall Street Journal*, 20.03.2021.
- Roberts G. Eric: Free COV pills available // *The New York Post*, 31.01.2022.
- Schuessler J. Oxford's 2021 Word of the Year Is a Shot in the Arm // *The New York Times*, 31.10.2021.
- Tomlinson C. Time to bounce back from COVID-19//*The Houston Chronicle*, 17. 05.2021.
- Webb S. Dorland's Dictionary of Medical Acronyms and Abbreviations. Philadelphia: Elsevier, 2016.

Torgashov, V. I.

Volgograd State University

ABBREVIATIONS IN THE NEW CORONAVIRUS DISEASE TEXTS IN US PRINT MASS MEDIA

The work deals with the use of shortenings, blends and initialisms in American newspaper articles covering the coronavirus pandemic situation. The abbreviations are classified, the most common types are determined and neologisms formed on their base are analyzed. Initialisms are the most common type of abbreviations among those in focus.

Shortenings, blends, abbreviations, neologisms, clipped form, initialisms, acronyms

УДК 811.133.1

А. О. Фатуллаева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
fatullaev_a16.09@mail.ru*

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК ЭПОХИ ПАНДЕМИИ COVID-19: НЕОЛОГИЗМЫ, НОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ

Статья посвящена исследованию развития лексического состава французского языка в период пандемии Covid-19. Приводятся франкоязычные эквиваленты некоторых лексем английского языка дискурса пандемии, рассматриваются новые значения лексических единиц французского языка. Особое внимание уделено неологизмам, передающим восприятие пандемии французами, и способам их образования. Результаты исследования подтверждают теоретические положения о развитии языка и влиянии социальных факторов на становление лексической системы. Данное влияние выражено полисемией, возникшей вследствие переосмысления лексических значений в эпоху Covid-19, и формированием языковых единиц, передающих реалии пандемии в процессе коммуникации.

Развитие языка, лексический уровень, реалии периода пандемии, неологизмы, полисемия

Вопросы закономерностей и направлений развития уровней языковой системы интересовали исследователей на протяжении всей истории языкознания. Швейцарский лингвист Шарль Балли отмечал, что язык функционирует в той мере, в которой он не изменится, но при этом в каждую определённую эпоху он меняется непрерывно [Балли, 1955, с. 32].

С течением времени и под влиянием, прежде всего, исторических факторов происходят грамматические и фонетические изменения в системе языка. Однако наиболее динамичным и подверженным изменениям языковым уровнем является лексический. Процесс развития лексики неотделим от процесса её исторического совершенствования при условии развития культуры, говорящей на данном языке [Будагов, 2004, с. 64].

Не существует единого мнения относительно характера лексических изменений. Ф. де Соссюр считал, что изменения, происходящие в лексике, имеют случайный характер и поэтому не вызывают особого интереса у учёного, стремящегося понять правила и законы существования лексической системы [Соссюр, 1933, с. 98].

В то же время язык – социальное явление. Развитие лексической системы отражает не только состояние общества, но и состояние его сознания и мышления в целом. Перемены в социальной жизни оказывают непосредственное влияние на лексический состав языка. А. Франс афористично утверждал, что «словарь – это целый мир, расположенный в алфавитном порядке» [Франс, 1931, с. 362]. Процесс познания новых явлений и предметов выражается в необходимости их номинации и, как следствие, приводит к формированию новых значений лексических единиц.

Новые знания о мире и явлениях действительности могут фиксироваться и в форме неологизмов, процесс формирования которых является следствием современных социально-экономических реалий, открытий и достижений в различных сферах общественной жизни. Развитие лексической системы обусловлено более высокой степенью экстралингвистической детерминированности, что является одной из ключевых особенностей данного языкового уровня.

В каждом языке заложены потенциальные возможности к реализации и воплощению смыслов [Будагов, 2004, с. 87]. Язык стремится задействовать данные возможности и осуществлять коммуникацию, используя собственные лингвистические средства.

В большинстве случаев оценка уровня развития языка сводится к внешним показателям: частоте употребления лексем, количеству слов. Однако количество определённых языковых единиц не всегда служит признаком изобилия языковых средств: оно может являться не только результатом его богатства, но и бедности, свидетельствовать о неупорядоченности языка. Для грамотной оценки следует изучать функциональное употребление слов и словосочетаний [Будагов, 2004, с. 18].

В настоящее время наблюдается широкое влияние экстралингвистических факторов на развитие словарного состава языков, в частности, французского. Результат данного влияния проявляется в регулярных изданиях статей, словарей, отражающих лексические изменения нового времени. Актуальность подобных исследований заключается в необходимости анализа современного состояния языка, фиксирования и толкования новых лексем.

Одним из значимых явлений, оказавших сильное воздействие на формирование новых языковых единиц, а также развитие полисемии некоторых слов, является период пандемии Covid-19. Реалии современной жизни нашли своё отражение во всех языках вследствие необходимости в языковом выражении явлений, ставших частью повседневной жизни. Анализ новых лексем, вошедших в тот или иной язык, может способствовать выявлению восприятия и отношения культуры к периоду пандемии.

В рамках данной статьи будут рассмотрены некоторые неологизмы французского языка, возникшие в результате потребности в номинации явлений периода Covid-19. Также будет произведён анализ взаимодействия французского и английского языков: будут выявлены франкоязычные эквиваленты наиболее распространённых англоязычных лексем, связанных с передачей реалий пандемии. Отдельно будет рассмотрено явление развития полисемии языковых единиц, получивших широкое распространение в контексте пандемии вследствие приобретения новых значений.

При проведении исследования были задействованы следующие методы: метод сплошной выборки при подборе статей, метод непосредственно составляющих при рассмотрении словообразовательных моделей неологизмов, дефиниционный метод для определения значения лексических единиц. Также задействован описательный метод при сборе исследуемого материала и его последующем изложении. Объем исследованного материала составил восемь единиц и представлен онлайн-изданиями франкоязычной прессы, а также официальными интернет-порталами государственных учреждений Франции.

Материалом для исследования послужила информация, предоставленная министерством культуры Франции и Французской академией и публикации франкоязычных СМИ, посвящённые развитию лексического состава французского языка под влиянием Covid-19, а также заголовки статей, содержащие примеры некоторых неологизмов и анализируемых слов.

Прежде всего, особый интерес представляет определение категории рода лексемы Covid во французском языке. Согласно Французской академии, данная лексическая единица является акронимом от словосочетания *corona*

virus disease. В структуре акронимов, как и аббревиатур в целом, выделяют главное слово, определяющее род понятия. Во французском языке эквивалентом лексемы *disease* является *maladie* (женский род). Соответственно, явление Covid имеет следующую дефиницию: *maladie provoquée par le corona virus* «заболевание, вызванное коронавирусом». Данное определение даёт право на использование артикля женского рода: *la Covid*. В свою очередь, наличие категории мужского рода *le Covid* может быть обусловлено следующим обстоятельством: в начальный период пандемии в основном речь шла о вирусе (*coronavirus*), что впоследствии привело к написанию *le Covid*, поскольку лексема *virus* принадлежит к категории мужского рода [Le covid 19 ou La covid 19, www.academie-francaise.fr]. Несмотря на то, что Французская академия настаивает на использовании категории женского рода, на сайте Министерства солидарности и здравоохранения Франции, как и в статьях СМИ, встречаются оба варианта написания.

Ввиду глобального характера пандемии её период был отмечен влиянием английского языка. Поль де Синети (Paul de Sinety), представитель Министерства культуры Франции по продвижению французского языка, утверждает, что кризис пандемии привёл к появлению новых медицинских понятий, представленных в форме англицизмов, которые должны иметь объяснение во французском языке [Coronavirus, les mots pour le dire, www.culture.gouv.fr].

С началом пандемии одной из первых появилась потребность в выражении очагов распространения Covid-19, вследствие чего в английском и французском языках наблюдаются разные варианты для передачи данного значения в результате различий в семантике лексем языков разных языковых групп.

Франк Ристер (Franck Riester), бывший министр культуры Франции, в своей публикации в одной из социальных сетей отметил, что для англоязычной лексемы *cluster*, имеющей значение «очаг», существует эквивалент *foyer* во французском: *En cette période de confinement, n'oublions pas que « cluster » se dit tout simplement « foyer » en français* «В период самоизоляции давайте не забывать, что для слова *cluster* во французском языке существует эквивалент – *foyer*» [Coronavirus, les mots pour le dire, www.culture.gouv.fr]. Причина данного разграничения заключается в следующем: *cluster* во французском языке ассоциируется со словом *cloître* «монастырь», что может привести к искажению смысла.

Другим примером влияния английского языка может являться лексема *coping*, имеющая в словаре Larousse следующую дефиницию: *En psychologie,*

stratégie développée par l'individu pour faire face au stress «В психологии – стратегия, разработанная человеком для борьбы со стрессом» [Larousse, www.larousse.fr]. Согласно Комиссии по обогащению французского языка, данное слово является англицизмом, который получил распространение во французском языке в области здравоохранения и психологии. Однако существует и его эквивалент: *faire face* «противостоять, не поддаваться». Пример функционирования данного эквивалента в предложении на примере заголовка статьи “Le Monde”: «*Santé psychologique au travail et Covid-19*»: *des pistes pour faire face au bouleversement de la vie professionnelle* «Психологическое здоровье на рабочем месте и Covid-19»: пути к преодолению потрясений в трудовой жизни» [Le Monde, www.lemonde.fr].

В связи с высоким уровнем распространения заболевания, особый интерес представляет идея отслеживания заражённых и способы ее передачи на анализируемые языки. Так, в английском языке данная идея представлена лексемой *tracking*. Однако представители Комиссии по вопросам обогащения французского языка заявляют, что данная единица не передаёт в полной мере заложенного в ней значения, поскольку отслеживание может быть связано с географическим местоположением человека, определяемым мобильным устройством: в данном случае задействуется термин *géolocalisation* «геолокация». Для замены данных единиц во французском существуют такие словосочетания, как *reconstitution de route* или *reconstitution de trajectoire* «воссоздание маршрута» [Coronavirus, les mots pour le dire, www.culture.gouv.fr].

В результате влияния различных событий на систему языка нередко происходит процесс перехода от конкретного значения слов к фигуральным и наоборот. Данное явление может быть обусловлено зависимостью значений от практических целей, то есть прагматики коммуникации на том или ином этапе развития культуры общества, следствием которой является проявление семантической деривации. Новые контексты употребления слов приводят к переосмыслению их значения. Однако стоит отметить, что в современных развитых литературных языках различные значения полисемантического слова, как правило, прямо или косвенно связаны между собой [Будагов, 2004, с. 83].

Так, прилагательное *aéroporté*, связанное во французском языке с воздушно-десантными войсками, стало встречаться в сочетании *virus aéroporté*, то есть «вирус, передающийся воздушно-капельным путём». Также глагол *se masquer* «маскироваться», получил новое значение «носить маску, быть в маске» [Coronavirus, les mots pour le dire, www.culture.gouv.fr].

В дискурсе пандемии Covid-19 широкое распространение получила лексема *confinement*, изначально имевшая специализированное медицинское

значение: «запрет больному, инфицированному какой-либо болезнью, выходить из дома» и юридическое: «заточение в одиночной камере». В период пандемии данная единица используется в новом толковании: «режим самоизоляции, самоизоляция во избежание заражения коронавирусом». Массовое употребление является причиной возникновения множества вариантов-дериватов, образованных путем префиксации: *déconfinement* «выход из режима самоизоляции», *reconfinement* «повторная самоизоляция». Следует отметить, что если слово *confinement* уже существовало и приобрело новое значение, то *déconfinement* и *reconfinement* являются неологизмами [Les traces de la pandémie... dans nos dictionnaires, www.lapresse.ca].

Неологизмы, в свою очередь, употребляются в заголовках статей: во многом их появление обусловлено публикациями в СМИ, которые вынуждены приспосабливаться к новым социальным реалиям и привлекать внимание аудитории, при этом создавая и в то же время отражая языковые нововведения. При рассмотрении публикаций франкоязычной прессы, содержащих в названии заголовков неологизмы, было отмечено, что в основном они делятся на две группы и передают явления, связанные непосредственно с заболеванием, или же отражают социальную действительность и способы приспособления к ней. Особый интерес также представляют способы формирования новых лексем, при которых задействуются словообразовательные ресурсы языка с целью передачи новых идей и понятий.

Так, период 14-дневного карантина был отмечен появлением неологизма *quatorzaine*, образованного путём добавления к числительному *quatorze* суффикса *-aine* (*quatorze* + *aine*): *Covid-19 : le gouvernement envisage de réduire la durée de la quatorzaine* «Covid-19: правительство планирует сократить продолжительность двухнедельного карантина» [Le JDD, www.lejdd.fr].

Идея создания специальных велосипедных дорожек с целью соблюдения социальной дистанции и предотвращения распространения эпидемии Covid-19 нашла отражение в термине *coronapiste*, являющимся блендом, результатом словослияния двух лексем (*coronavirus* + *piste*): *Coronavirus : à Reims, des "coronapistes" à l'étude pour les cyclistes* «Коронавирус: в Реймсе разрабатываются специальные дорожки для велосипедистов» [France Info, www.france3-regions.francetvinfo.fr].

Также в статье газеты “Le Monde” были отмечены некоторые неологизмы, ставшие неотъемлемой частью коммуникации и отражающие восприятие французами течения повседневной жизни во время пандемии.

Режим вынужденной самоизоляции (*confinement*) привел к появлению неологизма *lundimanche*, передающего идею сменяемости ничем не отличающихся друг от друга дней. Данный неологизм является результатом телескопии от слов *lundi* «понедельник» и *dimanche* «воскресенье» (*lundi + dimanche*) и имеет синоним *confinimanche* (*confinement + dimanche*). Следствием данной обыденности может являться *covidéprimer* (*covid + déprimer*) «состояние депрессии во время самоизоляции» [«Lundimanche», «arêue», «coronabdos»... les nouveaux mots du confinement, www.lemonde.fr].

Таким образом, полученные результаты подтверждают теоретические положения о непрерывном изменении языка и влиянии социальных факторов, прежде всего, на лексический уровень. Эпоха пандемии, имеющая поистине мировой масштаб, оказала существенное влияние на все социальные сферы, в том числе и на развитие языка. Изменения в привычном порядке жизни нашли отражение в развитии полисемии лексем, ранее имевших специализированное употребление и получивших широкое распространение вследствие их переосмысления под влиянием Covid-19. Потребность в номинации новых явлений и реалий повседневной жизни выразилась в создании неологизмов, при формировании которых были задействованы различные словообразовательные способы: аффиксация, блендинг, телескопия. Стремление носителей французского языка обозначать явления с помощью собственных языковых средств проявляется в создании эквивалентов для наиболее распространённых англоязычных понятий дискурса пандемии.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
- Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Изд-во Добросвет-2000, 2004.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Изд-во Соцэкгиз, 1933.
- Франс А. Полн. собр. соч. Т. XX. М.; Л., 1931.
- Le covid 19 ou La covid 19. – URL: <https://www.academie-francaise.fr/le-covid-19-ou-la-covid-19> (дата обращения: 03.03.2022).
- Coronavirus, les mots pour le dire. URL: <https://www.culture.gouv.fr/Actualites/Coronavirus-les-mots-pour-le-dire> (дата обращения: 05.03.2022).
- Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/coping/19114> (дата обращения: 07.03.2022).
- « Santé psychologique au travail et Covid-19 » : des pistes pour faire face au bouleversement de la vie professionnelle. URL: https://www.lemonde.fr/emploi/article/2022/02/24/sante-psychologique-au-travail-et-covid-19-des-pistes-pour-faire-face-au-bouleversement-de-la-vie-professionnelle_6115019_1698637.html (дата обращения: 10.03.2022).

- Les traces de la pandémie... dans nos dictionnaires. URL: <https://www.lapresse.ca/societe/2021-05-12/les-traces-de-la-pandemie-dans-nos-dictionnaires.php> (дата обращения: 12.03.2022).
- Covid-19 : le gouvernement envisage de réduire la durée de la quatorzaine. – URL: <https://www.lejdd.fr/Societe/covid-19-le-gouvernement-envisage-de-reduire-la-duree-de-la-quatorzaine-3989947> (дата обращения: 12.03.2022).
- Coronavirus : à Reims, des "coronapistes" à l'étude pour les cyclistes. URL: <https://france3-regions.francetvinfo.fr/grand-est/marne/reims/coronavirus-reims-coronapistes-etude-cyclistes-1822292.html> (дата обращения: 13.03.2022).
- « Lundimanche », « apérue », « coronabdos »... les nouveaux mots du confinement. – URL: https://www.lemonde.fr/mperso/article/2020/04/27/lundimanche-aperue-coronabdos-les-nouveaux-mots-du-confinement_6037915_4497916.html (дата обращения: 15.03.2022).

Fatullaeva, A. O

Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»

FRENCH LANGUAGE OF THE COVID-19 PANDEMIC: NEOLOGISMS AND NEW MEANINGS

The article is devoted to the study of the French lexical composition development during the Covid-19 pandemic. The French-language equivalents of some English lexemes are given, new meanings of lexical units of the French language are considered. Special attention is paid to the neologisms that describe the perception of the pandemic by the French, the ways of their formation are described. The results confirm the theoretical provisions on the development of the language and the influence of social factors on the lexical system formation. This influence is expressed by polysemy, which is regarded as a result of the rethinking of lexical meanings in the era of Covid-19, and the formation of linguistic units that convey the realities of the pandemic in the process of communication.

Language development, lexical level, realities of the pandemic period, neologisms, polysemy

**Материалы
Одиннадцатой межвузовской научно-практической конференции
с международным участием «Актуальные проблемы языкознания»**

Санкт-Петербург, 18-19 апреля 2022 года

Редколлегия:

Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Курганская Е.В., Малышева В. Н., Рамантова О. В.,
Степанова Н. В., Тихонова Е. С., Ульяницкая Л. А., Флакман М. А., Шумков А. А.

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать _____. Формат 60*84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 3.

Тираж _____ экз. Заказ _____.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5

